

**НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ:
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RUSSIAN JOURNAL
OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

Научный журнал

Том 17 № 2 ■ 2023 ■ Vol. 17 No. 2

Учредитель:

Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия»
Издается с декабря 2007 г. Выходит четыре раза в год.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Включен в Базу данных ВИНТИ РАН, ежегодно подающую сведения в мировую справочную систему по периодическим изданиям «Ulrich's Periodicals Directory» о реферировании журнала в Реферативном журнале ВИНТИ РАН.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00557 от 03.04.2017 выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Омской области.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 43161.

Ссылки на журнал при цитировании обязательны.

Цена свободная.

Главный редактор: А. Э. Еремеев
доктор филологических наук, профессор
Выпускающий редактор: О. В. Попова,
кандидат филологических наук, доцент
Редактор, ответственный секретарь: Т. М. Днепроvская
Редактор, корректор: Д. К. Сaitмамeтoвa
Компьютерная верстка: Т. М. Днепроvская

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.

Founder:

Private Establishment an Educational Institution of Higher Education "Omsk Humanitarian Academy"

First published: December 2007. Publication timeframe: 4 times per year

The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index.

The journal is indexed in the List of Russian peer-reviewed scientific journals where the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences should be published.

It is included in the VINITI Database RAS; the database annually submits information to "Ulrich's Periodicals Directory" that the journal is regularly reviewed in the VINITI RAS reference journal.

The registration certificate PI No. TU55-00557 dated 03/04/2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in Omsk Region.

Subscription index in the "Russian Print Media" catalog 43161.

If you cite the journal, reference it correctly.

Free market price.

Chief Editor: A. E. Eremeev,
Doctor of Philology, Professor
Managing editor: O. V. Popova
Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor
Editor, executive secretary: T. M. Dneprovskaya
Editor, Proof-reader: D. K. Saitmametova
Desktop Publishing: T. M. Dneprovskaya

Manuscripts are subjected to the editorial processing. The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.

ISSN 1998-5320 DOI 10.57015/issn1998-5320

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Адрес редакции и издателя: 644105, Омская область, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

Тел./факс 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omg.a.su>

Подписано в печать 23.06.2023. Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 22,15.

Печ. л. 31,25.

Дата выхода в свет 30.06.2023.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1-100). Заказ № 72.

Полиграфический центр издательства ОмГА.

644105, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а

© Омская гуманитарная академия, 2023

The cover is designed with a photograph of Calliope, a sculpture by Augustin Pageout (c. 1763).

Editorial office and publishing house address: 644105, Omsk region, Omsk, st. 4th Chelyuskintsev, 2a.

Tel./fax 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omg.a.su>

Passed for printing 06/23/2023. Format 60×84/8. Published page(s) 22.15. Printer's sheets 31.25.

Release date 06/30/2023.

Printing is 500 copies. (1st plant 1-100). Order No. 72.

Printing Center of OmHA Publishing House.

644105, Omsk, st. 4th Chelyuskintsev, 2a.

© Omsk Humanitarian Academy, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Еремеев Александр Эммануилович, д-р филол. наук, профессор, ректор Омской гуманитарной академии (Омск, Россия)

Заместители главного редактора

Иссерс Оксана Сергеевна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Лопанова Елена Валентиновна, д-р пед. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Патласов Олег Юрьевич, д-р экон. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Члены редколлегии

Акелькина Елена Алексеевна, д-р филол. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Аленько Светлана Николаевна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Беляев Виктор Иванович, д-р экон. наук, профессор. Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Бережнова Елена Викторовна, д-р пед. наук, профессор. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Викторович Владимир Александрович, д-р филол. наук, профессор. Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна, Россия)

Далингер Виктор Алексеевич, д-р пед. наук, профессор. Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Дворядкина Елена Борисовна, д-р экон. наук, профессор. Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Донских Олег Альбертович, д-р филос. наук, профессор. Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Евдокимов Владимир Анатольевич, д-р полит. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Катаев Владимир Борисович, д-р филол. наук, профессор. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Косьяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Лебедева Ольга Борисовна, д-р филол. наук, профессор. Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

Лозовский Борис Николаевич, д-р филол. наук, профессор. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Роберт Ирэна Веньяминовна, академик РАО, д-р пед. наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Россия)

Ромм Татьяна Александровна, д-р пед. наук, профессор. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Сериков Владислав Владиславович, член-корреспондент РАО, д-р пед. наук, профессор. Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Россия)

Смолин Олег Николаевич, академик РАО, д-р филос. наук, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ (Москва, Россия)

Фоменко Наталья Михайловна, д-р экон. наук, доцент, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

Шумакова Оксана Викторовна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина (Омск, Россия)

Члены международного совета

Бисвас Паримал Чандра, Ph.D., кандидат технических наук, профессор. Университет Адамас (Калькутта, Индия)

Ван Лиэ, Dr. Habil. Philol., профессор. Пекинский университет иностранных языков (Пекин, Китай)

Досанова Сая Сабировна, д-р пед. наук, профессор. Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Кокшетау, Республика Казахстан)

Кожей Славмир, д-р пед. наук, профессор. Университет Яна Кохановского в Кельце (Кельце, Польша)

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, д-р пед. наук, профессор. Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Республика Казахстан)

Торхова Анна Васильевна, д-р пед. наук, профессор. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск, Республика Беларусь)

Ушаков Денис Сергеевич, д-р экон. наук, профессор. Университет Суан Сунандха Раджабхат (Бангкок, Таиланд)

Чимпоеш Драгош, д-р экон. наук, профессор. Государственный аграрный университет (Кишинев, Молдова)

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Alexander E. Ereemeev, Dr. Sc. (Philology), Professor,
Rector of the Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Deputy Chief Editors

Oksana S. Issers, Dr. Sc. (Philology), Professor.
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Elena V. Lopanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Oleg Yu. Patlasov, Dr. Sc. (Economics), Professor.
Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Editorial Staff

Elena A. Akelkina, Dr. Sc. (Philology), Professor. Omsk
Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Svetlana N. Apen'ko, Dr. Sc. (Economics), Professor.
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Viktor I. Belyaev, Dr. Sc. (Economics), Professor.
Altai State University (Barnaul, Russia)

Elena V. Berezhnova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Larisa O. Butakova, Dr. Sc. (Philology), Professor
(Omsk, Russia)

Vladimir A. Viktorovich, Dr. Sc. (Philology), Professor.
State University for Social Sciences and Humanities
(Kolomna, Moscow Region, Russia)

Victor A. Dalinger, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Elena B. Dvoryadkina, Dr. Sc. (Economics), Professor,
Ural State University of Economics (Ekaterinburg,
Russia)

Oleg A. Donskih, Dr. Sc. (Philosophy), Professor.
Novosibirsk State University of Economics and
Management (Novosibirsk, Russia)

Vladimir A. Evdokimov, Dr. Sc. (Political Science),
Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Vladimir B. Kataev, Dr. Sc. (Philology), Professor.
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Gennadiy V. Kosyakov, Dr. Sc. (Philology), Professor
(Omsk, Russia)

Olga B. Lebedeva, Dr. Sc. (Philology), Professor.
Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Boris N. Lozovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor.
Ural Federal University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Irena V. Robert, Academician of the Russian Academy
of Education, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Institute
for Strategy of Education Development of the Russian
Academy of Education (Moscow, Russia)

Tatyana A. Romm, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia)

Vladislav V. Serikov, Dr. Sc. (Pedagogy),
Corresponding Member of RAO, Professor. Institute
for Strategy of Education Development of the Russian
Academy of Education (Moscow, Russia)

Oleg N. Smolin, Corresponding Member of Russian
Academy of Education, Dr. Sc. (Philosophy) First
Deputy Chairman of the Education Committee
of the State Duma of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Natalya M. Fomenko, Dr. Sc. (Economics), Associate
Professor, Plekhanov Russian University of Economics
(Moscow, Russia)

Oksana V. Shumakova, Dr. Sc. (Economics), Professor.
Omsk State Agrarian University named
after P. A. Stolypin (Omsk, Russia)

Members of the International Council

Parimal Chandra Biswas, Cand. Sc. (Engineering),
Ph. D., Professor. Adamas University (Kolkata, India)

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor. Beijing University
of Foreign Languages (Beijing, China)

Saya S. Dosanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau,
Republic of Kazakhstan)

Slavomir Koziej, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Jan Kochanowski University in Kielce (Kielce, Poland)

Aigerim N. Kosherbayeva, Dr. Sc. (Pedagogy),
Professor. Abai Kazakh National Pedagogical University
(Almaty, Republic of Kazakhstan)

Anna V. Torkhova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Belarusian State Pedagogical University named after
Maxim Tank (Minsk, Republic of Belarus)

Denis S. Ushakov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Suan
Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand)

Dragos Cimpoies, Dr. Sc. (Economics), Professor. State
Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Филологические науки

Philological Sciences

А. Э. Еремеев
Роль библейского мифа в становлении
нравственно-философских исканий
раннего Н. В. Гоголя («Страшная месть»)

7

A. E. Eremeev
The Biblical myth role in the formation
of the moral and philosophical searches
of the early N. V. Gogol (“Terrible Revenge”)

Д. Д. Сивокина
Особенности жанровой природы произведения
М. Петросян «Дом, в котором...»

32

D. D. Sivokina
Features of the genre nature
of the M. Petrosyan’s novel “The Gray House...”

Е. Н. Рымарева, А. В. Себелева, О. О. Козлов
Коммуникация образных систем
фольклора русских и хантыйских сказок

40

E. N. Rymareva, A. V. Sebeleva, O. O. Kozlov
Communication of figurative folklore systems
in Russian and Khanty fairy tales

Р. А. Керимова
Световая символика в поэзии М. Мокаева

49

R. A. Kerimova
Light symbolism in the poetry of M. Mokaev

Е. В. Киричук, А. В. Федорова
Развитие и переосмысление теории
экзистенциализма в романе Дэвида Лоджа «Терапия»

56

E. V. Kirichuk, A. V. Fedorova
Development and rethinking of the theory
of existentialism in David Lodge’s “Therapy”

Е. С. Коршунова
Роль метафор и сравнений в создании художественных
образов в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»

64

E. S. Korshunova
Role of metaphors and similes for the literary
images creation in the novel by Ray Bradbury “Fahrenheit 451”

О. Г. Терентьева
Изучение диахронных синонимов на основе семы «рука»
по текстам словарных статей этимологических словарей

72

O. G. Terentyeva
The study of diachronic synonyms on the basis of the seme “hand”
according to the texts of the dictionary entries of etymological dictionaries

О. П. Фесенко
Образ прапорщика в жанре анекдота

82

O. P. Fesenko
Military personnel in the genre of anecdote:
on the example of the image of an ensign

В. А. Евдокимов
Формирование образа региона прессой территории

91

V. A. Evdokimov
Formation of the region image by the press of the territories

К 150-летию со дня рождения М. М. Пришвина

Ян Бо, У Цзюнь
Русский Север: мислеобразы литературно-географического
путешествия в раннем творчестве Михаила Пришвина

99

Yang Bo, Wu Jun
The Russian North: Mental images of Literary
and Geographical Travel in the early works of Mikhail Prishvin

Ян Минтянь
Концепция личности Пришвина и его правдивая сказка.
На материалах дневников М. Пришвина

108

Yang Mingtian
The concept of Prishvin's personality and his true fairy tale.
Based on the materials of the diaries of M. Prishvin

Педагогические науки

Pedagogical Sciences

А. В. Савченков, Н. В. Уварина
Закономерности подготовки будущих педагогов
профессионального обучения к осуществлению
воспитательной деятельности

120

A. V. Savchenkov, N. V. Uvarina
Regularities of preparation of future teachers
of professional training for the implementation
of educational activities

О. Ф. Левичев
Закон сохранения информации
как трансфер-интегративный механизм реальной
и виртуальной образовательной сферы

131

O. F. Levichev
The law of conservation of information
as a transfer-integration mechanism of the real
and virtual educational sphere

С. В. Шмачилина-Цибенко
Реализация основных направлений
и интегративных методов лечебной педагогики
в Международном детском центре «Артек»

142

S. V. Shmachilina-Tsibenko
Implementation of the main directions
and integrative methods of curative pedagogics
in the International Child Center "Artek"

Т. В. Сазонова
Комплексные направления трансформаций
вуза для гибкой подготовки кадров
в интересах ТОСЭР

150

T. V. Sazonova
Complex directions for university programmes transformation
aimed at personnel flexible training in the interests of the territory
of advanced socio-economic development territory cadets

Н. А. Маркова
Формирование информационной
модели адаптационного обучения иностранному языку

159

N. A. Markova
Formation of an information model
of Foreign Language adaptation training

Л. И. Малашенко
Теория и практика развития профессионального
опыта деятельности офицеров в кризисных ситуациях

174

L. I. Malashenko
Theory and practice of development
of professional experience of officers in crisis situations

В. Г. Пинигин
Психолого-педагогическое сопровождение
развития лидерского потенциала студентов 1-го курса

183

V. G. Pinigin
Psychological and pedagogical support
for the development of leadership potential of 1st year students

О. В. Величко, Т. П. Бакурова
Самореализация студентов колледжа
в процессе профессиональной подготовки

191

O. V. Velichko, T. P. Bakurova
Self-realization of college students
in the process of professional training

Экономические науки

Economic Sciences

В. В. Бирюков
Альтернативные подходы к построению
модели экономического поведения человека

200

V. V. Biryukov
Alternative approaches to building
a model of human economic behavior

В. В. Карпов, М. А. Бабичев
Отдельные вопросы межрегиональной миграции
сибирских регионов: на примере Омской области

208

V. V. Karpov, M. A. Babichev
Selected issues of interregional migration
of Siberian regions: on the example of the Omsk region

М. А. Миллер
Развитие концептуальных основ
экономической безопасности региона

218

M. A. Miller
Development of the conceptual foundations
of the economic security of the region

О. В. Сергиенко
Формирование стратегических решений
для устойчивого социо-эколого-экономического
развития аграрного сектора экономики

227

O. V. Sergienko
Formation of strategic decisions for sustainable
socio-ecological and economic development
of the agricultural sector of the economy

С. М. Хаирова, М. К. Паравян
Инструменты трансформации бизнес-процессов в цепях
поставок в условиях формирования цифровой экономики

239

S. M. Khairova, M. K. Paravyan
Tools for transforming business processes in supply
chains in the context of the formation of a digital economy

А. Э. Еремеев¹

✉ nou_ogu@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Роль библейского мифа в становлении нравственно-философских исканий раннего Н. В. Гоголя («Страшная месть»)

Аннотация: Начиная с раннего творчества, Н. В. Гоголь последовательно развивал учение о духовном начале, о единстве ответственности человека перед жизнью и ее нравственными основами. Религиозно-нравственная проблематика сложилась в период создания первого прозаического сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», доказательством тому служит предпринятый в статье анализ одной из повестей, входящих в сборник, – «Страшная месть». Гоголь в повести вырабатывает особый тип философствования, свойственный его авторскому самосознанию, характеризующийся не строгой логичностью и теоретическими построениями, а выражающийся в трепетном отношении к жизни в духовном ее осмыслении. Философская проекция гоголевского повествования создается за счет смыслового сопряжения двух временных планов – прошлого и настоящего; точкой сопряжения, создания многомерности духовного постижения становится миф. В статье осмысляются художественные функции параболы и ее роль в организации художественного целого повести «Страшная месть», что дает возможность понять феномен философского обобщения, сыгравшего ключевую роль в построении композиции повести и раскрытии ее нравственно-эстетической целостности. В основе предпринятого исследования лежит целостный анализ произведения, позволяющий увидеть сопряжение религиозно-эстетических доминант авторского сознания и системы образов-символов в неразрывном художественном единстве повести Гоголя.

Ключевые слова: Библия, Гоголь, Страшная месть, миф, мифопоэтика, параболы, притча, тип философского обобщения, нравственно-философские искания, религиозно-эстетическая позиция, русская философская проза.

Дата поступления статьи: 27 марта 2023 г.

Для цитирования: Еремеев А. Э. (2023) Роль библейского мифа в становлении нравственно-философских исканий раннего Н. В. Гоголя («Страшная месть»). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 7–31. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.1.

Scientific article

A. E. Ereemeev¹

✉ nou_ogu@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

The Biblical myth role in the formation of the moral and philosophical searches of the early N. V. Gogol (“Terrible Revenge”)

Abstract: Starting from his early creative work, N. V. Gogol consistently developed the doctrine of the spiritual principle, the unity of a human's responsibility to life and its moral foundations. The author's religious and moral issues were developed during the creation of the first prose collection “Evenings on a Farm near Dikanka”; this idea can be proved by the analysis of one of the stories included in the collection – “Terrible Revenge” – undertaken in the following article. In the story, Gogol develops a special type of philosophizing peculiar to his self-consciousness, characterized not by strict logic and theoretical constructions, but expressed in a reverent attitude to life in its spiritual understanding. The philosophical projection of Gogol's narration is created due to the semantic conjugation of two-time planes – the past and the present; a myth becomes the point of conjugation, the creation of the multidimensionality of spiritual comprehension. The article comprehends the artistic functions of the parabola and its role in the organization of the stylistic harmony in the

story "Terrible Revenge", which makes it possible to understand the phenomenon of philosophical generalization played a key role in the story composition construction and in the disclosure of its moral and aesthetic integrity. The undertaken research is based on the holistic analysis, which allows us to see the conjugation of the religious and aesthetic dominants of the author's consciousness and the system of images-symbols in the inseparable artistic unity of Gogol's story "The Terrible Revenge". The analysis of the mythopoetics of the story reveals how, with the help of the parabola form developed in ancient literature, a certain type of philosophical generalization characteristic of Russian philosophical prose is created in the plot-compositional cohesion of Gogol's work.

Keywords: Bible, Gogol, the Terrible Revenge, myth, mythopoetics, parabola, parable, type of philosophical generalization, moral and philosophical search, religious and aesthetic position, Russian philosophical prose.

Paper submitted: March 27, 2023.

For citation: Ereemeev A. E. (2023) The Biblical myth role in the formation of the moral and philosophical searches of the early N. V. Gogol ("Terrible Revenge"). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 7–31. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.1.

Введение

Мало кто замечает в отечественном литературоведении, что Н. В. Гоголь уже с раннего творчества находился в русле религиозно-нравственных осмыслений, отражавшихся в его эстетическом сознании. Один из самых глубоких исследователей наследия писателя В. В. Зеньковский прямо замечал, «... что он не делал из религиозной темы предмет теоретических или художественных изображений» (Гиппиус, Зеньковский, 1994, с. 337). Напротив, начиная с раннего творчества, Гоголь последовательно развивал учение о духовном начале, о единстве ответственности человека перед жизнью и ее нравственными основами. В письме к С. Т. Аксакову от августа 1847 г. он писал: «Вновь повторяю вам еще раз, что вы в заблуждении, подозревая во мне какое-то новое направление, от ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду» (Гоголь, 1994, т. 9, с. 355–356).

Игнорирование личности Гоголя, его религиозных воззрений чревато глубокими потерями в анализе творчества писателя, вплоть до непонимания его истинной эстетической позиции. Следует заметить, что уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» у Гоголя полностью абсолютизировалась религиозно-нравственная проблематика, реализующаяся как в поэтическом, так и в эстетическом сознании. Много позже, осмысляя свой путь, в 1847 г. в «Авторской исповеди» Гоголь так писал о себе: «... человек и душа человека сделались... предметом наблюдений <...> я обратил внимание на узвание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще <...> сам не ведая, как я пришел ко Христу, и видевши, что в Нем ключ к душе человека и что еще никто из душезнателей не входил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 214).

Волею судьбы Гоголь стоял у истоков рождения особой содержательной формы в русской литературе, которую мы называем философской (наряду с А. С. Пушкиным, Е. А. Баратынским, Д. В. Веневитиновым, Н. В. Станкевичем, А. И. Герценом, И. В. Киреевским, В. Ф. Одоевским)¹. Проблема философского начала в «Страшной мести» (1832) возникает не столько в контексте собственного творчества Гоголя, сколько в большом историческом и литературном времени, в соотнесенности с другими явлениями отечественной прозы XIX столетия. В русской общественной жизни, начиная с 1820-х гг. в силу исторического развития России, художественное творчество становится всеобъемлющей формой самовыражения нации. Потребности эпохи требовали от писателя универсального сознания; он должен был стать одновременно мыслителем, философом, мерилем духовного сознания народа. Как отмечал Г. Гачев, «... вся мощь русской классической литературы и заключается в том, что она в XIX веке выполнила роль национальной русской философии; и не только философии, но и еще политики и нравственности» (Гачев, 1981, с. 12).

Общность исканий Гоголя в «Страшной мести» с писателями, которых мы относим к философскому направлению, не означает сходства в художественных решениях. К философской прозе Гоголь шел своим путем и поэтические задачи решал сугубо по-своему. В частности, у Гоголя направленность авторской мысли принципиально иная, чем у Любомудров, у него иная,

лишенный умозрительности психологизм, мысль в повести обрастает жизненным материалом, входит в канву в качестве образа-символа, образа-понятия.

Если сравнивать художественность философской прозы Гоголя, то она у него по «пластичности», «осердеченности» сродни прозе Пушкина. У современников писателя – Любомудров – идея не просто предшествует акту творчества, она статична, логизирована и поэтому лишена всей полноты жизни. Мысль Гоголя не только жизненно богаче, она у него более художественна: ни в проблематике, ни в форме нет и следа той строгой заданности, которую можно наблюдать у Любомудров. Если обратиться к анализу поэтики «Страшной мести», то в определенном смысле героем повести оказывается сама мысль, в своей неразрешимости и драматичности, обращенная в художественный образ.

Пушкин и Гоголь – особая тема; всем известна та роль, которую сыграл Пушкин в становлении Гоголя-художника. В прозе Гоголь был конгениален Пушкину, разрабатывая в процессе жанрового самоопределения «Страшной мести» философский тип художественного образа, подобного пушкинскому.

Следует отметить, что Гоголю, как и Пушкину, было присуще эстетическое сознание, вобравшее в себя философские, этические, научные, религиозные построения. В «Страшной мести» прослеживается движение мыслительного процесса непосредственно в ткань художественного произведения. «Очень часто в Гоголе не хотят видеть мыслителя, тогда как он, несомненно, был им», – справедливо замечал Зеньковский (Зеньковский, 1991, с. 187). Этот особый тип философствования, свойственный гоголевскому самосознанию, в повести характеризуется не строгой логичностью и теоретическими построениями, а проявляется в трепетном отношении к жизни в духовном ее осмыслении. В свое время К. В. Мочульский отмечал: «... В нравственной области Гоголь был гениально одарен, ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии...» (Мочульский, 1976, с. 86). Гоголь вобрал в себя этот мощный сплав разнообразных форм культуры, реализующийся на основе глубинного универсального сознания автора. Развивая учение о духовном начале, Гоголь в «Страшной мести» приходит к мысли о единстве ответственности человека перед самой жизнью и ее нравственными основами. Это предполагает путь авторской мысли от прозаического и обыденного к абсолютно духовному, от общего к частному, от библейской нравственности к реализации этих закономерностей во времени-пространстве.

В Гоголе в силу его творческой индивидуальности в первую очередь доминирует чувственно-образное мышление, формирующее совершенно особый поэтический строй. Отталкиваясь от частных бытия, авторское сознание устремляется к высшему постижению истины. В «Страшной мести» оба эти метода (от общего к частному и от частного к общему) находятся в неразрывном единстве, обеспечивая столь необходимый для Гоголя прорыв к «абсолютному» осознанию жизненных канонов.

В «Страшной мести», как и в пушкинской прозе, на смену фабульному интересу развития действия приходит «развертывание вещи на материале» (Тынянов, 1969, с. 155). Этот принцип создания внутренней формы становится возможным благодаря философскому обобщению, которое достигается «переключением, перенесением из одного плана в другой», причем «значение [этого переключения. – А. Е.] не статическое, ...а энергетическое» (Тынянов, 1969, с. 138). Философская проекция гоголевского повествования создается за счет смыслового сопряжения двух временных планов – прошлого и настоящего; точкой сопряжения, создания многомерности духовного постижения становится миф².

Думается, что осмысление параболы и ее художественной функции в организации художественного целого «Страшной мести» дает возможность понять феномен философского обобщения, сыгравшего ключевую роль в построении композиции повести и раскрытии ее нравственно-эстетической целостности.

Методология

В основе предпринятого исследования лежит целостный анализ произведения, позволяющий увидеть сопряжение религиозно-эстетических доминант авторского сознания и системы образов-символов в неразрывном художественном единстве повести Гоголя «Страшная месьть». Анализ мифопоэтики повести раскрывает, как с помощью разработанной еще в античной сло-

весности формы параболы в сюжетно-композиционном целом произведения Гоголя создается определенный тип философского обобщения, характерный для русской философской прозы.

Результаты

Композиция повести построена на антитезе сюжетного времени-пространства, несущего в себе обособленное историческое повествование и притчевое с его особой символикой, включающей в себя религиозно-мифическую наполненность. Герои притчи, Иван и Петро, не столько образы (их душевные свойства, их характерные черты подчинены этической, нравственной заданности автора-творца), сколько символы, отражающие глубинную религиозную немеркнущую живую связь времен. В повести прошлое проясняет сокровенную сущность настоящего: трагедию семьи Данилы Бурульбаша и самого колдуна.

Миф в «Страшной мести» является не вставным эпизодом, завершающим художественное целое, а доминантой, своеобразным смысловым центром³. Гоголь создает новую форму нравственно-эстетического постижения сути греха с точки зрения библейской нравственности, вне зависимости от исторического времени. Эти две части повести – мифическая и повествовательная – обладают известной самостоятельностью и завершенностью и вместе с тем они совершенно нераздельны. Неслучайно миф о страшной мести станет своеобразной философской притчей о прощении и непримиримости: «А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» [Мф. 6: 15].

Возникшая благодаря «литературному мифу» о «страшной мести» и протянувшаяся от него к «современному» сюжету, парабола побуждает к философскому размышлению о роке, роковом проклятии до «четвертого колена». В судьбах героев обнаруживается постоянство сопряжения злободневных человеческих событий и нравственного бытия. Гоголь берет за основу традиционный библейский «близнечный» миф об Авеле и Каине, перестраивает его внутреннюю структуру и меняет смысл на противоположный. Обращаясь непосредственно к тексту Библии, а именно: к ветхозаветному ядру (Ветхий Завет становится неотъемлемой частью Священного Писания и для православных христиан), трансформируя канонический миф об Авеле и Каине, Гоголь, освобождаясь от всякой расцвечивающей детализации, склоняется к поэтике притчи. Потусторонности, запредельности Творца в мифе о «страшной мести» нет и в помине. Читателю преподносится зримое и «посюстороннее» присутствие Создателя: «“Страшна казнь, тобою выдуманная, человече! – сказал Бог. – Пусть будет все так, как ты сказал...”». И то все так сбылось, как было сказано...» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 163–164). В завершении мифа голос автора утверждает подлинность переживаний, тот катарсис, который рождается у слушателей легендарной истории: «Уже слепец кончил свою песню; ... но старые и малые все еще не думали очнуться и долго стояли, потупив головы, раздумывая о страшном, в старину случившемся деле» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 164). У Гоголя смысловая историческая перспектива остается принципиально открытой, незавершенной, представляя собой разомкнутую целостность мифа, направленную на нравственную потенцию читательского сознания.

Современный мир, освещенный этим прошлым опытом, человек и его судьба становятся нравственно измеримыми, ибо мир, его окружающий, благодаря мифу, не теряя внешней узнаваемости, приобретает дополнительную глубину.

В «современном» сюжете о судьбе семьи пана Данилы все устойчивые нравственные начала переживаются заново. Сюжетная канва зависит от нравственного выбора пани Катерины: нарушение клятвы, данной мужу об отречении от преступного отца, и, в одночасье, невозможность пресечь родовую связь, родовое проклятие, ибо пани Катерина изначально принадлежит к проклятому роду, – все это в повести приобретает диалектическую противоположность; в создающемся симфонизме начинает рождаться новое ранее скрытое видение мира, где мотивы заданной темы взаимопроникают друг в друга и подчас меняются местами⁴.

Название «Страшная месть» непонятно читателю, прочитавшему первую сюжетную часть, повествующую о трагической судьбе семьи пана Данилы и загадочной смерти колдуна. Разгадка заключается во второй, притчевой части, которая начинает играть роль смыслового центра, одной из составляющих параболы, своеобразного нравственно-эстетического камертона, благодаря кото-

рому читатель может прозреть вечную, вневременную сущность бытия. Описание истории зависти поначалу представляется доминантной, но Гоголь усложняет конфликт, перенося акцент с зависти и ревности Петра к названному брату на непощение Иваном совершенного злодеяния.

Создавая миф о «страшной мести», Гоголь опирался на определенный ряд библейских источников, которые задают в рамках художественного целого свою систему ценностных ориентиров, каждый из которых тесно связан с авторским мировидением. Важно рассмотреть главные из них.

Следует утверждать, что, создавая притчу об Иване и Петре, Гоголь опирался на библейский миф о Каине и Авеле:

Гоголь:

«Как получил Иван жалованье от короля, в тот же день разделил все поровну между собою и Петром. Взял Петро половину королевского жалованья, но не мог вынести того, что Иван получил такую честь от короля, и затаил глубоко месть. <...> Петро, весь дрожал и притаил дух от радости. Оглянулся и толкнул названного брата в провал» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 162).

Библия:

«И призрел Бог на Авеля и на жертву его, а на Каина и на жертву его не призрел. И разгневался Каин сильно, и поникло лицо его... И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего и убил его» [Быт. 4: 4, 5, 8].

В литературном мифе, созданном Гоголем, явно просматривается мотив предательства Иудой Иисуса Христа: «“Великую обиду нанес мне сей человек: предал своего брата, как Иуда...” – взывает Иван к Богу» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 163)⁵. Ср.: «Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из числа двенадцати, и он пошел, и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им. Они обрадовались и согласились дать ему денег...» [Лк. 22: 3, 4, 5].

Грех, который лежит на Петре, – это нарушение заповедей Божиих и нарушение закона Божия. Петр совершает осознанно «вольный» грех⁶, нарушая заповеди «Не убий» и «... не желай дома ближнего твоего, [ни поля его], ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его], ничего, что у ближнего твоего» [Исх. 20: 13, 17]. Во главе греховности Петра лежит «духовный» грех – это гордость и зависть. Совершая «вольный» грех, Петро с полным сознанием творит противозаконное, не внемля мольбе Ивана: «Боже Ты мой праведный, лучше б мне не подымать глаз, чем видеть, как родной брат наставляет пику столкнуть меня назад... Брат мой милый! коли меня пикой, когда уже мне так написано на роду, но возьми сына! чем безвинный младенец виноват, чтобы ему пропадать такою лютой смертью?» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 162).

Петро совершает «тяжкий» грех и по свойству поступка, и по упорству в греховном действии злой воли: «Засмеялся Петро и толкнул его пикой, и козак с младенцем полетел на дно. Забрал себе Петро все добро и стал жить, как паша. Табунов ни у кого таких не было, как у Петра. Овец и баранов нигде столько не было. И умер Петро» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 162).

Упорство Петра во грехе, преданность злу истребляют в нем любовь к Богу и делают его мертвым, как и его потомков, для восприятия божественной благодати. Суть греховности Петра заложена в неприятии заповедей, которые Господь Иисус Христос изложил так: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф. 22: 37, 38, 39].

Создавая миф о Петре и Иване, Гоголь осмысляет непосредственно библейский текст легенды о Каине и Авеле. Каин, проклятый Яхве, обрекается на скитания. Но для того, чтобы Каин не был убит в изгнании, Бог запрещает лишать его жизни и объявляет, что тому, кто убьет Каина, «отмстится всемеро» [Быт. 4: 15].

Исходя из библейской легенды, Бог в гоголевской повести, призвавший на суд Петра и Ивана, должен покарать Петра, но беря традиционный мифологический мотив, Гоголь перестраивает его, изменяя его внутреннюю структуру и смысл на противоположный. Легко заметить двойной парадокс, когда темное и светлое дважды меняются местами: Петро – грешник, но грешник,

наказанный не только Богом, но и Иваном; но казнь, которую избирает ему Иван, также превращает Ивана из праведника в грешника: их вина амбивалентна, ибо они изначально являются отступниками, служат не православному царю, а князю Седмиградскому, который был «королем у ляхов»: «Как умер Петро, призвал Бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд. “Великий есть грешник сей человек! – сказал Бог. – Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты сам ему казнь!” Долго думал Иван, вымышляя казнь, и, наконец, сказал: “Сделай же, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще не бывало на свете! и от каждого его злодейства чтобы деда и прадеды его не нашли бы покоя в гробах и, терпя муку, неведомую на свете, подымались бы из могил! <...> И когда придет час меры в злодействах тому человеку, подыми меня, Боже, из того провала на коне на самую высокую гору, и пусть придет он ко мне, и брошу я его с той горы в самый глубокий провал, и все мертвецы, его деда и прадеды... все потянулись от разных сторон земли грызть его за муки, что он наносил им, и вечно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! <...> Та мука для него будет самая страшная: ибо для человека нет большей муки, как хотеть отмстить и не мочь отмстить”» (подчеркнуто нами. – А. Е.; Гоголь 1994, т. 1, с. 163).

Итак, Иван будет считать себя отмщенным, испросив у Бога наказания, заключающегося в собственноручной казни последнего из рода Петра и невозможности возмездия Ивану: «хотеть отмстить и не мочь отмстить». Тем самым Иван руководствуется старозаветной заповедью: «око за око и зуб за зуб» [Исх. 21: 24] – и нарушает заповедь Иисуса Христа, заключающуюся в прощении: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [Мф. 5: 38, 39, 43, 44].

Гоголь в созданном им мифе ставит главный вопрос о грехе и прощении греха. Бог судит Ивана, присвоившего себе меру, которую может отмерять только один Господь, но Иван избирает мщение, отвергая предоставленную ему возможность прощения, которая дарована Богом Ивану: «“Страшна казнь, тобою выдуманная, человеце! – сказал Бог. – Пусть будет все так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе Царствия Небесного, покамест ты будешь сидеть там на коне своем!” И то все так сбылось, как было сказано: и доныне стоит на Карпате на коне дивный рыцарь, и видит, как в бездонном провале грызут мертвецы мертвеца, и чует, как лежащий под землею мертвец растет, гложет в страшных муках свои кости и страшно трясет всю землю...» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 163–164).

Иван теряет возможность прощения, которая исходит от Бога: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» [Мф. 6: 14, 15]. Слова Господа в мифе звучат строгим предостережением от непримиримости к человеческим грехам: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» [Рим. 12: 21].

Петро и Иван, нарушив Божьи заповеди, страдают от содеянного. Иван «повеселился бы» не только от того, что, совершив страшное злодеяние, Петро уже не может в свой черед ему отмстить, но и от того, какие муки Петро приносит не только себе, но и своему роду. Итак, Петро и Иван уравниваются в собственном зле: Петро, нарушающий Божьи заповеди, вершащий зло, побуждает Ивана не к прощению, а к отмщению; Иван отвечает Петру тем же злом, отдавая меру за меру. Гоголь намеренно объединяет ветхозаветные законы, которыми живут его герои, и законы Нового Завета, создавая для читателя путь нравственного выбора.

У Гоголя месть проникнута ветхозаветным духом воздаяния, когда право возмездия предоставлялось самому человеку: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека» [Быт. 9: 6]. Новозаветный дар прощения, данный человеку, обязывает его быть послушным Господу. Принцип наказания за содеянное зло раскрывается в слове Творца: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» [Рим. 12: 19].

Отказываясь предоставить Богу вершить праведный суд, дать место гневу Божьему, Иван, ожесточившись, отвергает Его Милость, и потому сам отвергается Богом: «...и ты сиди вечно на коне своем, и не будет тебе Царствия Небесного...» (1994, т. 1, с. 163). Таким образом, жертвенный Иван (Авель) становится мстителем-убийцей, как и Петро, обрекая себя на вечные скитания, подобно Вечному Жиду: «Кто он, куда, зачем едет? – кто его знает. Не день, не два уже он переезжает горы» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 155).

В завершение осмысления гоголевского мифа следует заметить, что история о «страшной мести» рассказывается старцем-бандуристом, который, подобно Гомеру, был слепцом, но именно ему уготовано прозреть истину и донести ее людям⁷: «... Уже слепец кончил свою песню;... но старые и малые все еще не думали очнуться и долго стояли, потупив головы, раздумывая о страшном, в старину случившемся деле» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 164). Гоголь, создавая эпический миф о страшной мести, запечатлевает ощущения ужаса и сострадания, производимые трагедией случившегося. О подобном впечатлении упоминал Ф. И. Буслаев в исследовании «Эпическая поэзия» (1851 г.): «Хотя эпос возбуждает в слушателях все роды ощущений – и смех, и ужас с жалостью, и нежное, и страшное, и веселье, и горе, однако ни одно из них не наполняет души за исключением всех прочих, а все вместе попеременно, сообщаясь душе, удерживают ее в том равновесии, которое необходимо для ее тишины и ясности. И певец, заключая свою песню, в дополнение ощущения, произведенного ею на слушателей, уверяет, что весь рассказ его “то старина, то и деянье” старикам на утешенье, а молодым в науку» (Буслаев 2003, с. 72). Буслаев, осмысляя впечатление от восприятия эпической поэзии, замечал: «Вообще надобно заметить, что нравственное чувство так значительно воспитывается эпической поэзией, что слушателя всегда живее увлекали вопросы нравственные, нежели художественная идея поэмы; точно так, как и теперь люди простые, а также и дети, не умея отделить художественного наслаждения от нравственного довольства, принимают в сказке или повести такое же участие, как и в действительной жизни, с любовью следят за добрым и великодушным героем и с отвращением слушают о злом. <...> В эпической поэзии интересы нравственные тесно связаны с умственными. Песня шла за достоверное повествование о действительно случившемся. Если сказание почиталось правдивым, потому что было для народа его историей, то еще правдивее казался миф, как основание поверьям. <...> Подобно трагедии, эпос может возбудить в душе ужас и жалость; только тон этих чувствований будет совершенно иной. Сколь болезненна и мучительна катастрофа в трагедии, столько трогательна и тихо-прискорбна в эпосе» (Буслаев, 2003, с. 69, 72).

Вторая часть, заключенная в «мифе», как бы вынесена за пределы художественной первой части повести, но одновременно она является частью целого, без которой невозможно постижение истины. Гоголь, используя смысловую двуплановость мифа, выстраивает параболу между притчевым миром и миром сюжетным, преобразуя структуру аллегорического повествования; он успешно сочетает в своем произведении философское осмысление внутренней жизни человека в ее непосредственном изображении. Беря за основу мифологический сюжет, Гоголь переосмысливает его, отражая собственные взгляды на нравственные и этические проблемы своего времени. Это было стремлением преобразить человеческую жизнь «силой благочестия», свободой философского и эстетического мышления, – все это в конечном итоге привело к глубокому ощущению Гоголем религиозной проблематики литературы.

Смысловая динамика, заключенная в «мифологической» части повести, и событийное движение в повествовательной части адекватны. Образная система первой части срастается с идеями второй и является ее естественным продолжением. Миф у Гоголя не является условной иллюстрацией идеи; он несет в самом себе разрешение конфликта сюжета, вследствие чего становится событийным. Состояние героев повести исходит уже из нравственной заданности мифа.

Герои несут в себе продолжение конфликта в процессе его развития, где должна реализовываться исходящая из мифической части авторская концепция. В первой части, которая композиционно является заключительной, явно можно вычленивать элементы эпического повествования: сюжет, композицию, образы героев. Во второй части Иван и Петро – герои притчи – предстают

как субъекты этического выбора автора-творца. В таком качестве они получают глубокое философско-психологическое наполнение; Гоголь трансформирует дидактическую заданность в произведении таким образом, что вторая часть становится равнозначна первой, так что эти две части составляют полноценную художественную целостность, до конца не слиянную, но и неразрывную.

В истории искусства формы не отмирают бесследно. Разрушаясь как устойчивые системы, дидактико-аллегорические жанры становятся одним из источников формирования философской прозы. Современник Гоголя Н. А. Полевой, характеризуя философское направление в отечественной литературе, замечает: «Аполог как иносказание... как маленькая фантастическая драма и теперь существует. Пусть только он не тянется в нравоучители... чем более он удаляется от своего отрицательного назначения “поучать”, чем более входит он в свободную область поэзии положительной, тем становится выше, живее, прелестнее, достойнее искусства...» (Полевой, 1839, с. 390).

Пройдя школу немецкого романтизма, Гоголь осознает, что вне контекста действительности всякая философская или этическая истина банальна: она плодотворна и актуальна лишь в том случае, когда является осмыслением жизненного бытия, вскрывающего его законы и тенденции. Начиная с «Сорочинской ярмарки», у Гоголя совершается непрерывное обогащение философско-художественной мысли; в сфере художественной практики этот процесс выразился в оригинальном переосмыслении дидактических жанров в «Страшной мести».

Если «мифологическая» часть повести носит риторический характер, то во второй происходит изменение установки авторского сознания. В повествовательной части организующим строение художественного целого является сопряжение сюжетного времени с временем воссозданного действия. Заглавие повести в обобщенно-неопределенном тоне дается с далекой панорамной дистанции автора-творца и несет в себе ту необходимую меру отчужденности от конкретных событий и героев, которая обеспечивает художественное единство авторского взгляда. Если говорить о временной установке, то она звучит предельно объективно, как бы завершая и отодвигая в прошлое раздумья о происшедшем; неслучайно в первом издании 1832 г., во второй части «Вечеров...», повесть «Страшная месьть» печаталась с подзаголовком «Старинная быль». Несомненно, повесть Гоголя связана с ранними формами эпоса, игравшими в «Вечерах...» центральную роль. «Кроме того, – по мысли Гегеля, – интерес эпического поэта <...> находит дальнейший повод для своих коллизий и их разрешения ... прежде всего в пределах национальной общности и ее субстанциального единства, которые тоже имеют полное право ввести в повествование все многообразие характеров, состояний и происшествий. В ... этом плане законченность и разработанность эпоса заключены ... в целостности мирозерцания» (Гегель, 2001, с. 409). Классически-эпопейное повествование являет собой «простой» рассказ о событии и представляет это событие «объективно», то есть с одной и единственно возможной здесь точки зрения и перспективы. Большую роль в повести играют внефабульные элементы, в частности лирическое описание Днепра, которое несет на себе состояния, сопряженные с душевными переживаниями героев. Оно, с одной стороны, статично, отдельно от повествования, а с другой стороны, нерасторжимо связано с психологическим движением сюжета.

Рассмотрим, как динамика текста повествовательной части разворачивается в плане определенной жанровой установки, соподчиняя себя второй «мифологической» части, как творящее авторское сознание создает художественное целое произведения.

Повествовательное поле первой части: Данило Бурульбаш, пани Катерина – жена пана Данилы и дочь колдуна – со своим годовалым сыном, сам колдун – являются самостоятельными героями, но одновременно они находятся в трагической зависимости, в соподчинительной связи с Божьим наказанием, роковым заклятием, о котором до определенного времени неведомо читательскому сознанию. Задавая неопределенную историческую перспективу первой части, Гоголь обращается к жанровому приему синкрисиса, когда герои превращаются в двуединый инструмент для выявления некоторой общей ситуации, создает во времени-пространстве два образно-смысловых ряда: «ужасные нравы древности» и «нынешние нравы». Писатель переводит «энергетически» «литературный миф» второй части в первую, трансформируя «миф» с его центробежными силами

в «линейный» повествовательный эпос. У Гоголя повествование первой части приобретает характер рассказа о нарушениях основных запретов, налагаемых Библией на человека: запрет на инцест (попытка склонить отцом собственную дочь Катерину к кровосмесительному браку), убийство родственников (убийство колдуном собственной дочери, жены Данилы Бурульбаша Катерины, самого Данилы – мужа дочери колдуна-отца, внука Ивана). В стремлении изменить судьбу, «переродиться в новом поколении» колдун предстает в двух лицах – отца и жениха; происходит вытеснение младшего поколения старшим; это приводит его к убийству мужа Катерины и внука Ивана (носящего имя убитого Петром брата и последнего в роду колдуна). Стремление к «возрождению» рода приводит колдуна к страстному желанию войти в кровосмесительный союз отца и дочери, что в свою очередь порождает так называемый «непрерывный брак».

Далекий потомок «до четвертого колена» братоубийцы Петра является колдуном (в повести он не имеет собственного имени), он волшебник, чародей, тот, кто связывает человеческое естество, его душу с тайными силами мира, и в итоге становится тем, кого Бурульбаш, узнавший о колдовстве отца Катерины, называет антихристом, в которого вселяется абсолютное зло: «Его жгло, пекло, ему хотелось бы весь свет вытоптать конем своим, взять всю землю от Киева до Галича с людьми, со всем и затопить ее в Черном море. Но не от злобы хотелось ему это сделать; нет, сам он не знал отчего» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 159–160). Ненависть колдуна приводит его к противоречивому раздвоению: ему представляется, что у него нет выбора между добром и злом: «Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» [Рим. 7: 15].

Казалось бы, мы вступаем в противоречие, когда трактуем образ колдуна как абсолютное зло, ибо «колдун», по сути, богоотступник, который вершит зло, но Гоголь пишет: «...не от злобы хотелось ему это сделать». Думается, здесь речь идет не столько об определенном человеческом свойстве в данном случае колдуна, здесь проявляется выражение глубинной враждебности к Богу: «...но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» [Рим. 7: 23]. Это – тот, кого Господь Бог отвергает от себя: «Ибо ты Бог, не любящий беззакония; у Тебя не водворится злой; нечестивые не пребудут перед очами Твоими: Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие» [Пс. 5: 5, 6].

Представляется, что в повести прослеживаются два течения мыслей; Гоголь, его авторское сознание мыслит Бога как грозного карающего Судью, не принимающего и не прощающего того, у кого в глубине грешного существа гнездится неистребимое противоречие духа и плоти: «Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» [Рим. 7: 20]. Ново-заветное учение утверждает, что спасение человека совершается Благодатью, возникновением покаянной веры. Одержимый упорным окончательным неверием и ожесточением, страхами кары Божией, колдун становится «рабом греха»; у него нет ни малейшего оживления душевных сил для покаянной веры: «Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления» [Кол. 3: 5, 6]. Благоволение, которого так ищет «раб греха» колдун, не приходит, ибо оно могло снизойти на «неслыханного грешника» в силу его устремления к покаянию: «А теперь вы отложите всё: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его» [Кол. 3: 8, 10]. Духовная немочь ожесточившегося грешника пугает святого схимника и отвергает его от молитвы за падшего: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня, ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною» [Пс. 50: 3, 4, 5].

Благодать как свойство милующей и спасающей любви Божией Гоголь прозревал не только в Новом, но и в Ветхом Завете. Два тока мыслей о прощении и непростении грехов человеческих сливаются в итоге в единое начало Божьей Благодати. Думается, что именно учение о Божественной Благодати является центральным местом напряженных нравственно-эстетических осмыслений Гоголя в «Страшной мести».

Находясь в период написания повести в рамках романтической эстетики, Гоголь, обращаясь к мифу и сам творя его, отсылает читателя к мифологии христианской и национально-языческой: «Когда же есаул поднял иконы, вдруг все лицо его [колдуна. – А. Е.] переменялось: нос вырос и наклонился на сторону, вместо карих запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копые, из рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак – старик.

– Это он! это он! – кричали в толпе, тесно прижимаясь друг к другу.

– Колдун показался снова! – кричали матери, хватая на руки детей своих.

Величаво и сановито выступил вперед есаул и сказал громким голосом, выставив против него иконы:

– Пропади, образ сатаны, тут тебе нет места! – И, зашипев и щелкнув, как волк, зубами, пропал чудный старик» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 131).

Колдун – это «человек в красном жупане» – несет в себе признаки нечистой силы, как «красная свитка» в «Сорочинской ярмарке». Образ колдуна почти повторяется в мистической сцене вызова души Катерины, властным внушением стремящимся овладеть судьбой дочери: «Пан Данило стал вглядываться <...> глянул в лицо – и лицо стало переменяться: нос вытянулся и повиснул над губами; рот в минуту раздался до ушей; зуб выглянул изо рта; нагнулся на сторону, – и стал перед ним тот самый колдун, который показался на свадьбе у есаула <...> – Знаешь ли, что отец твой антихрист?» – заключает в беседе с женой о виденном Бурульбаш (Гоголь, 1994, т. 1, с. 142–144).

Известен глубочайший интерес Гоголя к национальной мифологии. Достаточно заглянуть в его наброски и материалы по славянской русской и украинской истории, среди которых можно выделить заметки «Обряды религиозные», «Славянская мифология» (Гоголь, 1994, т. 8, с. 10–22). Интерес к славянской мифологии в России второй половины XVIII – начала XIX вв. приводил к появлению первых попыток научного осмысления этой проблемы и подготовил вхождение в искусство русского романтизма национальных символов.

Следует заметить, что Гоголь, обращаясь к библейской и к традиционной мифологии, трансформирует их сюжеты и образы, используя как материал для самостоятельного художественного мифологизирования. В начале XIX в. наблюдается усиление роли христианской мифологии в общей структуре романтической литературы (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов). Замещение античного мифа библейским свидетельствует как о глубоком проникновении религиозной проблематики в литературу, так и о глубоко зашедшем процессе ее секуляризации. В творчестве раннего Гоголя мы наблюдаем последовательное движение к религиозному житнетворению. Вера в искупительную роль искусства, которая параллельно развивалась в эстетическом сознании писателя, постепенно отмирала; присутствующее в «Вечерах...» нравственно-эстетическое восприятие мира, основанное на церковном осознании самых сложных и мучительных вопросов, в дальнейшем только нарастало. Гоголь положил начало очень глубокому и плодотворному течению в русской литературе и философии, связанному с идеей национального самосознания, преображения внутреннего мира человека, стремлением изменить историческое бытие силой человеческого благочестия. Как замечал Зеньковский, «Гоголя можно без преувеличения назвать пророком православной культуры» (Зеньковский, 1991, с. 186). Только внедрив в сознание читателя живое ощущение связи личного и бытийного путем воспроизведения перехода частного во всеобщее, Гоголь обретает возможность художественно полноценно выразить сопряжение личной судьбы, рода с нравственной ответственностью перед Богом.

Таким образом, в первой части повести выстраивается глубокое противостояние рока и отдельной судьбы – судьбы колдуна, Катерины, ее супруга и сына Ивана, ибо они волей-неволей принадлежат к проклятому роду. Повествование движется в рамках родового проклятия и судьбы колдуна, который, неся на себе эту ношу, стремится уйти от наказания, особенно тогда, когда после заклинания неожиданно для него приходит знак о неминуемой каре: «Тихо вошел он... поставил на стол, закрытый скатертью, горшок, ... взял кухоль..., почерпнул им воды и стал лить, шевеля губами и творя какие-то заклинания. <...> Посреди хаты стало витать белое облако... <...>

В облаке перед ним светилось чье-то чудное лицо. Непрошеное, незванное, явилось оно к нему в гости; <...> непреодолимый ужас напал на него <...> Колдун весь побелел как полотно. Диким, не своим голосом вскрикнул, опрокинул горшок... Все пропало» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 152–153).

Гоголь, повествуя о судьбе последнего злодея из рода Петра, обращается к мифическому сказанию, тесно связанному с ритуалами узнавания, предсказания судьбы. В повести колдун гадает на воде, этот тип гадания исходит из библейских мотивов «доли из чаши» и жребия, соотносенных с волей Бога: «Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа Его. <...> Господь есть часть наследия моего и чаши моей. Ты держишь жребий мой» [Пс. 10: 5; 15: 5]. Думается, Гоголь смешивает в эпизоде гадания библейский мотив «доли из чаши» с народным мифическим сказанием, где способом узнавания судьбы могут выступать пророчества, гадания, сны. Привидевшееся колдуну неведомое лицо олицетворяет его скорую гибель. Видение выступает как своеобразный медиатор между прошлым и будущим.

Родовой тип проклятия отчетливо проявляется в мифе, и это проклятие носит амбивалентный характер; оно могло бы пресечься в случае прощения Иваном злодеяния Петра, однако Иван берет на себя не свойственную для человека миссию судьбы, нарушив Божью заповедь: «У меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день погибели их, скоро наступит уготованное для них» [Втор. 32: 35]. Господь Бог наказывает братьев: одного – за убийство и «месть» завистника, другого – за непощение и жгучее желание мести.

Петро:

«Взял Петро половину королевского жалованья, но не мог вынести того, что Иван получил такую честь от короля, и затаил глубоко на душе месть».

(В ответ на мольбу Ивана помиловать сына. – А. Е.)
«Засмеялся Петро и толкнул его пикой, и козак с младенцем полетел на дно (подчеркнуто нами. – А. Е.)» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 162).

Иван:

«Сделай же, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще не бывало на свете! и от каждого его злодейства чтобы деда и прадеда его не нашли бы покоя в гробах <...> А Иуда Петро чтобы не в силах был подняться и оттого терпел бы муку еще горшую <...> и повеселился бы я, глядя на его муки! (подчеркнуто нами. – А. Е.)» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 163).

В первой части повести Гоголь опирается на два библейских начала: стремление «последнего» грешника, изменив судьбу, избежать родового проклятия, прийти к покаянию либо погрязнуть во зле. Ю. М. Лотман, анализируя сущность вины в рамках архаического мировоззрения, считает: «Злодей Петро, убив побратима, ... становится зачинателем нового и небывалого зла. Преступление его не уходит в прошлое: порождая цепь новых злодейств, оно продолжает существовать в настоящем и непрерывно возрастать» (Лотман, 1977, с. 99).

Зачинателем нового и небывалого зла становится Иван, не прощающий и просящий отмщения у Господа. Сюжет повести движется между библейскими понятиями, трактующими проблему греха: преступление и наказание и преступление и прощение. Греховность Ивана зиждется в подмене Божьей воли своею, самоволием; его греховная просьба поражает не только род Петра, но и его самого. Итак, у Гоголя Бог является ревнителем, наказывающим за вину отцов детей до третьего и четвертого поколения: «Господь долготерпелив и многомилостив, [и истинен], прощающий беззакония и преступления [и грехи], и не оставляющий без наказания, но наказывающий беззаконие отцов в детях до третьего и четвертого рода» [Чс. 14: 18]. В повести пронзительно звучит еще одна мысль, неслиянная с первой; она отталкивается от учения о воздаянии. В договоре с Богом состоит каждый человек особо, ибо «Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается» [Иез. 18: 20].

Очистительно звучат слова Данилы Бурульбаша, отделяющего себя и все свое семейство от человека, принадлежащего к проклятому роду. Понимание того, что он невольно принадлежит к семейству «антихриста», приводит пана Данилу к осознанию отдельности своего рода от рода, к кото-

рому принадлежит его жена, пани Катерина, дочь проклятого колдуна: «Если бы я знал, что у тебя такой отец, я бы не женился на тебе; я бы кинул тебя и не принял бы на душу греха, породнившись с антихристовым племенем» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 144). Рождается иной взгляд на мир, который в итоге приводит читателя к осознанию того, что в договоре с Богом находится каждый человек особо, что в свободе воли каждый может предпочесть добро злу: «– Не плачь, Катерина, я тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грехи все лежат на отце твоём» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 144). В словах пана Данилы мы встречаем проблески глубоких и тонких переживаний, связанных с изменением образа мыслей, духовного преображения, которые приводят его к благодатному состоянию доверия к супруге: «Вы говорите “почему же сын не несет вины отца своего”? Потому что сын поступает законно и праведно, все уставы Мои соблюдает и исполняет их; он будет жив» [Иез. 18: 19].

Переключение повествования из одного временного плана в другой, параболичность позволяют рассматривать современные события с позиции нравственных библейских истин, выявлять всю сложность и противоречивость душевных переживаний героев, – все это дает возможность сюжету наполниться разнообразным социально-философским содержанием.

Даже честный воин, защитник родины от «ляхов», болющий за честь и славу казацкого войска, подвержен стремлению к добыче, далекой от военной: «Я сожгу старого колдуна, так что и воронам нечего будет расклевать. Однако ж, думаю, он не без золота и всякого добра <...> Если ж у него точно есть золото, то мешкать нечего теперь: не всегда на войне можно добыть...» (Гоголь, 1994, с. 133).

Катерина, отрекающаяся от отца, призывающая Бога в свидетели своего отречения, осознающая всю пагубность присутствия этого человека в своей жизни, обращается к мужу: «– Нет, не называй его отцом моим! Он не отец мне. Бог свидетель, я отрекаюсь от него, отрекаюсь от отца! Он антихрист, богоотступник! Пропадай он, тони он – не подам руки спасти его... Ты у меня отец мой!» (Гоголь, 1994, с. 144–145).

Катерина, исполненная глубочайшей привязанности к мужу, ощущая себя как единое целое с ним⁸, не сдерживает данного ему слова, нарушает нравственный закон и, искушенная, освобождает отца из заточения и от казни, казалось, неминуемо учиненной паном Данилой: «Я выпустила его, – сказала она [Катерина. – А. Е.], испугавшись и дико осматривая стены <...> – Но я спасла душу, – сказала она тихо. – Я сделала богоугодное дело. Но муж мой... Я в первый раз обманула его» (Гоголь, 1994, с. 147). Итак, Гоголь создает коллизии, в которых герои несут на себе определенное нравственное испытание, оставляет героям возможность выбора, возможность избежать рокового сцепления обстоятельств либо, наоборот, приблизить его. Мотив выбора (от покаяния к еще большему греху) в сочетании с готовностью колдуна встретить уготованную судьбу говорят о колебаниях в мятущейся грешной душе отца Катерины: «Нет, Катерина, мне не долго остается жить уже. Близок и без казни мой конец. Неужели ты думаешь, что я предаю сам себя на вечную муку?» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 147). Ощущение близкой кары, попытка покаяния, каузальное состояние, которое переживает герой, причина и последующее действие образуют цепь событий, происходящих из прошлого, пронизывающих настоящее и исчезающих еще в неведомом будущем. Колдун, подобно сказочному герою, оказывается на распутье, стремится избрать путь, который увел бы его от наказания смерти, но окончательно запутывается; божественное предопределение возвращает его к неотвратимому наказанию: «... поехал он прямо в Канев, думая оттуда... направить путь к татарам прямо в Крым, сам не зная, для чего» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 159).

Судьба последнего потомка рода Петра многосложна еще и потому, что Гоголь в осмысление этого образа внес сложнейшие вопросы, связанные с проблемами греха, вины, смерти, покаяния и искупления.

Обращаясь к проблеме судьбы, Ю. В. Манн, анализируя участь колдуна, замечает: «У Гоголя все сложнее. Преступление рождается не из недоразумения. Оно предопределено волей колдуна, совершающего преступление: убийство Данилы и его сына, попытка обольстить дочь. В противоположность герою “трагедии рока” он знает, что делает. Но он не знает, з а ч е м о н э т о д е л а е т (выделено автором. – А. Е.)» (Манн, 1985, с. 227). Действительно, колдун знает, что делает, но он также знает, зачем он это делает. Загадка жизненного пути потомка проклятого

рода заключается в стремлении избежать наказания за личные и наследственные грехи, покаяться и в итоге избежать смерти.

О том, что колдун знает о страшном кладбище своих грешных предков, говорит уже то, что и пан Данило указывает на погост, проплывая мимо него: «Мы сейчас будем плыть мимо крестов – это кладбище! тут гниют его нечистые деды <...> Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец <...> Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец <...> Страшно потянул он руки вверх, как будто хотел достать месяца, и закричал так, как будто кто-нибудь стал пилить его желтые кости...» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 133–134). Свидетельство того, что колдун принадлежит к четвертому колену проклятого рода, усугубляется тем, что Господь наказывает «беззаконие отцов в детях до третьего и четвертого рода» [Чис. 14: 18]. В повести наблюдается сопряженность с фундаментальными оппозициями мифологизированного сознания в первой части «жизнь – смерть», «рождение – смерть», «добро – зло». Судьба колдуна поглощается божественным провидением, где его поступки и действия детерминированы волей Единого и Всемогущего Бога, однако это не избавляет его от иррациональных перипетий реальной жизни, которые лишь усугубляются фаталистической концепцией предопределения. Вследствие этого идея судьбы, выходя из сугубо мифологической части повести, продлевает свое существование в сфере философско-религиозных размышлений Гоголя, реализующихся в художественно-поэтической атмосфере повествования. Гоголь, наследуя библейские и фольклорные мифопоэтические мотивы, дополняя современными ему романтическими чертами, через которые просматривается глобальная мифическая модель мира, трактует судьбу «великого грешника» как многозначный и сложный символ жизненного пути современного Каина.

В линейном повествовании первой части проследим основные мотивы жизненных действий и состояний колдуна. Пройти мимо проблемы смеха, насмешки в повести невозможно; смех появляется и проходит буквально через все повествование и преследует героев – Ивана, Петра, колдуна – везде, где бы они ни находились. Смех впервые появляется тогда, когда Петро убивает брата Ивана: «Засмеялся Петро и толкнул его пикой...» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 162), затем Иван, испросив у Бога страшную казнь, произносит: «... повеселился бы я, глядя на его муки» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 163). «Еще раз засмеялся рыцарь и кинул ее в пропасть (страшную добычу, т. е. колдуна. – А. Е.)» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 160). Этот смех далек от смеха «гармонизирующего», это – смех проклятия и проклятых Богом, смех ненавидящих, смех злой, уничтожающий, это – смех богоотступников, покусившихся на месть. «“За смехом никогда не таится насилие”, – как странно, что Бахтин сделал это категорическое утверждение. Вся история буквально вопиет против него», – замечает С. С. Аверинцев (Аверинцев, 1992, с. 12). Воображаемый колдуном смех святого старца, который в силу восприятия божественного мира далек от того, что называется «осмеяние», приводит колдуна к убийству:

«– Отец, ты смеешься надо мною!

– Иди, окаянный грешник! не смеюсь я над тобою» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 159).

Осмеяние видится колдуну и от собственного коня: «... вдруг конь на всем скаку остановился, заворотил к нему морду и – чудо, засмеялся! белые зубы страшно блеснули двумя рядами во мраке. Дыбом поднялись волосы на голове колдуна. Дико закричал он и заплакал, как иступленный, и погнал коня прямо к Киеву. Ему чудилось, что всё со всех сторон бежало ловить его... звезды, казалось, бежали впереди перед ним, указывая всем на грешника... Отчаянный колдун летел в Киев к святым местам» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 158).

Еще с самого детства осознание своей греховности приводит колдуна к состоянию страха, именно страх влечет колдуна к остракизму и к осмеянию самого себя, отторжению от тварного мира. Он никогда до конца своей страшной смерти не может освободиться от собственной обреченности; осмеяние, в котором живет колдун, – это одновременно и немощность противостояния Богу, и стремление освободиться от вечного страха, страха собственной греховности. Злобное осмеяние, которое мнится колдуну, служит оправданием его собственных злодеяний, когда он сам страшится, плачет и трепещет от содеянного: «Тут, меж дивившимся со страхом народом,

один вскочил на коня и, дико озираясь по сторонам, как будто ища очами, не гонится ли кто за ним, торопливо, во всю мочь, погнал коня своего. То был колдун» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 158).

В состоянии безумия и мести Катерина также преследует клятвопреступного отца: «Где муж мой? – вскричала она вдруг, выхватив из-за пояса турецкий кинжал. <...> – При этом и слезы и тоска показались у ней на лице. – У отца моего далеко сердце; он не достанет до него» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 156).

Катерина трижды произносит «страшно», когда рассказывает супругу весть о детстве колдуна: «Меня устрашили чудные рассказы про колдуна. Говорят, что он родился таким страшным... и никто из детей сызмала не хотел играть с ним... как страшно говорят: что будто ему все чудилось, что все смеются над ним. Встретится ли под темный вечер с каким-нибудь человеком, и ему тотчас показывалось, что он открывает рот и выскаливает зубы. И на другой день находили мертвым того человека. Мне чудно, мне страшно было, когда я слушала эти рассказы, – говорила Катерина, вынимая платок и вытирая им лицо спавшего на руках дитяти. На платке были вышиты ею красным шелком листья и ягоды⁹» (везде подчеркнуто нами. – А. Е.; Гоголь, 1994, т. 1, с. 132).

Венцом трагического состояния Катерины является чувство безысходности при воспоминании о погребении ее мужа: «С визгом притопывала она ногами ... <...> Как птица, не останавливаясь, летела она, размахивая руками и кивая головою, и казалось, будто, обессилев, или грянется наземь, или вылетит из мира. <...> “– Мне пришла на ум забавная история: я вспомнила, как погребали моего мужа. Ведь его живого погребли... какой смех забирал меня!.. Слушайте, слушайте!” И вместо слов начала она петь песню:

Біжить возок кривавенький;
У тім возку козак лежить,
Постріляний, порубаний.
В правій ручці дротик держить,
З того дроту кривця біжить;
<...>
За козаком мати плаче.
Не плачь, мати, не журися!
Бо вже твій син оженився,
Та взяв жінку паняночку,
В чистом полі земляночку,
І без дверець, без оконець.
Танцювала рыба з раком...
А хто мене не полюбить, трясця его матерь!¹⁰» (Гоголь, 1994, с. 155–156).

В Катерине просыпается на мгновение тот неуправляемый и потому опасный в своей стихии смех, когда «нельзя смеяться». Катерина отдается в отчаянии стихии смеха, разрушающего мир ее души (подробнее о подобном смехе см.: Аверинцев, 1993, с. 341–345).

Еще один мотив, который в повести настойчиво повторяется Гоголем семь раз и берет свое начало от мифического сознания, – это попытка кровосмешения, инцеста колдуна с собственной дочерью Катериной. Греховность, попытка избежать смерти, божьего гнева влечет отца к собственной дочери; его влечение – это стремление «возвращения в утробу», перерождение от собственного рода, стремление подменить собой законного мужа – пана Данилу (что и приводит колдуна к цепи убийств, сначала жены, затем зятя, а потом внука Ивана). Убийство внука Ивана возвращает сюжет к первоначальной, мифической части, и повторяет сюжет убийства Петром Ивана, ибо убийство Бурульбаша окончательно обрывает родовые связи дочери Катерины с колдуном: «Думала, буду хоть в тишине растить на месть сына... Страшен, страшен привиделся он (колдун. – А. Е.) мне во сне! Боже сохрани и вам увидеть его! Сердце мое до сих пор бьется. “Я зарублю твое дитя, Катерина, – кричал он, – если не выйдешь за меня замуж!..” – и, зарыдав, кинулась она к колыбели, а испуганное дитя протянуло ручонки и кричало» (Гоголь, 1994, т. 1,

с. 153). Опять совершается убийство, но уже сына Катерины: «Вдруг Катерина, вскрикнув, проснулась, и за нею проснулись все. “Он убит, он зарезан!” – кричала она и кинулась к колыбели. Все обступили колыбель и окаменели от страха, увидевши, что в ней лежало неживое дитя» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 154). Попадая в круговорот мщения, Катерина решается «растить на месте сына» своему отцу, тем самым, не ведая того, обрекает свое дитя на погибель.

Впоследствии, когда преступный отец Катерины после убийства её мужа Данилы и сына Ивана приступает к «богопротивному умыслу» и, склоняя дочь свою к кровосмесительному союзу, богохульствуя, ссылаясь на покойного Бурульбаша, произносит: «“Гляди, брат Копрян: когда волею Божией не будет меня на свете, возьми к себе жену, и пусть будет она твоею женою...” Страшно вонзила в него очи Катерина. “А! – вскрикнула она, – это он! это отец!” – и кинулась на него с ножом. <...> совершилось страшное дело: отец убил безумную дочь свою» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 157). Гоголь единожды присваивает колдуну имя «Копрян», отталкиваясь от глагола «копырять, копырнуть», что означает в переносном употреблении «столкнуть, ссадить с места» (Даль 1999, т. 2, с. 159), таким образом подчеркивая намерение его поступка. «Непрерывный брак» бегущего от своей судьбы колдуна, стремящегося к возрождению своего рода через инцест, попытка предстать как два лица – отец и муж (тем самым возникает мотив отложенного наказания), самоотрицание первой роли ради второй, сопротивление Катерины преступному браку, убийство дочери, – всё это в итоге приводит к краху инцестуальных посягательств колдуна.

Еще один эпизод, мимо которого невозможно пройти при рассмотрении мотива инцеста в повести, связан с несостоявшимся отцеубийством, что позволяет говорить о нем как возможном влиянии ветхозаветного апокрифа о благочестивой вдове Юдифи (Иудифи) и об ассирийском полководце Олоферне, мечтавшем овладеть ею и погубленным вдовой ради спасения своего города. Преследуемая мстостью и безумием, Катерина сама готова нарушить нормы экзогамии и прибегнуть к инцесту, чтобы покарать преступного отца, повинного в смерти ее мужа и сына: «“Что ж нейдет отец мой? разве он не знает, что пора заколоть его? Видно, он хочет, чтоб я сама пришла... – И, не докончив, чудно засмеялась. <...>”» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 156).

Необходимо рассмотреть важнейший аспект нравственно-философских осмыслений Гоголя, без которого невозможно понять художественную действительность повести, продиктованную эпохой, – это вопрос богоотступничества, осознания собственной греховности, спасения души и покаяния. Манн замечает: «... Душевное же состояние колдуна развивается вне субъективно осознаваемых координат добра и зла, преступления и раскаяния» (Манн, 1985, с. 226). Однако в сцене моления перед дочерью в попытке освободиться от казни посаженный в глубокий подвал и ожидающий казни «... Не за колдовство и не за богопротивные дела сидит в глубоком подвале колдун: им судия Бог; сидит он за тайное предательство, за сговоры с врагами православной Русской земли – продать католикам украинский народ и выжечь христианские церкви» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 145). Важным местом для понимания образа колдуна является сцена разговора отца с дочерью: «Катерина! меня не казнь страшит, но муки на том свете... душа богоотступного отца твоего будет гореть в огне вечном <...> ты можешь спасти мою душу¹¹. Ты не знаешь еще, как добр и милосерд Бог. <...> Покаюсь: пойду в пещеры, надену на тело жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу»¹² (подчеркнуто нами. – А. Е.; Гоголь, 1994, т. 1, с. 146).

Гоголь, создавая проникновенный покаянный монолог колдуна к дочери, вкладывает в его речь слова, будто взятые из Библии: «... ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе Единому согрешил я...» [Пс. 50: 5–6]. Таким образом, колдун – это грешник, который указывает на себя как на «богоотступного отца», человека без Бога. Сознвая собственное богоотступничество, колдун во имя спасения души уповает на милосердие Бога через покаяние: «Покаюсь:... день и ночь буду молиться Богу. <...> когда не снимет с меня милосердие Божие хотя сотой доли грехов...» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 146). Но голос автора, предваряя сцену вымаливания свободы колдуном перед дочерью, выражает обреченность его чаяний: «Может быть, он уже и кается перед смертным часом, только не такие грехи его, чтобы Бог простил ему» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 145).

Сцена ложного устремления к покаянию пронизана глубочайшими несоответствиями видимости и действительности. Покаяние колдуна обретается в будущем времени и утверждается в этом устремлении: «– Если бы мне удалось отсюда выйти, я бы всё кинул». Условие, которое ставит колдун, не является знаком искренности. Неслыханный грешник проявляет все внешние признаки покаяния: отказ от предыдущей жизни; свои уверения он сопровождает внешними проявлениями искупления: постом («Не только скоромного, не возьму рыбы в рот!»), надеванием «на тело жесткой власяницы» («не постелю одежды, когда стану спать!») (Гоголь, 1994, т. 1, с. 146). Иоанн Креститель предостерегает от внешнего притворства, оставляющего в забвении истинное покаяние: «... порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? сотворите же достойный плод покаяния...» [Мф. 3: 7, 8]. Богохульство колдуна проявляется в признании собственной вины («...снимет с меня милосердие Божие хотя сотой доли грехов»), но не отказа от тяжкого греха; желаемое покаяние не приводит колдуна к новой жизни; наоборот, избавление от лютой смерти ведет к еще большему греху: к убийству всего семейства Бурульбашей, а затем святого схимника.

Манн считает: «В “Страшной мести” нет никаких субъективных или внешних обоснований действий колдуна <...> Душевный мир колдуна... обнаруживает не столько морально-однозначное психологическое переживание вины, раскаяния и т. д., сколько спутанность, неопределенность» (Манн, 1985, с. 223, 226). Необходимо заметить, что колдун является в повести не сам по себе, он плод художественного сознания, вне которого нельзя понять ни образ, ни само произведение, ни отраженных в них авторских интенций. Авторское сознание писателя движется между предопределением судьбы великого грешника и возможностью его выбора, возможностью избежать, победить грех либо, наоборот, очередным преступлением приблизить роковое сцепление обстоятельств. Колдун является мистиком, магом, демонически связанным с тайными силами, способным материализовать духовные сущности; тому пример – вызов души Катерины, когда он одним властным внушением призывает ее к себе.

Идея судьбы в повести оказывает свое действительное влияние на сферу художественно-поэтической символики. В эпизоде колдовства после убийства пана Данилы к колдуну вместо души вожденной им дочери Катерины неожиданно появляется предвестие Страшного Суда, неизбежности уготованной ему судьбы: «Посреди хаты стало веять белое облако, и что-то похожее на радость сверкнуло в лицо его. Но отчего же вдруг стал он недвижим, с разинутым ртом, не смея пошевелиться, и отчего волосы щетиною поднялись на его голове? В облаке пред ним светилось чье-то чудное лицо. Непрошенное, незваное, явилось оно к нему в гости;... и вперило неподвижные очи. ... Никогда во всю жизнь свою он его не видывал. <...> Колдун весь побелел как полотно. Диким, не своим голосом вскрикнул...» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 153). Колдун в человеке «... во всей рыцарской сбруе <...> узнал он на нем то же самое лицо, которое, незваное, показало ему, когда он ворожил. Сам не мог он разуместь, отчего в нем все смутилось при таком виде. ... Тут поворотил он домой, может быть, допросить нечистую силу, что значит такое диво. <...> Отчаянный колдун летел в Киев к святым местам» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 158). Отражением веры в судьбу у колдуна является и вспыхнувшее с новой силой устремление к колдовству, но последнее средство изменить свою грешную жизнь он видит в обращении к святым местам.

Итак, в повести предстает явление, тесно связанное с ритуалом предсказания рокового возмездия, в значении предустановленного, назначенного срока смерти. Это объясняется в значительной степени фундаментальной оппозицией мифологического сознания «жизнь – смерть». В страхе перед карой за тяжкие грехи, колдун в первую очередь думает о наказании и о стремлении избежать его, чем о покаянии. В действиях страшного грешника, в его состояниях проявляется только «страх» и «отчаяние»; нет стремления к искуплению, чтобы обрести в Боге Отца, а остается только желание избежать наказания Бога-Судии.

Манн в анализе образа колдуна замечает: «Казалось бы, все у Гоголя развивается в сторону наибольшего превышения меры злодейства. <...> Душевное же состояние колдуна развивается вне субъективно осознаваемых им координат добра и зла, преступления и раскаяния» (Манн,

1985, с. 225–226). Рассмотрим две сцены, где колдун становится окончательно «рабом греха». Колдун в предощущении казни Божией стремится к покаянию, так как осознает, что Господь может предать грешника смерти: «– Нет, Катерина, мне не долго остается жить уже. Близок и без казни мой конец. Неужели ты думаешь, что я предаю сам себя на вечную муку?» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 147). Лежащая во зле душа колдуна, несущая в себе наследственный грех и личные грехи, все время обретаётся и живет под угрозой Божьего Суда, ибо только Бог Сам во исполнение Своего Суда может предать человека смерти: «Вот, наступают дни, в которые Я подсеку мышцу твою и мышцу дома отца твоего, так что не будет старца в доме твоём [никогда]» [1 Цар. 2: 31]. Образ колдуна тем и страшен, что его переживания, в которые он как демоническое создание верит: в добро и зло, преступление и наказание Божье, – но, пережив эти состояния, еще более укрепляется в собственной греховности.

Оказавшись в пещере схимника, стремясь избежать наказания Бога-Судии, а не обрести искупление грехов, колдун обращается к святому старцу: «– Отец, молись! молись! – закричал он отчаянно, – молись о погибшей душе! – и грянулся на землю» (подчеркнуто нами. – А. Е.; Гоголь, 1994, т. 1, с. 159). Не с верой в Бога, не с благостью, без веры и надежды во всепрощение звучит его призыв к схимнику. В самом его облике сквозят страх и ужас грешника, пораженного таинственным проклятием и пугающим одним своим видом: «Весь дрожал он, как осиновый лист; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался из очей; дрожь наводило на душу уродливое его лицо» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 159). Для успокоения совести одной просьбы о любви Божией ничтожно мало; у неслыханного грешника нет способности ответить на любовь Божию любовью, прийти к искуплению¹³. Гоголь в осмыслении образа окаянного грешника, говоря о погибшей душе, созвучен изречению: «... беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне» (Пс. 37: 5). Это бремя для колдуна становится столь тяжким, что он уже не может поверить, что получит прощение.

После отказа святого в помиловании: «– Нет, неслыханный грешник! нет тебе помилования!..

– Нет? – закричал, как безумный, грешник. <...>

– Отец, ты смеешься надо мною!

– Иди, окаянный¹⁴ грешник! не смеюсь я над тобою. <...>

И как бешеный кинулся он – и убил святого схимника!» (подчеркнуто нами. – А. Е.; Гоголь, 1994, т. 1, с. 159).

В отчаянии в милости Божией, в дерзком уповании на Божественную Благодать колдун совершает окончательный, по тяжести величайший, грех против Святого Духа. Этот грех, по словам Самого Спасителя, не простится ему ни в сей век, ни в будущий, не от недостатка Божьей Благодати, а в силу нераскаянности грешника: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку» [Мф. 12: 31]. Отказ покаяться вызывает ожесточение несчастного грешника и приводит к немилости Божьей: «Итак, кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает» [Рим. 9: 18]. Для колдуна пришло то время, когда отречься от зла становится уже невозможно; из-за своих грехов он оказывается божьим противником: «Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится» [Откр. 22: 11]. Окаянный грешник чувствует себя не способным ответить на любовь Божию любовью, не в силах победить грех, живущий в его природе. Колдун – это «раб греха», он не может не убивать, потому что порча поразила его душу. Зло кроется в самом несчастном, тот страх, который он всечасно переживает, свидетельствует об осознании им своих грехов: «Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое» [Рим. 2: 9].

«Когда придет час меры в злодействах тому человеку» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 163), – пишет Гоголь, – тогда неминуемо колдун подвергнется Божьему Суду за свои преступления. Осознание того, что он не избежит кары Божией, что он чужд богообщению, приводит его к чувству отчаяния в спасении и в конечном итоге – к смерти. Смысл финала повести заключается в вопросе, почему несчастному грешнику не дается искупление своих грехов и своего рода, почему Гоголь не приводит колдуна к новозаветным переживаниям, исходящим из того, что Иисус Христос

своей смертью и воскресением победивший зло, не только искупил человеческий грех, но и принес освобождение от власти зла. Мы уже упоминали, что в повести Гоголя прослеживаются два течения мыслей: абсолютное наказание за грех и покаяние, ведущее к началу новой жизни.

Рассмотрим финальные эпизоды первой части повести. Совершенное преступление, убийство схимника, в очередной раз отзывается на предках колдуна, не дает успокоения им в загробной жизни; сбылось проклятие убиенного Ивана: «Что-то тяжко застонало, и стон перенесся через поле и лес. Из-за леса поднялись тощие, сухие руки с длинными когтями; затряслись и пропали» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 159).

С убийством схимника несчастного грешника наступает духовная смерть, то зло, которое несет в себе проклятие и гибель: «А согрешающий против Меня наносит вред душе своей: все ненавидящие Меня любят смерть» [Притч. 8: 36]. Колдун утрачивает способность различать не только добро и зло, но и путь спасения: «И уже ни страха, ничего не чувствовал он. Все чудится ему как-то смутно. ... и все, что ни есть перед глазами, покрывается как бы паутиною» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 159). Попытка бежать от мест, где он совершил страшные злодеяния, приводит его к смерти физической. По мысли Манна, «Палач становится жертвой. Не вытекает ли невообразимая спутанность его переживаний из той же несвободы и связанности, которая предопределена высшим решением?» (Манн, 1985, с. 228). Таким образом, из заключения ученого создается мнение о нестрадательности героя, но читатель с напряженным вниманием следит за перипетиями судьбы окаянного грешника, в итоге призывающего молиться святого схимника об отмене неотменяемого удела. Судьба потомков грешного рода Петра была предопределена, но путь, исходя из повествования, к спасению приоткрывался: путь, который неслышанный грешник закрыл для себя, превратившись в абсолютное зло. В колдуне поселяется дьявольское разрушительное начало, покушающееся на Божий мир: «Нет такого слова на свете, которым бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотелось бы весь свет вытоптать конем своим, взять всю землю от Киева до Галича с людьми, со всем (езде подчеркнуто нами. – А. Е.) и затопить ее в Черном море. Но не от злобы хотелось ему это сделать; нет, он сам не знал отчего» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 159–160).

Итак, круг жизни великого грешника замыкается; судьба подводит его к казни Иваном, предательски убитым Иудой Петром, предком колдуна¹⁵. В повести Иван – это тот самый «в страшном величии всадник», который ожидает последнего в роде злодея, «какого еще и не бывало на свете!», тот самый Иван, обреченный Богом на вечное скитание¹⁶. Иван-рыцарь и колдун, последний великий грешник из проклятого рода Петра, разъединены историческими эпохами, но в то же время они объединены родовым проклятием и наказаньем Божьим. Герои находятся в едином художественном пространстве, включающем в себя и миф – ту самую «внешнюю» культурную данность – и собственно художественный текст с изображенным в нем миром автора-протеза и «слушателя»-читателя, – и всё это неслиянно и одновременно нерасторжимо в творящейся целостности.

Думается, что Гоголь, создавая образ вечного странника, опирался также на легенду из Ветхого Завета о Каине, которого Яхве обрекает на скитания, но запрещает лишать его жизни: «И сказал [Господь]: что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; ... ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» [Быт. 4: 9, 10, 11, 12]. Этот мотив важен своей амбивалентностью: Иван-Авель превращается в Ивана-Каина: «... подыми меня, Боже, из того провала на коне на самую высокую гору, и пусть придет он ко мне, и брошу я его с той горы в самый глубокий провал...» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 163). Таким образом, Иван казнит последнего злодея из рода Петра. Через века страшную месть, подобную той, которую сотворил Петро над Иваном, творит Иван над родом Петра.

Перед казнью потомок в четвертом колене – колдун – испытывает ужас наказания за свои грехи, в него проникает страшный издевательский смех, смех проклятия, смех абсолютного зла, который слышится от Ивана-рыцаря; и чудится колдуну, «что недвижимый всадник шевелится и разом открыл свои очи», созерцая долгожданную жертву: «Как гром, рассыпался дикий смех

по горам и зазвучал в сердце колдуна, потрясши всё, что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влез в него и ходил внутри его и бил молотами по сердцу, по жилам... Так страшно отдался в нем этот смех!» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 160).

Трагедия духовного разрушения человека, попавшего во власть смерти, отпавшего от Бога, вобравшего в себя зло, не только не соблюдавшего заповеди Бога, но и предавшегося греху, отображается Гоголем в сцене неотвратимого наказания: «Ухватил всадник страшно рукою колдуна и поднял его на воздух! Вмиг умер колдун и открыл после смерти очи. Но уже был мертвец и глядел как мертвец. Так страшно не глядит ни живой, ни воскресший. Ворочал он по сторонам мертвыми глазами [езде подчеркнуто нами. – А. Е.] и увидел поднявшихся мертвецов от Киева, и от земли Галичской, и от Карпата, как две капли воды схожих лицом на него. Бледны, бледны, один другого выше, один другого костистей, стали они вокруг всадника, державшего в руке страшную добычу. Еще раз засмеялся рыцарь и кинул её в пропасть. И все мертвецы вскочили в пропасть, подхватили мертвеца и вонзили в него свои зубы» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 160).

Финальная сцена смерти великого грешника наполнена апокалиптическими аллюзиями¹⁷: смерть, физическая и духовная, рассматривается писателем как кара, постигшая колдуна не только за содеянное страшное зло его самого, но и его предков, – начиная с Петра; те бледные мертвецы, «один другого выше, один другого костистей» метафорически передают то упорство во зле, которое связано со всем родом Петра и накапливалось всё больше и сильнее, – это и есть воплощение абсолютного зла. Гоголь заставляет колдуна остро переживать личную судьбу, потому так трагически изображается конец этой грешной жизни, лишенной веры, которую дал Христос своею смертью и воскрешением во имя спасения рода человеческого. Нравственно-эстетические размышления Гоголя при создании мифических образов Петра и Ивана созвучны строкам из послания святого апостола Павла к Колоссянам: «... и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное, и небесное. И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою...» [Кол. 1: 20, 21. 22].

Гоголь предупреждает, что, если хотя бы один великий грешник сумел бы вырваться из ада, «то опрокинул бы и Карпат, и Седмиградскую и Турецкую землю; немного только подвинулся он, и пошло от того трясение по всей земле. И много поопрокидывалось везде хат. И много задавило народу» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 160). Повесть обрамляется авторским грозным предостережением о возможной вселенской катастрофе, которая может обрушиться на человечество; осознание греха, перерастающего во вселенский грех, влекущего за собою гибель всего человечества, находится в центре внимания гоголевских теургических размышлений: «Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» [Рим. 6: 23].

Переключение в финале из одного временного плана в другой позволяет рассматривать современные события с позиции нравственной зрелости и религиозной чистоты, выявить вечность духовных начал, нарушение которых может породить греховную силу, способную погубить человечество: «Слышится часто по Карпату свист, как будто тысяча мельниц шумит колесами на воде. То в безвыходной пропасти, которой не видал еще ни один человек, страшный проходивший мимо, мертвецы грызут мертвеца. Нередко бывало по всему миру, что земля тряслась от одного конца до другого: то оттого делается, толкуют грамотные люди, что есть где-то близ моря гора, из которой выхватывается пламя и текут горящие реки. Но старики, которые живут и в Венгрии и Галичской земле, лучше знают это и говорят: что то хочет подняться выросший в земле великий, великий мертвец и трясет землю»¹⁸ (Гоголь, 1994, т. 1, с. 160).

Финал повести опять возвращает читателя к апокалиптическим переживаниям: «... я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» [Откр. 6: 12]; «И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое!» [Откр. 16: 18].

Главным мотивом повести становится вера в преодоление смерти Иисусом Христом, через Которого становится возможным спасение всего рода человеческого. В «Страшной мести» Гоголь, беря за основу христианские мифопоэтические мотивы, дополняя их современными ему философскими, этическими ассоциациями, выступает как художник, разрешающий многозначную и сложную проблему жизненного пути человека, народа, всего человечества, которая приобретает в его творчестве теургический характер.

Выводы

В повести Гоголя на первый план выдвигается судьба человека, его жизненный путь, нравственный выбор. Автор-рассказчик является незримым героем, участником событий. Сложность проблемы повествования в итоге проявляется в риторической направленности авторского сознания, позволяющей повести обрести внешнее композиционное завершение. Мы наблюдаем его активность в создании художественного целого, где изображенный мир движется к читательскому сознанию. В этой единой художественной целостности только автор свободен в этом им самим созданном времени-пространстве, соединяя разные миры.

В этой связи возникает очень важный вопрос нравственной позиции автора-творца, причем эта позиция одновременно избираема автором и совершенно не зависит от него, ибо он сам являет собою голос из мира, формирующийся данным ему Богом взглядом на мир.

У Гоголя повествователь является незримым героем всех событий повести, протейческим субъектом без «точно очерченной “субъективности”» (Бочаров, 1974, с. 114). Это он прозревает и запечатлевает приговор Бога Ивану и рассказывает о состоянии народа после слушания старинной притчи, находится вместе со слушателями бандуриста, это он скорбит о кончине отважного Бурульбаша и, выстраивая историческое время, размышляет над связями личной судьбы и вселенскими катаклизмами¹⁹.

Следует не забывать, что Гоголь, будучи писателем, проявляет интерес к истории как отечественной, так и западной, поэтому с полным основанием можно утверждать, что он вслед за Н. М. Карамзиным и А. С. Пушкиным на русской национальной почве разрабатывает принципы соприкосновения творческой фантазии художника и аналитической мысли историка. Еще в 1802 г. в программной статье «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин ставил принципиальный как для русской историографии, так и для художественной мысли вопрос о возможности синтеза образного и аналитического мышления: «Во всяких старинных летописях есть басни, освященные древностию... особливо, если они представляют *живые черты времени*» (Карамзин, 1964, с. 190). Опыт Карамзина дал возможность Гоголю создать ту эстетическую позицию, которая позволила ему как философу истории и художнику создать более широкий диапазон для свободы осмысления исторического и библейского материала в едином этическом акте, соотношенном с его нравственной позицией. Гоголю было важно не только выработать у читателя взгляд на событие, но и оглядеться на самого себя, на день сегодняшний; причем он это делает без указующего перста, который появляется у него в «Выбранных местах из переписки с друзьями», но там поэтика требовала совсем иной авторской установки.

Гоголь, создавая образ рассказчика, обратился к летописной традиции. М. М. Бахтин так определяет позицию автора-творца на изображаемые события: «Во-первых, он смотрит из своей незавершенной современности во всей ее сложности и полноте, причем сам он находится как бы на касательной к изображаемой им действительности. Та современность, из которой смотрит автор, включает в себя прежде всего область литературы, притом не только современной в узком смысле слова, но и прошлой, продолжающей жить и обновляться в современности. Область литературы и шире – культуры (от которой нельзя оторвать литературу) составляет необходимый контекст литературного произведения и авторской позиции в нем, вне которого нельзя понять ни произведения, ни отраженных в нем авторских интенций» (Бахтин, 1975, с. 404).

Гоголь в «Страшной мести» изображает мир с точки зрения незримо участвующего в событии рассказчика: он присутствует и в «мифологической» части, и в повествовательной. Разгадка подобного феномена таится в том, что «Автор-творец... находясь вне хронотопов изображаемого

им мира, ... не пользуясь ничьим посредством, ведет рассказ прямо от себя как чистого автора..., в этом случае он может изображать временно-пространственный мир с его событиями как *если бы* он видел и наблюдал его, как *если бы* он был вездесущим свидетелем его» (Бахтин, 1975, с. 404–405).

В повести Гоголя созданный им миф по мере сопоставления с художественным миром первой части, видится грандиознее, обнаруживая свой непреходящий смысл. Смысловая историческая перспектива остается принципиально открытой, незавершенной, представляет собой разомкнутую целостность, направленную на нравственную потенцию читателя. Библейский мифологический материал переводится повествователем с помощью художественно-философского преломления в план сюжетной коллизии, создает своеобразную параболу, которая задает в рамках художественного целого свою систему ценностных ориентиров.

Уникальность личностного нравственного опыта Гоголя создает внутреннюю свободу авторского определения и истолкования «вечных истин». То, что «миф» дается не сам по себе, а включен в обрамляющую его повесть, воспринимается не просто как прием, утвердившийся в литературе 1830-х гг., а как ведущий способ воспроизведения жизни через миф, подготавливающий духовное осмысление целостности бытия. У Гоголя миф представлен автором как глубинное проявление миробытия: герои в себе несут независимо нравственную истину либо указывают своим мироповедением на отклонение от нравственной нормы постижения жизни.

Итак, Гоголь в «Страшной мести» создает такой тип философского обобщения, который носит «мифологизированный» характер и который осуществляется с помощью переключения повествования из одного временного плана в другой, что, в свою очередь, способствовало становлению нового типа прозы, объединяющей черты литературы и мифа.

Примечания:

¹ Обращение к философской прозе наблюдается в творчестве Любоумров, А. С. Пушкина, А. И. Герцена и в дальнейшем только усиливается в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. В. Ф. Одоевский еще в 1820-е гг. обдумывает замысел «Русских ночей», а Д. В. Веневитинов делает наброски романа «Владимир Паренский» (1827). Н. В. Станкевич приступает к созданию повести «Несколько мгновений из жизни графа Z***» (1834), Е. А. Баратынский публикует повесть «Перстень» в журнале «Европеец» (1832, № 2), И. В. Киреевский создает повесть «Царицынская ночь» (1827) и выдержанную в форме волшебной сказки повесть «Опал» (1830), А. И. Герцен пишет аллегорию «3 августа 1833». Особенно значимы повесть Пушкина «Египетские ночи» и отрывок «Мы проводили вечер на даче...», которые датируются 1835 г., «Гости съезжались на дачу...» относится предположительно к 1828–1830 гг. Мы не ставили задачу выяснить, знакомы ли были перечисленные авторы с теми или иными произведениями друг друга; для нас важнее подчеркнуть общую тенденцию в развитии русского художественного сознания 30-х гг. XIX в., которая коренится во внутренних потребностях эпохи, сформировавшей у разных авторов такой способ ее философского осмысления.

² Философско-художественное произведение, так как в нем делается акцент на впечатлении от силлогизма, легко отходит от сюжетной действительности, обращаясь к этой действительности как к одной из возможностей постижения смысла бытия, но не собственно художественного, а нравственного характера. Философская проза в период становления не имела особых внутренне содержательных форм, а использовала силлогизм, логическую антитезу, апофегму, аполог, хрию, притчу, афоризм, параболу, анекдот, миф, активно вводя их в художественную целостность произведения и трансформируя их. Тесно связанная с социально-бытовым контекстом эпохи, философская проза в основе своей воздействует патетически: внушает, доводит до сознания то, что было известно из житейского опыта, выработанного человечеством. Философская проза не проводит резкой границы между смыслом и живым явлением действительности, напротив, она, вдвигая нравственное начало в рамки житейского опыта, побуждает к размышлению о сущности бытия.

³ Найденному Гоголем и Пушкиным и их современниками художественному способу философского обобщения в форме вставной истории суждена будет долгая жизнь в русской литературе: он гениально трансформируется в творчестве зрелого А. И. Герцена («Былое и думы»), Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы»), И. С. Тургенева («Призраки»), А. П. Чехова («Студент»), А. М. Горького («Старуха Изергиль»).

⁴ Наиболее последовательное и четкое изложение трактовки притчи дано Г. В.-Ф. Гегелем: «Притча ... берет события из сферы обычной жизни, но придает им высший и более всеобщий смысл, ставя своей целью сделать понятным и наглядным этот смысл с помощью повседневного случая...» (Гегель, 1969, т. 2, с. 100). Гоголь в своем прозаическом опыте обращается

к жанровому приему сопоставления времени-пространства, «тогда» и «сейчас», когда герои превращаются в двуединый инструмент для выявления нравственной библейской истины. Диалектически осваивая опыт синкрисиса, Гоголь выявляет два образно-смысловых ряда: один, обусловленный высоким библейским началом, и второй – сюжетно-бытовым, обыденным, житейским образом, – все это вводит в повесть столь важный для своего творческого метода религиозный аспект.

⁵ Как отмечает А. А. Папазян, «В христианском средневековом искусстве и литературе образ Авеля рассматривался как прообраз Христа, жертва Авеля – как символ евхаристии, его смерть – как предвестие смерти Христа на кресте... К сюжету легенды о Каине и Авеле обращались многие художники 16–17 вв. (Корреджо, Тициан, Я. Тинторетто, А. Дюрер, П. П. Рубенс, Рембрандт и др.)» (Папазян, 1987, с. 609). Думается, эти осмысления, на которые указывает Папазян, были созвучны Гоголю в пору создания «Страшной мести»; это, безусловно, свидетельствует о глубине проникновения церковного сознания в духовную жизнь писателя.

⁶ В нравственном богословии указываются различные виды греха. Так, Петро и Иван совершают «тяжкий» грех, действуя с полным сознанием противозаконно, не силясь ему сопротивляться. Катерина совершает «невольный» грех, в основании которого лежит духовная слабость и неосмотрительность. Колдун совершает грехи «смертные», т. е. такие, которые избличают в нем богоотступника и делают его мертвым для восприятия божественной благодати: «Вмиг умер колдун и открыл после смерти очи. Но уже был мертвец и глядел как мертвец. Так страшно не глядит ни живой, ни воскресший» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 160). (О делении грехов по свойству греховных действий, степени участия в грехе, сознании и воли, тяжести преступления см.: Васильев П. П., 1993, с. 431.)

⁷ Описание слепого бандуриста у Гоголя созвучно осмыслениям Ф. И. Буслаева: «... это бродячие певцы, воспевающие ... песни, имеющие религиозное содержание, заимствованное из Библии... с примесью разных посторонних элементов <...> слепые старцы – нищие, которые и доселе обходят села и деревни со своими духовными стихами. <...> Гомерическая личность слепого старца, ходящего по миру со своими духовными стихами, имеет существенное значение в русской жизни. <...> Духовный стих по своему религиозному содержанию стоит вне текущих мелочей действительности. <...> Как церковная книга, он поучает безграмотного в вере, в священных преданиях, в добре и правде» (выделено Буслаевым. – А. Е.; Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи. Впервые опублик. в 1861 г.; Буслаев, 2003, с. 338–339).

⁸ В Библии сказано: «И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего]. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» [Быт. 2: 23–24].

⁹ Сообразуясь с романтической эстетикой, отметим, что красный шелк на платке, которым вытирает Катерина сына Ивана, является предвестием смерти младенца.

¹⁰ В период написания «Страшной мести» Гоголь задумывает статью «О малороссийских песнях», которую заканчивает в 1833 г. (впервые опублик. в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1834 г. Ч. 2. № 4. Отд. 2). Отметим знаменательные переключки из песни Катерины с заметками писателя. Так, в частности по поводу финала подобной песни Гоголь пишет: «Оттого весьма многие, не поняв, считали подобные обороты бессмыслицей. Чувство у них выражается вдруг, сильно, резко и никогда не охлаждается длинным периодом. <...> Это примечается даже в самых заунывных песнях, которых раздирающие звуки с болью касаются сердца. Они никогда не могли излиться из души человека в обыкновенном состоянии... <...> каждое слово этой яркой речи проходит душу. Взвизги ее иногда так похожи на крик сердца, что оно вдруг и внезапно вздрагивает, как будто бы коснулось к нему острое железо. Безотрадное, равнодушное отчаяние иногда слышится в ней так сильно, что заслушавшийся забывается и чувствует, что надежда давно улетела из мира... Это невыносимый вопль матери, у которой свирепое насилие вырывает младенца, чтобы зверским смехом расшибить его о камень» (Гоголь, 1994, т. 7, с. 165–167).

¹¹ Мотив обманутой погибшей чистой души, мнимого богоугодного дела так пронзительно прозвучит у М. Ю. Лермонтова в поэме «Демон».

¹² Если Бурульбаш хочет казнить колдуна не за колдовство и богоотступничество, не беря тем самым на себя роль божественного судии, то Катерина, выпуская отца и нарушая клятву, данную мужу, мнимо считает в оправдание себя: «– Но я спасла душу, – сказала она тихо. – Я сделала богоугодное дело», забывая, что душу грешника может спасти только Бог. Этот поступок губит не только ее, но и всё ее семейство, ибо искупление от греха может дать только Бог, а не человек: «... человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него...» [Пс. 48: 8].

¹³ Обращение колдуна к схимнику созвучно обращению царя Бориса к юридикову, которое происходит также после убийства младенца. Именно пушкинской трагедии «Борис Годунов» Гоголь посвятил в 1831 г. восторженную статью «Борис Годунов. Поэма Пушкина» (впервые опублик. И. С. Аксаковым в газете «Русь» в 1881 г. № 12, 31 января).

Пушкин:

Царь

<...> Молись за меня, бедный Николка.

*(Уходит.)**Юродивый**(ему вслед)*

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит («Борис Годунов»; Пушкин 1975, с. 242).

Гоголь:

– Отец, молись! ... молись... о погибшей душе! <...>

– Нет, неслыханный грешник! нет тебе помилования!..

Не могу молиться о тебе (Гоголь, 1994, с. 159).

¹⁴ «Окаянный» значит, по словарю В. И. Даля, «проклятый, нечестивый, отчужденный, преданный общему поруганию; недостойный, жалкий; погибший духовно, несчастный; грешник || сщ. м. злой дух, нечистый дьявол, сатана» (Даль, 1999, с. 661).

¹⁵ Трижды Иван называет Петра Иудой, т. е. предателем. Гоголь здесь использует мотив о предательстве Иисуса Христа Иудой Искариотом:

Библия:

«... но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы тому человеку не родиться» [Мк. 14: 21].

Гоголь:

«Великую обиду нанес мне сей человек: предал своего брата, как Иуда <...> Иуда Петро ... терпел бы муку еще горшую...» (Гоголь, 1994, с. 163).

Отталкиваясь от мифа об Авеле и Каине, Гоголь интерпретирует в образе Ивана образ Авеля, который в христианской литературе и искусстве рассматривался как прообраз Христа.

¹⁶ Обреченный на вечное скитание, Иван, не простивший, отрекшийся от Бога, также терпит страшное наказание. «Страшна казнь, тобою выдуманная, человече! – сказал Бог. – Пусть будет так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе Царствия Небесного, покамест ты будешь сидеть там на коне своем!» (Гоголь, 1994, с. 163–164). Гоголь трансформирует миф об Агасфере. Иван, подобно Агасферу, который оскорбительно отказал Иисусу Христу во время его страдальческого пути на Голгофу под бременем креста и безжалостно велел ему идти дальше, обречен из века в век на вечные скитания: «Какой богатырь с нечеловечьим ростом скачет под горами, над озерами ... Блещут чеканные латы ... И сонный, держит повод, и за ним сидит на том же коне младенец-паж и также спит и, сонный, держится за богатыря. Кто он, куда, зачем едет? – кто его знает. Не день, не два уже он переезжает горы» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 155).

¹⁷ Думается, что, изображая смерть колдуна, Гоголь черпал мотивы смерти из Откровения святого Иоанна Богослова. Рассмотрим лишь некоторые из этих моментов:

Гоголь:

«Ухватил всадник страшною рукою колдуна... Вмиг умер колдун... <...> Бледны, бледны... стали они [мертвецы. – А. Е.] вокруг всадника, державшего в руке страшную добычу [колдуна. – А. Е.]. Еще раз засмеялся рыцарь и кинул её (добычу, т. е. колдуна. – А. Е.) в пропасть. И все мертвецы вскочили в пропасть, подхватили мертвеца и вонзили в него свои зубы» (Гоголь, 1994, с. 160).

Библия:

«И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним...» [Откр. 6: 8].
«Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана... и низверг его в бездну...» [Откр. 20: 2, 3].
«Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» [Ис. 14: 15].

¹⁸ Ю. В. Манн, завершая анализ «Страшной мести», замечает: «... в “Страшной мести” описывается землетрясение, под ударами которого погибают совсем не причастные к старинному событию люди. Это первый гоголевский образ стихийного бедствия, катастрофы. Потом он будет развит в статье “Последний день Помпеи”... вплоть до образа “всемирного землетрясения” в “Выбранных местах из переписки с друзьями»» (Манн, 1985, с. 228). Это – образ стихийного бедствия, спровоцированного человеческим греховным началом, а не собственно «стихийным бедствием, катастрофой»: акцент на нравственной проблеме совершенно иначе заставляет читателя понять ту сверхзадачу, которую разрешал Гоголь в повести.

¹⁹ Видимо, с этим связано снятие Гоголем подзаголовка «Старинная быль» после публикации «Страшной мести» в первом издании цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», поскольку подзаголовок в таком виде локализовал событие.

Источники

- Аверинцев С. С. (1993) Бахтин и русское отношение к смеху. В кн.: От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М., Рос. ун-т, с. 341–345.
- Аверинцев С. С. (1992) Бахтин, смех, христианская культура. В кн.: М. М. Бахтин как философ. М., Наука, с. 7–19.
- Бахтин М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., Худож. литература, 504 с.
- Бочаров С. Г. (1974) Поэтика Пушкина. М., Наука, 207 с.
- Буслаев Ф. И. (2003) Народный эпос и мифология. М., Высшая школа, 400 с.
- Васильев П. П. (1993) Грех. В кн.: Христианство: в 3 т. Т. 1. М., Большая Российская энциклопедия, с. 430–433.
- Гачев Г. Д. (1981) Образ в русской художественной культуре. М., Искусство, 247 с.
- Гегель Г. В.-Ф. (1969) Эстетика: в 4 т. Т. 2. М., Искусство, 326 с.
- Гегель Г. В.-Ф. (2001) Лекции по эстетике: в 2 т. Ред. колл.: В. М. Камнев и др. Т. 2. СПб., Наука, 603 с.
- Гиппиус В. (1994) Гоголь. Зеньковский В. Н. В. Гоголь. СПб., Logos, 341 с.
- Гоголь Н. В. (1994а) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. М., Русская книга, 496 с.
- Гоголь Н. В. (1994б) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. М., Русская книга, 560 с.
- Гоголь Н. В. (1994в) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М., Русская книга, 624 с.
- Гоголь Н. В. (1994г) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М., Русская книга, 864 с.
- Гоголь Н. В. (1994д) Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. М., Русская книга, 784 с.
- Даль В. И. (1999) Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., Русский язык, 779 с.
- Зеньковский В. В. (1991) История русской философии: в 2 т. Т. 1, ч. 1. М., ЭГО, 221 с.
- Карамзин Н. М. (1964) Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.-Л., Худож. литература, 591 с.
- Лотман Ю. М. (1977) «Звонячи в прадѣдную славу». Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 414: Труды по русской и славянской мифологии. 28. Литературоведение, с. 98–101.
- Манн Ю. В. (1985) Заметки о поэтике Гоголя. В кн.: Гоголь: история и современность. М., Сов. Россия, с. 213–239.
- Мочульский К. В. (1976) Духовный путь Гоголя. Париж, YMCA-PRESS, 148 с.
- Папазян А. А. (1987) Каин и Авель. В кн.: Мифы народов мира: в 2 т. Т. 1. М., Сов. энциклопедия, с. 607–609.
- Полевой Н. А. (1839) Очерки русской литературы. Ч. 1. СПб., Тип. Сахарова, 466 с.
- Пушкин А. С. (1975) Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М., Художественная литература, 520 с.
- Тынянов Ю. Н. (1969) Пушкин и его современники. М., Наука, 424 с.

References

- Averintsev S. S. (1993) Bakhtin i russkoye otnosheniye k smekhu [Bakhtin and the Russian attitude to laughter]. V kn.: Ot mifa k literature: Sbornik v chest' 75-letiya Ye. M. Meletinskogo. [In: From myth to literature: Collection in honor of the 75th anniversary of E. M. Meletinsky. Moscow, Russian State University for the Humanities, pp. 341–345 (In Russian)].
- Averintsev S. S. (1992) Bakhtin, smekh, khristianskaya kul'tura [Bakhtin, laughter, Christian culture]. V kn.: M. M. Bakhtin kak filosof [In: M. M. Bakhtin as a Philosopher]. Moscow, Nauka Publ., pp. 7–19 (In Russian).
- Bakhtin M. M. (1975) Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Issues of literature and aesthetics. Researches of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 504 p. (In Russian).
- Bocharov S. G. (1974) Poetika Pushkina [Poetics of Pushkin]. Moscow, Nauka Publ., 207 p. (In Russian).
- Buslayev F. I. (2003) Narodnyy epos i mifologiya [Folk epic and mythology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 400 p. (In Russian).
- Dal' V. I. (1999) Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 2 [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. Vol. 2]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 779 p. (In Russian).
- Gachev G. D. (1981) Obraz v russkoy khudozhestvennoy kul'ture [Image in Russian artistic culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 247 p. (In Russian).
- Gegel' G. V.-F. (1969) Estetika: v 4 t. T. 2. [Aesthetics: in 4 volumes. Vol. 2]. Moscow, Iskusstvo Publ., 326 p. (In Russian).
- Gegel' G. V.-F. (2001) Leksii po estetike: v 2 t. T. 2 [Lectures on aesthetics: in 2 volumes. Vol. 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 603 p. (In Russian).
- Gippius V. (1994) Gogol'. Zen'kovskiy V. N. V. Gogol' [Gogol. Zenkovsky V. N. V. Gogol]. St. Petersburg, Logos Publ., 341 p. (In Russian).
- Gogol' N. V. (1994a) Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 1 [Collected works: in 9 volumes. Vol. 1]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 496 p. (In Russian).
- Gogol' N. V. (1994b) Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 6 [Collected works: in 9 volumes. Vol. 6]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 560 p. (In Russian).
- Gogol' N. V. (1994c) Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 7 [Collected works: in 9 volumes. Vol. 7]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 624 p. (In Russian).

- Gogol' N. V. (1994d) *Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 8* [Collected works: in 9 volumes. Vol. 8]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 864 p. (In Russian).
- Gogol' N. V. (1994e) *Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 9* [Collected works: in 9 volumes. Vol. 9]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 784 p. (In Russian).
- Karamzin N. M. (1964) *Izbrannyye sochineniya: v 2 t. T. 2* [Selected works: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow – Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 591 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M. (1977) “Zvonyachi v pradʹdnyuyu slavu” [Ringing to the glory of the day]. *Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 414: Trudy po russkoy i slavyanskoj mifologii. 28. Literaturovedeniye – Scientific Notes of Tartu State University. Issue. 414: Works on Russian and Slavic mythology. 28. Literary criticism*, pp. 98–101 (In Russian).
- Mann Yu. V. (1985) *Zametki o poetike Gogolya* [Notes on Gogol's Poetics]. V kn.: *Gogol': istoriya i sovremennost'* [In: Gogol: History and Modernity]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., pp. 213–239 (In Russian).
- Mochul'skiy K. V. (1976) *Dukhovnyy put' Gogolya* [Gogol's spiritual path]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 148 p. (In Russian).
- Papazyan A. A. (1987) *Kain i Avel'* [Cain and Abel]. V kn.: *Mify narodov mira: v 2 t. T. 1*. [In: Myths of the peoples of the world: in 2 vols. V. 1]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., pp. 607–609 (In Russian).
- Polevoy N. A. (1839) *Ocherki russkoy literatury. Ch. 1* [Essays on Russian literature. Part 1]. St. Petersburg, Tipografiya Sakharova, 466 p. (In Russian).
- Pushkin A. S. (1975) *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 4* [Collected works: in 10 volumes. V. 4]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 520 p. (In Russian).
- Tunyanov Yu. N. (1969) *Pushkin i yego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 424 p. (In Russian).
- Vasil'yev P. P. (1993) *Grekh [Sin]*. V kn.: *Khristianstvo: v 3 t. T. 1*. [In: Christianity: in 3 volumes. Vol. 1]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, pp. 430–433 (In Russian).
- Zen'kovskiy V. V. (1991) *Istoriya russkoy filosofii: v 2 t. T. 1, ch. 1* [History of Russian philosophy: in 2 vols. Vol. 1, part 1]. Moscow, EGO Publ., 221 p. (In Russian).

Информация об авторе

Еремеев Александр Эммануилович
Доктор филологических наук, профессор,
ректор Омской гуманитарной академии,
г. Омск, РФ. E-mail: nou_ogu@mail.ru

Autor's information

Alexander E. Yeremeyev
Dr. Sc. (Philol.), Professor, Rector of the Omsk
Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: nou_ogu@mail.ru

Д. Д. Сивокина¹

✉ d.sivokina@st.omgpu.ru

¹Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Особенности жанровой природы произведения М. Петросян «Дом, в котором...»

Аннотация: Определение жанра современных литературных произведений представляется непростой задачей. Целью статьи является рассмотрение особенности жанровой природы произведения М. Петросян «Дом, в котором...», а именно наличие и функционирование в нем трех структур: романа, автобиографической прозы и дневниковых записей. Методологическую основу составляет жанровый анализ, который позволяет выделить черты разных жанров в различных частях произведения, а также нарративный анализ: с появлением иной жанровой структуры меняется и повествователь. Черты романа отражены в композиции произведения и проявляются в отсутствии готовой фабулы, «законченности» (эпилог), которое обусловлено постоянным движением, развитием героев, хронотопом и эпизодичностью в описании событий. Автобиографическая проза присуща части под названием «Интермедия»: сконцентрированность событий вокруг одного персонажа, ретроспекция, граница между автором и героем. Дневниковые записи представлены в «Шкальном восьмидневнике» и «Выписке из дневника Курильщика», в которых прослеживается субъективность пишущего, направленность на сохранение памяти о месте и событиях. Можно говорить о диффузии жанров, так как жанры вместе сосуществуют в произведении.

Ключевые слова: Петросян, Дом, в котором..., жанр, роман, дневниковые записи, автобиографическая проза, диффузия жанров.

Дата поступления статьи: 13 февраля 2023 г.

Для цитирования: Сивокина Д. Д. (2023) Особенности жанровой природы произведения М. Петросян «Дом, в котором...». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том. 17, № 2, с. 32–39. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.2.

Scientific article

D. D. Sivokina¹

✉ d.sivokina@st.omgpu.ru

¹Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Features of the genre nature of the M. Petrosyan's novel "The Gray House..."

Abstract: Determination of the genre of modern literary works is a difficult task. The purpose of the article is to consider the features of the genre nature of M. Petrosyan's work "The Gray House...", namely the presence and functioning of three structures in it: a novel, autobiographical prose, and diary entries. The methodological basis is genre analysis, which makes it possible to highlight the features of different genres in different parts of the work, as well as narrative analysis: with the advent of a different genre structure, the narrator also changes. The novel structure reflects the composition of the work and manifests itself in the absence of a ready-made plot, "completion" (epilogue), which is due to constant movement, the development of characters, chronotope, and episodic description of events. Autobiographical prose is inherent in the part called Sideshow: the concentration of events around one character, retrospection, and the boundary between the author and the hero. Diary entries are presented in "Jackal's eight-day book" and "Extract from the Diary of a Smoker", which trace the subjectivity of the writer, the focus on preserving the memory of the place and events. We can talk about the diffusion of genres since genres coexist together in the work.

Keywords: M. Petrosyan, "The Gray House...", genre, novel, diary entries, autobiographical prose, genre diffusion.

Paper submitted: February 13, 2023.

For citation: Sivokina D. D. (2023) Features of the genre nature of the M. Petrosyan's novel "The Gray House...". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 32–39. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.2.

Введение

Определение жанровой природы произведения, по мнению Н. Д. Тамарченко, необходимо «для адекватного понимания смысла литературных явлений. Принадлежность произведения к определенному жанру указывает на традиционные, исторически устойчивые и, если угодно, типические аспекты его смысла» (Дарвин и др., 2012, с. 4). Действительно, жанр определяет точку зрения, благодаря которой можно верно анализировать произведение. Но также «главное – необходимость понять смысл произведения в его собственном контексте (прежде всего – диахроническом), в связи с той традицией, с которой оно объективно связано или к которой примыкает, согласно авторской установке» (Дарвин и др., 2012, с. 8). Поэтому жанровая природа не исключает самобытности произведения, но помогает лучше понять ее.

В современной литературе «нередко встречаются такие произведения, в которых совмещены разные жанровые структуры, образующие художественное целое иного типа, чем они сами» (Дарвин и др., 2012, с. 3). Но при этом М. М. Бахтин пишет, что структуры литературного произведения сохраняют в себе пройденный жанром путь – «память самого жанра» (Бахтин, 2002, с. 137). Чтобы определить сохранение определенной жанровой традиции или ее отрицание, необходимо посмотреть на отдельные элементы, определяющие саму оправданность причисления произведения к жанру.

Вопрос о жанре произведения М. Петросян «Дом, в котором...» рассматривали различные исследователи. Его определяли как роман, сетевой роман, фанфик¹. Были работы, которые, наоборот, отрицали романские черты в произведении (Г. Кубатьян) (Кубатьян, 2011). Исходя из наличия в произведении ирреального пространства, произведение причисляли к жанру фантастики или фэнтези (Кубатьян, 2011), магическому реализму (Мескин, Гайдаш, 2019), (Осипова, 2010), (Биякаева, 2017). Автор не определяет жанровую природу своего произведения, а просто называет его близким к «городской сказке» (Акминлаус, 2010, с. 23). Попытки определить жанр произведения или отнести его к какому-либо литературному направлению пока не имеют достаточного теоретического подкрепления, и, даже высказываясь за определенную позицию, некоторые исследователи отмечают, что «в романе "Дом, в котором..." можно обнаружить черты других творческих методов» (Мескин, Гайдаш, 2019, с. 409).

Действительно, в произведении множество элементов различных жанров, что не позволяет отнести его к одной традиции. Целью данной статьи является рассмотрение черт романа, автобиографической повести и дневниковых записей в произведении.

Методы

Методологическую основу составляет жанровый анализ, который позволяет выделить черты разных жанров в различных частях произведения, а также нарративный анализ: с появлением иной жанровой структуры меняется и повествователь.

Результаты

Чаще всего, не осознавая и не анализируя жанровую природу произведения, его называют романом. Несмотря на это, данные отсылки справедливы, потому что черты романа в произведении присутствуют.

Во-первых, роман, в отличие от канонических жанров, создается по-особенному: автор задает начальную ситуацию, но не знает, чем она закончится. Поэтому роман не имеет готовой фабулы, «форма романа была создана во время его писания» (Томашевский, 1925, с. 213). На отсутствие заранее готовой фабулы указывает М. Петросян: «По ходу написания я сама знакомилась с этими персонажами, знакомилась с местом, и потому мне было интересно самой перечитывать»

¹ Бригер Е. (2010) Эпос младшего возраста. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1536681>

(Мильчан, 2021) или «Мне кажется, атмосфера создается и видоизменяется по мере написания книги, а не продумывается вначале. Последним был эпилог <...> Ничего не планировалось с самого начала. Я и как книгу-то свой текст не воспринимала»². Особое внимание как созданию начальной ситуации уделяется началу произведения. Текст состоит из трех книг, в каждой книге первая глава самая большая и содержит в себе все основные проблемы и вопросы, которые раскрываются далее. При этом деление именно на три книги появилось в самом начале работы над произведением: «В раннем варианте в первой части книги Курильщик приходит в Дом, знакомится с остальными, всё описывается его глазами, традиционно разжевывается. Второй частью были воспоминания Сфинкса о детстве <...> И, наконец, была третья часть, которая называлась “Шакалинный восьмидневник”, которую лично я как читатель любила больше всего» (Мильчан, 2021). Название и содержание трех частей отчасти изменилось, но сама трехчастная композиция сохранилась.

Как видно, есть начало произведения, но конец появляется только перед публикацией книги. Сама М. Петросян говорила, что хотела узнать именно конец: «Я даже во сне видела, что книга уже стала настоящей книгой, она попала ко мне в руки, и я ее листаю быстро-быстро, смутно догадываясь, что это сон и что мне надо срочно прочесть финал. Не то чтобы я не знала, чем все закончится, но мне именно хотелось это прочесть. И вот что самое смешное: в реальности ты открыл книгу с конца, пролистнул две страницы, и вот финал. А во сне ты листаешь, а конца всё нету и нету» (Мильчан, 2021). Исходя из этого, можно говорить о второй черте: «роман не имеет “законченности”» (Кожин, 1963, с. 325). При этом движение с окончанием произведения не останавливается, а как бы обрывается. Одним из способов завершения романа или, по Б. Томашевскому (Томашевский и др., 1925, с. 203), «замыкания» произведения, с помощью которого заканчивается рассматриваемый нами текст является: «Прием “эпилога” – комканья повествования под конец <...> В эпилоге мы встречаем убыстренное рассказывание, где на нескольких страницах узнаем события нескольких лет...» (Томашевский и др., 1925, с. 204). В эпилоге «Дома, в котором...» показана жизнь героев спустя разное количество времени после своеобразного конца повествования – выпуска. Но они не только описывают то, чем закончились события книги, а открывают новый период в жизни героев. Однако события прошлого, которые произошли в доме, настолько повлияли на их жизнь, что они либо не могут смириться с ним, либо пытаются его изменить. Так, Курильщик, когда говорит о Сфинксе, отмечает «мне не смириться с тем, что у него была возможность выбора. Которой не было у меня» (Петросян, 2019, с. 450). Рыжая ждет Лорда, который «заберет их в свою сказочную страну, где наступит совсем другая жизнь» (Петросян, 2019, с. 427). Сфинкс забирает Слепого с другого круга, чтобы изменить его, чтобы «исправить кое-какие ошибки одного хорошего человека» (Петросян, 2019, с. 447). Учитывая эту неудовлетворенность, неудивительно, что последняя глава эпилога показывает начало нового круга (особенность организации хронотопа в произведении – время как «расходящиеся по воде круги» (Петросян, 2019, с. 229), где движение – это переход с одного круга на другой). Благодаря этому создается кольцевая композиция произведения. Первая глава интермедии начинается с появления Кузнечика в доме, о том же повествует последняя глава эпилога, но уже изменяется то, как его встречают. Если в первый раз это был смех воспитанников дома над ним и безразличие, то во второй раз это уже звук хлопшек, приветственные транспаранты и радостные крики. Делает это Табаки для того, чтобы Сфинксу в доме понравилось, и на этом круге он решил в нем остаться, а не уйти, как это показано в книге. То есть вновь показана попытка поменять то, что было. Ведь «...в романе важно не достижение цели, а движение к ней <...> В основе “незавершенности” и “неправильности” романной формы лежит, как уже говорилось, своего рода “незавершенность” и “неправильность” самих его героев; изображая неожиданные и непредугаданные моменты в их развитии, роман внушает нам мысль о возможности их постоянного, подлинно неограниченного движения и развития. Это должны быть герои, никогда не удовлетворяющиеся до конца» (Кожин, 1963, с. 325).

² Елисеева А., Гусева Ю. Любимый писатель начинается с читателя. URL: <https://bandband.ru/mariam>

Таким образом, получается, что произведение не имеет законченности и безгранично за счет кольцевой композиции, хронотопа, неудовлетворенности героев в исходе событий и попытке их изменить, что соответствует природе романа.

Стоит так же обратить внимание на композицию произведения и отметить третью черту романа. Вообще, «сюжетная структура и композиция романа неизбежно эпизодичны <...> Повествование строится из отдельных мелких и частных сцен, звеньев, не сливающихся в стройную цельность единого большого события» (Кожин, 1963, с. 335). Если с этой позиции рассмотреть композицию «Дом, в котором...» то можно отметить, что повествование не выстраивается в последовательное разворачивание событий, оно на первый взгляд фрагментарно, главы основного повествования чередуются с интермедией, целостное представление о произведении удастся выстроить только к концу книги.

Переход в романе от одного события к другому сглажен благодаря способу повествования: «Речь повествователя словно очищена от какого-либо резко выраженного эстетического колорита <...> сухая, словно протокольная, речь рассказчика только и дают возможность воссоздать все тончайшие оттенки и движения совершающегося» (Кожин, 1963, с. 337). Например, сцена прощания с частью обучающихся во время выпуска: «Общее восхищение вызывает тощая девчушка по кличке Стекла, чье имущество занимает три огромных чемодана, две сумки и пакет. <...> После доставки неподъемного багажа Стекла начинает пищать, что забыла упаковать свою любимую жакетку, и за жакеткой отправляют трех воспитательниц, у каждой из которых на лице написано, до какой степени ей хочется прибить Стекла. Жакетку не находят. Стекла кричит, что никуда не едет. Логи аплодируют ей. Наконец Акула лично уволокивает в приемную “милую деточку”, и больше ничего интересного не происходит, не считая рыданий Фазаненка Хлюпа и прощальной речи Пса Лавра, в которой он обзывает всех нас говнюками» (Петросян, 2019, с. 86).

Сам стиль речи романа приближается к манере делового описания явлений и событий в мемуарах или хрониках. Тот факт, что подавляющее большинство романов до второй трети XIX века написано в виде автобиографического рассказа, дневника, мемуаров, переписки или записи диалога, имеет огромное значение. Поэтому закономерно, что в произведении М. Петросян «Дом, в котором...» присутствуют черты автобиографической повести и дневниковых записей.

В интервью М. Петросян, говоря о ранней структуре романа, отметила: «Второй частью были воспоминания Сфинкса о детстве³ (Мильчан, 2021). В процессе работы над книгой эта часть, которая получила название «Дом Интермедия», стала чередоваться с главами основного повествования и распределилась по первой и второй книге. Именно интермедии, по-нашему мнению, относятся к жанру автобиографической повести. В них показаны события, которые произошли за несколько лет до разворачивающихся действий. Так как это воспоминания Сфинкса, все происходящие действия и герои связаны с ним, что является еще одной чертой автобиографической повести: «сюжет ограничен событиями, так или иначе касающимися лично героя произведения (и/или круга его близких – родственников, друзей, знакомых) и как раз в той мере, в которой они входят в его жизнь» (Тамарченко и др., 2008, с. 10). Интермедия начинается с попадания Кузнецика в дом и повествует о последующей адаптации в нем. Относительно основного повествования интермедия – это «ретроспекция, тогда как сюжет строится в противоположной перспективе: от начала к концу жизни» (Тамарченко и др. 2008, с. 10). Внутри произведения ретроспекция понадобилась не случайно. События, выбранные для описания в интермедии, показывают устройство дома, когда он «принадлежал старшим» (Петросян, 2019, с. 150). Важность этого для Сфинкса показана уже позже в основном повествовании в рассуждениях воспитателя Ральфа: «Удивительным был только восторг, с каким относились к этим отвратительным подросткам младшие. Старшие могли ими пренебрегать, могли их третировать, малолеток это не отталкивало. Они перенимали у старших всё, в том числе страх перед выпуском, постепенно делавшийся чем-то обязательным. Признаком взросления» (Петросян, 2019, с. 143). Уже будучи взрослым, Сфинкс с помощью интермедий возвращается в прошлое, анализирует поведение старших, противо-

³ Мильчан К. (2021) Мариям Петросян – о том, как она построила «Дом, в котором...» URL: <https://daily.afisha.ru/brain/19712-mariam-petrosyan-o-tom-kak-ona-postroila-dom-v-kotorom/>

речия, с которыми они столкнулись. Он сам находится перед выбором и не хочет той трагичной развязки, свидетелем которой он был, будучи маленьким. С помощью обращения к прошлому он обосновывает в дальнейшем свой выбор Наружности.

Повествование в интермедии ведется от 3-го лица, что характерно для автобиографической повести: ей «присущ особый тип границы между автором и героем <...> субъект рассказа и его герой в составе произведения как целого не совпадают» (Тамарченко и др. 2008, с. 10). Благодаря этому возможно показать две точки зрения: маленького Кузнечика и взрослого Сфинкса. Они отличаются друг от друга и показывают разное отношение и восприятие действительности. Например: «Кузнечик ждал. Один из семи дней принадлежал Седому. Вечерами, в дни фильмов, он творил в полутемной комнате свое волшебство с сигаретным дымом и со словами – усталый, раздражительный старшеклассник в ветхом халате, красноглазый колдун, знавший тайны невидимых игр» (Петросян, 2019, с. 68). В одном предложении даны две разные точки зрения. Для маленького Кузнечика Седой – это мудрый старший, колдун, знающий тайны. Для взрослого Сфинкса – это уже «раздражительный старшеклассник в ветхом халате» (Петросян, 2019, с. 68). Повзрослев, он уже воспринимает его по-другому.

Так, в главах под названием «Дом Интермедия» прослеживаются черты автобиографической повести: сконцентрированность сюжета на одном герое и его окружении, ретроспекция, наличие границы между героем и повествователем.

В раннем варианте структуры произведения «была третья часть, которая называлась “Шакалиный восьмидневник”» (Мильчан, 2021). Форма дневниковых записей встречается в произведении несколько раз и связана с двумя персонажами: Шакал Табаки и Курильщик. Восемь дней «Шакалинского восьмидневника» в дальнейшем вошли в структуру второй книги (которая имеет такое же название) и расположены там нелинейно. Повествование в каждой главе ведется от лица персонажа по кличке Шакал Табаки, на что указывает и название дневника. Первая глава начинается со знакомства с героем в форме его перечислений, что он любит, а что нет. Она как бы погружает нас в мир персонажа и показывает Дом именно его глазами, ведь события в ней происходящие – это пересказ предыдущей главы, только уже от лица Табаки. Это соответствует одной из особенностей «дневникового самовыражения – предельная субъективность пишущего <...> автор дневника выступает единоличным судьей окружающих: каждое их слово или поступок преломляется через его восприятие и оказывается значительным лишь постольку, поскольку становится объектом авторского внимания» (Тамарченко, 2008, с. 62). Поэтому на протяжении всего дневника показано именно восприятие ситуаций этого персонажа: «Лучше живая Габи, чем повесившийся Черный. Так я считаю» (Петросян, 2019, с. 100). Речь персонажа тоже индивидуальна, в ней прослеживается употребление устаревших и неправильных форм слов: «Кой» (Петросян, 2019, с. 97), «А чего не кричим?» (Петросян, 2019, с. 97), «Но я годить не намерен» (Петросян, 2019, с. 99). Часто повторяются реплики других персонажей для того, чтобы выразить собственное мнение: «– Всё, хватит, – сразу командует Сфинкс. – Все на ужин. Оставьте его в покое. Но я не собираюсь оставлять Лорда в покое» (Петросян, 2019, с. 198). При этом акцент именно на внутренних мыслях героя: его речь, внешние проявления и поведение отходят на второй план: «Пока я гадаю, имеет ли это смысл, язык работает не переставая, и в какой-то момент мне уже самому становится интересно, что я такое плету» (Петросян, 2019, с. 146).

В главах показаны только те события, которые оказываются в поле зрения этого персонажа, и, если не вызывают его интереса, то описываются достаточно сухо. В основном они связаны с изменениями в жизни дома: закон, разрешающий общаться с девушками, и его действие; возвращение Лорда. И с этими событиями герой не всегда справляется: «Лезу на кровать и сижу там, пережаривая новости. Слишком их много для одного дня» (Петросян, 2019, с. 103). Порой он ощущает, что выпадает из общей жизни: «...из-за дождя и темноты, в которых я совсем один, всеми брошенный и забытый. Становится обидно. Потом очень обидно. Потом ужасно обидно. – Ты чего орешь, Табаки?» (Петросян, 2019, с. 115).

Поэтому появление формы дневниковых записей закономерно: «дневник открывает возможность беспрепятственного самоанализа, служит сохранению памяти о случившемся и пережитом <...> зачастую герой и обращается к дневнику в тот момент, когда ощущает, что его связи с миром находятся под угрозой катастрофического разрыва. Дневник делается для него своеобразным прибежищем: с его помощью он пытается – и обычно тщетно – запечатлеть и запечатать “свое” с тем, чтобы защитить его от разрушающего воздействия реальности» (Тамарченко, 2008, с. 62). Герой чувствует приближение разрушения сложившегося уклада, выпадение из жизни Дома. На это указывает и появление на третий день болезни и упоминание смерти: «В глазах у меня колючки, в горле – скребучие слюни. – Эй, – говорю слабым голосом. – Который сейчас час? Македонский роняет веник и смотрит на меня с ужасом. – Помирает, должно быть, – говорит ему Лэри, сокрушенно качая перевязанной башкой... – Что же ты, в первый день Закона? – эгоистично упрекает меня Лэри. – Дату смерти не выбирают, – говорю я ему» (Петросян, 2019, с. 137).

В дневнике описаны не только события настоящего, но и воспоминания, как попытка их сохранить. Табаки рассказывает о быте Дома в прошлом (спрашивает об этом именно Курильщик, так что взаимосвязь этих персонажей не случайна). «Хотя я слукавил, умолчав про подвал, в моем хвастливом заявлении – неожиданная правда. Я с удивлением слышу ее. Это так. Это мы и искали. Все, что есть Дом. Любой человек рано или поздно спрашивает, кем был его прадед, и выслушивает семейные предания, а мы со Сфинксом спустились в подвал и сами рассказали себе все старые истории. Мне вдруг становится не по себе. Слишком уж оно наше – это место. Мы почти создали его. Ведь ни в каких подвальных бумагах не упоминался призрак, беспокойно бродивший по комнатам и пересчитывавший простыни...» (Петросян, 2019, с. 148). (Следующая глава продолжает эту тему, только уже от лица Курильщика.) По сюжету произведения Дом должен быть закрыт и разрушен, именно это пугает героя, из-за этого он грустит, потому что: «Слишком уж оно наше – это место» (Петросян, 2019, с. 148). Пугают его и события, которые преждевременно могут изменить или даже разрушить настоящее. Так, рассказывается о появлении Македонского в Доме и заканчивается рассказ на моменте смерти одного из персонажей (в которой виноват Македонский, но никто об этом не знает), о чем Табаки усиленно заставляет себя не думать: «НЕ ДУМАЙ ОБ ЭТОМ!...ХВАТИТ! ОБ ЭТОМ ДУМАТЬ НЕЛЬЗЯ!» (Петросян, 2019, с. 114). Даже предпринимается своеобразная попытка изменить ход событий, например, нарисовать на потолке дракона, который символизирует Лорда, возвращающегося в комнату, где они жили вместе.

Но всё же: «Стремление к планомерно-последовательной фиксации собственной жизни оборачивается для пишущего движением в сторону смерти: фиксируемое становится в самый момент фиксации следом уже прошедшего» (Тамарченко, 2008, с. 62). В конце произведения Табаки для всех исчезает.

Таким образом, в «Шакалином восьмидневнике» прослеживается попытка сохранить тот уклад Дома, который есть. При этом осознается невозможность этого, поэтому уже в дальнейшем появляются дневниковые записи именно Курильщика, как персонажа, способного перенести записи о Доме в наружность.

Еще один пример ведения дневника в произведении – дневник Курильщика (в книге есть глава «Выписки из дневника Курильщика»). В первой группе, где он жил, все вели дневники. Там они записывали свои жалобы на здоровье, к которому относились с трепетом, ведь оно являлось основной целью и ценностью. Тем, кому удавалось добиться специальной диеты или ежедневного осмотра, все в группе завидовали. Курильщик жалобы в своем дневнике не фиксировал, а просто рисовал, и по итогу его у него забрали. Следующий раз Курильщик начинает вести дневник в четвертой группе по просьбе воспитателя Черного Ральфа: «С помощью этой тетради я буду передавать Р Первому свои впечатления. То есть я стукач. Мне пока нелегко привыкнуть к этой мысли» (Петросян, 2019, с. 202). На первой странице даже появляется дата, но все идет не по плану, ведь его забирает заполнять Табаки, сославшись на то, что Курильщик расскажет все неправильно. В итоге этот дневник начинают вести все: «Тут, по-моему, отметился каждый, – с горечью говорю я. – Теперь это не дневник, а памятный альбом» (Петросян, 2019, с. 232).

И данное определение очень точно выражает функцию этого дневника – сохранение памяти. В итоге в нем представлены записи двух видов: Курильщика и других персонажей. Дневник приобретает своеобразную ценность для жителей Дома, в нем хотят оставить запись: «Ко мне подходит Крысенок Белобрюх и, стесняясь, просит написать о нем в “той своей тетрадке”. – Зачем? – удивляюсь я. – Чтоб я там тоже был» (Петросян, 2019, с. 240–241).

В дневнике отмечают важные события для Дома. Последняя глава произведения начинается со слов: «Табаки велел мне записать в дневнике, что “грядет Ночь Сказок”» (Петросян, 2019, с. 366). «– Пиши-пиши, – распорядился Табаки. – Отдыхать будем в перерывах» (Петросян, 2019, с. 367). Под конец Курильщик начинает не только писать, но и рисовать: «... и рисовал в своем дневнике всех подряд. Фрагментами» (Петросян, 2019, с. 373).

Примечательно, что именно от лица данного персонажа описан конец. На протяжении всего произведения он отличается непониманием происходящих вокруг событий и уклада жизни Дома. Поэтому чаще всего именно он задает об этом вопросы и получает на них ответы от разных персонажей. Многие в тексте благодаря этому становятся понятны. Постоянные вопросы Курильщика, его интерес к дому способствует тому, что именно его дневник становится местом сохранения истории дома. Он отчасти способен бесстрастно описать ситуацию, так как не понимает, что происходит. Поэтому именно этот персонаж повествует о самых эмоциональных, переломных событиях – в том числе и о выпуске. Очень часто делается акцент на непонимании и незнании Курильщика, но при этом в конце произведения отмечено: «– Знаешь, а ведь Курильщик вынес из Дома намного больше, чем думает» (Петросян, 2019, с. 443).

Дневник Курильщика сохраняет воспоминания и о Табаки, о котором все забывают. Всё, что связано с Табаки, в том числе и воспоминания о нем, исчезает, кроме записей в дневнике и человечка из грецкого ореха, так как это подарок.

Таким образом, два дневника в произведении связаны между собой. Они, фиксируя события в доме, пытаются их сохранить. Ведущую роль в их ведении играет Шакал Табаки, который является повествователем в «Шакалином восьмидневнике» и контролирует записи в дневнике Курильщика. И если «Шакалин восьмидневник» пропитан тоской по уходящему времени, то дневник Курильщика представляет собой некоторую летопись, цель которой зафиксировать и, с помощью этого, сохранить память о Доме.

Выводы

В произведении М. Петросян «Дом, в котором...» прослеживается в разных частях текста тяготение к разным жанрам. В рамках данной статьи мы рассмотрели три: роман, автобиографическая повесть и дневниковые записи. Так, к чертам романа можно отнести: отсутствие готовой фабулы; отсутствие «законченности» (эпилог), которое обусловлено постоянным движением, развитием героев и хронотопом; эпизодичность в описании событий. В главе «Дом Интермедия» отчетливо видны черты автобиографической повести: сконцентрированность событий вокруг одного персонажа, ретроспекция, граница между автором и героем. Отдельные блоки составляют дневниковые записи Шакала Табаки и Курильщика, в которых прослеживается субъективность пишущего, направленность на сохранение памяти о месте и событиях. Исходя из этого можно утверждать о диффузии жанров в произведении.

Источники

- Акминлаус А. (2010) Жизнь – это боль. Несостоявшееся интервью Мариям Петросян. Литературная Россия, № 48, с. 23.
- Бахтин М. М. (2002) Проблемы поэтики Достоевского. М., Русские словари: Языки славянской культуры, 505 с.
- Биякаева А. В. (2017) Бытовые и культовые действия персонажей как поведенческий кодекс в тексте магического реализма (на материале романа М. Петросян «Дом, в котором...»). Ученые записки Крымского федерального университета В. И. Вернадского. Филологические науки, № 1, с. 59–68.
- Дарвин М. Н., Магомедова Д. М., Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И. (2012) Теория литературных жанров. М., Издательский центр Академия, 256 с.

- Кожин В. (1963) Происхождение романа. М., Советский писатель, 440 с.
- Кубатьян Г. (2011) Внесистемная единица. Заметки о книге Мариам Петросян. Дружба народов, № 4, с. 189–196.
- Мескин В. А., Гайдаш Л. В. (2019) Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма. Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика, № 3, с. 404–413.
- Осипова О. И. (2010) Магический реализм сквозь призму художественного конфликта. Научный диалог, № 11, с. 254–268.
- Петросян М. (2019) Дом, в котором... Том 1. М., Лайвбук, 352 с.
- Петросян М. (2019) Дом, в котором... Том 2. М., Лайвбук, 352 с.
- Петросян М. (2019) Дом, в котором... Том 3. М., Лайвбук, 464 с.
- Тамарченко Н. Д. (2008) Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., изд-во Кулагиной; Intrada, 358 с.
- Томашевский Б. В. (2018) Теория литературы. Поэтика. М., Флинта, 336 с.
- Шкловский В. Б. (1959) Художественная проза. Размышления и разборы. М., Советский писатель, 628 с.

References

- Akminlaus A. (2010) Zhizn' – eto bol'. Nesostoyavsheesya interv'yu Mariyam Petrosyan [Life is pain. Failed interview with Mariam Petrosyan]. Literaturnaya Rossiya – Literary Russia, no. 48, p. 23. (In Russian).
- Bakhtin M. M. (2002) Problema poetiki Dostoevskogo [The problem of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Russian dictionaries: Languages of Slavic culture, 505 p. (In Russian).
- Biyakaeva A. V. (2017) Bytovye i kul'tovye dejstviya personazhej kak povedencheskij kodeks v tekste magicheskogo realizma (na materiale romana M. Petrosyan «Dom, v kotorom...») [Every day and cult actions of characters as a code of conduct in the text of magical realism (on the material of M. Petrosyan's novel "The Grey House...")]. Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki – Scientific Notes of the Crimean Federal University V. I. Vernadsky. Philological Sciences, no. 1, pp. 59–68 (In Russian).
- Darwin M. N., Magomedova D. M., Tamarchenko N. D., Tyupa V. I. (2012) Teoriya literaturnyh zhanrov [Theory of literary genres]. Academy Publishing Center, Moscow, 256 p. (In Russian).
- Kozhinov V. (1963) Proiskhozhdenie romana [The origin of the novel]. Moscow, Soviet writer, 440 p. (In Russian).
- Kubatyan G. (2011) Vnesistemnaya edinica. Zаметки о книге Мариам Петросян [Non-system unit. Notes on the book by Mariam Petrosyan]. Druzhiba narodov – Friendship of peoples, no. 4, pp. 189–196 (In Russian).
- Meskin V. A., Gaidash L. V. (2019) Roman M. Petrosyan «Dom, v kotorom...» v kontekste literaturnoj tradicii magicheskogo realizma [Roman M. Petrosyan "The Grey House..." in the context of the literary tradition of magical realism]. Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika – Bulletin of RUDN University. Series: Literary criticism, journalism, no. 3, pp. 404–413 (In Russian).
- Osipova O. I. (2010) Magicheskij realizm skvoz' prizmu hudozhestvennogo konflikta [Magic realism through the prism of artistic conflict]. Nauchnyj dialog – Scientific Dialogue, no. 11, pp. 254–268. (In Russian).
- Petrosyan M. (2019) Dom, v kotorom... [The Grey House]. vol. 1. Moscow, Livebook, 352 p. (In Russian).
- Petrosyan M. (2019) Dom, v kotorom... [The Grey House]. vol. 2. Moscow, Livebook, 352 p. (In Russian).
- Petrosyan M. (2019) Dom, v kotorom... [The Grey House]. vol. 3. Moscow, Livebook, 464 p. (In Russian).
- Tamarchenko N.D. (2008) Poetika: slov. aktual. terminov i ponyatij [Poetics: words. actual. terms and concepts]. Publishing house Kulagina; Intrada, Moscow, 358 p. (In Russian).
- Tomashevsky B. V. (2018) Teoriya literatury. Poetika [Theory of literature. Poetics]. Flint, Moscow, 336 p. (In Russian).
- Shklovsky V. B. (1959) Hudozhestvennaya proza. Razmyshleniya i razbory [Artistic prose. Reflections and analysis]. Soviet writer, Moscow, 628 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сивокина Дарья Дмитриевна

Аспирант. Омский государственный педагогический университет, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-8157-0632.
E-mail: d.sivokina@st.omgpu.ru

Author's information

Daria D. Sivokina

Graduate student. Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-8157-0632.
E-mail: d.sivokina@st.omgpu.ru

Е. Н. Рымарева^{1✉}, А. В. Себелева¹, О. О. Козлов¹

✉ enrimareva@yandex.ru

¹Нижевартовский государственный университет, г. Нижневартовск, Российская Федерация

Коммуникация образных систем фольклора русских и хантыйских сказок

Аннотация: Статья входит в комплекс исследований по вопросам взаимодействия фольклорного наследия народов ханты и русских. Авторами в ней рассматриваются вопросы жанровой классификации русского фольклора и фольклорного наследия ханты и жанровые особенности сказок ханты и русских как предмет сравнительного, сопоставительного изучения. В статье подвергается анализу взаимодействие сюжетов и образов сказок двух народностей: ханты и русских. Сказке, как эпическому жанру с обязательной установкой на вымысел, характерны как народные сказочные традиции, так и общность сюжетов, мотивов, фольклорной лексики, что обусловлено заимствованиями при контактах с культурными традициями других народов. Процесс трансформации универсальных сюжетов из русского фольклора в хантыйский фольклор обусловлен историческим процессом тесного взаимодействия этносов. Несмотря на содержательное разнообразие русских и хантыйских сказок, для них характерна универсальность сюжетов. Авторами отмечается, что динамика развития фольклора свидетельствует о его способности к трансформации, взаимообогащению, подчеркивается важность сохранения и развития фольклорных традиций в современном литературном пространстве. Фокус внимания работы сосредоточен на выявлении общих и отличных черт в исследуемых произведениях. В работе делается акцент на интерпретации уникальных особенностей хантыйских сказок в сопоставлении с русскими.

Ключевые слова: миф, сказка, фольклорный образ, ханты, народное творчество, национальная литература, русский фольклор.

Дата поступления статьи: 6 февраля 2023 г.

Для цитирования: Рымарева Е. Н., Себелева А. В., Козлов О. О. (2023) Коммуникация образных систем фольклора русских и хантыйских сказок. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 40–48. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.3.

Scientific article

Е. Н. Rymareva^{1✉}, А. В. Sebeleva¹, О. О. Kozlov¹

✉ enrimareva@yandex.ru

¹Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

Communication of figurative folklore systems in Russian and Khanty fairy tales

Abstract: The article is part of complex studies on the interaction of the folklore heritage of the Khanty and Russian peoples. The authors consider the genre classification issues of Russian folklore, the folklore heritage of the Khanty, and the genre features of Khanty and Russian fairy tales as a subject of relative and comparative study. The article analyzes the interaction of plots and images of fairy tales of two nationalities: the Khanty and the Russian. A fairy tale is an epic genre with a mandatory focus on fiction and is characterized by folk fairy tale traditions and the common elements of plots, motifs, and folklore vocabulary; this peculiarity is caused by borrowings that occurred during contact with the cultural traditions of other peoples. The process of universal stories' transformation from Russian folklore into Khanty folklore is the result of the historical process of those ethnic groups' close interaction. Despite the substantial variety of Russian and Khanty fairy tales, they are characterized by the plots' universality. The authors note that the dynamics of folklore development testify to its ability for transformation and mutual enrichment; there is a lot of emphasis on maintaining and developing folklore traditions in the modern literary space. The work focuses on identifying the standard and distinct features of the works under study. The paper is centered on the interpretation of the unique features of Khanty fairy tales in comparison with Russian ones.

© Е. Н. Рымарева, А. В. Себелева, О. О. Козлов, 2023

Keywords: myth, fairy tale, folklore image, Khanty, folk art, national literature, Russian folklore.

Paper submitted: February 6, 2023.

For citation: Rymareva E. N., Sebeleva A. V., Kozlov O. O. (2023) Communication of figurative folklore systems in Russian and Khanty fairy tales. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 40–48. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.3.

Введение

Исследование фольклорного наследия показало, что изучение национальной культуры, выявление этнокультурных особенностей в тексте остается актуальнейшей проблемой культурологии и литературоведения. Цель исследования – охарактеризовать своеобразие жанра сказки в русском и хантыйском фольклоре, проведя сравнительно-сопоставительный анализ фольклорных образов и сюжетов сказок.

Впервые термин «фольклор» употребил в научной статье Уильям Джон Томс (журнал «Атенеум», 1846 год). Он предпочел его как оптимально удачный для «составного саксонского слова для обозначения того, что мы в Англии именуем народными древностями» (Никишенков, 2008, с. 57). Первым русским исследователем, который сформулировал определение фольклора, был В. Лесевич («Фольклор и его изучение», 1899 год). Фольклор, по мнению автора, представлял «общую совокупность народного знания – все то, что знает народ по преданию» (Путилов, 2003, с. 19). Он включал фольклор в область этнографии и выделял в нем такие традиционные жанры, как сказки, легенды, песни и т. п.

Термин «фольклор» имеет условный характер, он происходит от англ. folk-lore и дословно значит «народная мудрость». Это народное творчество, чаще всего устное. Коллективная творческая деятельность народа, в которой отражается жизнь, воззрения, идеалы. Это может быть запечатлено в поэзии (жанры: предание, песни, частушки, анекдоты, сказки, эпос), народной музыке, театральных действиях, танцах, декоративно-прикладном и изобразительном искусстве.

Отличительной чертой фольклора является его традиционность и ориентация на передачу информации из уст в уста. Так как фольклор является постоянно развивающейся формой творчества, дать его точное определение представляется весьма сложной задачей, но несомненно, что с литературой его сближает само искусство слова. Фольклору свойственны следующие специфические особенности: авторская анонимность, традиционность, импровизация, а также первичная нерасчлененность видов, синкретизм.

В древности фольклор, как и иные виды искусства, был тесно связан с духовной деятельностью человека, с его духовным сознанием. Анонимность фольклорных произведений обусловлена тем, что их автором был народ, который создавал фольклорные произведения, опираясь на традицию. В. Г. Белинский, анализируя специфические особенности фольклорных текстов, писал: «... там нет знаменитых имен, потому что автор словесности всегда народ. В фольклорных произведениях может быть исполнитель, рассказчик, сказитель, но в нем нет автора, сочинителя как элемента самой художественной структуры» (Белинский, 1994, с. 5).

В русской фольклористике, начиная со второй половины XIX века, можно выделить три приоритетных направления: школа собирательной практики, целью которой является сбор текстов и информации о сказителе и манере его повествования (А. Г. Гильфердинг, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы); акцент на компаративистике и исторической поэтике в своих работах делал академик А. Н. Веселовский, а известный ученый А. А. Потебня во главу исследования ставил этнолингвистику и лингвопоэтику. Академик А. А. Потебня подчеркивал, что фольклор относится к категории коллективного бессознательного, передается посредством устного общения, насколько хватает народной памяти. По его мнению, фольклор народен по многим основаниям: по содержанию, по стилю, по происхождению. Он также подчеркивал такие специфические свойства фольклора, как традиционность, импровизация и вариативность текста (Потебня, 1930, с. 90–97).

В. П. Аникиным с учетом всех вышеперечисленных признаков фольклорного произведения было дано краткое, но весьма емкое, на наш взгляд, определение термина «фольклор»: «Фольклор – это

традиционное художественное творчество народа. Оно равно относится как к устному, словесному, так и к иному изобразительному искусству, как к старинному творчеству, так и к новому, созданному в новое время и творимому в наши дни» (Аникин, 2004).

В XX веке сформировался еще один подход – структурно-семиотический, основателем которого явился В. Я. Пропп. Во второй половине XX века особую значимость и популярность приобрели труды Е. М. Мелетинского, М. К. Азадовского, О. М. Фрейденберг, С. С. Аверинцева. Они вошли в золотой фонд исследования мировой литературы и были переведены на многие языки народов мира.

В соответствии с заявленной темой обратимся к выводам о фольклорных сюжетах и трансформациях образов в современных исследованиях А. А. Ким (Ким, 2007), С. А. Герасимовой (Gerasimova, 2021), Л. И. Мингазовой, Ф. Г. Галимулина и А. Ф. Галимулиной (Mingazova et al., 2014), Е. В. Наумовой (Naumova, 2018), А. В. Себелевой и Е. Н. Рымаревой (Себелева, Рымарева, 2018). А также отметим зарубежных исследователей в области фольклористики обских угров: А. Каннисто и М. Лиимола (Kannisto, Liimola, 1955), Б. Мункачи и Б. Кальман (Munkacsi, Kalman, 1986), К. Ф. Карьялайнен (Karjalainen, 1922). «Благодаря современным усилиям профессиональных литераторов и исследователей, публикация произведений устного народного творчества позволяет познакомить с культурой хантыйского народа подрастающее поколение. Сделать его достоянием общероссийской и мировой литературы», – убеждена Т. В. Волдина (Волдина, 2020).

Методы

Материалом исследования послужили фольклорные произведения народов ханты и русских. В работе актуализированы аналитический, системный и сравнительный методы изучения литературоведческого материала, использованы историко-культурный и сопоставительный методы.

Результаты

В первой половине XX века в отечественной науке активно и масштабно анализируются вопросы взаимосвязи и взаимообусловленности мифологии и фольклористики. Особый интерес вызывает сказка. Дефиниция «сказка» как отдельное понятие впервые была упомянута в XVII веке. В XIX в. русские литературоведы обращаются к сказке как специфическому жанру, в котором нашла отражение сама сущность русского народа. Вместе с тем однозначного и точного определения сказки в фольклористике нет. Это связано прежде всего с тем, что каждый народ имеет свой сказочный эпос. В разных культурах она понимается по-разному, в зависимости от этнических особенностей. В русской традиции – это рассказ, история или повесть. В английской, к примеру, – нереальная история, ложь, рассказ о феях. Существует несколько толкований сказки. «Сказки – это коллективно созданные и традиционно хранимые народом устные прозаические художественные повествования такого реального содержания, которое по необходимости требует использования приемов неправдоподобного изображения реальности» (Педагогический энциклопедический словарь, 2003). В словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой дано следующее определение: «Сказка – 1. Повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях, лицах (обычно с участием волшебных сил). 2. Выдумка, неправда, небылица» (Словарь русского языка, 1999, с. 102).

На наш взгляд, наиболее точным является определение, данное Э. В. Померанцевой: «Народная сказка (или казка, байка, побасенка) – эпическое устное художественное произведение, преимущественно прозаическое, волшебное, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел. Последний признак отличает сказку от других жанров устной прозы: сказа, предания и былички, то есть от рассказов, преподносимых рассказчиком слушателям как повествование о действительно имевших место событиях, как бы маловероятны и фантастичны они ни были» (Померанцева, 1963, с. 32). Главными чертами сказки, отличающими ее от мифов и легенд, являются следующие: сказка ориентирована на выдумку (основой легенды же является чудо, фантастическое представление), главные персонажи сказок – малоизвестные герои (в мифах – боги, в легендах – известные герои), пространственно-временные границы сказки не определены (в легенде известно время начала события, в мифах – время доисторическое), сюжет в сказке

излагается с определенной иронией (в мифе это недопустимо), сюжетная линия сказки линейна (в мифе циклична, действие развивается по кругу).

Характерными признаками сказки, как коллективного творчества народа, являются поэтический вымысел, фантастичность, морализация (пропаганда добра, справедливости, правды), наличие национальных особенностей. Сказка, возникшая из мифа и явившаяся одним из самых популярных жанров фольклора, обладает уникальной, специфичной художественной формой и содержит набор важнейших присущих ей элементов. Этот жанр наполнен жизненной философией этноса, тесным образом связан с его историей и бытом.

В. Я. Пропп в «Морфологии сказки» настаивал: «...рассмотрение форм сказки возможно с такой же точностью, как возможна морфология органических образований» (Пропп, 1928, с. 5). В. Я. Проппом были обнаружены и зафиксированы главные функции действия персонажей волшебных сказок.

Жанровую систему русского фольклора можно представить следующим образом: обрядовый фольклор, включающий календарно-обрядовую и семейно-обрядовую поэзию, и необрядовый фольклор, включающий эпический фольклор (в том числе сказки), необрядовую лирику, народную драму и малые фольклорные жанры.

Хантыйский фольклор традиционно подразделяют на эпическую поэзию, медвежьи песни, космогоническую поэзию, мифологическую поэзию, сказки, лирическую поэзию и загадки. Еще в Ремезовской летописи зафиксированы ссылки на фольклор ханты. Российские исследователи, занимаясь вопросами изучения элементов обско-угорского фольклора (мифологические сюжеты и т. п.), отмечали его неразрывную взаимосвязь с традиционной культурой.

Несмотря на различия в жанровой структуре, и фольклор русских, и фольклор ханты представлен сказками как самым разноплановым и крупным жанровым пластом.

Говоря о жанровой специфике сказки и ее разновидностях, следует отметить, что однозначно точной научной классификации нет. Традиционно русские сказки исследователи делят на три типа: волшебные, бытовые, про животных. Каждому типу присущи свои отличительные черты. В волшебных сказках действие происходит в вымышленном мире, а реальной силой обладает волшебный предмет или герой. Этот тип сказок многоэпизодичен и охватывает длительный временной период. Отличительной чертой бытовых сказок является отражение обыденной жизни, высмеивание отрицательных черт у богатых и знатных (жадности, зависти, нерешительности) и наличие положительных черт характера у представителей из простого народа (доброта, смелость, смекаливость). В сказках про животных на примере поведения животных ассоциативно показана связь с чертами характера человека: трусость (заяц), хитрость (лиса), недалекость (волк).

Анализируя классификации фольклорного наследия ханты, особо следует отметить заслуги известного этнографа Н. В. Лукиной, опубликовавшей в 1990 году сборник мифов, преданий и сказок ханты и манси (Мифы, предания, сказки ханты и манси, 1990) и предложившей общую классификацию повествовательных жанров фольклорного творчества обских угров. В ее основе лежит формальная жанровая характеристика текстов:

1. Маньть, мось, моньсь (хант.), мойт (манс.) – сказание, сказка.

1.1. Ялпинг-мойт (манс.) – священное сказание.

2. Арых (хант.), эрыг (манс.) – песня.

2.1. Ялпинг-эрыг – священная песня (манс.).

2.2. Тарнинг-эрыг, алханте-мойт – героические военные песни (манс.).

3. Потыр, ясын (хант.), потыр (манс.) – рассказ.

3.1. Йис-потыр, йис-ясын – старинный рассказ (хант.) (Мифы, предания, сказки ханты и манси, 1990, с. 32).

В современном отечественном литературоведении отсутствует безусловно четкая классификация мифологии ханты. Автор диссертационного исследования «Сюжетный состав хантыйского прозаического фольклора в контексте этнографии» (Ким, 2007), анализируя тексты сказок, по сюжетной основе классифицировала их следующим образом: сюжеты о происхождении, сюжеты о противостоянии и соперничестве, сюжеты о наказании, сюжеты о мести, другие сюжеты.

Тимофей Молданов в серии публикаций «Земля Кошачьего Локотка», состоящей из шести выпусков, предлагает классификацию фольклора ханты, в основе которой лежит деление по жанровой принадлежности, акцентирующее значимость текстов для народа: о божествах сказка (о богах и их творениях), военная сказка (о героях и этнических войнах), простая сказка (о животных и различных поверьях), богатырская сказка (о героях-богатырях), простая сказка, старинный рассказ – предание (нравоучительного плана с указанием пространственно-временных категорий), былички (страшилки о сверхъестественных существах) (Земля Кошачьего Локотка, 2001). Категоричных принципов разграничения сказки и мифа данная классификация не предусматривает, что вызывает затруднение при классификации текстов по жанровому основанию.

Классификации Н. В. Лукиной, А. А. Ким, Т. Молданова также соотносят миф и сказку. Это может быть обусловлено манерой исполнения и религиозной идеологией. Миф, как правило, ритуализован, так как непосредственно связан с религиозными мировоззрениями, а сказка все же явление художественное. Но на начальном этапе развития и сказка могла быть мифологизирована. Первобытному фольклору присуще жанровое смешение, потому, особенно при синхронном рассмотрении, классифицировать текст по принадлежности его к мифу или сказке порой весьма сложно.

Фольклорные традиции ханты живы благодаря целому ряду факторов: компактному проживанию, сохранившемуся укладу жизни (оленоводство, охота, рыбалка), языческим религиозным традициям. Коллективное бессознательное, присущее этносу, сформировало творческий дух и систему ценностей, которые в свою очередь нашли отражение в фольклорном наследии. Возрождению и сохранению фольклорных традиций ханты мы обязаны и государственной политике, и самим коренным жителям Югры.

«Разумеется, всякое отдельное народное произведение было обязано своим началом одному лицу, которое, с горя или с радости, вдруг запело его; но, во-первых, это лицо, сочинив, или, говоря его собственным языком, сложив песню, само не знало, что оно – поэт, и смотрело на свое дело не как на дело, а скорее как на безделье от нечего делать; во-вторых, песня, переходя из уст в уста, претерпевала много изменений, то увеличиваясь, то убавляясь, то улучшаясь, то искажаясь, смотря по степени присутствия или отсутствия поэтического чувства в певших ее», – писал в статье о народной поэзии В. Г. Белинский (Белинский, 1994, с. 331). Вековая история народа стерла из памяти имена первых сказителей, но оставила в наследие их произведения, которые и сегодня, благодаря бережному отношению народа к своему фольклорному наследию, продолжают жить и передаваться потомкам и из уст в уста, и посредством письменности, появившейся у народа ханты лишь в 30-х годах XX века.

Говоря о формальных особенностях сказок ханты, следует отметить традиционность сюжетно-композиционных элементов. «Некоторые формальные особенности сказки одинаковы у всех народов земного шара. Например, одинаковые сюжетные схемы, одинаковые или аналогичные приемы композиции или отдельные элементы стилистической обрядности. Но несомненно, что другие особенности отличают сказки разных народностей» (Никифоров, 2008, с. 26). К отличительным особенностям сказок ханты, к примеру, следует отнести запрет на негативный отзыв о ее героях. «От незаконченной сказки могли “лопнуть глаза” или “лопнуть брюхо”. Мало того, духи сказки могли преследовать нерадивого сказителя и “все дела его переворачивать”. О сказке категорически запрещено плохо отзываться, насмехаться над ней или зло шутить, иначе все живущие в ней духи будут мстить за причиненную им обиду. Рассказчик <...> предупреждал, чтобы не “наступали сказке на хвост”, то есть не прерывали ее; пояснял, что, рассказывая, он “находится на пути, следуя за героями сказки” и тем самым контактирует со сказочным духовным миром» (Цукор, 1997, с. 16). Во время исполнения священных сказок слушателям нельзя было ни шуметь, ни разговаривать. Сказитель, веря в магическое значение сказки, не должен был искажать текст сказки, сокращать его, путать имена героев, менять слова местами, вносить свои отступления. За это он мог понести серьезное наказание: разрушение духовной связи с верхним миром. Но под влиянием законов времени и места, безусловно, повествователь вносит в текст изменения, приспособляя ее к слушателям, поскольку он не просто механически пересказывает

текст, а вкладывает в него «свое дыхание», раскрашивает «своими красками», украшает «своей мелодией» исполнения. Традиционно рассказывание сказки – процесс достаточно длительный, неспешный. Свободного времени у народа, который всегда находится в движении (перемещается за кочующими оленями, меняет стоянки в зависимости от сезона и возможности охоты и т. п.), мало. Зима – этот тот календарный период, когда объем хозяйственных забот не так велик и есть возможность развлекаться слушанием сказок. Чаще всего сказки рассказывались в вечернее время. «По некоторым сведениям, рассказывать сказки днем было запрещено (иначе вылезут волосы, потеряется память и т. д.)» (Мифы, предания, сказки ханты и манси, 1990, с. 36).

На современном этапе развития литературоведения само отношение к сказке изменилось: она стала в большей степени развлекательной, чем назидательной и поучительной. При этом прежние народные сказочные традиции хоть и видоизменяются, но продолжают свое существование.

Сегодня мы наблюдаем, что в местах поселения коренных ханты традиционный быт и уклад жизни остались прежними, лишь появились такие нововведения, как предметы цивилизации (снегоходы, компьютерная техника, сотовая связь и прочее). Единение с природой, традиционные промыслы (оленоводство, рыболовство, охота) по-прежнему являются для ханты основами миропонимания и мировосприятия.

Под влиянием объективных причин (коллективизация, насильственный переход к христианской вере) традиции народа ханты были подвержены процессу разрушения, и, как следствие, богатое фольклорное наследие народа стало постепенно исчезать. Сегодня мы наблюдаем процессы роста этнического самосознания, возрождения и активного развития культуры, в том числе и эпического наследия, и фольклора.

Так, к примеру, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре был запущен онлайн-проект «Таёжные сказки», приуроченный к 90-летию округа, в рамках которого на русском, мансийском и хантыйском языках были прочитаны различные фольклорные произведения (сказки, легенды и потешки) писателями, актерами, учеными-исследователями, школьниками и др.

Важная роль в сохранении фольклорного наследия отводится подрастающему поколению. О. Д. Ерныхова, изучая фольклорную ситуацию в Сургутском районе, пришла к выводу, что импровизация, как один из способов сохранения и совершенствования традиций, играет значимую роль в детском фольклоре. Элементы фольклора, фольклорная лексика постоянно заимствуются при контактах с другими народами, что свидетельствует о взаимообогащении культур. Вот немногие примеры заимствования славянского происхождения, вошедшие в современную лексику фольклора ханты: царь, флаг, пароход, сундук, ружье. Например, в хантыйском «Священном сказании о Желанном Богатыре – купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света» рассказывается о купце (заимствование из русского языка), которому Торум пожелал отдать в жены единственную дочь.

Ценность драгоценных металлов, золота и серебра, также появилась у обских угров в результате культурных контактов с русскими. Этот мотив, к примеру, встречается в сказке «Нарты с золотом», «Зажиточный купец Пётр-Марк».

Схожесть сюжетов, мотивов и образов в русском и хантыйском фольклоре наиболее наглядно проявляется при рассмотрении сказок о животных. Сказки ханты о лягушке, несмотря на сюжетные различия, по сути своей весьма схожи с русской сказкой о царевне-лягушке. Особо явно эта параллель прослеживается при рассмотрении сказок о медведе. «Три медведя», «Мужик и медведь», «Маша и медведь» – эти русские сказки являются ярким свидетельством общего начала человека и медведя, ведь когда-то они вели совместное жительство. В отличие от других животных, встречающихся в русских сказках, медведь не имеет собственного имени, что связано с запретом произношения его имени, с приданием ему сверхкачеств (сказка «Седой медведь»). В русских сказках его называют по-разному: Хозяин («Дочь и падчерица»), Михайло Потапыч («Три Медведя»), Михайло Иваныч («Зимовье зверей»). Мед-вед – тот, кто ведает (знает) мёд, первоначально – «поедатель мёда» (Этимологический словарь русского языка, 2007, с. 121). «В русской культуре не сохранилось прямых подтверждений, говорящих о происхождении человека от медведя. Но, к примеру, в “Слове о полку Игореве” Боян именуется никем

иным, как “велесовым внуком”. Культ Велеса – одна из ипостасей медведя – своими корнями восходит к культу прародителей, предков по славянским религиозно-мифическим представлениям» (Рымарева, Себелева, 2017, с. 395).

У ханты медведь – самое священное животное, тотемические представления о нем закреплены во многих мифах и сказках. Образ медведя запечатлен во многих фольклорных жанрах ханты: сказках, сновидениях, приметах и др. (Каксина, 2021). К примеру, медведь Консыг-ойка встречается в мифе «Медведь, спущенный с небес», о небесном происхождении медведя говорится в мифе «Медвежья смерть», о богатыре-медведе, ставшем оборотнем, повествуется в мифе «Богатырь-медведь».

Общность сюжетов сказок о медведе и сам фольклорный образ свидетельствуют не только о степени его важности и значимости в духовной культуре народов, но и о наличии единого первоисточника либо о процессе трансформации сюжетов из фольклора одного этноса в фольклорную традицию другого этноса. Медведь предстает в сказках во многих ипостасях, его можно отнести к универсальному феномену и русской, и обско-угорской культуры.

Анализируя образы птиц в сказках ханты и русских, также можно найти общие черты: к примеру, гуси в одной из сказок ханты представлены как птицы, не лишённые смекалки, способные обмануть самое хитрое животное – лису. Воспользовавшись своим правом на исполнение последнего желания перед смертью, они стали петь нескончаемо длинную песню, и лисе пришлось отступить. В русском фольклоре гусям также приписывается смекалистость и хитрость (сказка «Гуси-лебеди»).

Для хантыйских сказок характерно единение миров (реальных и нереальных), что обусловлено мировоззрением народа. Содержательно они бесконечно разнообразны, но им присущи и такие черты, как универсальность сюжетов, несущих отголоски как славянских, так и тюркских влияний. «В хантыйских сказках отражена жизнь духовного мира народа, в них стерты грани реального и запредельного миров. Ведь в сознании коренных жителей всё окружающее очеловечено и мыслится как единое целое» (Карчина, 2021, с. 162).

Выводы

Таким образом, мы отмечаем наличие схожих сюжетов, мотивов и образов в фольклоре ханты и русских. Находясь в постоянном процессе развития, фольклор приобретает новые, свойственные своему времени характеристики. Об этом свидетельствуют и заимствования на уровне коммуникационных образов, и факт исполнения сказок на русском языке, что характерно для школ-интернатов, где совместно проживают и учатся дети ханты и русских. Живые жанры устного народного творчества, такие как песни, несказочная проза и, конечно же, сказки, продолжают жить. «...фольклор коренных народов Югры утрачивает качества устойчивой, живой, динамической структуры. Он переживает процесс естественного перевоплощения в пределах развивающихся коллективных форм современной культуры» (Ерныхова, Хакназаров, 2017, с. 60).

Источники

- Аникин В. П. (2004) Русское устное народное творчество. М., Высшая школа, 735 с.
- Белинский В. Г. (1994) Статьи о народной поэзии. В кн.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. V: Статьи и рецензии 1841–1844. М., Изд. АН СССР, 863 с.
- Волдина Т. В. (2020) Изучение хантыйского фольклора в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в первые десятилетия XXI в. Вестник угроведения, т. 10, № 4, с. 760–773.
- Ерныхова О. Д., Хакназаров С. Х. (2017) Современное состояние фольклора коренных народов Югры. Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Сб. ст. по матер. науч.-практич. конф. с междунар. участием, посвященной 25-летию ОУИПИИР. Ханты-Мансийск, Формат. Ч. 2, с. 53–64.
- Земля Кошачьего Локотка. Кань КуншОлӧн (2001). Пер., сост. и прим. Т. А. Молданова. Томск, Изд-во Том. ун-та, вып. 2, 244 с.
- Каксина Е. Д. (2021) Образ медведя в фольклоре казымских хантов. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: матер. Всерос. науч.-практ. конф. XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 г., Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, Печатный мир г. Ханты-Мансийск, с. 116–124.
- Карчина В. В. (2021) Особенности хантыйской сказки и проблема ее адаптации к другой культуре. Культура и цивилизация, т. 11, № 2А, с. 161–166.
- Ким А. А. (2007) Сюжетный состав хантыйского прозаического фольклора в контексте этнографии: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Томск, 19 с.

- Мифы, предания, сказки ханты и манси (1990). Пер. с хант., манс., нен. яз. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М., Наука. Главная редакция восточной литературы, 568 с.
- Никифоров А. И. (2008) Сказка и сказочник. М., ОГИ, 376 с.
- Никишенков А. А. (2008) История британской социальной антропологии. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив, 496 с.
- Педагогический энциклопедический словарь (2003). М., Большая энциклопедия, 528 с.
- Померанцева Э. В. (1963) Русская народная сказка. М., Просвещение, 128 с.
- Потебня А. А. (1930) Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, Гос. изд-во Украины, 130 с.
- Пропп В. Я. (1928) Морфология сказки. Вопросы поэтики. Л., Academia, вып. XII, 152 с.
- Путилов Б. Н. (2003) Фольклор и народная культура. СПб., Петерб. Востоковедение, 457 с.
- Рымарева Е. Н., Себелева А. В. (2017) Медведь как тотемное животное в мифологии обских угров и в русской ментальности. Культура, наука образование: проблемы и перспективы: матер. VI меж-дун. науч.-практ. конф. (г. Нижневартовск, 13–15 февраля 2017). Отв. ред. А. В. Коричко. Ч. I. Общественные и гуманитарные науки. Нижневартовск, Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, с. 392–396.
- Себелева А. В., Рымарева Е. Н. (2018) Мифология обских угров: тенденция к возрождению в творчестве писателей Югры. Нижневартовский филологический вестник, № 2, с. 30–36.
- Словарь русского языка: в 4 т. (1999) Под ред. А. П. Евгеньевой. М., Рус. яз.; Полиграфресурсы, Т. 3, 750 с.
- Цукор А. И. (1997) Золотой век Пима. Сургут, Сев.-Сиб. кн. изд-во, 142 с.
- Этимологический словарь русского языка (2007). Под общей ред. А. Ф. Журавлева, Н. М. Шанского. М., Изд-во МГУ, вып. 10, 400 с.
- Gerasimova S. A. (2021) Mansi heroic songs: plots and motives. International Conference “Science and innovations 2021: development directions and priorities” (September 29, 2021, Melbourne, Australia). Melbourne, Scientific publishing house Infinity, pp. 94–100.
- Kannisto A., Liimola M. (1955) WogulischeVolksdichtung. Helsinki: [w/p]. Bd II: Kriegs und heldensagen, 431 p.
- Karjalainen K. F. (1922) Die ReligionderJugra – Völker. Porvoo, Bd 2, 179 p.
- Mingazova L. I., Galimullin F. G., Galimullina A. F. (2014) Folk heroes in the poetry of the people of the Volga and Ural regions. Journal of Language and Literature, vol. 5, no. 4. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F90539772/JLL2014_4_54_.pdf.
- Munkacsy B., Kalman B. (1986) Wogulisches wörterbuch. Budapest, Akademiai kiado, 950 p.
- Munkacsy B. (1910–1921) Vogul népkötési gyűjtemény I–IV. Budapest, Akademiai kiado. Bd II/1, 756 p.
- Naumova E. V. (2018) The Image of Bogatyrs in Yakut and Russian Folklore Texts. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, no. 7 (11), pp. 1113–1126.

References

- Anikin V. P. (2004) Russkoye ustnoye narodnoye tvorchestvo [Russian oral folk art]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 735 p. (In Russian).
- Belinskiy V. G. (1994) Stat'i o narodnoy poezii [Articles on folk poetry]. V kn.: Belinskiy V. G. Poln. sobr. soch. T. V: Stat'i i retsenzii 1841–1844 [In: Belinsky V. G. Full. coll. op. Vol. V: Articles and Reviews 1841–1844]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 863 p. (In Russian).
- Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes] (1999) Edited by A. P. Evgenieva. Moscow, Rus. yaz.; Poligrafresursy Publ., vol. 3, 750 p. (In Russian).
- Gerasimova S. A. (2021) Mansi heroic songs: plots and motives. International Conference “Science and innovations 2021: development directions and priorities” (September 29, 2021, Melbourne, Australia). Melbourne, Scientific publishing house Infinity, pp. 94–100.
- Kaksina E. D. (2021) Obraz medvedya v fol'klоре kazymskikh khantov [The image of a bear in the folklore of the Kazym Khanty]. Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations]. All-Russian Scientific and Practical conference of the XIX Yugra Readings (December 1, 2020, Khanty-Mansiysk). The Printed world of Khanty-Mansiysk, pp. 116–124 (In Russian).
- Kannisto A., Liimola M. (1955) WogulischeVolksdichtung. Helsinki: [w/p]. Bd II: Kriegs und heldensagen, 431 p.
- Karchina V. V. (2021) Osobennosti khantyyskoy skazki i problema yeye adaptatsii k drugoy kul'ture [Features of the Khanty fairy tale and the problem of its adaptation to another culture]. Culture and Civilization, vol. 11, no. 2A, pp. 161–166 (In Russian).
- Karjalainen K. F. (1922) Die ReligionderJugra – Völker. Porvoo, Bd 2, 179 p.
- Kim A. A. (2007) Syuzhetnyy sostav khantyyskogo prozaicheskogo fol'klora v kontekste etnografii [Plot composition of Khanty prose folklore in the context of ethnography]. Abstr. Diss. ... Cand. of Hist. Sci. Tomsk, 19 p. (In Russian).
- Mify, predaniya, skazki khanty i mansi [Myths, legends, fairy tales of Khanty and Mansi] (1990). Trans. from Khant., Mans., Nen. lang. Comp., preface and note by N. V. Lukina. Moscow, Nauka Publ. The main editorial office of Oriental literature, 568 p. (In Russian).
- Mingazova L. I., Galimullin F. G., Galimullina A. F. (2014) Folk heroes in the poetry of the people of the Volga and Ural regions. Journal of Language and Literature, vol. 5, no. 4. Available at: https://kpfu.ru/staff_files/F90539772/JLL2014_4_54_.pdf.
- Munkacsy B., Kalman B. (1986) Wogulisches wörterbuch. Budapest, Akademiai kiado, 950 p.
- Munkacsy B. (1910–1921) Vogul népkötési gyűjtemény I–IV. Budapest, Akademiai kiado. Bd II/1, 756 p.

- Naumova E. V. (2018) The Image of Bogatyrs in Yakut and Russian Folklore Texts. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, no. 7 (11), pp. 1113–1126.
- Nikiforov A. I. (2008) Skazka i skazochnik [A fairy tale and a storyteller]. Moscow, OGI Publ., 376 p. (In Russian).
- Nikishenkov A. A. (2008) Istoriya britanskoj sotsial'noy antropologii [History of British social Anthropology]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 496 p. (In Russian).
- Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Pedagogical Encyclopedic Dictionary] (2003). Moscow, Bol'shaya entsiklopediya Publ., 528 p. (In Russian).
- Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language] (2007). Under the general editorship of A. F. Zhuravlev, N. M. Shansky. Moscow, Publishing House of Moscow State University, issue 10, 400 p. (In Russian).
- Pomerantseva E. V. (1963) Russkaya narodnaya skazka [Russian folk tale]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 128 p. (In Russian).
- Potebnya A. A. (1930) Iz lektsiy po teorii slovesnosti. Basnya. Poslovitsa. Pogovorka [From lectures on the theory of literature. A fable. Proverb. Proverb]. Kharkiv, State Publishing House of Ukraine, 130 p. (In Russian).
- Propp V. Ya. (1928) Morfologiya skazki. Voprosy poetiki [Morphology of a fairy tale. Questions of poetics]. Leningrad, Academia Publ., issue XII, 152 p. (In Russian).
- Putilov B. N. (2003) Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and folk culture]. St. Petersburg, Peterb. Vostokovedeniye Publ., 457 p. (In Russian).
- Rymareva E. N., Sebeleva A.V. (2017) Medved' kak totemnoye zhitvnoye v mifologii obskikh ugrov i v russkoj mental'nosti [The bear as a totemic animal in the mythology of the Ob Ugrians and in the Russian mentality]. Kul'tura, nauka obrazovaniye: problemy i perspektivy [Culture, science education: problems and prospects]. VI International Scientific and Practical Conference (Nizhnevartovsk, February 13-15, 2017). Ed. by A.V. Korichko. Nizhnevartovsk, Publishing House of Nizhnevartovsk State University. Part I. Social and Humanitarian Sciences, pp. 392–396 (In Russian).
- Sebeleva A. V., Rymareva E. N. (2018) Mifologiya obskikh ugrov: tendentsiya k vrozozhdeniyu v tvorchestve pisateley Yugry [Mythology of the Ob Ugrians: a tendency to revival in the works of writers of Ugra]. Nizhnevartovsk Philological Bulletin, no. 2, pp. 30–36 (In Russian).
- Zemlya Koshach'yego Lokotka. Kan' KunshOлђђ [The Land of the Cat's Elbow. KanKunshorђђ] (2001). Trans., comp. and notes by T. A. Moldanov. Tomsk, Tomsk State University Publ. House, issue 2, 244 p. (In Russian).
- Tsukor A. I. (1997) Zolotoy vek Pima [The Golden Age of Pima]. Surgut, North Siberian Regional Book Publishing House, 142 p. (In Russian).
- Voldina T. V. (2020) Izucheniye khantyyskogo fol'klora v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre v pervyye desyatletiya XXI v. [The study of Khanty folklore in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in the first decades of the XXI century]. Bulletin of Ugric studies, vol. 10, no. 4, pp. 760–773 (In Russian).
- Yernykhova O. D., Khaknazarov S. Kh. (2017) Sovremennoye sostoyaniye fol'klora korennykh narodov Yugry [The current state of folklore of the indigenous peoples of Ugra]. Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa [Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of indigenous peoples of the North]. Scientific-practical. conf. with Intern. participation dedicated to the 25th anniversary of the OIPIIR. Khanty-Mansiysk, Format Publ., part 2, pp. 53–64 (In Russian).

Информация об авторах

Рымарева Елена Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и туризма. Нижневартровский государственный университет, г. Нижневартовск, РФ.
E-mail: enrimareva@yandex.ru

Себелева Анастасия Валериевна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода. Нижневартровский государственный университет, г. Нижневартовск, РФ.
E-mail: sebelevaa@mail.ru

Козлов Олег Олегович

Аспирант кафедры филологии, лингводидактики и перевода. Нижневартровский государственный университет, г. Нижневартовск, РФ.
E-mail: kozlovolegolegovich@yandex.ru

Autor's information

Elena N. Rymareva

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor of the Department of Mass Communications and Tourism. Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation.
E-mail: enrimareva@yandex.ru

Anastasia V. Sebeleva

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation. Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation.
E-mail: sebelevaa@mail.ru

Oleg O. Kozlov

Postgraduate student of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation. Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation.
E-mail: olezhik_kozlov@mail.ru

Р. А. Керимова¹

✉ K.roza07@mail.ru

¹Институт гуманитарных исследований – филиал
Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», г. Нальчик, Российская Федерация

Световая символика в поэзии М. Мокаева

Аннотация: В статье исследуется роль световых образов в творчестве балкарского писателя М. Мокаева. Определяются образно-ассоциативные особенности световой символики, раскрывается специфика индивидуального мышления, устанавливается связь с мифологическими, религиозными и литературно-философскими основами. Изучается самобытность авторской интерпретации мифологем солнца, луны, звезд. В работе сфокусировано внимание на основных темах и мотивах лирики; на исследовании поэтического почерка и художественно-стилевых особенностей. Раскрыты важнейшие аспекты в развитии художественного сознания писателя, выявлена самобытность художественно-философской модели мира М. Мокаева. Доказано, что световая символика обладает многозначными мифологическими и литературно-философскими проекциями; она связана с народно-поэтической и религиозной традициями. Самобытные авторские метафоры солнца, луны, неба и звезд основываются на воспроизведении архаической модели мира. Обращение к световой символике неразрывно связано с мотивом постижения божественного, идеального мира, смысловой интенцией является максимальная устремленность к идеалу.

Ключевые слова: М. Мокаев, поэт-шестидесятник, литература эпохи оттепели, мифопоэтика света, световая символика, небесные символы, космизм, карачаево-балкарская поэзия 60-х.

Дата поступления статьи: 13 января 2023 г.

Для цитирования: Керимова Р. А. (2023) Световая символика в поэзии М. Мокаева. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 49–55. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.4.

Scientific article

R. A. Kerimova¹

✉ K.roza07@mail.ru

¹Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal Research Center
“Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Nalchik, Russian Federation

Light symbolism in the poetry of M. Mokaev

Abstract: The article examines the role of light images in the work of a Balkarian writer M. Mokaev. The figurative and associative features of light symbolism are determined, the specificity of individual thinking is revealed, and the connection with mythological, religious, literary, and philosophical foundations is established. The originality of the author's interpretation of the mythologems of the sun, moon, and stars is studied. The work focuses on the main themes and motifs of the lyrics, the study of poetic handwriting, and artistic and stylistic features. The most important aspects in the development of the writer's artistic consciousness are revealed, and the originality of M. Mokaev's artistic and philosophical model of the world is revealed. It is proved that light symbolism has many-valued mythological and literary-philosophical projections; it is associated with folk, poetic and religious traditions. The author's original metaphors of the sun, moon, sky, and stars are based on the reproduction of an archaic model of the world. For M. Mokaev, the semantic intention is the maximum striving for the ideal.

Keywords: literature of the thaw age, M. Kh. Mokaev, Karachai-Balkarian poetry, tendencies, poet of the sixties, folklore.

Paper submitted: January 13, 2023.

For citation: Kerimova R. A. (2023) Light symbolism in the poetry of M. Mokaev. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 49–55. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.4.

Введение

Магомет Мокаев – один из ярких и самобытных поэтов-шестидесятников, внесший огромный вклад в развитие карачаево-балкарской литературы. Актуальность научной проблемы, решаемой в данной работе, – выявление роли световых образов, символов, осмысление их связи с устным народным творчеством, просветительской идеологией, не вызывает сомнений в силу неисследованности данного аспекта в наследии М. Мокаева, а также значимости световых образов в мировой литературе.

Совокупность учений о внеземном происхождении света, как о субстанции всего сущего, как о принципе познания, как о сущности прекрасного, представлены в трудах М. Элиаде, С. Аверинцева, А. Лосева, В. Топорова, Е. Мелетинского, М. Фуко, Ж. Лакана, Р. Гроссетеста и др.

П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский изучали теологический смысл в понимании свето-цвето-теневой природы окружающего мира.

В современном литературоведении данный феномен исследуется в работах А. А. Харлушиной, Г. В. Косякова, Л. А. Ходанен, А. Г. Масловой, Н. Ю. Алексеевой, Л. Мончевой, А. Н. Пашкурова, А. И. Разживина, И. М. Меркулова и др.

В эпоху хрущевской оттепели литература и другие виды искусства активно развивают философию о глубинной связи человека и космоса, создавая новые символы, знаки, в которых космос выступает образцом непогрешимости, вечности, красоты, недоступности. Обозначенные тенденции в отечественной культуре постепенно вытесняют влияние соцреализма в литературе, как и всего, что связано с официозом.

В карачаево-балкарской поэзии истоки космизма восходят не только к вышеобозначенным трактовкам, в данном случае стоит рассуждать о «вынужденном» обращении писателей к эвфемизмам. Трагические события 1944 года (депортация карачаевцев и балкарцев) повлияли на мировоззрение национальных художников, на их идеологические установки. По сути, писатели по-новому расставляют акценты, устанавливая незримую связь с небом, космосом, звездами. Космос начинает рассматриваться в своем становлении и развитии вместе с духовной эволюцией самого человека. Формировалась особая атмосфера культурно-нравственного ренессанса с ее пафосом оправдания человека творчеством, с принципом космизма как универсальной составляющей художественного мышления.

Осмысление окружающего мира и глубины человеческой души, открытие неизвестных истин и новых жизненных путей, тревожный дух исканий и находок – естественные явления для литературного процесса эпохи «оттепели» (Третьяченко, Якимович, 2019).

Представители «громкого» направления русской лирики – Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенский, Б. А. Ахмадулина реализуют различные варианты развития художественных систем (гражданско-демократическую, авангардистскую, неоакмеистическую) (Лейдерман, 2015, с. 23). Творчество М. Мокаева сложно связать с традициями поэзии модернизма. Он акцентирует внимание на напевной интонации, ориентируясь на традиционность (в противовес эксперименту, новизне).

Методы

Материалом настоящего исследования послужили поэтические произведения М. Х. Мокаева разных лет. Специфика обозначенной проблемы, цели и задачи исследования определили его методологию – сочетание сравнительно-исторического, историко-литературного, типологического, структурно-семантического методов, позволяющих выявить особенности творческой индивидуальности балкарского писателя. Обращение к обозначенным методам исследования оправдывалось общей логикой работы.

Результаты

Понятие света характеризуется как универсальная ценность, как – мифологема, символ, концепт, трактование которых можно найти в религии, философии, литературе.

Свет играет важную смыслообразующую роль в создании различных сюжетов, мотивов в лирике М. Мокаева. «Световой сюжет» реализуется согласно представлениям о свете как субстанции всего сущего; как принципе познания; как сущности прекрасного (Аверинцев, 2001).

Локализация поэтических образов, несущих семантику источников света (солнца, луны, звезд) вверху, подчеркивает ориентации художественного мира М. Мокаева по вертикали. По мнению лите-

ратуроведа З. А. Кучуковой, «горец, огражденный со всех сторон громадой скал, слишком зависим от небесной сферы. Все оттуда: свет, дождь, снег, луна, солнце, звезды, боги, – весь позитивный и негативный резерв мироздания, становящиеся единственными “открытыми воротами”, несущими максимум информации» (Кучукова, 2015, с. 67). Представляя специфику пространственных отношений, световая символика определяет и ценностную иерархию в художественной картине мира. «Световой сюжет» является центральным, смыслообразующим началом художественного мира М. Мокаева. По сути, возможности света весьма велики, в силу того, что он формирует систему цвета, легко трансформируется в метафору. Световой эквивалент при этом представляет собой сложную многоуровневую систему, которая играет особую роль в поэзии М. Мокаева. В эстетическом плане стихия света проявляет в себе одновременно многообразность и изменчивость. Она создает музыкальность и ритмичность поэзии. На этическом уровне стихия света связана с концептом души. Несмотря на то, что М. Мокаев красочно описывает природу Кавказа, цвет не играет столь существенной роли. Значимость цвета уступает пронизывающей мокаевскую поэзию стихии света. Световая символика в поэзии М. Мокаева является олицетворением души Вселенной, а также – человеческой души (подразумевается святое в ней). В поэтическом мире М. Мокаева мотив света обретает новую художественную и идейную значимость.

Как отмечает фольклорист Х. Малкондуев, «сакральное значение света в балкаро-карачаевской обрядовой и мифологической поэзии имеет древнетюркскую основу» (Малкондуев, 1995 с. 34). Безусловно, перманентное внимание поэта к космическому пространству как составной части природы, духовно-нравственного потенциала личности, вызвано значимостью космических образов в различных жанрах устного народного творчества (пословицах, поговорках, загадках, приметах), во фразеологизмах, формирующих совокупный образ космического пространства в языковой национальной картине мира. Зафиксированные в карачаево-балкарском языке народные изречения, обусловлены особенностями материальной, социальной и духовной культуры. Они отражают опыт и традиции этноса, аккумулируют в себе мысли, отмеченные национально-культурным колоритом. То есть создаваемая писателем модель мира – это «модель мира автора, которая выражается через язык пространственных представлений, а художественное пространство не есть пассивное вместилище героев и сюжетных эпизодов» (Лотман, 2000).

Поэзия М. Мокаева демонстрирует не просто использование готовых форм фольклора (образов, сюжетных мотивов, изобразительно-выразительных средств), а обращение писателя к фольклору как к мировоззренческой системе. Обращение к символике космоса связано, прежде всего, с выражением чувств и эмоций лирического героя. Сквозные космические образы отражают мировоззрение, выступают организующими центрами в авторской картине мира. Световая символика в творчестве М. Мокаева формирует не только идеологические, но и эстетические задачи. С помощью них художник передает идею поэтического вдохновения (эмоции восторга, радости, счастья и любви).

Вообще идея света тесно связана с Просвещением, базирующимся на идее света разума, источниках света, тепла, блеска. (*«У каждого в мире дорога своя, / Не проще орлиной моя колея, / Живу, чтоб в работе и песне обрел / То счастье, что чувствует в небе орел! / Когда ты откроешь книгу мою – Хочу, чтоб душой потянулся ты к свету, / Вбирая доверчиво искренность эту, / С которою я и живу и пою!»*) (Мокаев, 1976, с. 12).

Речь идет о тех, кто наделен особым даром, талантом, умом, то есть демиургах, творящих свет из тьмы (Маслова, 2020, с. 15). Поэтому, рассматривая световую символику, стоит уделять внимание прежде всего теме поэта, творческой деятельности. Символика света в поэзии М. Мокаева представлена различными образами: «свет», «солнце», «восход», «заря», «блеск», «сияние», «звезды», «лучи», «луна», «небо» и т. п.

Размышления о сути творческого процесса пронизывают всю поэзию М. Мокаева. Свое понимание творчества М. Мокаев изложил в стихотворении «Когда мою откроешь книгу»: *«Когда ты откроешь книгу мою / – Хочу, чтоб душой потянулся ты к свету, / Вбирая доверчиво искренность эту, / С которою я и живу и пою!»* (Мокаев, 1976, с. 31).

«Энтта жанады чырагъым, / Аллах жокъну да бар этер! / Илхам жулдузлары жанып, / Жырым, къанат къагъып, жетер. / Эгечингча, ол къууаныр, / Шуёхум, сен къууанганнга. / Къыйналсанг, мудах бет алыр, / Анангча жарсыр да санга» (Мокаев, 2001) (*Все еще горит мой свет / Аллах*

сделает возможным невозможное! / Освещаемая звездами, моя песня крылья распахнув прилетит. / Словно сестра твоя обрадуется, / Тому мой друг, чему ты рад. / Если будешь грустить, / словно мать будет переживать за тебя). (Здесь и далее, где это не оговорено, подстрочные переводы – Р. К.).

Стихия света входит в нравственный облик и обладает вечной ценностью в художественном мире М. Мокаева (Керимова, 2022). То есть свет стоит воспринимать не только в зрительном, но и в идейном плане. В произведениях М. Мокаева улавливается моральный смысл стихии света, сочетающийся с концептом души, излучающей свет. В теории Флоренского подчеркивается именно та связь между светом и состоянием человеческого духа, при котором «высокое духовное восхождение осиявает лицо, изгоняя всякую тьму» (Флоренский 1990, с. 93). И главная задача художника – нести свет, стремиться к истине своим словом. Также стоит отметить, что антропологическая философия карачаевцев и балкарцев восходит к астральному миру. К примеру, солнечная символика в творчестве М. Мокаева связана как с мифологией горца, так и с традиционной трактовкой данного образа в мировой культуре. Поэтика произведений четко отображает стереотипные представления народа и базовые концепты этнокультуры. Поэтому обращение художника к солнечной символике, свету обосновано тем, что Бог солнца (Тейри)¹ (Шаманов, 1982) и Бог Земли формируют основополагающую координату национального бытия горцев. В народном эпосе аналогия небесной триады «солнце – луна – земля» олицетворяет «дух – душа – плоть». «Ночь – это смерть земли (сон плоти), светит только луна – душа. Когда встает солнце (дух), луна гаснет. Но кроме них есть еще три высшие категории, которые соответствуют эфиру и праведности (долай – океан – эфир, стихия святых), свету и воле (святые цари), сиянию и вдохновению (пророки); они соотносятся с тремя чакрами, расположенными в голове» (Джуртубаев, 2007, с. 120).

Небо чрезвычайно насыщено символикой в поэзии М. Мокаева (символом превосходства, власти, духовного просвещения и вознесения души). Оно для художника является источником активной творческой силы. Для поэзии М. Мокаева характерна устремленность вверх. При этом важна высота объекта, к примеру, чем выше скала, тем ближе она к небу, к свету, к источнику нового вдохновения: *«Къуш базынган кибик жаныны / Азатлыгы кюч берлигине, / Базынып, бу жангы жырымы / Учурاما кёк бийигине. / «Жырым жолсуз, юйсюз къалгъандан / Сакъла!» – деп, тилейме къадардан»* (Мокаев, 1985, с. 16) *(Словно орел, полагающийся на силу воли души своей, / Также выпускаю с надеждой эту новую песню в полет / «Прошу не оставь ее на полпути, без дома / Убереги!» – прошу, у судьбы).*

Устремленность лирического «Я» к идеалу, в свою очередь, определяет развитие сюжета. Обращение к небесной символике неразрывно связано с мотивом постижения божественного, идеального мира. Но главная задача М. Мокаева – стремление к высокой миссии поэта, нести честное слово во имя сохранения собственной художественной сущности и общечеловеческой справедливости, то есть «свет правды, то, что внутренне обосновывает бытие» (Флоренский, 1990, Т. 1; Мелетинский, 1988). Такое соотношение эстетических и гражданских устремлений дает возможность для создания четко намеченного образа: *«Я каждую буквой и каждой строкою / За честь, за добро и за правду стою»* (Мокаев, 1976, с. 31). По сути, данный творческий принцип присущ большинству «тихих лириков»: В. Соколову («Нет школ никаких. Только совесть...»), А. Жигулину («Его строка заветная жива: “Пишите честно – Как перед расстрелом. / Жизнь оправдает Честные слова”»), а также Н. Рубцову, Б. Мамайсуре. Типологическая схожесть произведений обусловлена не только актуальной для литературы «оттепели» тенденцией, но и общностью мировоззрений поэтов. В трактовке темы поэта и поэзии их объединяет стремление показать связь истины и творчества.

Небесные и световые образы в поэтике стихов М. Мокаева способствуют выражению одного из ключевых свойств поэтического мироощущения. Подразумевается стремление художника прикоснуться к миру идеала. Значение световых символов в создании любовной лирики велико. При этом идея света неразрывно связана с небесной символикой и представлена в тексте различными образами: «свет», «солнце», «восход», «заря», «блеск», «сияние», «звезды», «лучи» и т. п. «Световой сюжет» в поэзии М. Мокаева восходит к таким мотивам, как символ Божественного света, просвещения (в большей степени речь идет о творческом процессе), базирующийся на идее света разума, и наконец, основное доминирующее место «светового сюжета» отводится любовной тематике.

¹ В языческой религии балкарцев и карачаевцев теоним Тейри означал всемогущее и вездесущее божество с универсальными функциями, отголоски культа которого пронизывают весь комплекс хозяйственно-культурного мира человека.

В лирике М. Мокаева любовь приобретает особый характер «освещения» подобно «свету любви». Свет солнца, луны, звезд имеют самобытные значения и часто переплетаются с чувствами героя. Так, в создании образа возлюбленной ключевую позицию занимают световая символика и природные аналогии. Среди них стихия света (огня) пронизывает почти всю поэзию и демонстрирует оригинальные сочетания образов. Сила света в поэзии Мокаева ощущается именно в момент перехода дня в ночь и наоборот. «*Сен келесе – Жер жарыйды, / Кёк жарыйды жангыдан*» (*Ты приходишь – земля светлеет, / Небо светлеет*). Данная особенность сближает его стихи с творчеством Н. Рубцова. «Было что-то импрессионистское в его северных стихах, для которых характерно неуловимое скольжение солнечных лучей из-за края земли. В таких предвечерних лучах всё казалось таинственным, все приобретало двойственный – реальный и призрачный вид» (Дементьев, 1980, с. 62).

В поэзии М. Мокаева свет раскрывает то единство человека и мира, которое позволяет рассматривать мир и лежащие в его основе закономерности как нераздельное целое. Данная идея получила разработку во многих сферах духовно-культурного ренессанса: в философии, культурологии, науке и художественном творчестве» (Казначеев, 1991, с. 64-65). Стихия света в стихах М. Мокаева выступает не только как конкретно-предметное содержание, но и как высокое проявление символичности и воплощение наиболее глубокой сути его поэзии. Она тесно связана с образом души, например: «*Кече чарсы бош жанады, / умут отум жанганды*» (Мокаев, 2004, с. 68) (*Зря опускается ночной туман, / когда горит костер моей надежды*). Здесь наблюдается проявление актуальной для поэзии шестидесятников тенденции: традиционные в национальной литературе мотивы печали сменяются чувством всепоглощающей, яркой любви. Световая символика в описании образа женщины отражает философскую идею эпохи о тесной связи женского начала с нравственностью и об особом, преимущественно интуитивном, ее характере. В любовной лирике М. Мокаева женский образ, с одной стороны, заключает в себе красоту и гармонию мира, с другой – остается неопределенным, лишенным особой конкретности. Воспевание женской красоты – традиционный мотив для северокавказской поэзии. В творчестве М. Мокаева он реализуется как «элемент божественный и небесный» (Толгуров, 1974). Так, автор создает образ женщины-идеала, с которой стремится воссоединиться его лирический герой. Портрет героини всегда ускользающий, необычный, часто недостижимый. Данные особенности реализуются посредством обращения к астральным метафорам: луне, звездам, а также при помощи природных аналогий – флористических образов, времен года, водных стихий (дождь, водопад, снег, озеро, речка, море и т. д.). В основном для поэта любовь к противоположному полу – светлое чувство, приносящее радость: «*Таш – Жерни, жулдуз – Кёкню суйдю, / мен да сени суйдюм кёзбаусуз. / Санга гул жыйдым, сабан сюрдюм, / сугъанакъсыз, къаугъасыз, даусуз. / Биреу айтырыкъ эсе уа дау, / мени санга суймеклигим – тау, / сыйынныгысыз хазнасы болгъан, / шауданлары зынгырдап баргъан*» (Мокаев, 2004, с. 50), (*Камень – Землю, звезда – Небо полюбило, / я тоже тебя полюбил искренне. / Для тебя собрал цветы, вспахал поле, / Без ссор, без претензий. / Если кто-то захочет поспорить, моя любовь к тебе – гора / с бесценными богатствами, / журчащими родниками*). При этом, как правило, важными составляющими являются «световые / солнечные / небесные» метафоры, которые используются для передачи психологического состояния героя. Световые метафоры наиболее ярко отражают ощущение потери/обретения важных для жизни героя ценностей. Образ солнца создается на основе фольклорного восприятия (символ жизни, света, красоты), его отсутствие обозначает страх, уныние, иногда смерть. Диапазон интерпретации образа солнца в поэзии Мокаева широк, иногда он сопоставим с материнской лаской. В данном случае потеря матери влияет на восприятие окружающего мира. Чувство душевного холода вызывает в теле ощущение нехватки тепла и света, так как потерял основной источник: «*Анам, не аз жашадынг жер юсюнде! / Ырхы нечик эртде кесди жолунгу! / Сен жарыкъ жырым эдинг. / Жыр юзюлдю. Манга азлыкъ этди кюнню жылычуу*» (Мокаев, 1970, с. 22) (*Мама, как мало ты прожила на этом свете! / Как рано селевой поток перекрыл твою дорогу! / Ты была моей светлой песней. / Песня оборвалась. Мне стало не хватать солнечного света*). Утрата света, тепла небесных светил приводит к безразличию и разочарованию. Здесь можно уловить некую параллель с актуальной для поэтов Серебряного века темой смерти («*Грозою полдень был тяжелый напоен.../ сияньем солнца мрачным*» (И. Анненский), «*небо свинцовое, солнце неверное, ветер порывистый, воды холодные, словно приливная, грусть равномерная*»; «*твой вечер настанет,*

и вместо всемирности вольного света, за солнцем погасшим, затеплишь ты в тесном покое свечу; как мертвое око мне светит луна» (К. Бальмонт); «мерцает бледное лицо среди ядовитого болота, и солнце, черное как ночь, вбирая свет, уходит прочь» (М. Волошин).

Важно отметить, что эстетически спектр световой лексики в художественном мире М. Мокаева намного шире, чем спектр цветовой лексики. Тема света дополняет мотив святости, близости к небу и Богу в стихотворениях, посвященных Родине: «Тюзлюгюмю кюню тийди бетиме! / Намаз къылып, хакъ фарызын тёледим, / Къуран окъуп, игиликле тиледим / Аллахдан, адамладан миллетиме» (Мокаев, 2001, с. 22) (*Свет моей праведности коснулся лица! Совершив намаз, оплатил свой долг, / Коран прочитал, попросил добра / у Аллаха, для народа своего*). Родина для лирического героя своего рода святыня, которую он воспевает всю жизнь, выражает восхищение и преданность. Патриотизм М. Мокаева приобретает характер религиозного, мистического служения. Герой возвращается в свои юные годы, где память всплывает через времена: «Насыплы жаш айтды зауукъ кезиуде: / «Сиз болмай, не да манга не? / Жарытыгъыз кёлюмю! / Сизни бир кёргеними / Алышмам дуня мюлкюне» (Мокаев, 1980, с. 19) (*Счастливый юноша сказал в лучшие времена: / Если нет Вас, зачем мне все? / Осветите душу! / Одно то, что увижу Вас / не променяю ни на какие богатства мира*).

Выводы

Названия большинства сборников М. Мокаева содержат световую символику, подтверждая значимость идеи света в его творчестве («Свет жизни» (1988), «Звезда караванов» (1992), «Свет Вселенной» (1976), «Песни белых вершин» (1979)). Не вызывает сомнения, что подобные предпочтения поэта имеют глубинные подсознательные связи с национальными архетипами. К примеру, золотистый цвет (излюбленный цвет М. Мокаева) связан с космогоническими представлениями древних тюрков о цвете обожествленного солнца. Важным и неотъемлемым элементом горного пейзажа является солнце. Антропологическая философия карачаевцев и балкарцев восходит к астральному миру, где архетип Солнца стоит рассматривать с одной стороны как элемент пейзажа (атрибут художественного пространства), с другой – как нравственный ориентир.

Пространство неба, от которого исходит свет, играет существенную роль в создании мифа о поэте. Ориентируясь на универсальные мифологические образы, М. Мокаев создает «вертикальную мокаевскую» семиологическую систему о поэте, которая связана с небесным пространством, светом. Символ «яркой звезды» прочитывается как творческий огонь в душе поэта, любовь к поэзии, духовное величие лирического героя. Небо у Мокаева – источник света, метонимическое именование солнца, луны и звезд – небесный свет. Показательно, что стихия света не только обрисовывается как пейзажная деталь, но и входит в нравственный облик и обладает вечной ценностью. Образы света воспринимаются не только в зрительном, но и в идейном плане. Символика световых образов М. Мокаева синтезирует различные традиции. Лейтмотивом проходит нравственная тематика (добродетель, патриотизм, служение своему делу и т. д.), в которой световые символы выполняют не только идеологические, но и эстетические задачи. С помощью световых образов передаются эмоции восторга, радости, счастья и любви.

Источники

- Аверинцев С. С. (2001) Метафизика света. София-Логос: словарь. Киев, Дух и Літера, с. 135–136.
Дементьев В. В. (1980) Предвечернее. Мир поэта: Личность. Творчество. Эпоха. М., Сов. Россия, 62 с.
Джуртубаев М. (2007) Карачаево-балкарские мифы. Нальчик, Эльбрус, 497 с.
Казначеев В. П., Спиринов Е. А. (1991) Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения. Новосибирск, Наука, Сиб. отд-ние, 304 с.
Керимова Р. А. (2022) Идеи космизма в философской лирике М. Мокаева. Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета, № 2 (10), с. 82–88.
Кучукова З. (2005) Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии. Нальчик, Изд-во М. и В. Котляровых, 309 с.
Лейдерман Н. Л. (2015) Русскоязычная литература – перекресток культур. Филологический класс, № 3 (41), с. 19–24.
Лотман Ю. М. (2000) Внутри мыслящих миров. Семисфера. СПб., Искусство-СПБ, 704 с.
Малкондуев Х. Х. (1996) Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. КБФЭ КБНЦ РАН. Нальчик, Эль-Фа, 273 с.
Маслова А. Г. (2020) Световая символика в поэзии Е. И. Кострова. Вестник Томского государственного университета, № 450, с. 14–21.

- Мелетинский Е. М. (1998) *Космос*. М., Большая Российская энциклопедия, 736 с.
- Мокаев М. Х. (1970) *Турый рог*. Нальчик: Эльбрус, 138 с.
- Мокаев М. Х. (1976) *Свет Вселенной*. Нальчик, Эльбрус, 176 с.
- Мокаев М. Х. (2004) *Мельница жизни*. Стихи и поэмы. Перевод с балкарского языка. Нальчик, Эльбрус, 417 с.
- Мокаев М. Х. (2001) *Избранное*. В 2 т. Т. 2. Нальчик, Эльбрус, 415 с.
- Мокаев М. Х. (1980) *Свет жизни*. М., Современник, 79 с.
- Толгуров З. Х. (1974) *Формирование социалистического реализма*. Нальчик, Эльбрус, 237 с.
- Третьяченко А. В., Якимович Е. Л. (2019) *Художественный мир поэзии «тихих лириков» украинского шестидесятничества*. Новый филологический вестник, № 1 (48), с. 296–304.
- Флоренский П. А. (1990) *Небесные знамения: (37 размышлений о символике цветов)*. Философия и социологическая мысль, № 1, с. 112–115.
- Флоренский П. А. (1990) *Столп и утверждение истины*, Т. 1. М., Правда, 497 с.
- Шаманов И. М. (1982) *Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии*. Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики, с. 155–170.

References

- Averintsev S. S. (2001) *Metafizika sveta. Sofiya-Logos: slovar'* [Metaphysics of Light. Sophia-Logos: Dictionary]. Kyiv, Dukh i Litera Publ., pp. 135–136 (In Russian).
- Dementiev V. V. (1980) [Evening. Poet's World: Personality. Creation. Epoch]. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 62 p. (In Russian).
- Dzhurtubayev M. (2007) *Karachayev-balkarskiye mify* [Karachayev-balkarskiye mify]. Nalchik, Elbrus Publ., 497 p. (In Balkar).
- Florensky P. A. (1990) *Nebesnyye znameniya: (37 razmyshleniy o simvolike tsvetov)* [Heavenly signs: (37 reflections on the symbolism of flowers)]. Philosophy and sociological thought, no. 1, pp. 112–115 (In Russian).
- Florensky P. A. (1990) *Stolp i utverzhdeniye istiny* [Pillar and ground of truth]. Moscow, Pravda Publ., V. 1, 497 p. (In Russian).
- Kaznacheev V. P. (1991) *Kosmoplanetarnyy fenomen cheloveka: problemy kompleksnogo izucheniya*. [Cosmoplanetary phenomenon of man: problems of complex study]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otdeleniye Publ., 304 p. (In Russian).
- Kerimova R. A. (2022) *Idei kosmizma v filosofskoy lirike M. Mokayeva* [The Ideas of Cosmism in the Philosophical Lyrics of M. Mokaev]. Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University, no 2 (10), pp. 82–88 (In Russian).
- Kuchukova Z. (2005) *Ontologicheskiy metakod kak yadro etnopoetiki: Karachayev-balkarskaya mental'nost' v zerkale poezii* [Ontological metacode as the core of ethnopoetics: Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry]. Nalchik, Publ. house of M. and V. Kotlyarov, 309 p. (In Russian).
- Leiderman N. L. (2015) *Russkoyazychnaya literatura – perekrestok kul'tur* [Russian-language literature – the crossroads of cultures]. Philological Class, no 3 (41), pp. 19–24 (In Russian).
- Lotman Yu. M. (2000) *Vnutri myslyashchikh mirov. Semiosfera* [Inside the thinking worlds. Semiosphere]. St. Petersburg, Art-SPB Publ., 704 p.
- Malkanduyev Kh. Kh. (1996) *Obryadovo-mifologicheskaya poeziya balkartsev i karachayevtsev* [Ritual and mythological poetry of the Balkars and Karachais]. Nalchik, El-Fa Publ., 273 p. (In Russian).
- Maslova A. G. (2020) *Svetovaya simbolika v poezii Ye.I. Kostrova* [Light symbolism in the poetry of E. I. Kostrova]. Tomsk State University Journal, no 450, pp. 14–21 (In Russian).
- Meletinsky E.M. (1998) *Kosmos* [Space]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 736 p.
- Mokayev M. Kh. (1970) *Turiy rog* [Turium horn] Nal'chik: El'brus, 138 s.
- Mokaev M. Kh. (1976) *Svet Vselennoy* [Light of the Universe]. Nalchik, Elbrus Publ., 176 p. (In Balkar).
- Mokaev M. Kh. (2004) *Mel'nitsa zhizni. Stikhi i poetry* [Mill of life. Verses and poems]. Translation from the Balkar language. Nalchik, Elbrus Publ., 417 p. (In Russian).
- Mokaev M. Kh. (2001) *Izbrannoye* [Favorites]. Nalchik, Elbrus Publ., 415 p. (In Russian).
- Mokaev M. Kh. (1980) *Svet zhizni* [Light of life]. Moscow, Sovremenniy Publ., 79 p. (In Russian).
- Shamanov I. M. (1982) *Drevnetyurkskoye verkhovnoye bozhestvo Tengri (Teyri) v Karachaye i Balkarii* [The ancient Turkic supreme deity Tengri (Teiri) in Karachay and Balkaria]. Cherkessk, Karachayev-Cherkes. Publ., pp. 155–170 (In Russian).
- Tolgurov Z. Kh. (1974) *Stanovleniye sotsialisticheskogo realizma* [Formation of socialist realism]. Nalchik, Elbrus Publ., 237 p. (In Russian).
- Tretyachenko A. V., Yakimovich E. L. (2019) *Khudozhestvennyy mir poezii "tikhikh lirikov" ukrainских shestidesyatnikov* [The artistic world of the poetry of the "quiet lyricists" of the Ukrainian sixties]. The New Philological Bulletin, no 1 (48), pp. 296–304 (In Russian).

Информация об авторе

Керимова Раузат Абдуллаховна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы. Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», г. Нальчик, РФ. ORCID ID: 0000-0003-1964-4511. E-mail: K.roza07@mail.ru

Author's information

Rauzat A. Kerimova

Cand. Sc. (Philol.), Senior Researcher, Sector of Karachay-Balkar Literature. Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budget Scientific Institution "Federal Research Center" Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Nalchik, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-1964-4511. E-mail: K.roza07@mail.ru

УДК 821.111

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.5
Научная статья

Е. В. Киричук^{1✉}, А. В. Федорова¹

✉ kirichuk@bk.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Развитие и переосмысление теории экзистенциализма в романе Дэвида Лоджа «Терапия»

Аннотация: Работа представляет собой анализ романа Дэвида Лоджа «Терапия» с точки зрения философии раннего экзистенциализма, положенной в сюжетную основу произведения. Сюжет романа рассматривается как реализация модели духовного развития, предложенной С. Кьеркегором в 1843 году: биография главного героя трактуется нами как прохождение через эстетический, этический и духовный этапы развития личности. В статье рассмотрены основные параллели, проведенные автором между героем и датским философом, а также сделаны выводы о том, что в религиозном аспекте британский автор отступает от теории Кьеркегора, переосмысляя роль религии с позиций конца своей эпохи. Переосмыслена также тема любви: герои Лоджа способны наслаждаться ею не только в воспоминаниях, в отличие от персонажей Кьеркегора. Тем не менее Лодж продолжает идею Кьеркегора о том, что любовь и вера как проявления одного и того же явления (страсти) придают жизни смысл и исцеляют от духовного кризиса. Исследование романа доказывает, что, по мнению Лоджа, пессимистичный экзистенциализм перестает быть актуальным в конце XX века, поэтому для романа «Терапия» автор обращается к истокам теории экзистенциализма и выстраивает произведение как своеобразный диалог с философом прошлого.

Ключевые слова: Кьеркегор, экзистенциализм, экзистенциальная диалектика, экзистенциальный кризис, религия, постмодернизм.

Дата поступления статьи: 11 июля 2022 г.

Для цитирования: Киричук Е. В., Федорова А. В. (2023) Развитие и переосмысление теории экзистенциализма в романе Дэвида Лоджа «Терапия». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 56–63. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.5.

Scientific article

E. V. Kirichuk^{1✉}, A. V. Fedorova¹

✉ kirichuk@bk.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Development and rethinking of the theory of existentialism in David Lodge's "Therapy"

Abstract: The work is an analysis of David Lodge's novel "Therapy" from the point of view of the philosophy of early existentialism, which is the plot basis of the work. The plot of the novel is considered as the realization of the model of spiritual development proposed by S. Kierkegaard in 1843: the biography of the main character is interpreted by us as passing through the aesthetic, ethical, and spiritual stages of personality development. The article examines the main parallels drawn by the author between the hero and the Danish philosopher and also concludes that in the religious aspect, the British author departs from Kierkegaard's theory, rethinking the role of religion from the standpoint of the end of his era. The theme of love has also been rethought: the heroes of the Lodge are able to enjoy it not only in their memories, unlike the characters of Kierkegaard. Nevertheless, Lodge continues Kierkegaard's idea that love and faith as manifestations of the same phenomenon (passion) give meaning to life and heal from a spiritual crisis. The study of the novel proves that, according to Lodge, pessimistic existentialism ceases to be relevant at the end of the XX century, so for the novel "Therapy" the author turns to the origins of the theory of existentialism and builds the work as a kind of dialogue with the philosopher of the past.

Keywords: Kierkegaard, existentialism, existential dialectic, existential crisis, religion, postmodernism.

© Е. В. Киричук, А. В. Федорова, 2023

Paper submitted: July 11, 2022.

For citation: Kirichuk E. V., Fedorova A. V. (2023) Development and rethinking of the theory of existentialism in David Lodge's "Therapy". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 56–63. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.5.

Введение

Британский писатель Дэвид Джон Лодж (род. 1935) наиболее известен благодаря своей университетской трилогии. Именно она чаще всего становилась объектом литературоведческих исследований. Однако творчество Лоджа 1990-х годов не менее интересно с исследовательской точки зрения, хотя в русскоязычном литературоведении практически нет работ, посвященных данному периоду творчества Лоджа. Так, жанровая специфика и поэтика романа «Терапия» (Therapy, 1995) ранее не была описана подробно. Связь романа с философией Сёрена Кьеркегора очевидна, поскольку Кьеркегор и его труды многократно фигурируют в тексте романа, а сюжет произведения строится на психологическом отождествлении главного героя с данным философом. Однако взаимосвязь романа Лоджа и философии экзистенциализма еще не была проанализирована в отечественной науке. Целью данной работы является выявление смысловых параллелей между романом и философской теорией Кьеркегора. Мы стремимся понять, почему автором была избрана именно эта философская концепция как основа произведения, а также проанализировать, как теория С. Кьеркегора, сформулированная в XIX веке, была переосмыслена автором XX века.

Методы

Анализ произведения главным образом осуществляется в рамках метода литературной герменевтики и сравнительного анализа текстов, принадлежащих к разным культурно-историческим периодам: с одной стороны – художественный роман XX века, с другой – художественно-философские трактаты XIX века.

Результаты

Сёрен Обю Кьеркегор (1813–1855) – датский философ XIX века, ставший предшественником теории экзистенциализма. Именно на его идеях в дальнейшем будут выстроены теории таких философов, как М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Ясперс, и многих других.

Кьеркегор считал, что сущность человека нельзя сводить к мышлению, поскольку это не учитывает эмоциональной, перцептивной, религиозной, социальной и других составляющих уникальной человеческой личности. Всё вышеперечисленное философ объединяет понятием «существование» (экзистенция) и ставит этот термин в центр своего учения. В. С. Савостьянова отмечает: «Кьеркегор приступил к более углубленному анализу человеческого существования, исследованию процесса экзистирования как постепенного раскрытия внутренней сущности личности, индивидуального предназначения человека» (Савостьянова, 2011, с. 45). Ключевым в наследии Кьеркегора является учение о трех стадиях человеческого существования, сформулированное им в 1843 году. В своей философии Кьеркегор возвращается к истокам христианского вероучения: единственным надежным ориентиром для него является Бог, и на пути к Богу человек проходит три этапа духовного развития.

Первая стадия существования – эстетическая. Эстетик живет сегодняшним днем и ведет жизнь, полную чувственных удовольствий. Он ориентирован на внешний, а не на внутренний мир, не задумывается о своей духовной природе, о чувстве долга и ответственности, о смысле своего существования. При этом эстетический человек недоволен собой и пытается представлять себя лучше, чем он есть на самом деле. Чувство дисгармонии в конце концов заставляет его разочароваться в самом себе и встать на путь нравственности. Так он переходит на новую стадию существования – этическую.

Жизнь этика направлена на свою душу. На этой стадии человек становится личностью. Его охватывает потребность в одиночестве. Удовлетворив ее, он возвращается к миру, но в какой-то

момент снова начинает чувствовать отчаяние, связанное с осознанием своей слабости и пассивности. Тогда человек переходит на следующую стадию существования – религиозную.

Религиозным человеком руководит вера. Он осознает, что имеет власть над своим существованием и может прийти либо к спасению, либо к гибели. Для него перестают быть значимыми внешние факторы, он остается в одиночестве, происходит переход от внешнего бытия к подлинному, духовному. Поскольку вера в Бога трансцендентна, чтобы прийти к ней, человек вынужден преодолеть страх и неуверенность, как бы совершить «прыжок» (термин Кьеркегора) в пропасть, то есть остановить разумную рефлексию и отдаться вере.

Таким образом, в поисках Бога человек постепенно открывает самого себя, двигаясь от созерцательно-чувственного бытия к духовному. Прийти к истинной глубине человеческого существования человек может только когда обнаруживает себя вытолкнутым из нормального русла повседневной жизни и оказывается поставленным перед мучительными вопросами собственного существования (Корнющенко-Ермолаева, 2006, с. 246). Движение от одной стадии к другой связано с ростом отчаяния: «Для скачка необходимо, чтобы человек отчаялся, то есть перешел в иное состояние, чем то, в котором он пребывал до отчаяния» (Тетенков, 2012, с. 132-133). Этот путь Кьеркегор назвал экзистенциальной диалектикой.

Роман Дэвида Лоджа «Терапия» (Therapy, 1995) относится к жанру философского романа, под которым мы вслед за В. М. Мирошниковым понимаем такое произведение, в котором главным формообразующим фактором является метаязык философии, представляющий собой рефлексию, то есть освоение, развитие и переосмысление опыта прошлого (Мирошников, 2001, с. 9). Как пишет Е. Н. Никольский, «сущностным принципом, приводящим к образованию феномена философской прозы (разных жанров), является так называемая эстетическая рефлексия – специфическая форма и способ художественного мышления» (Никольский, 2019, с. 11). Важно также, что определяющим свойством философской прозы является «наличие субстанциональной идеи, формирующейся и проходящей испытание в содержательно-формальной структуре повествования», о чем писал В. В. Агеносов (цит. по: Никольский, 2010, с. 41).

Такой объединяющей идеей в романе Лоджа является концепция духовного развития С. Кьеркегора. Роман целиком построен на отождествлении главного героя (Лоренса Пассмора) и Кьеркегора. Как и Кьеркегор, Пассмор страдает депрессией, ведет дневники и борется с физическим недугом. Кроме того, Пассмор придает огромное значение истории любви Кьеркегора к Регине Ольсен, поскольку она кажется ему похожей на историю его собственной первой любви. Большое количество «совпадений» в их жизнях заставляет героя ощущать свою тесную связь с мыслителем прошлого.

История Пассмора является своеобразной реализацией кьеркегоровской модели духовного развития. Кризисное состояние, через которое проходит герой, одновременно является путем его духовной эволюции.

Если изначально Лоренс был уверен, что когда-то он был счастлив, то теперь думает: «возможно, однако, я обманываю себя и на самом деле я всегда был несчастен...» (Лодж, 2003). Это рассуждение свидетельствует о том, что в начале романа Лоренс Пассмор находится на эстетической стадии духовного развития: долгие годы он сам не замечал своего несчастья, будучи окруженным большим количеством людей и уверенным в своем успехе и жизненном благополучии. Однако в 58 лет он начинает испытывать экзистенциальный кризис. Он ощущает то чувство дисгармонии, которое, по Кьеркегору, предшествует переходу на новую ступень развития.

Кризис усиливается, когда Салли, жена Пассмора, подает на развод. Он осознает, что его семейная жизнь не была такой счастливой, как ему казалось: «У меня такое чувство, будто жил во сне <...> и только что проснулся» (Лодж, 2003). Герой чувствует себя потерянным: «Я думал, что знаю Салли, – внезапно обнаружилось, что это не так. Значит, скорее всего, я не знаю и себя» (Лодж, 2003). Безусловно, за этим осознанием для героя должен начаться путь к познанию себя, то есть не что иное, как экзистенциальная диалектика.

Лоренс летит в Данию, где пытается повторить путь любимого философа. Посещает он и музей Кьеркегора, где происходит значительный эпизод: ребенок в музее принимает Пассмора

за самого Кьеркегора. В дневнике Пассмора появляется запись: «Назовите это совестью. Назовите это Кьеркегором. Они соединились. Я думаю, что Кьеркегор – это лучшая часть меня, которая стремилась вырваться наружу...» (Лодж, 2003). Таким образом как бы стирается граница между веками, философ XIX века и сценарист XX века становятся единым целым. Как видно из приведенной цитаты, совесть и философия Кьеркегора выступают у Лоджа синонимами. Следовательно, в теории датчанина он видит прежде всего не религиозную подоплеку, а фундаментальные нравственные категории: совесть, ответственность за свою жизнь, осознанный подход к своему существованию. Именно это оказывается для Лоджа главным в философии экзистенциализма, и он возвращает в литературу эти важнейшие категории, утраченные в эпоху постмодерна.

Далее для Лоренса Пассмора наступает период одиночества, отдаления от мира: он скрывается от всех своих знакомых и практически не выходит из дома. Здесь наблюдается еще одна параллель с Кьеркегором. Философ после разрыва с возлюбленной вел дневник и активно писал книги. Пассмор после развода тоже ведет дневник и пишет «драматизированные монологи» от лица своих знакомых. Этот период отдаления от людей и активной рефлексии о собственной жизни соответствует этической стадии развития личности.

Именно в этот период герой вспоминает о Морин – своей школьной любви. Пассмор впервые в жизни осознает, что он эгоистично разбил юной девушке сердце, несмотря на то, что сам был влюблен в нее. В этом заключается сходство с историей Кьеркегора: философ тоже притворился перед своей возлюбленной холодным и циничным, заставляя ее страдать.

Лоренс решает найти Морин, которую не видел уже 35 лет. Поиск первой возлюбленной преобразует Пассмора: «Я больше не испытываю трудностей с принятием решений. Я больше не чувствую себя “самым несчастным человеком”» (Лодж, 2003). Итак, в соответствии с теорией Кьеркегора, пройдя через отчаяние, герой приходит к принятию себя и своей жизни.

Пассмор находит Морин в то время, когда она совершает религиозное паломничество, в которое она отправилась, чтобы побыть в одиночестве и поразмышлять о своей жизни. Звучит здесь и мотив выбора себя: «всю свою жизнь я делала что-то для других, а это – для меня» (Лодж, 2003), – признается Морин. Паломничество для Морин – это способ оказаться вне времени, не знать никаких новостей и беспокоиться лишь о базовых потребностях: «Важно только самое простое: поесть, попить, залечить мозоли, добраться до следующего пункта назначения, пока не стало слишком жарко, или слишком холодно, или сыро. Выживание. Поначалу думаешь, сойдешь с ума от одиночества и усталости, но через какое-то время начинаешь противиться присутствию других людей, хочешь идти самостоятельно, остаться один на один со своими мыслями и болью в ногах» (Лодж, 2003), – делится она с Пассмором. Ее не беспокоит тот факт, что истинность мощей святого, хранящихся в Испании, не установлена. Она верит, что, если столько людей приходит к нему сюда, значит, святой Иаков не может сейчас находиться в каком-то другом месте. Верит она и в то, что именно святой Иаков помог ей преодолеть этот трудный путь. Этот образ жизни, в котором застает ее главный герой, безусловно, напоминает аскетизм. Очевидно, что героиня Лоджа является олицетворением религиозной стадии развития личности.

Именно об этом говорит Пассмор, когда у него берут интервью для телевизионного сюжета о паломниках: настоящий паломник – тот, для кого этот путь является «прыжком в абсурд», иными словами – экзистенциальным актом самоопределения. В своем монологе Пассмор делит паломников на три типа: эстетический тип стремится приятно провести время и насладиться красивыми пейзажами, этический вырабатывает в себе выносливость и дисциплину, а настоящий паломник – это религиозный человек, христианин, который просто идет. Далее Лоренс объясняет суть религии с точки зрения философии: «Для Кьеркегора христианство было “абсурдом”»: если бы оно было полностью рациональным, не было бы смысла в него верить. Суть в том, что вы решаетесь верить без рационального принуждения – вы совершаете прыжок в пустоту и в процессе этого выбираете себя. Пройти тысячи миль до святыни в Сантьяго, не зная, действительно ли там кто-то погребен, – это пример такого прыжка. Эстетический паломник не притво-

ряется настоящим пилигримом. Этический волнуется, настоящий ли он. Истинный паломник просто идет» (Лодж, 2003). Таким образом, происходит прямое переложение теории Кьеркегора на сюжет Лоджа. Автор романа одновременно объясняет суть идей датского философа и то, как он сам трактует эти идеи для «Терапии».

Сюжетная линия, связанная с искренней и глубокой верой Морин Каванаг, доказывает, что в произведении Лоджа нет абсолютного постмодернистского отрицания религии.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что, как Кьеркегор вернул философию к истокам христианского учения, так и Лодж вернул в литературу тему религии, показывая, что век постмодернистского отрицания не смог ее уничтожить.

Тем не менее религиозный опыт Лоренса Пассмора описывается Лоджем с юмором: «Этот идол был больше по мне, и я прилежно стукнулся лбом о его мраморное чело <...> все в очереди один за другим копировали эти действия. Засвидетельствовав свое почтение, я хотел было хлопнуть себя по ягодицам, как делают исполнители баварских народных танцев, чтобы посмотреть, не повторит ли кто-нибудь мой жест, но не осмелился» (Лодж, 2003).

Если для Кьеркегора христианство – оплот возвышенности, то у Лоджа, напротив, эта тема снижена комическим эффектом. Отношение к религии особенное: он шутит о святых и иронизирует над ними. Безусловно, в этом ощущается мировоззрение постмодерна.

Восприятие религии в конце XX века, безусловно, отличается от тех сакральных представлений о вере, которые еще господствовали в эпоху Кьеркегора. Роман Лоджа демонстрирует нам новые реалии: телевизионную трансляцию проходящей в соборе службы в честь праздника святого Иакова, и паломников, не имеющих никакого отношения к вере в Бога. Наблюдения героя за людьми во время паломничества показывают, что религия уже не имеет в обществе прежней значимости. Посетив церковную службу впервые за много лет, Пассмор замечает, что большинство присутствующих нисколько не религиозны, а пришли, чтобы получить эстетическое наслаждение древней архитектурой, или просто из чувства долга, поскольку им предоставляют бесплатный ночлег на этом этапе маршрута. Наблюдая за людьми, проходящими изначально исключительно религиозный паломнический путь «Сантьяго», Пассмор делит их на категории: молодежь, использовавшая паломничество как предлог, чтобы выбраться из родительского дома; спортсмены-велосипедисты; супружеские или влюбленные пары, которых объединяет общий интерес к пешему туризму или испанской культуре. Иначе говоря, большинство пилигримов – это люди, для которых паломничество просто вид отдыха и способ отвлечься от «крысиных гонок повседневности».

Отметим следующий эпизод: после завершения паломничества Морин и Лоренс любуются звездным небом и Пассмор замечает, что никогда раньше он не видел Млечный Путь так ясно. Вместе с этим он рассказывает своей спутнице, что древние греки считали Млечный Путь дорогой на небеса и некоторые ученые даже полагают, что еще до появления христианства «существовало своего рода паломничество: люди шли за Млечным Путем, сколько могли пройти» (Лодж, 2003). В контексте этого пояснения фраза героя о том, что он никогда не видел этот путь так ясно, может быть истолкована как его духовное приближение к Богу.

Джон Стюарт пишет: «Кьеркегор использует форму болезни как метафору отчаяния. Идея состоит в том, что без христианства мы все больны, и по этой причине различные формы отчаяния представляют собой разные формы этой болезни. Христианство может исцелить нас от этой болезни» (Stewart, 2019, p. 215). Так и герой Лоджа избавляется от боли в колене, которая мучила его в начале романа. После совершенного паломничества он вновь ощущает радость жизни и чувствует, что для него настал какой-то новый этап развития. После паломничества Пассмор по-новому смотрит и на ситуацию развода: его больше не интересуют, какое имущество и какое количество денег он получит в результате бракоразводного процесса, то есть материальный мир перестает быть значимым для него. Джон Липпит отмечает, что одним из центральных концептов философии Кьеркегора является концепт 'forgiveness' ('прощение'), а в особенности 'self-forgiveness' ('самопрощение') (Lippitt, 2015, p. 143). В конце романа главный герой, безусловно, прощает и свою жену, и себя за прошлые ошибки.

Не случайно это связано именно с темой первой любви. В. Д. Губин и К. В. Зенин поясняют: «Любовь для Кьеркегора является главной силой, прокладывающей путь и к другому человеку, и к Богу» (Губин, Зенин, 2014, с. 54). Сам Кьеркегор писал: «Я убежден, что Бог – это любовь» (Кьеркегор, 1993, с. 21). Лодж придает ироничность теме религии и создает своеобразную пародию на третью стадию духовного развития. Он показывает читателю двух героев, пришедших к гармонии с собой и с миром разными путями: Морин – через любовь к Богу, Лоренс – через любовь к Морин. Таким образом Лодж продолжает идею Кьеркегора о том, что любовь и вера как проявления одного и того же явления (страсти) придают жизни смысл и исцеляют от духовного кризиса.

Кьеркегор считал, что истинная любовь возможна только в воспоминании, поскольку никакая действительность не может так удовлетворить и наполнить человека, как воспоминание: «Жизнь в воспоминаниях наиболее совершенна, удовольствия, о которых вспоминаешь, полнее, чем любая реальность, – да и гораздо надежнее ее» (Кьеркегор, 2011, с. 57). Однако герой Лоджа возвращается к своей любви не только в воспоминаниях, но и в реальности. Это говорит о том, что выстраивание человеческих взаимоотношений вновь становится значимым.

Для Кьеркегора любовь – это мучение, испытание, благодаря которому «растет» душа человека. Для героя Лоджа тоже именно любовь становится причиной духовного роста, но для Пассмора даже неосуществленная любовь не становится синонимом страдания – и в этом финальный пафос романа Лоджа отличается от пафоса теории Кьеркегора.

Точно так же у Лоджа происходит переосмысление религиозной темы: Пассмор и здесь не встает на путь христианского мученичества и одиночества. Он погружается в саморефлексию, но, несмотря на идеи своего кумира-философа, он выбирает жизнь в радости (что нетипично для литературы эпохи постмодерна) и не остается одиноким. Пассмор не становится религиозным человеком в том смысле, который вкладывал в этот термин Сёрен Кьеркегор, однако он преодолевает свой кризис и выходит на новый этап жизни.

Как писал А. Н. Лукишин, «Для Кьеркегора и его философии было важно лишь одно – внутренняя жизнь души и сознания» (Лукишин, 2020, с. 326–327). Подобный подход к повествованию близок и Лоджу. В центре внимания автора находится психология человека. Это подтверждается и тем, что помпезность и богатство древней церкви кажутся главному герою гораздо менее привлекательными, чем скудно обставленная маленькая комната Кьеркегора. То есть первостепенное значение вновь обретает личность и ее внутренний мир, иными словами – человеческая экзистенция.

Философия Кьеркегора представлена посредством множества концептуальных персонажей, объединенных темой разрыва с возлюбленной: «никогда не рискуя использовать свое собственное “Я”, он стремится добиться собственного исчезновения, чтобы его читатель оказался в жуткой ситуации, когда он сталкивается только с фантастическими, поэтизированными “авторами”, то есть на самом деле вообще не на кого положиться в поисках ответов» (цит. по: Berthold, 2011, p. 26). Каждый из его персонажей как бы предлагает свой способ решения экзистенциальных проблем. В таком контексте роман Лоджа можно рассматривать как некое продолжение этого ряда персонажей, как еще один альтернативный сценарий, очередную точку зрения на категории свободы, экзистенции, любви и религии. В структуре романа содержится тройная переключка: здесь сливаются жизнь Кьеркегора, персонажи его трактатов, и жизнь самого Лоренса Пассмора. В этом, на наш взгляд, заключается своеобразный диалог Дэвида Лоджа с философом. Автор романа как бы продолжает развивать мысли Сёрена Кьеркегора, находя примеры для его теории в жизни современного общества.

Вывод

Обращение к философии XIX века не характерно для постмодерна, отрицающего любой опыт прошлого. Обращение к прошлому, как и сама рефлексия героя о путях выхода из личностного кризиса, свидетельствует о том, что постмодернистское мировоззрение не характерно для Дэвида Лоджа. В том, что автор верит в возможность преодоления кризиса, и заключается

схожесть его мировоззрения с мировоззрением Сёрена Кьеркегора. «Кьеркегор считает основанием активности человека цель, которая направляет его действия, и активность направлена прежде всего на созидание, творчество, несущее в себе диалог, полифонию, множественность», – считает Н. Б. Тетенков (Тетенков, 2017, с. 75). Мысль о необходимости созидания просматривается и в творчестве Лоджа.

Роман «Терапия» доказывает, что пессимистичный экзистенциализм уже не столь актуален для современного общества. Именно поэтому автор возвращается к истокам этой философии и осмысливает ее более позитивно, чем это сделали представители атеистического экзистенциализма. В отличие от романов Сартра или Камю, роман Лоджа демонстрирует не разрыв связей с обществом, а преодоление одиночества и выстраивание новых человеческих взаимоотношений, позволяющих вновь ощутить радость жизни, иными словами – преодолеть экзистенциальный кризис.

Источники

- Губин В. Д., Зенин К. В. (2014) Проблема человеческой экзистенции в философии С. Кьеркегора. Вестник РГГУ, №10 (132), с. 46–56.
- Корнющенко-Ермолаева Н. С. (2006) Кьеркегор о человеческом бытии и одиночестве. Известия ТПУ, № 8, с. 244–248.
- Кьеркегор С. (1993) Страх и трепет; пер. с датского Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М., Республика, 383 с.
- Кьеркегор С. (2011) Или-или. Фрагмент из жизни: в 2 ч.; пер. с дат., вступ. ст., коммент., примеч. Н. Исаевой и С. Исаева. СПб., изд-во Русской Христианской Гуманитарной Академии, Амфора, 823 с.
- Лодж Д. (2003) Терапия; пер. с англ. Е. Дод, М. Курганской. М., Б.С.Г.-Пресс. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=160396>.
- Лукишин А. Н. (2020) Парадигма онтологического размыкания в философии Серена Кьеркегора. Труды Нижегородской духовной семинарии, № 18, с. 325–330.
- Мирошников В. М. (2001) Становление и развитие философского романа Леонида Леонова. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 45 с.
- Никольский Е. В. (2019) Философская проза как эстетический феномен. Srtudia Humanitatis, № 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38468328>.
- Никольский Е. В. (2010) К вопросу о жанровой специфике философской прозы. Вестник Адыгейского гос. унив-та. Серия 2: Филология и искусствоведение, № 1, с. 39–43.
- Савостьянова В. С. (2011) Экзистенциальная диалектика в философии С. Кьеркегора. Система ценностей современного общества, № 18, с. 42–46.
- Тетенков Н. Б. (2012) Множественная субъективность С. Кьеркегора. Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, № 27, с. 131–135.
- Тетенков Н. Б. (2017) С. Кьеркегор: движение к множественной субъективности. Вестник Северного (Арктического) федерального университета, № 1, с. 71–77.
- Berthold D. (2011) The ethics of authorship: communication, seduction and death in Hegel and Kierkegaard. New York, Fordham University Press, 232 p.
- Stewart J. (2019) Kierkegaard as a Thinker of Alienation. Kierkegaard Studies Yearbook, vol. 24 (1), pp. 193–216.
- Lippitt J. (2015) Forgiveness and the Rat Man: Kierkegaard, 'Narrative Unity' and 'Wholeheartedness' Revisited. Narrative, identity and the Kierkegaardian self. Edinburgh University Press, pp. 126–143.

References

- Berthold D. (2011) The ethics of authorship: communication, seduction and death in Hegel and Kierkegaard. New York, Fordham University Press, 232 p.
- Gubin V. D., Zenin K. V. (2014) Problema chelovecheskoy ekzistentsii v filosofii S. K'yerkegora [The problem of human existence in the philosophy of S. Kierkegaard]. Vestnik RGGU – Bulletin of the Russian State University for the Humanities, no. 10 (132), pp. 46–56 (In Russian).
- Kierkegaard S. (1993) Strax i trepet [Fear and Trembling]; trans. from Danish by N. V. Isaeva, S. A. Isaeva. Respublika Publ, Moscow, 383 p. (In Russian).
- Kierkegaard S. (2011) Ili-ili. Fragment iz zhizni: v 2 ch. [Either / Or. Fragment from life: in 2 parts]; trans. from Danish, intro. art., comment., note by N. Isaeva and S. Isaeva. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy, Amphora Publ, 823 p. (In Russian).
- Kornushchenko-Ermolaeva N. S. (2006) K'yerkegor o chelovecheskom bytii i odinochestve [Kierkegaard on human existence and loneliness]. Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, no. 8, pp. 244–248 (In Russian).

- Lippitt J. (2015) Forgiveness and the Rat Man: Kierkegaard, 'Narrative Unity' and 'Wholeheartedness' Revisited. Narrative, identity and the Kierkegaardian self. Edinburgh University Press, pp. 126–143.
- Lodge D. (2003) Therapy. Random House-Penguin, London, UK, 336 p. (Russ.ed.: Lodzh D. Terapiya. trans. from English by E. Dod, M. Kurgan. Moscow, BSG.-Press Publ). Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=160396> (In Russian).
- Lukishin A. N. (2020) Paradigma ontologicheskogo razmykaniya v filosofii Serena K'yerkegora [The paradigm of ontological opening in the philosophy of Søren Kierkegaard]. Trudy Nizhegorodskoj duxovnoj seminarii – Works of the Nizhny Novgorod Theological Seminary, no. 18, pp. 325–330 (In Russian).
- Miroshnikov V. M. (2001) Stanovlenie i razvitie filosofskogo romana Leonida Leonova [The formation and development of the philosophical novel by Leonid Leonov]. Abstr. Dis. ... Dr of Philology. Moscow, 45 p. (In Russian).
- Nikolsky E. V. (2019) Filosofskaya proza kak esteticheskij fenomen [Philosophical prose as an aesthetic phenomenon]. Studia Humanitatis, no. 2. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38468328> (In Russian).
- Nikolsky E. V. (2010) K voprosu o zhanrovoy specifike filosofskoj prozy [On the question of the genre specifics of philosophical prose]. The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts", no.1, pp. 39–43 (In Russian).
- Savostyanova V. S (2011). Ekzistencial'naya dialektika v filosofii S. K'yerkegora. [Existential dialectics in the philosophy of S. Kierkegaard]. Sistema cennostej sovremennogo obshhestva – System of values of modern society, no. 18, pp. 42–46 (In Russian).
- Stewart J. (2019) Kierkegaard as a Thinker of Alienation. Kierkegaard Studies Yearbook, vol. 24 (1), pp. 193–216.
- Tetenkov N. B (2012). Mnozhestvennaya sub'ektivnost` S. K'yerkegora [Multiple subjectivity of Kierkegaard]. Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo – News of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky, no. 27, pp. 131–135 (In Russian).
- Tetenkov N. B. (2017) S. K'yerkegor: dvizhenie k mnozhestvennoj sub'ektivnosti [S. Kierkegaard: movement towards multiple subjectivity]. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences", no. 1, pp. 71–77 (In Russian).

Информация об авторах

Киричук Елена Владиленовна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций. Омский
государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-2907-5439.
E-mail: kirichuk@bk.ru

Федорова Анастасия Викторовна

Магистрант факультета филологии
и медиакоммуникаций. Омский
государственный университет им. Ф. М.
Достоевского, г. Омск, РФ. E-mail: nasti2151@
gmail.com

Autor's information

Elena V. Kirichuk

Dr. Sc. (Philol.), Associate Professor, Professor of
the Department of Russian Language, Literature
and Document Communications. Dostoevsky Omsk
State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-2907-5439.
E-mail: kirichuk@bk.ru

Anastasia V. Fedorova

Master student at the Faculty of Philology and
Media Communications. Dostoevsky Omsk State
University, Omsk, Russian Federation.
E-mail: nasti2151@gmail.com

УДК 811.111-26

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.6
Научная статья

Е. С. Коршунова¹

✉ omichka-1@yandex.ru

¹Государственный аграрный университет Северного Зауралья, г. Тюмень, Российская Федерация

Роль метафор и сравнений в создании художественных образов в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»

Аннотация: Статья посвящена изучению метафоры и сравнения как важных средств выразительности речи. Цель статьи – определение роли метафор и сравнений в формировании художественных образов в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Исследование проводится на основе изучения научной и методической литературы по проблеме, представленной в статье, метода сплошной выборки, метода количественного подсчета, сравнительно-сопоставительного и дескриптивного методов. Результаты заключаются в выявлении роли метафор и сравнений в конструировании образа главного героя, положительных и отрицательных образов персонажей, образов книг, огня, войны, природы, технического прогресса. Были определены структура и виды данных выразительных средств. Было доказано, что данные языковые средства отражают психическое состояние героев, характеризуют различные явления. Это раскрывает мировосприятие Рэя Брэдбери, выявляя его субъективно-оценочное отношение к фактам объективной действительности.

Ключевые слова: метафора, сравнение, художественный образ, роман-антиутопия, выразительные средства, переносное значение, сравнительный союз.

Дата поступления статьи: 5 октября 2022 г.

Для цитирования: Коршунова Е. С. (2023) Роль метафор и сравнений в создании художественных образов в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 64–71. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.6.

Scientific article

E. S. Korshunova¹

✉ omichka-1@yandex.ru

¹Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen, Russian Federation

Role of metaphors and similes for the literary images creation in the novel by Ray Bradbury “Fahrenheit 451”

Abstract: The article is devoted to studying metaphors and similes as important expressive means of speech. The paper aims to reveal the role of metaphors and similes in literary image creation in the novel by Ray Bradbury “Fahrenheit 451”. The research is conducted based on studying scientific and methodological literature on the article problem, continuous sampling method, method of quantitative calculation, and comparative and descriptive methods. Finally, the role of metaphors and similes was found to construct the image of the main hero, positive and negative images of personages, the images of books, fire, war, nature, and technical advances. The structure and kinds of these expressive means were discovered. It was proved that the linguistic means mentioned above reflect the psychological condition of heroes and characterize different phenomena. It discovers the world perception of Ray Bradbury, identifying his subjective-evaluative attitude to the facts of objective reality.

Keywords: metaphor, simile, literary image, dystopian novel, expressive means, transferred meaning, close conjunction.

Paper submitted: October 5, 2022.

For citation: Korshunova E. S. (2023) Role of metaphors and similes for the literary images creation in the novel by Ray Bradbury “Fahrenheit 451”. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 64–71. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.6.

© Е. С. Коршунова, 2023

Введение

Целью любого художественного произведения является не только описание автором каких-либо событий, поступков персонажей, но и эмоциональное воздействие на читателей таким образом, чтобы заставить их переживать данные события, проходить через судьбы героев и так далее. Ключевым элементом воздействия на читателя является художественный образ, который раскрывается благодаря языковым средствам выразительности, среди которых одними из продуктивных считаются компаративные средства – метафоры и сравнения, несущие в себе определённые признаки сопоставления предметов, явлений, процессов. Функционирование в тексте метафор и сравнений свидетельствует об их особом месте в мире авторских мыслей и чувств и помогает проникнуть в глубину смысла самого художественного текста. Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена высокой степенью значимости изучения метафор и сравнений, которые выражают образность, создают оценочную характеристику героев посредством сопоставления их чувств, мыслей, эмоций, внешних данных, особенностей поведения и различных явлений действительности. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые был предложен подробный анализ метафор и сравнений в творчестве Рэя Брэдбери, описаны смысловые значения данных выразительных средств, определены их структура и виды с позиции автора статьи. Целью настоящей работы является определение роли метафор и сравнений в формировании художественных образов в романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить теоретические аспекты метафор и сравнительных конструкций в отечественном языкознании: понятия «метафора», «сравнение», виды метафор, функции и структура сравнения как средства выразительности, отличие метафоры от сравнения.
2. Сделать выборку метафор и сравнений в тексте романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».
3. Выявить семантические особенности метафор и сравнительных конструкций.
4. Определить основную роль метафор и сравнений в тексте романа.
5. Провести анализ структурных особенностей и классификацию компаративных средств.

Методы

Были использованы такие методы исследования, как анализ и синтез научной и методической литературы по проблеме исследования, метод сплошной выборки, метод количественного подсчета, сравнительно-сопоставительный, дескриптивный метод.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы на курсе по теории и практике перевода, практических занятиях по английскому языку в неязыковых вузах, включены в учебно-методические пособия по обучению студентов английскому языку.

Результаты

Важной частью художественного произведения является образность, которая представляет собой в широком смысле слова наглядность, красочность изображения. Художественный образ отражает объективную действительность с субъективной позиции художника. «Таким образом, в художественном образе сливаются воедино общее и частное, объективное и субъективное, а также логическое и чувственное, опосредованное и непосредственное, абстрактное и конкретное, сущность и явление, содержание и форма и т. п.» (Горшков, 2008, с. 90). Источником образа в художественной речи может быть метафора, которая в широком смысле представляет собой любые виды употребления слов в непрямом значении (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 296).

Первое определение термину «метафора» дал Аристотель: «Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии». Метафора, по Аристотелю, дает право, «говоря о действительном, соединять с ним невозможное»

(Аристотель, 1927, с. 39). В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения Н. Д. Арутюновой, которой принадлежит общепринятое для отечественной теории метафоры определение понятия «метафора»: «Метафора (от греч. *metaphora*) – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» (Арутюнова, 1990, с. 296). В классической стилистике под понятием «тропы» следует понимать лексические изобразительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание используется в переносном значении.

Метафора может выразить то, что не поддается описанию в виде прямых номинаций, например, состояние души человека. Через метафорические единицы можно проследить цепочку состояний, которые испытывает главный герой. Метафорические выражения часто привлекают внимание читателя новизной и свежестью, неожиданностью употребления языковых единиц и связей. Поскольку метафорическое изложение связано с ассоциативным мышлением и способностью рассматривать «явления одного рода в терминах явлений другого рода», совмещать в слове две вещи, не совмещающиеся в действительности, но имеющие нечто связующее их, то восприятие и осмысление метафорических выражений всегда есть ключ к пониманию личности автора, его концепции (Лакофф, Джонсон, 1990, с. 389). Кроме простой метафоры, необязательно состоящей из одного слова, но которая также может быть словосочетанием, есть и развернутая метафора (расширенная). Данное членение является именно структурным. И. В. Арнольд дает следующее определение развернутой метафоры: это такая метафора, которая состоит из нескольких слов, создающих единый образ, т. е. из ряда взаимозависимых и дополняющих друг друга простых метафор, которые усиливают мотивированность образа путем повторного объединения все тех же двух планов и параллельного их функционирования (Арнольд, 1981, с. 83).

Выделяются три основных вида метафор: олицетворение – перенос признака живого лица на неживой предмет, овеществление – перенос признака неживого предмета на живое лицо, отвлечение – перенос признака конкретного явления (лица или предмета) на явление абстрактное, отвлеченное (Першукова, 2011, с. 73). По эмоционально-оценочным коэффициентам метафоры, как правило, разделяют на метафоры нейтральной оценки, метафоры отрицательной оценки (пейоративные) и метафоры положительной оценки (мелиоративные).

И. Р. Гальперин определяет сущность сравнения как стилистического тропа следующим образом: «Два понятия, обычно относящиеся к разным классам явлений, сравниваются между собой по какой-либо одной из черт, причем это сравнение получает формальное выражение <...> Обязательным условием для стилистического приема сравнения является сходство какой-нибудь одной черты при полном расхождении других черт» (Гальперин, 1958, с. 167–168).

К общеизвестным функциям сравнения относятся субъективно-познавательная, описательно-изобразительная, оценочно-характеристическая, конкретизирующая. Сравнение помогает более точно передать предмет или явление, образнее представить описываемые предметы, речь автора приобретает более яркий и выразительный оттенок. Сравнения помогают увидеть в предмете новые, неожиданные стороны. Сравнение включает в себя три составные части: субъект сравнения (то, что сравнивается), объект сравнения (то, с чем сравнивается) и 3) признак, по которому сравнивается, – основание сравнения. Субъект сравнения и объект сравнения распределяются по самым разным лексико-тематическим группам существительных: 1) названия лиц; 2) названия представителей фауны; 3) названия реалий мира флоры; 4) название предметов и веществ; 5) названия явлений природных стихий и пр. Компоненты сравнения могут располагаться как в прямом порядке, когда объект сравнения предшествует средству, так и в инверсионном порядке. В английском языке стилистические сравнения выражаются с помощью таких слов, как: точно, словно, как, будто (*as, as though, like, as like, as if, such as*) и т. д., которые устанавливают сходство или различие между предметами или людьми. В русском и английском языках сравнения могут вводиться посредством глаголов и других частей речи: похож, напоминает, подобен (*seem, resemble, look like*). В предложении данные слова выполняют, как правило, функцию сказуемого.

Сравнение может быть оформлено в виде отдельного предложения, которое семантически связано с предыдущим предложением. В подобных сравнениях имеет место «развернутое художественное описание» (Голуб, 2002, с. 154).

По мнению О. С. Ахмановой, при сравнении на первый план выступают понятия «равенства-неравенства, большей или меньшей степени проявления качества, которые могут находить выражение в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, в лексике и фразеологии» (Ахманова, 2005, с. 449).

Одной из самых распространенных форм выражения сравнения является сравнительный оборот – образное словесное выражение, в котором одно явление приравнивается к другому на основании общего признака. Полученное «изображение» в результате конкретизируется, становится более ярким и выразительным (Розенталь, 1977, с. 7).

Сравнение следует отличать от метафоры. Сравнение – это и есть сопоставление предметов. Но в сравнении сопоставление всегда прямое, а в метафоре сопоставление скрытое. Кроме того, сравнение можно увидеть и по строению, поскольку чаще всего используются конструкции со сравнительными союзами. В метафоре такого яркого строения нет. Но из метафоры можно восстановить сравнение, которое в ней скрыто.

Квинтилиан, называя метафору «сокращенным сравнением», пишет, что единственное отличие состоит в том, что в сравнении что-то сопоставляется с описываемым объектом, а метафора же сама становится этим объектом (Виноградов, 1971).

Согласно Н. В. Головиной, сравнение выполняет в художественной литературе функцию оригинальности и неожиданности. С точки зрения этого исследователя, только элемент новизны в сравнении позволяет ему репрезентировать стилистическое разнообразие и посредством него выражать сущность предмета или явления (Головина, 2011, с. 102).

В романе-антиутопии Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (“Fahrenheit 451”) описывается жизнь тоталитарного общества будущего, которое получает информацию с огромных экранов телевизоров, заполнивших стены домов, а также от радиоприемников и других средств необходимой государству пропаганды. В условиях такого общества литература запрещена законом, в связи с этим она подлежит немедленному уничтожению – сжигению. К положительным образам людей относятся герои, которые не поддались нравственному разложению: Кларисса Маклеллан (юная девушка, которая изменила взгляды на мир главного героя), Фабер (бывший преподаватель английского языка), люди-книги. Среди отрицательных можно выделить Милдред (жена главного героя, являющаяся полным отражением описываемого Р. Брэдбери общества), пожарники, Битти (начальник пожарной части), приятельницы Милдред. Образ главного героя является пограничным – его нельзя отнести ни к положительному, ни к отрицательному персонажу – его прозрение от жестокости и несправедливости наступило со знакомства с девушкой Клариссой, и в конце романа происходит его полное перерождение в положительного героя. Помимо образов людей в произведении существуют образы книг, образы войны, образ огня, образы технического прогресса, образы природы.

Такие художественные средства, как метафоры и сравнения, позволили проанализировать ряд вышеописанных художественных образов в романе. Анализ данных средств выразительности был произведен на основе перевода романа с английского на русский язык в исполнении Татьяны Шинкарь (Брэдбери, 1987). Большинство метафор и сравнений раскрывают характер героев, помогая глубже проникнуть в их внутренний мир: “She had a very thin face like the dial of a small clock seen faintly in a dark room in the middle of a night when you waken to see the time and see the clock telling you the hour and the minute and the second, with a white silence and a glowing, all certainty and knowing what it has to tell of the night passing swiftly on toward further darkneses but moving also toward a new sun. Вот как воспринял Монтэг внешность Клариссы: “He saw himself in her eyes, suspended in two shining drops of bright water...”. Эти два примера показывают, каким представлялась Монтэгу Кларисса: он сравнивал ее глаза с капельками прозрачной воды, а ее тонкое лицо – с циферблатом небольших часов, слабо светящимся в темной комнате,

когда, проснувшись среди ночи, хочешь узнать время и видишь, что стрелки точно показывают час, минуту и секунду, и этот светлый молчаливый лик спокойно и уверенно говорит тебе, что ночь проходит, хотя и становится темнее, и скоро снова взойдет солнце¹. С Клариссой связана также метафора «многослойности»: “I don’t know what he thinks of me. He says I’m a regular onion! I keep him busy peeling away the layers” («Не знаю, что он обо мне думает, но он говорит, что я настоящая луковица. Приходится облупливать слой за слоем») – так девушка говорит о своем общении с психиатром, которого вынуждена посещать, ведь она отличается от всех остальных людей. Называя Клариссу луковицей, автор говорит о многообразии скрытых друг под другом и неожиданно открывающихся свойствах ее личности. Клариссе было суждено погибнуть. Её сбила машина, после чего её семья, также отличавшаяся от других семей, была вынуждена переехать жить в другое место. По отношению к разговорам в семье Клариссы автор использует такую метафору, как “hypnotic web” – гипнотическая / завораживающая паутина. Именно подобным образом воспринимал это Монтэг, которому были чужды длинные беседы.

Образ Милдред также наполнен метафорами. Например, в романе показана ситуация, когда она приняла большую дозу снотворного и даже не помнила это: «... лежа на кровати, была не укрытая и холодная, подобно надгробному изваянию» (“His wife stretched on the bed, uncovered and cold, like a body displayed on the lid of a tomb”). В представлении Монтэга Милдред ассоциировалась с такими фразами, как “a street face” («лицо в толпе»), “a newspaper image” («газетная фотография»), “a wax doll” («восковая кукла»). То есть для Монтэга его жена – абсолютно чужой человек, хотя она и вызывает у него некоторое сочувствие как маленькая девочка, затерявшаяся в толпе, не способная найти выход.

Для пожарников в романе характерно выражение “fire-eaters” (пожиратели огня), чьим главным оружием является огонь – они сжигают книги. Также в самом начале произведения образ пожарника уподобляется образу дирижера: “...his hands were the hands of some amazing conductor playing all the symphonies of blazing and burning...” («...и руки кажутся руками паразитического дирижера, управляющего сразу всеми симфониями возжигания и испепеления...»). Данное сравнение пожарника с дирижером связано с тем, что от рук пожарника зависит судьба книг. Книги же безжалостно сжигаются для того, чтобы низвергнуть историю и оставить после нее только руины.

Если говорить о перспективе общения вспыльчивого и нетерпеливого Монтэга с Фабером, то первый уподобляется огню, а второй – воде: “He would be Montag-plus-Faber, fire plus water” («Они будут вместе – Монтэг и Фабер, огонь и вода...»).

Анализируя образ людей-книг, можно отметить, что в самом образе скрыта еще одна метафора – люди, начиненные знаниями, сравниваются с книгами: “Here we all are, Montag. Aristophanes and Mahatma Gandhi and Gautama Buddha and Confucius and Thomas Love Peacock and Thomas Jefferson and Mr. Lincoln, if you please” («Вот мы все перед вами, Монтэг, – Аристофан и Махатма Ганди, Гаутама Будда и Конфуций, Томас Лав Пикок, Томас Джефферсон и Линкольн – к вашим услугам»). Образ людей-книг в романе предстает как полная оппозиция образу представителей большинства – пожарных.

В сознании Гая Монтэга происходят постоянные изменения. Следующие сравнения показывают переломный момент, который наступил при его беседе с Клариссой, сказавшей ему, что он не похож на других пожарников: “He felt his body divide itself into a hotness and a coldness, a softness and a hardness, a trembling and a not trembling, the two halves grinding one upon the other” («Ему показалось, что он раздвоился, раскололся пополам, и одна его половина была горячей, как огонь, а другая холодной, как лед, одна была нежной, другая – жесткой, одна – трепетной, другая – твердой, как камень»). Внутренний мир главного героя характеризуется также другими антонимичными метафорами. Например, когда Монтэг собирается прочитать запретные стихи Милдред и ее подругам, его бросает то в жар, то в холод: “He was all fire, he was all coldness”. Причем сами приятельницы Милдред похожи на чудовищные стеклянные люстры, звенящие

¹Здесь и далее текст цит. по: Рэй Брэдбери. 451 градус по Фаренгейту. URL: <https://studyenglishwords.com/book/451-градус-по-Фаренгейту/81?page=1>

тысячами хрустальных подвесок (“They were like a monstrous crystal chandelier tinkling in a thousand chimes”). Сравнение помогает понять психологическую напряженность главного героя: “He felt as if he had left a stage behind and many actors. He felt as if he had left the great seance and all the murmuring ghosts” («Ему казалось, будто он только что сошел с театральных подмостков, где шумела толпа актеров, или покинул грандиозный спиритический сеанс с участием сонма лепечущих привидений») – так он ощущал себя при удачном побеге от механического пса. В конце романа, когда он наблюдал из леса за людьми-книгами, он ощущал себя лесным зверем, которого свет костра выманил из чащи (“a sense of knowing himself as an animal come from the forest, drawn by the fire”).

Образ книги в романе представлен с двух сторон – как нечто опасное и в то же время святое. С одной стороны, по мнению брандмейстера Битти, книга представляет собой заряженное оружие (“a loaded gun”). Даже несмотря на свою начитанность, брандмейстер убежден, что книги губительны для общества и подлежат уничтожению. Он предлагает отказаться от знаний, заключенных в них, и жить ради удовольствия. Он сравнивает страницы книг с крыльями бабочки: “Light the first page, light the second page. Each becomes a black butterfly” («Зажигаем первую страницу, зажигаем вторую страницу. Каждая становится чёрной бабочкой»). С другой стороны, писатель связывает книги с образом птиц и крыльев, как символами человеческой души, как нечто, принадлежащее миру духа, как связь неба и земли: “A book alighted, almost obediently, like a white pigeon, in his hands, wings fluttering” («Вот книга, как белый голубь, трепеща крыльями, послушно опустилась ему прямо в руки»); “They fell like slaughtered birds ...” («Журналы падали, словно подбитые птицы...»), “The books leapt and danced like roasted birds” («Книги подскакивали и метались, как опаленные птицы»).

Большой интерес вызывают в романе образы технического прогресса, представленные метафорами и сравнениями: Salamanders (Саламандры – речь о пожарных машинах), механический пес сравнивается с гигантской пчелой, гигантской ночной бабочкой, облачком неоновой пары на экране (“a great bee”, “a moth”, “a breath of neon vapour”), радиовтулка соотнесена с живым насекомым (“The electric thimble moved like a praying mantis”), телевизорные стены напоминают огромный стеклянный аквариум (“The images drained away, as if the water had been let out from a gigantic crystal bowl of hysterical fish” – «Изображения на стенах погасли, как будто из огромного стеклянного аквариума, в котором метались обезумевшие рыбы, кто-то внезапно выпустил воду»), вертолеты подобны причудливым цветкам и обрывкам бумаги в небе (“a grotesque flower”, “torn bits of paper in the sky”).

Образ природы репрезентирован сравнениями, и связан с новым местом пребывания, куда Монтэгу удалось выбраться после побега: “There was a smell like a cut potato all the land, raw and cold and white from having the moon on it most of the night” («Вот как будто запах сырого картофеля, так пахнет, когда разрежешь большую картофелину, белую, холодную, пролежавшую всю ночь на открытом воздухе в лунном свете»); “He put down his hand and felt a weed rise up like a child brushing him” («Монтэг опустил руку, и травяной стебелек коснулся его ладони, как будто ребенок тихонько взял его за руку»). Война стала финалом романа. Она прошла в одно мгновение, но уничтожила все на своем пути, дав шанс возрождению нового мира, где будут жить Гай Монтэг, люди-книги и подобные им представители новой цивилизации.

Сравнительный оборот обнажает перед читателем образ войны, связанный с полетами реактивных самолетов, которые подобны горсти зерна, брошенной гигантской рукой сеятеля (“like grain thrown over the heavens by a great sowing hand”). Сама война окончилась молниеносно, как взмах серпа (“the whisper of a scythe”), опрокинув людей как костяшки домино (“like dominoes”), которые лежали, судорожно глотая воздух, словно выброшенные на берег рыбы (“The men lay gasping like fish ...”).

Большинство метафор в романе представлены как словосочетания по схеме: прилагательное + существительное – a street face, a regular onion. Очень часто в анализируемом тексте встречаются образные метафоры, главным фокусом в которых становятся глаголы: to wear (his happiness), to shake and fall and shiver (inside him), blazed in his mind, whirled in a centrifuge, drowned in music.

По эмоционально-оценочным коэффициентам анализируемые в тексте романа метафоры подразделяются на метафоры нейтральной, положительной и отрицательной оценок. Метафоры отрицательной оценки связаны с образами Милдред, пожарников, Битти, огнем как разрушительным оружием. Метафоры положительной оценки граничат с образами Клариссы, людей-книг, Фабера. Что касается видов метафор, то можно выделить олицетворение и отвлечение. В качестве олицетворения выступают различные ассоциации: Клариссы с луковицей, Монтэга с огнем, Фабера с водой, Милдред с газетной фотографией и восковой куклой, людей с названиями книг. В качестве отвлечения можно привести пример механического пса, который напоминал облачко неоновых пар, разговоры в доме Клариссы были подобны гипнотической паутине.

Сравнения в тексте произведения образованы с помощью союзов “as”, “like”, “as if”, “as...as”: as children, like grain, like torn bits of paper, as quick as the whisper of a scythe. Союз “like” является самым распространенным союзом, с помощью которого образована основная часть сравнительных оборотов. Благодаря союзу “as if” («как будто») вводились сравнения, представляющие собой целые предложения: “There was a tremendous ripping sound as if two giant hands had torn ten thousand miles of black linen down the seam” («Раздался оглушительный треск, как будто две гигантские руки разорвали вдоль кромки десять тысяч миль черного холста»). Большинство сравнительных оборотов представлено трехчленной конструкцией, членами которой являются обозначение обоих сравниваемых объектов, основание сравнения, а также сравнительный союз: “The books lay like great mounds of fishes left to dry” («Книги лежали, как груды свежей рыбы, сваленной на берег для просолки»).

Выводы

С помощью таких языковых средств выразительности, как метафора и сравнение, автор ярко и подробно представляет читателю различные художественные образы в романе, к которым относятся как положительные, так и отрицательные герои, нейтральный образ Гая Монтэга как главного героя, а также образы книг как живых существ, образы войны, технического прогресса, природы, огня, который несет не только негативное значение, но в некоторых эпизодах имеет позитивный смысл. Среди явлений технического прогресса очень красочно переданы образы механического пса и телевидения, представленного в виде огромных экранов на стенах квартир. Образ огня, стгорания, является одной из основных метафор, отражающий внутренний мир персонажей в романе. Компаративные средства в романе отражают внутренний мир человека. Автор сравнивает сознание главного героя с различными явлениями: природными катаклизмами, воспоминаниями из детства, современными технологиями. Метафоры представлены в тексте романа и как отдельные слова, и как словосочетания, имеют нейтральную, положительную и отрицательную оценки. По видам можно выделить метафоры-олицетворения и метафоры-отвлечения. Сравнения образованы в основном с помощью союза “like” и имеют в своем составе три компонента: субъект сравнения, объект сравнения и основание сравнения. По структуре они включают в себя как отдельные словосочетания, так и целые предложения, вводимые союзом “as if” («как будто»).

В заключение можно отметить, что метафоры и сравнения являются мощными выразительными средствами описания художественных образов в романе «451 градус по Фаренгейту», отражают внутреннее, психическое состояние героев, характеризуют различные явления. Это раскрывает мировосприятие Рэя Брэдбери, выявляя его субъективно-оценочное отношение к фактам объективной реальности.

Источники

- Аристотель (1927) Поэтика. Л., Академия, 120 с.
Арнольд И. В. (1981) Стилистика современного английского языка : Стилистика декодирования. Л., Просвещение, 295 с.
Ахманова О. С. (2005) Словарь лингвистических терминов. М., КомКнига, 576 с.

- Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту. URL: <https://studyenglishwords.com/book/451-градус-по-Фаренгейту/81?page=1>
- Виноградов В. В. (1971) О теории художественной речи. М., Высшая школа, 240 с.
- Гальперин И. Р. (1958) Очерки по стилистике английского языка. М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 462 с.
- Головина Н. В. (2011) Характер сравнений в индивидуально-авторской картине мира М. Ю. Лермонтова (гендерный аспект). Вестник Томского государственного педагогического университета, № 11, с. 102-108.
- Голуб И. Б. (2002) Стилистика русского языка. 4-е изд. М., Айрис-Пресс, 448 с.
- Горшков А. И. (2008) Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М., Литературный институт им. А. М. Горького, 544 с.
- Лакофф Д., Джонсон М. (1990) Метафоры, которыми мы живем. В кн. Теория метафоры. М., Прогресс, с. 387-415.
- Лингвистический энциклопедический словарь (1990). Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., Советская энциклопедия, 685 с.
- Першукова С. В. (2011) Роль метафор с компонентом глаза в произведениях М. А. Булгакова «Роковые яйца и собачье сердце». Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, № 5, с. 72-76.
- Розенталь Д. Э. (1977) Практическая стилистика русского языка. М., Высшая школа, 435 с.
- Теория метафоры : Сборник. (1990). Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., Прогресс, 512 с.

References

- Aristotel' (1927) Poetika [Poetics]. Leningrad, Academia Publ., 120 p. (In Russian).
- Arnol'd I. V. (1981) Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka : Stilistika dekodirovaniya [Stylistics of modern English : Stylistics of decoding]. Leningrad, Prosveshcheniye Publ., 295 p. (In Russian).
- Akhmanova O. S. (2005) Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Komniga Publ., 576 p. (In Russian).
- Bradbury R. Fahrenheit 451. Available at: <https://studyenglishwords.com/book/451-градус-по-Фаренгейту/81?page=1>.
- Gal'perin I. V. (1958) Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka [Essays on stylistics of the English language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 462 p. (In Russian).
- Golovina N. V. (2011) Kharakter sravnenij v individual'no-avtorskoj kartine mira M. Yu. Lermontova (genderny aspekt) [The nature of similes in the individual-author's world view]. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, no. 11, pp. 102-108 (In Russian).
- Golub I. B. (2002) Stilistika russkogo yazyka [The stylistics of the Russian language]. Moscow, Ajris-Press Publ., 448 p. (In Russian).
- Gorshkov A. I. (2008) Russkaya stilistika i stilistichesky analiz slovesnosti [Russian stylistics and stylistic analysis of literary works]. Moscow, Maxim Gorky Literary Institute, 544 p. (In Russian).
- Lakoff D., Johnson M. (1990) Metafori, kotorymi mi zhivem [Metaphors we live by]. In: Theory of metaphor. Moscow, Progress Publ., pp. 387-415 (In Russian).
- Lingvistichesky enciklopedichesky slovar' (1990) [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. by Yartseva V. N., Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 685 p. (In Russian).
- Pershukova S. V. (2011) Rol' metaphor s komponentom glaza v proizvedeniyakh M. A. Bulgakova "Rokovye jajca i sobach'ye serdce" [The role of metaphors with the component eyes in the works by M. A. Bulgakov "Fatal eggs and a dog's heart"]. Bulletin of the Moscow Region State University, no. 5, pp. 72-76 (In Russian).
- Rozental' (1977) Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka [Practical stylistics of the Russian language]. Visshaya shkola Publ., Moscow, 435 p. (In Russian).
- Teoriya metafory: Sbornik (1990) [The theory of metaphor : Collection]. Trans. ed. by N. D. Arutyunova, M. A. Zhurinskaya; Intro. Art. and comp. N. D. Arutyunova. Moscow, Progress Publ., 512 p. (In Russian).
- Vinogradov V. V. (1971) O teorii khudozhestvennoj rechi [About the theory of artistic speech]. Moscow, Visshaya shkola Publ., 240 p. (In Russian).

Информация об авторе

Коршунова Елена Сергеевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков. Государственный аграрный университет Северного Зауралья, г. Тюмень, РФ. E-mail: omichka-1@yandex.ru

Autor's information

Elena S. Korshunova

Cand. Sc. (Philos.), Associate Professor of the Department of Foreign Languages. Northern Trans-Ural Agricultural University, Tyumen, Russian Federation. E-mail: omichka-1@yandex.ru

О. Г. Терентьева¹

✉ Olga.Georg29@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Изучение диахронных синонимов на основе семы «рука» по текстам словарных статей этимологических словарей

Аннотация: В статье исследуются тексты словарных статей, описывающие историю и этимологию слов с древней семой «рука». В результате исследования было обнаружено, что на основе древней семы «рука» формируется синонимический ряд *ar, or, *man, *heir. Эти синонимичные древние корни образуют этимологические типы. Под этимологическим типом объединяются большие группы слов, возглавляемые этимомом. Данный этимон может быть латинским, общеславянским, греческим, индоевропейским или ностратическим. Рассматриваемые в рамках этимологического типа единицы обнаружили различные семные движения. Это исследование представляет и интересную культурологическую информацию, и несколько расширяет взгляд современной лексикологии на синонимию. Рассмотрение диахронных синонимов мало распространено, поэтому необходимость более пристального изучения движения семантики языка становится всё более актуальной. Кроме того, выявление семных движений интересно и в плане исторических морфемных изменений, когда слова получают различные префиксы, суффиксы, флексии – изменяется их первоначальное значение, однако проследить сходство всё-таки можно (фонетическое, морфологическое, семантическое). В статье дается информация и о происхождении этимомов, именно по этим данным составляются целые этимологические типы, гнезда, ряды.

Ключевые слова: текст словарной статьи, словарь, этимология, семантика, сема, этимологические родственники.

Дата поступления статьи: 27 февраля 2023 г.

Для цитирования: Терентьева О. Г. (2023) Изучение диахронных синонимов на основе семы «рука» по текстам словарных статей этимологических словарей. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 72–81. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.7.

Scientific article

О. Г. Terentieva¹

✉ Olga.Georg29@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

The study of diachronic synonyms on the basis of the seme “hand” according to the texts of the dictionary entries of etymological dictionaries

Abstract: The article examines the texts of dictionary articles describing the history and etymology of words with the ancient root “hand”. As a result of the research, it was found that the synonymy series *ar, or, *man, *heir is formed on the basis of the ancient word “hand”. These synonymous ancient roots form etymological types. Large groups of words headed by an etymon are united under the etymological type. This etymon can be Latin, Slavic, Greek, Indo-European or Nostratic. Within the framework of the etymological type of units considered, various seed movements were found. This research presents interesting cultural information and somewhat expands the view of modern lexicology on synonymy. The consideration of diachronic synonyms is not widespread, therefore the need for a closer study of the movement of the semantics of the language is becoming more and more relevant. In addition, the identification of seminal movements is also interesting in terms of historical morphemic changes, when words receive different prefixes, suffixes, inflections – their original meaning changes,

but it is still possible to trace similarities (phonetic, morphological, semantic). The article also provides information about the origin of etymons, it is based on these data that entire etymological types, nests, and series are compiled.

Keywords: text of the dictionary article, dictionary, etymology, semantics, sema, etymological relatives.

Paper submitted: February 27, 2023.

For citation: Terentyeva O. G. (2023) The study of diachronic synonyms on the basis of the seme “hand” according to the texts of the dictionary entries of etymological dictionaries. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 72–81. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.7.

Введение

В современной лингвистике такому языковому явлению, как синонимия, уделяется достаточно много внимания, однако истоки появления синонимов среди этимонов практически не рассматриваются (Евгеньева, 2001, с. 2).

Для диахронического исследования этимонов – синонимов важно установление первоначальной формы, значения и особенностей развития древних сем.

Одним из путей образования древних сем был процесс отождествления окружающего мира с человеком, это явление называют антропоморфизмом. В древности человек опирался на так называемые общечеловеческие архетипы, составлявшие «коллективное бессознательное» (по К. Г. Юнгу). Архетипы эти были весьма устойчивы и отличались заметным сходством в различных культурах.

По замечанию Н. Б. Мечковской: «Ярким примером антропоморфного видения мира могут служить обозначения частей рельефа: в самых разных языках соответствующие названия восходят к названиям частей тела человека, ср.: горный хребет, устье и рукав реки, подошва и подножие горы, перешеек, губа (название морских далеко вдающихся в сушу заливов и бухт на севере, напр., Обская губа, Онежская губа), бровка (край канавы, кювета или обочины дороги), жерло (родственно слову горло) вулкана, обочина (от бок), нос (обозначение мыса в географических названиях на севере Евразии), ср. также в географических названиях: Лысая Гора, Морское Око, foot – ступня, нога; основание, опора, подножие, подошва; arm – рука, arm of river – рукав реки; eye – око; устье шахты; neck – шея; перешеек, коса, узкий пролив; head – голова; мыс, исток реки; head of mountain – вершина горы; back – спина; гребень (волны, холма).

Рассмотренная метафоричность – явление не только широко распространённое, но и живое, продуктивное. Например, относительно недавно в разных языках слова со значением «лёгкое» (орган дыхания) развили значение “массивы зелёных насаждений”, парки, скверы» (Мечковская, 2001, с. 41–42).

Так как человек считал себя неким микрокосмом, объединяющим все элементы Вселенной, то и части его тела должны были соответствовать отдельным ее составляющим. Особый интерес представляет движение семы «рука» в различных языках и образование диахронных синонимов. Подобную информацию можно получить на основе текстологического анализа словарных статей различных словарей и некоторых этимологических исследований.

Методы

Для исследования словарных статей этимологических словарей, которые отражают историю морфемы, слова, выражения, чрезвычайно эффективными являются методы текстологии. С их помощью можно проследить, что изучаемые этимоны имели важное культурное значение для древних людей, поскольку осуществляли связь между Богом – творцом и человеком.

Результаты

В индоевропейском языке, вероятно, было несколько корней, имеющих сему «рука», среди них *ter- и *ghes-, *men-, *bhagos-, *rek-. В индоевропейских языках, естественно, произошел процесс преобразования этих корней, и мы можем наблюдать изменения этой семы.

Рука у древних людей, по-видимому, ассоциировалась с милостью дающего блага Бога, создателя мира, поэтому индоевропейский корень *ter-, обозначающий мир, вселенную мог включать и сему «рука», а индоевропейский корень *ghes – «рука» позже стал соотноситься с греческим οἰκουμένη (Вселенная), латышским gaiss – воздух.

Рука символизировала не только силу, мощь, но и имела магическое, космогоническое значение. Не только фигуры, изображаемые руками в пространстве, но и положение рук по отношению к другим частям тела имели различную семиотическую нагрузку. Так, греческое *heir* соотносится с литовским *keriai* (чары); латинское *manus* (рука) с русским обмануть, литовским *monas* (дух, привидение), литовским *monai* (чары), латинским *manes* (души усопших); английское *hand*, немецкое *hand* (рука) соотносится с бретонским *hud* (волшебство); русское «рука» соотносится с литовским *gagana* (ведьма) (Мифология, 2008, с. 21).

В рамках антропоморфной модели Вселенной и время нередко обозначалось через элементы человеческого тела. Так, индоевропейский корень *ghes- «рука» соотносится с русским час; греческое *heir* «рука» – с *hairos* «время».

Первый способ всякого приобретения и владения состоял в вещественном схватывании рукой, так же и почти все физические действия человека совершаются руками, отчего и немецкое *handland* «действие» имело начало от *hand* «рука» (по-санскритски: *kara* от *kri* – делать, собственно делающая). Существовал и общечеловеческий обычай при условии или договоре протягивать руку в знак обещания и клятвы, откуда и поговорка: «ударить по рукам». В этом обычае лежит древнейшая форма крепости и связи договора, которая, по-видимому, удержалась в России в первобытной форме как, например, рукоприкладство и народный обычай разнимания рук третьим лицом, которое ударяет своей рукой сжатые руки условливающихся и таким образом становится свидетелем и порукою верного исполнения условия. Или если неграмотному человеку нужно подписаться под каким-нибудь документом, то он возлагал эту обязанность на грамотного, давая ему руку, то есть поручает ему. Так, французское слово «мандат» от *mandataire*, которое от *manum dare* – «дать руку».

Вероятно, и слово «обручение» имело прежде смысл договора. Во французском древнем праве вассал приносил клятву подданства, давая обе руки государю; господин, освобождая раба, должен был оттолкнуть его рукой; при передаче имущества и вступлении во владение недвижимой и движимой собственностью владелец должен был наложить на нее руку в знак владения; когда хозяин отыскивал потерянную свою лошадь, корову или вещь, он удостоверял свое право на нее накладыванием руки.

Во французском языке сохранилось множество юридических выражений, указывающих прямо на употребление руки в подобных случаях: *main – darm*, *main – line* и т. д.

От обычая давать руку в знак заключенного условия или договора и дальнейшие производные немецкого *hand* и *handlung*, как то: *handel* – торговля, а от древненемецкого *munt* или *mund* – рука, в смысле защиты, произошло и название опекуна *vormand*. Существительное же *ring* – кольцо, и рожденное от него *ringen* – бороться руками, имеют свое начало в славянском «рука», выражая в то же время заключающееся в этом слове древнейшее значение физической силы и власти над сдержанным в руке предметом, отчего и древнерусское выражение: «быть под рукою» в смысле быть под властью.

Очень много значений в выражениях со словом «рука» выделяет В. И. Даль:

- почерк письма человека, подпись, рукоприкладство: *где рука (подпись), там и голова*;
- бок, сторона, говоря только о двух сторонах: правой и левой, уклонение от прямой черты вправо или влево: *иди по одну руку речки, я пойду по другую*;
- власть, сила, мощь: *всё дело в его руке или руках*;
- вид товара, сорт: *какой руки железо?*
- быть помощником: *быть у кого под рукой, он – моя правая рука*;
- помощь, пособить: *подать кому руку, подать помощь*;
- близко: *рукой подать*;
- всё зависит от нас: *дело у нас в руках*;
- некогда, недосуг: *дело до рук не дошло*;
- дружно: *рука в руку, рука об руку* (Даль, 2014).

Сема «рука» может соотноситься с понятием «судьба», так как согласно мифологическим представлениям судьба записана на ладони руки. Так, индоевропейский корень *bhag- имеет значение как судьба, так и рука; греческое *hnra* (судьба) соотносится с древнеиндийским *kaṛa* (рука); латышское *laime* (судьба) соотносится с древнеирландским *lam* (рука); русское «рок» соотносится с литовским *ranka* (рука); тохарское *a kast* («голод, смерть, судьба») соотносится с древнеиндийским *hasta* (рука). В связи с этим интересно заметить, что в современном русском языке существует слово «хиромантия», обозначающее «гадание по руке».

Сема «рука» (берущая, дающая) может соотноситься и со значениями «надеяться», «верить». Так, немецкое *glauben* (верить) может соотноситься с древнеанглийским *lof* (рука), а английское *guess* (думать, полагать) соотносится с индоевропейским корнем *ghes- (рука); латинское *credere* соотносится с греческим *heir* (рука), а новоирландское *dochas* (надежда) – с английским сленгом *duke* (рука), немецкое диалектное *anden* (полагать, предчувствовать) соотносится с немецким *hand* (рука), индоевропейское *men- (думать) – с латинским *manus* (рука), а индоевропейское *bhago (полагать, думать) переходит в *bhagos в значении «рука».

Интересно, что сема «рука» соотносится также со значением «говорить, издавать звуки». Древнеанглийское *sprecan* (говорить) соотносится с древним индоевропейским корнем *bhag (рука); литовское *zadisc* (слово) с английским *hand* (рука); готское *merjan* (вещать) с индоевропейским корнем *mer- (рука); индоевропейский корень *ker- (издавать звуки) с греческим *heir* (рука).

Учитывая эту связь, сравним теперь русское диалектное манеть, кричать и латинское *manus* (рука). Корень -ман- говорит об общем происхождении этих слов. Русское «рука» и литовское *ranka* имеют родство с древним индоевропейским корнем *rek – говорить (вспомним русское изречь, изречение, речь, кричать, крик) (Маковский, 1995, с. 58).

Как видим, сема «рука» соотносится с большим количеством корней индоевропейских языков. На основании этих соответствий можно образовывать этимологические гнезда и даже более объемные образования, включающие слова, различающиеся по происхождению.

Для современного русского языка наиболее активными в производстве синонимов этимологическими типами стали 3 древних корня, содержащих сему «рука»: индоевропейский корень *or, ar, греческий *heir и корень латинского происхождения *man.

Этимологический тип с этимоном *or, ar

В современном русском языке часто встречаются исконно русские слова с семой «рука», которые относятся к этимологическому типу с этимоном *or, ar, восходящие к индоевропейскому древнему языку *rǵka.

Бесспорными являются давно доказанные соответствия в балтийской группе.

Сравним литовское *ranka* (рука), латышское *rouka* (рука) и древнепрусское *raneko* (рука). В то же время литовское *rinkti* означает собирать, набирать, избирать. Из этого видно, что в древности сема «рука» была связана со значением «собирать, набирать, избирать», то есть совершать какие-либо действия руками.

Если мы сравним те же семантические отношения в древнегреческом языке: *αυοσος* (-*dyorasos) – ладонь, кисть руки, рука, *αυειρω* – собираю, скрапливаю, то также увидим, что древнейшее значение данной единицы – орудие загребания в (кучу), загребание. В древнерусском языке существовало слово *рамо* (плечо).

В сложном слове «рукоять» вторая часть образована от общеславянского *jeti (из древнерусского *яти*) – «брат». Первая часть – старая, уже известная нам индоевропейская форма местного падежа, двойственного числа от основы на -a-, в данном случае образованного от общеславянского *rǵka, но с закономерной флексией -и- *ои* (сравним древнерусское *руку* и старославянское *рукоу*), а с переходом (на начальной стадии формирования общеславянского языка) второго компонента дифтонга *и* в *у* в положении перед гласным.

Таким образом, старшее значение слова «рукоять» – «охапка», то, что можно охватить обеими руками, потом «пригоршня», «пучок», далее – «рукоять» (меч). Имеются и такие сложные слова, как *рукобитье* (битье по рукам при сватовстве), *рукоблагоевенье*, *руководство*, *руковод-*

ложенье (благословенье), рукоподатливый (охотно дающий помощь), рукопожатье, рукоположение, рукоприкладство, рукопашный, рукотворенье, рукоделие, рукомойник, рукопись, рукоплескать и т. д. (Шанский, 1985, с. 78)

Слово «рукав» в древнерусских памятниках отмечается с XIV века. Происхождение его тоже можно отнести к индоевропейскому языку, древней основе **r̥qka*, но в то же время данная лексическая единица является словообразовательной калькой от латинского *manica* (рукав), производного от *manus* – «рука». Отсюда слова – рукавица, ручник (полотенце). Руки часто сравнивают с водными потоками: рукав реки, ручей.

К восточнославянским относятся и многие слова с семей «рука».

Существительное «обруч» произошло от общеславянского **obr̥ceъ* – **roka* (рука).

Слово «ружье» – определяется в толковом словаре как «ручное огнестрельное оружие с длинным стволом, то есть то, что берут в руки (Ожегов, Шведова, 2013). Это слово образовано из старинного «оружье». А слово оружие (орудие нападения или защиты), в свою очередь, произошло от общеславянского **orozoje*. Предполагают, что корень **r̥Qg-* тот же, что и в слове «ругать».

Слово «орудие» (инструмент, приспособление, устройство, при помощи которого производится какое-либо действие) происходит от общеславянского **orodje*, которое относится к общеславянской группе **redъ*, что в русском языке обозначает «ряд», а начальное «о» – это префикс (Петров, 2021, с. 43).

Сравним, с одной стороны, словацкое *riad* – инструменты, посуда, а с другой стороны, древнерусское «наряд» – материал, инструмент.

В современном русском языке существует множество слов с подобным древним корнем, но в результате исторических морфемных изменений они «обросли» различными префиксами, суффиксами, флексиями, изменилось их первоначальное значение, но всё же можно проследить сходство (фонетическое, морфологическое, семантическое).

К подобным словам относятся слова: ручка (дверная), ручка (пишущая), авторучка. Слова: поручить, поручение (передать какое-либо дело в другие руки), приручение (принятие в свои руки ответственности за какое-либо животное), порука. К данным единицам относится слово «обручить», производное от слова «обруч».

Помимо исконно русских слов данного типа с этимоном **or, ar* в современный русский язык вошли слова с тем же этимологом, но в более поздний период. И пришли они из английского, греческого, французского, польского и других языков.

Так, слово «армрестлинг» произошло от английского *arm* – рука, *wrestling* – борьба.

Источником распространения слова «армия» (вооруженные силы государства) в западноевропейских языках является французское (XIV век) *armee* – причастие прошедшего времени от *armer* (лат. *armare*) – вооружать, снабжать, но более древнее значение «рука», поскольку воины изначально сражались руками (Шанский, 2007).

Слово «арка» (дугобразный свод под проемом) пришло из французского *arc* (лук, дуга, арка), также этот корень наблюдается в итальянском и испанском языках. А первоисточником является латинское *arcus* – лук, дуга, арка. Поскольку это оружие (лук для стрельбы) можно использовать только при помощи рук. К тому же две поднятые вверх руки и соединенные кончиками пальцев над головой, образуют арку и похожи на лук.

Из тюркского языка к нам пришло слово «аркан» (длинная веревка с затягивающей петлей на конце для ловли животных). В турецком языке *ogmek* означает вязать, плести, то же культурологическое значение находят и в других словах с семей «рука»

Таким образом, движение семы «рука» происходит следующим образом:

Рука – часть одежды.

Рука – водный поток.

Рука – битва.

Рука – сватовство.

Рука – благословенье.

Рука – помощь.

Рука – почерк.

Рука – полотенце.

Рука – оружие (Терентьев, Терентьева, 2012, с. 123).

Этимологический тип с латинским этимоном *man-

В русском языке широкое распространение получил этимологический тип с этимоном *man-.

Этимологический корень *man скорее всего пришел к нам из латинского языка, хотя позже стали появляться заимствования и из греческого, немецкого, французского и других языков.

Из латинского языка к нам пришли слова: *мануал*, *мануфактура*, *мандат*, *эмансипация*, *ментальный*, *аргумент*; слова *манипуляция*, *маникюр*, *маневр*, *манеж*, *манекен* – пришли к нам из французского; заимствованиями из немецкого являются *манускрипт* и *мундир*. Лексема *манифест* пришла к нам из итальянского, *мантия* – из греческого, *менеджер* – из английского, к общеславянским истокам принадлежат слова *манить*, *мановение*, *обман*.

Так, например, слово «манипуляция» (сравним: французское *manipuler*, немецкое *manipulieren*) произошли от латинского *manipulus* – горсть, которое в свое время было образовано от латинского *manus* – рука. И обозначает оно сложный прием, действие над чем-либо при работе ручным способом, при демонстрации фокусов.

Близкие к этому значению слова: «мануал» (врач, лечащий больных методом мануальной медицины), произошло от латинского *manualis* – ручной; «мануальный» (метод в медицине, основанный на воздействии рук на болезненные точки и области человеческого организма); мануалом также называется ручная клавиатура органа.

Слово «манускрипт» произошло из немецкого языка (*manuscript*), а то, в свою очередь, из латинского (*manuskriptum* – написать рукой, где *manus* – рука, *skriptum* – писать).

Лексема «мануфактура» также пришло к нам из латинского языка (*manus* – рука, *faktura* – обработка, от *facio* – делаю, обрабатываю) и означает ручное производство.

Французским является слово «маникюр» (*manicure*). Во французский язык оно попало из латинского языка (*manus* – рука, *curare* – заботиться).

Слово «мантия» восходит к греческому *mavsi*, которое, в свою очередь, пришло из латинского языка (*manus*, *moutelum* – покрывало, плащ – латинское, *manus* – рука) (Васюкова, 1999, с. 170).

Единица «мандат» почти одинаково звучит в разных языках: во французском *mandate*, итальянском, испанском *mandato*, немецком *mandate*, английском – *mandate*, голландском *mandaat*. А первоисточником является латинское слово *mandatum* – поручение, указ (от *mando* к *manus* – рука и *do* – даю, вручаю, доверяю).

Существительное «маневр» пришло к нам из французского (*manoeere* – действие, работа, операция). А во французском это слово восходит к латинскому – *manuopera* – ручная работа (*manus* – рука и *opera* – дело, труд, работа).

В итальянском слово «манифест» (*manifesto* – объявление). В итальянском языке также восходит к латинскому: *manufektus* – явный, обнаруживающий, показывающий несомненные признаки (*manus* – рука, сила, власть и *festus* – торжественный, праздничный).

«Манеж» – это слово пришло к нам из французского (XVII век) *manege*, а то, в свою очередь, из итальянского (*maneggiar* – обрабатывать руками от *manus* – рука).

Для французского заимствования «эмансипация» *emancipation* (освобождение от зависимости: уравнение в правах) также характерен латинский источник. Так, латинское *emancipation* от *emancipare* означало освобождение сына из-под отцовской власти, от *e-* (из *ex-*) – «из, от» и *mancipare* – передавать в собственность, от *manus* – рука и *capare* – брать, захватывать.

«Команда» – слово, скорее всего, восходит к испанскому или португальскому *comando* – командование, управление, возможно, что оно как и комендант восходит к латинскому *comandave* – поручать; латинский корень *manus*, а *co* является префиксом.

«Мундир» – это военная или гражданская форменная одежда. В русском языке восходит к немецкому *montierung* – собирать, которое, в свою очередь, восходит к латинскому *manus* – рука (Черных, 2009).

В слове «манжета» тоже наблюдается связь с латинским *manus* – рука. Название пролива Ла-Манш тоже переводится как «рукав».

Слово «манекен» пришло к нам из французского и в современном значении употребляется с XVIII века. Во французский оно пришло из английского (*manikin* – человек, карлик), а первоисточником является голландское **mannekijn* – человек, от *man* – человек.

С этим же корнем в русском языке употребляется слово «гуманный» (человечный).

«Манить» – звать к себе движением руки, взглядом, подзывать, привлекать. Этот глагол в славянских языках имеет сравнительно позднее явление. Общеславянское **maniti* (марево, обман). Поэтому в слове «обман» мы тоже можем обнаружить этот корень.

Лексема «менеджер» появилась в русском из английского языка (*manager* – управлять).

Корень *-man-* относится к голландскому происхождению и означает – человек (специалист по управлению производством).

А вот в слове «ментальный» также мы наблюдаем древний этимон **m*, но здесь он употреблен в значении «ум, мышление, образ мыслей» (от латинского *mens, mentis*).

К этому же корню относится и слово «аргумент», которое имеет латинское происхождение *mentis* – делаю ясным, показываю ум (Шетэля, 2018, с. 432).

«Ман» часто встречается в русском языке как вторая часть слова. Она пришла к нам из греческого языка. (Греческое *mania* обозначает безумие, страсть, влечение.) Используется как конечная составная часть сложных слов, обозначающих:

1. Страстного любителя того, что выражается первой частью слова – библиоман, меломан, гурман и другие.

2. Человека, страдающего болезненной склонностью к тому, что обозначается в первой части слова – наркоман, клептоман и другие.

3. Безумие, манию – мания (величия), маньяк.

Таким образом, в словах с древним этимологом **man* мы обнаружили следующие семные сдвиги:

Рука – действие, сложный приём.

Рука – лечить, воздействуя руками.

Рука – рукопись.

Рука – ручное производство.

Рука – покрывало, плащ.

Рука – поручение, указ.

Рука – сила, власть.

Рука – освобождение от зависимости.

Рука – ум, мышление.

Рука – человек, гуманный.

Этимологический тип с греческим этимологом *heir (*xeip)

В современном русском языке встречаются слова с семой «рука», происхождение которых можно соотнести с греческим этимологом **xeip*.

К таким единицам относится «хирург». Первоисточником является греческое *χειρουργος*, которое имеет несколько значений:

1) действующий руками;

2) ручной труд, физическая работа;

3) ремесло, мастерство;

4) хирургическая операция.

Из греческого языка слово перешло в латинский (*chirurgus*), а из латинского во французский (в XII веке). В русский язык попало, возможно, непосредственно из латинского.

Из греческого языка пришло к нам и слово «хиромантия» (предсказание будущего и определение характера человека по линиям и бугоркам на ладонях рук). *Cher* в греческом означает рука, а *manttia* – гадание, пророчество.

В православной церкви употребляется слово «хиротония» – посвящение лиц духовного звания в определенный сан (епископа, священника, дьякона); рукоположение.

В греческом *heirotonia* голосование поднятием руки, от *heir* – рука и *teino* – тянуть. В Древней Греции поднятием руки голосовали при выборе высших должностных лиц.

Название ящерицы с червеобразным телом без задних конечностей, живущей в земле и распространённой на юге Северной Америки, – «хирот» – также пришло из греческого языка (греч. *cheir* – рука). Здесь возможно семантическое сходство (отсутствие задних конечностей), а также по форме она похожа на руку.

Не совсем ясным является происхождение слова «хер». В старшем значении, как название буквы «х», это слово, надо полагать, пришло из старославянского. Но начальное «х» свидетельствует о том, что оно откуда-то заимствовано. Иначе мы имели бы вместо «х» – «ш» или «с». Возможно, источник – греческое *cheir* – рука, руки во множественном числе. (Например, сложенные крестом на груди.) (Черных, 2009).

Итак, в словах с древним этимологом **hier* семные движения происходят следующим образом:

Рука – действующий руками.

Рука – ручной труд, работа.

Рука – лечить руками.

Рука – пророчество, гадание.

Рука – судьба.

Рука – рукоположение.

Рука – голосование.

Слова, имеющие сему «рука» только в современном русском языке

Существуют слова в русском языке, которые имеют сему «рука» только в современном русском языке.

Так, слово «кулак» обозначает сжатую пясть, ладонь человеческой руки с крепко пригнутыми к ней пальцами. В просторечии и в говорах это слово встречается и в других значениях: большой молот, кувалда.

В этимологическом отношении слово является трудным. Суффикс, очевидно, славянский (ср. желвак), что касается корня, то есть предположения, что он тюркского происхождения (ср. башкирское «кул» – рука). Может быть, принимая во внимание, что старшее значение слова «кулак» было удар, сила, орудие нападения и обороны, допустимо возводить это слово к индоевропейскому **kou* – бить, ударять (ср. ковать) (Трубачёв, 2004, с. 341).

Слово «палец» имеет индоевропейский корень **pol*, что означает толстый, большой. Наиболее вероятным можно считать давнее сближение с родственным образованием – латинским *pollex*, возможно, сюда относится латинское *poleo* – имею силу, преобладаю.

Русское «запястье» (часть руки до предплечья, прилегающая к кисти, пясти) произошло от общеславянского **pestъ* – кулак, пясть. Слово родственно древненемецкому *fyst* – кулак (Шанский, 1994, с. 25).

Слово «ладонь» (внутренняя сторона кисти руки между пальцами и запястьем) получилось из *долонь* вследствие перестановки слогов. А *долонь* произошло от «длань» с индоевропейским корнем **del, dol*, что означает «гладкий, истираться, сглаживаться». Общее в этих словах – идея гладкости.

Русское «плечо» восходит к общеславянской праформе. Индоевропейский корень **plet* означает плоский, широкий.

В слове «горсть» индоевропейский корень **gʷrstъ* означает собирать (в кучу), сгребать (Гусева, 2002, с. 54).

Выводы

Тесное взаимодействие синонимов служит предпосылкой формирования ряда как единицы более высокого и сложного структурного и семантического порядка. Так, на основе древней дифференциальной семы «рука» формируется синонимический ряд **ar, or, *maп, *heir*. Данный ряд нельзя оценивать как синхроническое явление. Представленные этимоны возникли в разные периоды существования индоевропейского языка и его наследников, но не исключена возможность их бывшего родства в ностратическом (более древнем, чем индоевропейский) языке. Так, этимон с вариантами **ar, or*, имевший значение «высокий», «божество», скорее индоевропейского периода существования, греческий этимон **heir*, вероятно, близок санскритскому этимону **go* – «звезда, свет, бог, речь» (Кузнецова, 2002а).

Индоевропейский этимон **maп* распространен и в словах, связанных с семами «мать», «мир», «море». (Но, безусловно, с течением времени, близкородственные связи между вариантами единого некогда этимона утратились и стали возможны синонимические отношения, которые свидетельствуют о сложнейшей обработке носителями языков древнейших единиц, служащих общению.) (Кузнецова, 2002б).

Следовательно, кроме выполняемых известных функций синонимов, ценность синонимии (не только лексической) нужно видеть в сохранении и развитии продуктов мышления. И хотя синонимия определяется как синхронное явление, она выступает и важнейшим этапом в движении семантики языка, охватывая наиболее активные и продуктивные единицы языка.

Многозначность и синонимия влияют на систему языка. Движения сем способствуют образованию новых синонимических рядов, либо превращаются в синонимы в уже существующем синонимическом ряду. Такие процессы происходят и с этимонами, например, этимон **ar, or*, помимо значения «рука», получил и значение «власть», «почерк».

Взаимоотношения многозначности и синонимии весьма сложны и разнонаправлены. Но многие слова сохраняют в течение длительного времени свои парадигматические и, в частности, синонимические отношения. Например, рукогадатель и хиромант с этимонами-синонимами **or* и **heir*.

Источники

- Васюкова И. А. (1998) Словарь иностранных слов. М., АСТ-Пресс, 631 с.
Гусева М. Р. (2002) Славяне и арьи: Путь Богов и слов. М., Фаир-пресс, 336 с.
Даль В. И. (2014) Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., Славянский дом книги.
Евгеньева А. П. (2001) Словарь синонимов русского языка. М., Астрель, 648 с.
Кузнецова О. Г. (2002а) Художественный текст как основа введения информации по славянской мифологии на уроках словесности в школе. Молодая наука, Куйбышев, с. 43–49.
Кузнецова О. Г. (2002б) Основные особенности этимологических гнезд. Опыт усвоения непроверяемых написаний. Молодая наука, Куйбышев, с. 36–42.
Маковский М. М. (1995) У истоков человеческого языка. М., Высшая школа, 160 с.
Мечковская Н. Б. (2001) Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М., Флинта: Наука, 312 с.
Мифология. Большой энциклопедический словарь (2008). Гл. ред. Е. М. Мелетинский, М., Большая Рос. энцикл., Дрофа, 736 с.
Ожегов С. И., Шведова М. Ю. (2013) Толковый словарь русского языка. М., А-ТЕМП, 874 с.
Петров К. Ф. (2021) Русский язык. Опыт практического учебника русской грамматики: Этимология в образцах (С приложением словаря). Изд. стер., М., USSR, 144 с.
Терентьев А. А., Терентьева О. Г. (2012) Теория всеединства как основа синтетической культуры и мультикультурного образования. Мир науки, культуры, образования, № 4 (35), с. 120–125.
Трубачёв О. Н. (2004) Труды по этимологии: Слово. История. Культура. М., Языки славянской культуры, 800 с.
Черных П. Я. (2009) Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: В 2 т. М., Дрофа.
Шанский Н. М. (1985) В мире слов. М., Просвещение, 255 с.
Шанский Н. М. (2007) Лингвистические детективы. М., Дрофа, 528 с.
Шанский Н. М. Боброва Т. А. (1994) Этимологический словарь русского языка. М., Прозерпина, 400 с.
Шетэля В. М. (2018) Историко-этимологический словарь русской лексики XVII–XIX веков. В 2 т. М., Прометей.

References

- Chernykh P. Ya. (2009) Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: 13560 slov [Historical and etymological dictionary of the Russian language: 13560 words]: In 2 vol. Moscow, Publ. Russian language (In Russian).
- Dal' V. I. (2014) Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Moscow, Slavic book house (In Russian).
- Evgen'eva A. P. (2001) Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Astrel Publ., 648 p. (In Russian).
- Guseva M. R. (2002) Slavyane i ar'i. Put' Bogov i slov [Slavs and Aryans. The path of Gods and words]. Moscow, Fair-press, 336 p. (In Russian).
- Kuznetsova O. G. (2002a) Khudozhestvennyy tekst kak osnova vvedeniya informatsii po slavyanskoy mifologii na urokakh slovesnosti v shkole [Literary text as the basis for introducing information on Slavic mythology in literature lessons at school]. Molodaya nauka – Young science, Kuibyshev, pp. 43–49 (In Russian).
- Kuznetsova O. G. (2002b) Osnovnyye osobennosti etimologicheskikh gnozhd. Opyt usvoeniya neproveryayemykh napisaniy. [Main features of etymological nests. The experience of mastering unverifiable spellings]. Molodaya nauka – Young science, Kuibyshev, pp. 36–42 (In Russian).
- Makovsky M. M. (1995) U istokov chelovecheskogo yazyka [At the origins of human language]. Moscow, Higher School, 160 p. (In Russian).
- Mechkovskaya N. B. (2001) Obshcheye yazykoznanie: Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov [General linguistics: Structural and social typology of languages]. Moscow, Flint: Science, 312 p. (In Russian).
- Obshcheye yazykoznanie: Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov [Mythology. Big encyclopedic dictionary] (2008) Ed. E. N. Meletinsky, Moscow: Bolshaya Ros. encycle, 736 p. (In Russian).
- Ozhegov S. I., Shvedova M. Yu. (2013) Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, A-Temp publ., 874 p. (In Russian).
- Petrov K. F. (2021) Russkiy yazyk. Opyt prakticheskogo uchebnika russkoy grammatiki: Etimologiya v obraztsakh (S prilozheniyem slovary) [Russian language. Experience of a practical textbook of Russian grammar: Etymology in samples (With a dictionary)]. Moscow, Publ. USSR, 144 p. (In Russian).
- Shansky N. M. (1985) V mire slov [In the world of words]. Moscow, Publ. Education, 255 p. (In Russian).
- Shansky N. M. (2007) Lingvisticheskiye detektivy [Linguistic detectives]. Moscow, Publ. Bustard, 528 p. (In Russian).
- Shansky N. M., Bobrova T. A. (1994) Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Publ. Proserpina, 400 p. (In Russian).
- Shetelya V. (2018) Istoriko-etimologicheskii slovar' russkoy leksiki XVII–XIX vekov [Historical and etymological dictionary of Russian vocabulary of the XVII–XIX centuries]. In 2 vol. Moscow, Publ. Prometheus (In Russian).
- Terentev A. A., Terenteva O. G. (2012) Teoriya vseystinstva kak osnova sinteticheskoy kul'tury i mul'tikul'turnogo obrazovaniya [Theory of unity as a basis of synthetic culture and multicultural education]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of science, culture, education, no. 4 (35), pp. 120–125 (In Russian).
- Trubachev O. N. (2004) Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura [Works on etymology: Word. Story. Culture]. Moscow, Publ. Languages of Slavic culture, 800 p. (In Russian).
- Vasyukova I. A. (1998) Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. Moscow, AST-Press Publ, 631 p. (In Russian).

Информация об авторе

Терентьева Ольга Георгиевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
E-mail: Olga.Georg29@mail.ru

Autor's information

Olga G. Terentyeva

Cand. Sc. (Ped.) Associate Professor Department of Philology, Journalism and Mass Communications. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: Olga.Georg29@mail.ru

УДК 81'27

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.8
Научная статья

О. П. Фесенко¹

✉ Olga.Fesenko2015@yandex.ru

¹Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Российская Федерация

Образ прапорщика в жанре анекдота

Аннотация: В статье представлены результаты лингвистического анализа особенностей функционирования образа прапорщика в жанре современного русского анекдота. Проанализировано 100 анекдотов, извлеченных методом сплошной выборки по запросу «анекдоты о прапорщике» в поисковой системе «Яндекс». В работе сделан краткий экскурс в историю воинского звания «прапорщик», поскольку понимание его места в вооруженных силах разных эпох позволяет объяснить набор тех черт, которые демонстрирует герой в жанре анекдота. На примере исследования текстов анекдотов сформулированы: 1) основные характерологические черты прапорщика (с одной стороны – хитрый, ленивый, туповатый, предпочитающий лебезить перед начальством, стремящийся командовать и излишне следовать требованиям уставов, с другой – обладающий здоровым армейским юмором, находчивый); 2) круг персонажей, с которыми он вступает во взаимодействие (в основном военных – рядовые, полковники, капитаны, майоры, новобранцы и т. д.); 3) спектр обсуждаемых в рамках жанра тем (проблемы соблюдения дисциплины, целесообразность отдельных приказов военного руководства, стремление к показной чистоте и субординации и т. д.) и 4) специфика языкового воплощения образа прапорщика (использование инвективов, разговорно-просторечной лексики и жаргонизмов). При общей отрицательной модальности образа он весьма привлекателен, благодаря армейской смекалке и юмору, позволяющим на уровне самоиронии обнажить проблемы военной профессиональной сферы.

Ключевые слова: жанр анекдота, военный анекдот, образ прапорщика, военная профессиональная сфера, комическое.

Дата поступления статьи: 26 октября 2022 г.

Для цитирования: Фесенко О. П. (2023) Образ прапорщика в жанре анекдота. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 82–90. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.8.

Scientific article

О. П. Fesenko¹

✉ Olga.Fesenko2015@yandex.ru

¹Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation

Military personnel in the genre of anecdote: on the example of the image of an ensign

Abstract: The article presents the results of linguistic analysis of the functioning of the image of an ensign in the genre of modern Russian anecdote. 100 anecdotes extracted by continuous sampling for the query “anecdotes about an ensign” in the Yandex search engine were analyzed. The article makes a brief digression into the history of the military rank “ensign” since understanding its place in the armed forces of different eras allows us to explain the set of features that the hero demonstrates in the genre of anecdote. Using the example of studying the texts of anecdotes, the following are formulated: 1) the main characterological features of an ensign (on the one hand – cunning, lazy, stupid, preferring to fawn before his superiors, striving to command and unnecessarily follow the requirements of the statutes, on the other – possessing healthy army humor, resourceful); 2) the circle of characters with whom he interacts (mainly military ones i.e. privates, colonels, captains, majors, recruits, etc.); 3) the range of topics discussed within the genre (problems of discipline, the expediency of individual orders of the command of the military leadership, the desire for ostentatious cleanliness and subordination, etc.) and 4) the specifics of the linguistic embodiment of the image of an ensign (the use of invectives, colloquial, vernacular vocabulary, and jargon). With the general negative modality of the image, he is very attractive, thanks to the military ingenuity and humor, which allows exposing the problems of the military-professional sphere at the level of self-irony.

© О. П. Фесенко, 2023

Keywords: anecdote, ensign, the image of ensign, military-professional sphere, comedy.

Paper submitted: October 26, 2022.

For citation: Fesenko O. P. (2023) Military personnel in the genre of anecdote: on the example of the image of an ensign. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 82–90. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.8.

Введение

Жанр анекдота – один из любимых в современной русской культуре. Эти короткие юмористические рассказы, которые в зарубежной литературе рассматриваются часто без комической составляющей (Дресслер, 1991), в нашей лингвокультурной практике позволяют создателю в ироничной, а иногда даже сатирической манере раскрыть основные проблемы социума во всех их проявлениях: от бытовых до мировых политических, от общения зятя с тещей до восприятия решений лидеров государств.

Зарубежные исследования чаще всего рассматривают специфику анекдота в историческом аспекте (анекдоты XVII и XVIII веков анализируются в работах Байрама Асилиоглу (Asilioglu, 2008) и Шу Хан Куо (на примере басен Лафонтена, рассматривающегося в качестве родоначальника анекдотов (Куо, 2013), шутки Средневековья изучаются в исследованиях А. Классена (Классен, 2017)) или с точки зрения средств выражения комического (Blum, 2020). Однако анекдоты, безусловно, ценны и тем, что касаются всех общественных сфер, отражая специфику национального мировосприятия (об этом пишут не только наши, но и зарубежные исследователи, в частности Ц. Чэнь (Чэнь, 2020) и Р. Хайнес (Хайнес, 1995). И армия, в числе самых разных общественных сфер, не стала исключением. В жанре анекдота, наряду с множеством социально-политических и бытовых проблем, поднимаются и вопросы военной службы. Современные лингвисты периодически обращаются к исследованию анекдотов, героями которых являются военные. В данном аспекте достаточно подробно проанализирована специфика образа Штирлица и язык анекдотов (Лишманова, 2013). Проблемами преобразования образа героя-разведчика в жанре анекдота занималась А. С. Архипова (Архипова, 2013). Особенности восприятия революции через призму анекдотов о В. И. Чапаеве выявлены в работах Н. В. Свитенко (Свитенко, 2017). Единично представлены исследования о поручике Ржевском в жанре анекдота: изучаются система образов анекдота (Седов, 2004) и исторические реалии, отраженные в тексте (Серов, 2013; Ростовцев, 2018). Однако стоит отметить, что наличие героя из военной профессиональной сферы не означает, что проблемы, поднимаемые в анекдоте, обязательно будут связаны с армией. Как показывает наблюдение и как отмечают исследователи, Чапаев, Штирлиц и Ржевский чаще всего являются «поводом» для обсуждения вопросов политики, бытового взаимодействия, проблем социального устройства и т. д., а не военной службы. Объединяет все эти образы то, что, будучи героями анекдотов, они позволяют актуализировать самую разную тематику, а не только армейскую (и даже не столько армейскую). Принадлежность к военной профессиональной сфере Штирлица, Чапаева или Ржевского практически не ограничивает возможность выбора авторами анекдотов тем для обсуждения. Мы можем предположить, что это объясняется офицерским статусом героев анекдотов или ролью командира, предполагающей широкий кругозор и наличие специального военного образования у героев и военного опыта. Все-таки в нашей отечественной культуре справедливо культивируется уважение к тем, кто достойно проявил себя на поле боя. Специфика военной профессиональной сферы чаще всего высмеивается в анекдотах, героем которых становится товарищ прапорщик. Он тот герой, функционирование которого в жанре анекдота обнажает основные сложности существования вооруженных сил и проблемы военнослужащих. В истории литературы этот образ уже возникал в качестве автора мемуаров прапорщика Алексея Яковлевича Климова – российского дворянина начала XVII столетия (Фарофонова, 2017). В анекдоты прапорщик в качестве героя попал только во второй половине XX века, хотя упоминания об этом воинском чине можно найти в исторических документах XVIII столетия. По указанию царя Алексея Михайловича (годы правления: 1645–1676) так стали называть знаменосцев «в полках иноземного строя». Слово «прапорщик» образовано от старославянского слова «прапор» – знамя

(Шанский, 1994, с. 251), которое, в свою очередь, восходит к общеславянскому корню «парить» и первоначально, по одной из версий словаря, имело значение «развевающееся полотно».

В XVII столетии прапорщику отводилась весьма важная роль. В его задачи входило воспитание подчиненных через беседы с провинившимися солдатами, что было отражено в Уставе 1647 года. Прапорщик также обязан был отвечать за сохранность знамени, за больных и раненых в походе, за отставших от роты. Прапорщик выступал в роли ходатая перед военным руководством о потребностях подчиненных (Прытков, 2022, с. 7). В это время его образ наполнялся положительными качествами: храбростью, ответственностью, решительностью, «разумностью» (Прытков, 2022, с. 8).

На протяжении столетий это звание в русской армии то упразднялось, то возрождалось вплоть до настоящего времени. В XIX веке его присваивали офицерам, не имеющим военного образования, но проявившим себя в боевых действиях. Такие военные стали востребованы в период Первой мировой войны. После тяжелых боев и больших потерь среди офицерского состава младший офицерский чин прапорщика стали присваивать всем, кто прошел хоть какое-нибудь обучение и имел боевой опыт. Такое положение дел привело к снижению качества военной службы и к изменению отношения к прапорщикам. Именно названный период стал временем рождения того образа прапорщика, который нам известен по анекдотам: немного глуповатый, немного жадный, недостаточно образованный, иногда заносчивый, иногда дружески настроенный к подчиненным, часто – с хорошим здоровым армейским чувством юмора и с армейской мудростью, позволяющей философски относиться ко многим проблемам профессиональной военной сферы (или просто игнорировать их). Однако сам жанр анекдота с этим героем появился намного позднее, когда в 1972 году в армии Советского Союза возродили звание прапорщика (Ходарев, 2018). Его не совсем понятное место в системе воинских званий (и не рядовой, и не офицер) создавало впечатление некой бесполезности, что подогрело момент рождения анекдотов с данным образом, определив его двойственный характер. В конце концов звание прапорщика было вовсе упразднено в 2009 году. Казалось бы, проблема с неопределенностью места военнослужащих-прапорщиков была решена. Однако время показало, что прапорщик – весьма необходимое звание в армии, что привело к его возвращению в 2013 году (по приказу министра обороны С. Г. Шойгу). Все эти исторические перипетии во многом определили содержательное комплексное наполнение образа, отраженного в фольклоре, – в жанре анекдота. Прежде чем анализировать особенности языкового воплощения образа, обратимся к специфике его презентации в современном кинематографе, во многом опирающемся на тексты анекдотов.

Итак, образ прапорщика в современном анекдоте культивируется, прежде всего, благодаря кинематографу, в котором, с одной стороны, отражаются все отрицательные черты героя, а с другой – наблюдается его активная популяризация. Востребованность образа в современной культуре ярко представлена на сайте интернет-газеты «Ридус», на котором размещен материал под названием «Топ прапорщиков современности» (<https://www.ridus.ru/news/192869>). Итак, в число популярных прапорщиков включены следующие:

1. Прапорщик Николай Казаков (он же – «Дикий прапор») в исполнении народного артиста Российской Федерации Сергея Николаевича Арцибашева. Прапорщик Казаков – герой художественного комедийного фильма «ДМБ», снятого в 2000 году Романом Качановым. В фильме отражена ситуация, характерная для армии 1990-х годов и типичная для общества того времени в целом, – бардак, в котором прапорщик, наделенный всеми отрицательными чертами образа (талантом попадать в абсурдные ситуации, отсутствием логики при решении проблем, склонностью к пьянству и пр.), тем не менее оказывается носителем «армейской мудрости», помогающей выживать на службе и находить в ней смысл.

2. Прапорщик Шматко – герой сериала «Солдаты» (2004 года). Сериал стал настолько популярным, что его съемки шли до 2013 года и привлекали внимание огромной зрительской аудитории. Критики отмечали, что образ этого прапорщика оказался настолько востребованным, что его стали узнавать даже те зрители, которые не видели ни одной серии фильма. Прапорщика

играл заслуженный артист Российской Федерации Алексей Константинович Маклаков. Герой в его исполнении – нечист на руку, плутоват, плохо образован (имеет очень ограниченный кругозор) и при этом всегда защищает своих подчиненных, «прикрывает» их в проблемных ситуациях. Как мы видим, этот образ тоже сочетает в себе и положительные, и отрицательные свойства.

3. Прапорщик Задов (Василий Задов) в исполнении Дмитрия Нагиева (сериал «Осторожно, модерн!», 1996–1997 гг.). Этот герой более отрицателен, чем предыдущие. Он вор, лгун, прелюбодей. Он пресмыкается перед руководством. У него нет положительных черт, он максимально карикатурен. Тем не менее его популярность была достаточно высока, поскольку он не столько отражал армейскую жизнь, сколько воплощал в себе совокупность отрицательных свойств человека вообще, достойных осмеяния.

Отдельно стоят образы прапорщиков из советских фильмов и фильмов о советской эпохе. Таких прапорщиков три: Волентир, Ильич и Дыгало.

4. Прапорщик Волентир (в исполнении молдавского актера Михая Волонтира). В противоположность предыдущему, этот герой положителен, что, прежде всего, связано с тем, что он был создан в советскую эпоху (х/ф «В зоне особого внимания», 1977 год), когда военнослужащие представляли перед зрителем как образец чести и достоинства. Прапорщик профессионально опытен, предан Родине. Он – воплощение образа настоящего военного профессионала и гражданина.

5. Прапорщик Ильич в исполнении Андрея Краско (х/ф «Блокпост», 1998 год). Как и Волентир, этот образ положителен. Герой защищает своих подчиненных, он честен, прямолинеен, предан друзьям.

6. Прапорщик Дыгало из художественного фильма «9 рота» 2005 года (актер – Михаил Пореченков) строг, беспристрастен, предан своему делу.

Итак, прапорщики советской эпохи в кинематографе – средство формирования положительного образа советских Вооруженных Сил. Отрицательных черт в этих героях нет вовсе. И это при том, что анекдоты про прапорщика уже начали функционировать в юмористическом дискурсе советской России. В полной мере образ прапорщика, воплотившийся в жанре анекдота, отразился в фильмах и сериалах начала 2000-х годов, что вполне закономерно, поскольку для накопления представлений о герое и на его осмысление в фольклорных юмористических текстах требуется время. До сих пор анекдоты о прапорщике не были предметом изучения лингвистов, что определяет новизну работы.

Анекдоты, в которых главный герой – прапорщик, с одной стороны, позволяют продемонстрировать проблемы современных вооруженных сил. С другой – посмеяться над курьезными профессиональными ситуациями, что важно в условиях жестко регламентированной военной среды, когда надо снять напряжение и обрести несколько философский и ироничный взгляд на многие вещи, которые обычный человек не в силах изменить внутри системы. Все это определяет актуальность нашего исследования, цель которого – описать образы военнослужащего и армии, отраженные в языковом сознании носителя русской культуры (на примере жанра анекдота о прапорщике).

Объект исследования – образ прапорщика в жанре анекдота.

Предмет исследования – особенности содержания и словесного воплощения образа прапорщика в жанре анекдота.

Материал исследования – 100 текстов анекдотов, в которых действующим лицом является прапорщик. Подчеркнем, что анекдоты, в которых речь идет о прапорщике и при этом сам герой не является действующим лицом текста, мы не рассматриваем в данном исследовании. Анекдоты были извлечены методом сплошной выборки с сайтов сети Интернет.

Методы

В тексте статьи использована система общенаучных методов (наблюдение, сравнение, сопоставление, анализ, синтез, обобщение); применен исторический метод, позволяющий описать особенности формирования жанра анекдота, в частности, анекдотов, главными героями которых

становятся военные. Кроме того, автор обратился к культурно-историческому методу при выявлении круга проблем, рассматриваемых в текстах анекдотов о прапорщике.

Теоретической основой статьи стали исследования Ю. А. Прыткова о специфике формирования образа прапорщика в русской культуре (Прытков, 2022), работы И. В. Чистяковой, Е. Я. Шмелевой и А. Д. Шмелева о природе анекдота как литературного жанра и как лингвокультурологического феномена (Чистякова, 2012; Шмелева, Шмелев, 2002), исследования М. А. Мельниченко и Н. В. Свитенюк, посвященные описанию смеховой культуры в жанре анекдота и систематизации сюжетов анекдотов (Мельниченко, 2014; Свитенюк, 2017); монография А. С. Архиповой, в рамках которой анализируются тексты анекдотов о Штирлице (Архипова, 2013); работы М. Р. Артыковой и А. Ф. Седова, раскрывающие жанровые и лингвокультурологические особенности анекдотов (в т. ч. – о поручике Ржевском) (Артыкова, 2012; Седов, 2004).

Результаты

Образ прапорщика в некоторой степени уникален для анекдотов с военными. В большинстве случаев в качестве главных героев таких текстов выступают офицеры (Ржевский, Штирлиц). Даже Чапаева можно отнести к этой группе, поскольку он дослужился до командира дивизии (генеральская должность), несмотря на то что в царской армии не имел офицерского звания. Кроме того, у героев анекдотов есть имя, делающее их запоминающимися и знаковыми образами. Прапорщик же фигурирует безотносительно к имени – его просто нет, что вполне объяснимо, поскольку в анекдоте в данном случае гораздо важнее не именование героя, а статус и та должность, которую он занимает. Безликий герой анекдота в звании прапорщика становится рупором серьезных проблем не только сугубо сферы военной, но и общественной, и бытовой. Такая позиция позволяет прапорщику функционировать как образу обобщенному, в некоторой степени – обезличенному, что делает его типичным представителем профессии.

Итак, прежде всего перечислим тот круг проблем, которые поднимает прапорщик, функционируя в анекдотах:

- целесообразность выполнения некоторых приказов;
- постоянный, чрезмерный и часто формальный контроль за соблюдением требований уставов;
- стремление к показной чистоте и дисциплине;
- бездумная система абсолютного подчинения, превращающая человека в инструмент войны и служебной деятельности;
- жесткая субординация, доходящая до абсурда;
- логика изложения информации и сложности в ее передаче;
- раболепное преклонение перед высоким воинским чином и званием.

Обнажает эти проблемы прапорщик через попытки решения различных сложных для него логических задач, проявляя математические способности, демонстрируя часто полное отсутствие логики и невозможность устанавливать причинно-следственные связи:

Прапорщик показывает солдатам новый танк:

- *Перед вами – боевая машина, оснащенная по последнему слову техники. На ее борту установлен компьютер...*
- *Товарищ прапорщик, а у компьютера какая скорость?*
- *Для бесптолковых объясняю: компьютер движется со скоростью танка!*

В тексте анекдота собеседниками прапорщика, как правило, становятся военные. Он взаимодействует с рядовыми, солдатами, полковниками и даже генералами, а также с новобранцами и дневальными; в единичных случаях – с животными (ослом) и с гражданскими лицами (мальчик).

Перечисленные профессиональные проблемы и вспомогательные персонажи, разворачиваясь и функционируя в жанре анекдота, определяют характер образа прапорщика: он часто говорит абсолютную чушь, совершает бессмысленные поступки, слишком любит муштру и строевую подготовку, лебезит перед военным начальством. Он глуп, жаден, нечист на руку, не прочь выпить

и лишний раз покомандовать, ему не хватает кругозора и образования. Он ленив и предпочитает свои обязанности переложить на плечи подчиненных. Глупость и необразованность героя подчеркивается его особым физическим свойством – чрезмерной крепостью головы, которой он то забивает гвозди в бетонную стену, то ломает мраморную или гранитную лестницы:

Прапорщик пишет рапорт на имя командира части:

– Вчера вечером, поднимаясь в ваш кабинет, я запнулся, упал и стукнулся головой об лестницу. В связи с этим прошу выделить мне материальную помощь в размере 3000 рублей (на ремонт лестницы).

Такое отношение к герою воплощается лишь в двух формах комического: юморе и иронии (сарказм и сатира в текстах анекдотов не представлены). Использование юмора связано с тем, что анекдот о прапорщике, как мы уже отмечали выше, позволяет обнажить проблемы армии с надеждой на их устранение, что, собственно, и является основной функцией использования юмора, который не направлен на уничтожение проблемы (как, например, сатира или сарказм). Именно использование юмора позволяет в анекдотах о прапорщике подчеркнуть некоторые несоответствия нормам и продемонстрировать возможность эти несоответствия увидеть и оценить (например, абсурдность некоторых приказов, излишняя муштра и т. д.). И именно юмор помогает самим военнослужащим справиться с возникающими проблемами и пережить их, т. е. юмор в этом случае выполняет, как нам представляется, одновременно и социализирующую функцию, и катарсическую, поскольку смех над собой, над тем абсурдом, который часто окружает военнослужащих (особенно если смотреть на ситуации глазами человека невоенного) дает силы преодолевать трудности службы.

Кроме юмора, в тексте анекдотов можно найти примеры иронии – более резкой и агрессивной, чем юмор, но не имеющей социальной окраски, как сатира. Ирония дает возможность в достаточно простой форме показать некоторое осуждение происходящего, скрывая его под маской усмешки. Так, подчиненные, воспринимая прапорщика объективно, посмеиваются над ним, иногда – в открытую издеваются:

Заходит прапорщик в казарму, проверяет чистоту. Проводит пальцем по столу, на пальце пыль. Прапор:

– Рядовой Иванов, что по этому поводу говорит народная мудрость?

– Свинья всегда грязь найдет, товарищ прапорщик.

Очень редко в тексте анекдота прапорщик обретает имя, но оно всегда комическое, гармонично вписанное в шутку анекдота:

Вызывает прапорщик к себе солдата и спрашивает:

– Что это, Коноплёв, у тебя фамилия такая наркотическая?

– Да я и сам не знаю, Гашиш Марихуанович.

Часто в образе прапорщика проявляется солдатская смекалка, что делает героя анекдота весьма привлекательным, несмотря на все его отрицательные черты:

– Товарищ прапорщик, а вы почему сидите на бочке с бензином?

– Для подстраховки, товарищ полковник... курить бросаю!

Отметим, что в качестве собеседника прапорщика в таких анекдотах могут выступать любые военачальники. В приведенном анекдоте фиксируются варианты «капитан», «майор», «полковник» и «генерал». Это значит, что на первый план выступает статусность собеседника, его более высокое воинское звание.

Дополняется образ прапорщика особым речевым воплощением. Поскольку прапорщик – это тот человек, который не может логически мыслить (у него «своя» логика), в его речи множество алогизмов, приводящих к каламбурному, игровому использованию слов и создающих комический эффект:

В армии. Прапор: «Кто поедет на картошку?» Два бойца делают шаг вперёд. Прапор: «Молодцы, орлы, остальные пойдут пешком!»

Речь прапорщика пестрит просторечием вплоть до инвективов (*люминиевую, нажраться, в стельку, мрут* и пр.) и жаргонизмами (*гантели в тумбочке, немеряно*), что соответствует не только характеру самого героя (отсутствие достаточного образования и воспитания), но и жанровым признакам анекдота. Инвективы мы не приводим по этическим соображениям, хотя надо признать, что речь современных военных насыщена нецензурной лексикой, что не может не отразиться в жанре анекдота, репрезентирующего армейскую реальность. В нашем материале просторечные слова использованы в 84 анекдотах из 100, нецензурная лексика – в 87 текстах. Нет ни одного примера анекдота, в котором бы не обнаруживались жаргонные или просторечные слова.

Образ прапорщика оказался настолько востребованным в культуре, что происходящие в последнее время события на Украине вызвали к жизни прапорщика украинского. Но, в отличие от глуповатого, забавного, чаще – безобидного и привычного нам героя анекдотов, этот прапорщик, вдобавок ко всему, обжора, предатель и вор. Т. е. на первый план выступают отрицательные черты образа, который утрачивает свою привлекательность и простодушие.

Выводы

В целом образ прапорщика нельзя считать положительным. Он двойственен, сочетает в себе позитивное и негативное одновременно. При этом анекдоты с ним позволяют обнажить серьезные проблемы, существующие в военной сфере (как, впрочем, и в любой другой). Ирония и сарказм в анекдотах про прапорщика лишь доказывают сформулированную еще Вольтером мысль: «Что становится смешным, перестает быть опасным». А значит, и военнослужащим, и тем, кто так или иначе сталкивался с армией, легче справиться в профессиональной деятельности с возникающими сложностями и препятствиями, осмеивая их в текстах анекдотов. Это своего рода самоирония военных над собой, над теми условиями, в которых приходится служить и которые часто демонстрируют необходимость модернизации сферы профессиональной деятельности. При этом отрицательные черты прапорщика, поскольку он не входит в командный состав, не переносятся на офицерство, положительный образ которого активно и, что весьма важно, продуктивно формируется в современной России. Таким образом, анекдоты о прапорщике – кривое зеркало армии, позволяющее позитивно и с юмором реагировать на обнаружившиеся недостатки, но не разрушающее положительное представление о вооруженных силах в целом. Возможно, именно поэтому анекдоты о прапорщике остаются актуальными в нашей культуре уже на протяжении почти пятидесяти лет и еще долго будут жить, помогая тем, кто в армии (и не только им) справляться с трудностями службы.

Источники

- Артыкова М. Р. (2012) Лингвокультурологические особенности анекдотов (на материале узбекских газет). Вестник Челябинского государственного университета, № 36 (290), с. 9–11.
- Архипова А. С. (2013) Штирлиц шел по коридору... Как мы придумываем анекдоты. М., Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 157 с.
- Лишманова Т. Е. (2013) Обучение омонимии на примере анекдотов про Штирлица. Наука и образование в XXI веке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов, Юком, с. 94–96.
- Мельниченко М. А. (2014) Советский анекдот. Указатель сюжетов. М., Новое литературное обозрение, 1103 с.
- Прытков Ю. А. (2022) Нравственный портрет российского прапорщика: история и современность. Наука и инновации в современном мире. Сборник научных статей. Том 4. М., Перо, с. 6–12.
- Ростовцев Е. А. (2018) Допетровская Русь в жанре интернет-анекдота. Историческая экспертиза, № 4, с. 173–184. DOI: 10.31754/2409-6105-2018-4-173-184.
- Свиленок Н. В. (2017) Революция и народная смеховая культура: «схема смеха» в цикле анекдотов про Чапаева. Литература и революция (к 100-летию Октябрьской революции. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, Изд-во Кубанского государственного университета, с. 290–294.
- Седов А. Ф. (2004) Разрешите представиться: поручик Ржевский! (Анекдот с точки зрения традиций культуры). Балашов, Изд. альм. «Весы», 70 с.
- Серов Д. О. (2013) Петр I как искоренитель взяточничества. Исторический вестник, т. 3, № 150, с. 70–95.
- Фарафонова О. А. (2017) Специфика изображения «чужого» в «Похождении прапорщика Климова». Филология и человек, № 7, с. 39–47.

- Ходарев В. Д. (2018) Прапорщик и другие воинские звания: как они появились на самом деле. Русская семерка. URL: <https://news.rambler.ru/other/39981032-praporschiki-i-drugie-voinskie-zvaniya-kak-oni-poyavilis-na-samom-dele/>.
- Чистякова И. В. (2012) Анекдот как литературный жанр. Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, № 4-2, с. 81–84.
- Чэнь Ц. (2020) Особенности жанра анекдота и отражение этнических стереотипов в русском анекдоте. Молодежные исследования и инициативы в науке, образовании, культуре, политике. Сборник материалов XV Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием. Биробиджан, Изд-во Приамурского государственного университета, с. 239–244.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А. (1994) Этимологический словарь русского языка. М., Прозерпина, 400 с.
- Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. (2002) Русский анекдот. М., Языки славянской культуры, 144 с.
- Bayram Asilioglu (2008) The Educational Value of Nasreddin Hodja's Anecdotes. *Children's Literature in Education*, no. 39, pp.1–8. DOI 10.1007/s10583-007-9055-3.
- Blum A. M., Mason J. M., Kim J. (2020) Modeling question-answer relations: the development of the integrative inferential reasoning comic assessment. *Read Writ*, no. 33, pp. 1971–2000. DOI: 10.1007/s11145-020-10026-4.
- Classen A. A. (2017) The Bitter and Biting Humor of Sarcasm in Medieval and Early Modern Literature. *Neophilologus*, no. 101, pp. 417–437. DOI: 10.1007/s11061-017-9526-8.
- Dressler S. (1991) La Mettrie's death, or: The nonsense of an anecdote. *Neophilologus*, no. 75, pp. 194–199. DOI: 10.1007/PL00020478.
- Haynes R. A. (1995) Hungarians' national fervour for anecdotes Hungarian National Identity: Definition and Redefinition. Latawski, P. (eds) *Contemporary Nationalism in East Central Europe*, Palgrave Macmillan, London. DOI: 10.1007/978-1-349-23809-5_6.
- Kuo S. H. (2013) The Art of Making Animals Laugh Benjamin Rabier's Comic-Illustration of Les Fables de La Fontaine. *Neophilologus*, no. 97, pp. 21–33. DOI: 10.1007/s11061-012-9310-8.

References

- Arkhipova A. S. (2013) Shtirlitsshel po koridoru... Kak my pridumyvaemanekdoty [Stirlitz was walking down the corridor... How we come up with jokes]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ. House, 157 p. (In Russian).
- Artykova M. R. (2012) Lingvokul'turologicheskie osobennosti anekdotov (na material uzbekskikh gazet [Linguistic and cultural features of jokes (based on the material of Uzbek newspapers)]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 36 (290), pp. 9–11 (In Russian).
- Bayram Asilioglu (2008) The Educational Value of Nasreddin Hodja's Anecdotes. *Children's Literature in Education*, no. 39, pp.1–8. DOI 10.1007/s10583-007-9055-3.
- Blum A. M., Mason J. M., Kim J. (2020) Modeling question-answer relations: the development of the integrative inferential reasoning comic assessment. *Read Writ*, no. 33, pp. 1971–2000. DOI: 10.1007/s11145-020-10026-4.
- Classen A. A. (2017) The Bitter and Biting Humor of Sarcasm in Medieval and Early Modern Literature. *Neophilologus*, no. 101, pp. 417–437. DOI: 10.1007/s11061-017-9526-8.
- Chistyakova I. V. (2012) Anekdot kak literaturnyj zhanr [Anecdote as a literary genre]. *Herald of Vyatka State University*, no. 4-2, pp. 81–84 (In Russian).
- Chen' C. (2020) Osobennosti zhanra anekdota i otrazhenie etnicheskikh stereotipov v russkom anekdote [Features of the genre of anecdote and the reflection of ethnic stereotypes in the Russian anecdote]. *Molodezhnye issledovaniya i iniciativy v nauke, obrazovanii, kul'ture, politike [Youth research and initiatives in science, education, culture, and politics]. Collection of materials of the XV All-Russian Youth Scientific and Practical Conference with international participation. Birobidzhan, Sholom-Aleichem Priamurskiy State University Publ. House, pp. 239–244 (In Russian).*
- Dressler S. (1991) La Mettrie's death, or: The nonsense of an anecdote. *Neophilologus*, no. 75, pp. 194–199. DOI: 10.1007/PL00020478.
- Farafonova O. A. (2017) Specifika izobrazheniya "chuzhogo" v "Pohozhdenii praporshchika Klimova" [The specifics of the image of the "stranger" in "The Adventures of Ensign Klimov"]. *Philology & Human*, no. 7, pp. 39–47 (In Russian).
- Haynes R. A. (1995) Hungarians' national fervour for anecdotes Hungarian National Identity: Definition and Redefinition. Latawski, P. (eds) *Contemporary Nationalism in East Central Europe*, Palgrave Macmillan, London. DOI: 10.1007/978-1-349-23809-5_6.
- Khodarev V. D. (2018) Praporshchik i drugie voinskie zvaniya: kak oni poyavilis' na samom dele [Ensign and other military ranks: how they actually appeared]. *Russkaya semerka*, 30 may. Available at: <https://news.rambler.ru/other/39981032-praporschiki-i-drugie-voinskie-zvaniya-kak-oni-poyavilis-na-samom-dele/> (In Russian).
- Kuo S. H. (2013) The Art of Making Animals Laugh Benjamin Rabier's Comic-Illustration of Les Fables de La Fontaine. *Neophilologus*, no. 97, pp. 21–33. DOI: 10.1007/s11061-012-9310-8.
- Lishmanova T. E. (2013) Obuchenie omonimii na primere anekdotov pro Shtirlitca [Homonymy training on the example of jokes about Stirlitz]. *Nauka i obrazovanie v XXI veke [Science and education in the XXI century]. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Tambov, Yukom Publ., pp. 94–96 (In Russian).*

- Melnichenko M. A. (2014) Sovetskij anekdot. Ukazatel' syuzhetov [Soviet anecdote. Plot Index]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1103 p. (In Russian).
- Prytkov Yu. A. (2022) Nравstvennyj portret rossijskogo praporshchika: istoriya i sovremennost' [Moral portrait of a Russian ensign: history and modernity]. Nauka i innovacii v sovremennom mire [Science and innovation in the modern world]. Collection of scientific articles. Volume 4. Moscow, Pero Publ., pp. 6–12 (In Russian).
- Rostovcev E. A. (2018) Dopetrovskaya Rus' v zhanre internet-anekdota. Istoricheskaya ekspertiza [Pre-Petrine Russia in the genre of an Internet joke]. Historical expertise, no. 4, pp. 173–184. DOI: 10.31754/2409-6105-2018-4-173-184 (In Russian).
- Sedov A. F. (2004) Razreshite predstavit'sya: poruchik Rzhevskii! (Anekdot s točki zreniya traditsii kul'tury) [Allow me to introduce myself: Lieutenant Rzhevsky! (Anecdote from the point of view of cultural traditions)]. Balashov, Vesny Publ., 70 p. (In Russian).
- Serov D. O. (2013) Petr I kak iskorenitel' vzyatochnichestva [Peter the Great as the eradicator of bribery]. Historical Reporter, vol. 3, no. 150, pp. 70–95 (In Russian).
- Shanskii N. M., Bobrova T. A. (1994) Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Prozerpina Publ., 400 p. (In Russian).
- Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. Russkij anekdot [Russian anecdote]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 144 p. (In Russian).
- Svitenok N. V. (2017) Revolyuciya i narodnaya smekhovaya kul'tura: "skhemasmekha" v cikle anekdotov pro Chapaeva. [Revolution and folk laughter culture: "the scheme of laughter" in the cycle of jokes about Chapaev]. Literatura i revolyutsiya (k 100-letiyu Oktyabr'skoirevoljutsii [Literature and Revolution (to the centenary of the October Revolution)]. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, Publishing House of Kuban State University, pp. 290–294 (In Russian).

Информация об авторе

Фесенко Ольга Петровна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского и иностранных
языков. Омский государственный университет
путей сообщения, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-2373-1880.
E-mail: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Autor's information

Olga P. Fesenko

Dr. Sc. (Philol.), Associate Professor, Professor
of Russian and Foreign Languages Department.
Omsk State Transport University, Omsk, Russian
Federation. ORCID ID: 0000-0002-2373-1880.
E-mail: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

В. А. Евдокимов¹

✉ evdokimovva@list.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Формирование образа региона прессой территорий

Аннотация: В статье рассмотрен процесс формирования образа региона областной, краевой, республиканской прессой России. Выявлено соотношение положительных и проблемных публикаций, влияющих на формирование образа территории, определено соотношение материалов о разработке, об обсуждении инвестиционных проектов, о принятии решений, об осуществлении этих проектов, а также соотношение журналистских произведений о насыщенности регионов природными ресурсами, рабочей силой, основными фондами, инфраструктурой, о потребительском спросе. Полученные данные отражены в таблицах.

Ключевые слова: регион, периодические печатные издания, образ, имидж.

Дата поступления статьи: 24 января 2023 г.

Для цитирования: Евдокимов В. А. (2023) Формирование образа региона прессой территорий. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 91–98. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.9.

Scientific article

V. A. Evdokimov¹

✉ evdokimovva@list.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Formation of the region image by the press of the territories

Abstract: The article considers the process of the region image formation by the regional, republican press of Russia. The ratio of positive and problematic publications that influence the formation of the image of the territory is revealed, as the ratio of materials on the development, discussion of investment projects, decision-making, and implementation of these projects, as well as the ratio of journalistic works on the saturation of regions with natural resources, labor, fixed assets, infrastructure, and consumer demand. The data obtained are reflected in the tables.

Keywords: region, the press, look, image.

Paper submitted: January 24, 2023.

For citation: Evdokimov V. A. (2023) Formation of the region image by the press of the territories. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 91–98. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.9.

Введение

Формирование областной, краевой, республиканской прессой образа региона с целью утверждения его авторитета в стране, мире как субъекта, обеспечивающего социальную стабильность на конкретной территории, участвующего в конкуренции за инвестиции, влияющего на общественное мнение, привлекает внимание многих исследователей. Рассматривая образы регионов, создаваемые массмедиа, картографы используют геоинформационный подход (Грибок, 2012, с. 67), социологи анализируют информацию о регионе, как компонент исследования социально-культурных и политических процессов (Щекотуров, Винокуров, 2020). Экономисты фокусируют внимание на освещении массмедиа социально-экономического развития регионов России (Просянюк, Кислицына, 2020, с. 87). Маркетологи рассматривают индивидуальные особенности региона, отличающие его от других (Асплунд, Котлер, Рейн, Хайдер, 2005),

интересы территории, ее внутренние субъекты, а также внешние субъекты, во внимании которых заинтересована территория (Панкрухин, 2009). Лингвисты подчеркивают значение массмедиа как представителей одновременно внутренней и внешней целевой аудитории (Терских, Маленова, 2015, с. 201). Исследователями изучены опыт реализации социальных проектов региональными средствами массовой информации (Фролова, Гатилин, 2021), особенности их взаимодействия с органами власти в контексте распространения актуальной социально значимой информации (Меркушина, 2022). Цель автора – рассмотреть процесс формирования образа региона областной, краевой, республиканской прессой России.

Методы

Автором использована совокупность методологических приемов: общенаучная методология историко-философского анализа, общей теории познания, общие методы (исторический, диалектический, сравнительный) и частные методики (наблюдение, анализ документов, контент-анализ). Системный подход позволил автору рассмотреть объекты как элементы системы с учетом их разнообразных связей, структурный анализ – глубже осмыслить существо исследуемых явлений.

Результаты

Понятие «образ» близко термину «имидж», но значения этих слов не идентичны. Исследователи оценивают образ как результат функционирования объекта в социуме, в то время как имидж формируется посредством целенаправленной деятельности (Сидорская, 2021, с. 180). Образ формируется под влиянием долговременных объективных факторов и обладает устойчивостью, имидж – преимущественно с помощью средств массовой информации и характеризуется изменчивостью (Чернышов, 2015, с. 5). Имидж интерпретируют как технологию, используемую для достижения определенных целей (Горбушина, 2006), как комплексное отражение различных аспектов жизнедеятельности региона, нематериальный фактор стимулирования социально-экономического развития (Сулыма, 2017). Создатели имиджа нацелены на то, чтобы он был максимально привлекательным и исключал ассоциации с негативными явлениями. Если и уместно публичное упоминание о таких явлениях при формировании имиджа региона, то, вероятно, при условии преодоления их последствий.

Понятие «образ» в отличие от термина «имидж» охватывает широкий круг сфер жизни общества, включает формирование не искусственного, а реального представления не только об инвестиционной привлекательности региона, о возможности привлечения дополнительных средств, достижениях, имеющихся в промышленности, энергетике, сельском хозяйстве, строительстве, но и о перспективах деятельности учреждений науки, культуры, образования, здравоохранения, органов правопорядка. Образ региона может быть искажен, если массмедиа регулярно сообщают о достижении высокого уровня жизни на конкретной территории, а численность населения неуклонно сокращается.

Используя метод контент-анализа, автор проанализировал содержательные характеристики публикаций печатных изданий общего интереса. В выборку для исследования вошли две республики, находящиеся в составе Российской Федерации, – Татарстан и Башкортостан, два края – Пермский, Красноярский и шесть областей (Новосибирская, Омская, Нижегородская, Воронежская, Свердловская, Челябинская). Центрами территорий являются города, численность населения которых превышает один миллион человек. Регионы участвуют в реализации государственных программ, инвестиционных проектов, используя экономические, научные, технологические, интеллектуальные ресурсы, влияют на формирование информационного пространства. Печатные издания обеспечивают аудиторию сообщениями о деятельности институтов, гражданских, социокультурных и производственных организаций.

Рассматривая публикации региональной прессы, вышедшие в свет в 2021 году, автор учел различные категории и признаки (название газеты, территория распространения, язык, характер, тематика публикаций, наличие сайта в интернете, номер и дата государственной регистрации, год создания). В выборку включены печатные издания, выпускаемые на русском языке и информирующие аудиторию о жизни краев, областей, республик, находящихся в составе Российской

Федерации, и не учтены газеты, распространяемые только в краевых, областных, республиканских центрах, а также приложения к общенациональным изданиям. Проанализированы публикации, подготовленные журналистами региональных газет, исключены материалы, заимствованные из других медиа. Данные о печатных изданиях представлены в таблице 1.

В соответствии с таблицей 1 в выборку для исследования включены общественно-политические, универсальные газеты, которые зарегистрированы и регулярно выходят в свет в краях, областях и республиках, находящихся в составе Российской Федерации, имеют сайты в интернете и электронные архивы публикаций. Учредителями большинства газет являются региональные органы государственной власти, меньшая часть печатных изданий принадлежит частным организациям.

Для осмысления роли газет в формировании образа региона целесообразно выявить темы публикаций, способных влиять на данный процесс.

Таблица 1. Выборка печатных изданий

Table 1. Selected publications

Регион	Количество анализируемых региональных газет
1. Воронежская область	3
2. Нижегородская область	4
3. Новосибирская область	4
4. Омская область	4
5. Свердловская область	2
6. Челябинская область	3
7. Республика Башкортостан	3
8. Республика Татарстан	3
9. Красноярский край	4
10. Пермский край	1
Всего	31

Таблица 2. Соотношение положительных и проблемных публикаций региональных газет (2021 г., в проц.)

Table 2. The ratio of positive and problematic publications of regional newspapers (2021, in percent)

	Положительные	Проблемные
Инвестиции	3,2	1,5
Промышленность	3,5	2,2
Сельское хозяйство	3,4	2,5
Транспорт	4,3	3,3
Строительство	3,2	2,7
Энергетика	1,8	0,8
Связь	2,5	2,2
Социальное обеспечение	4,3	3,6
Культура	8,1	5,6
Наука	3,6	2,7
Образование	4,5	3,7
Здравоохранение	8,2	7,1
Сферы действия права	5,1	8,4
Другие темы	44,3	53,7

Как показывает таблица 2, формированию образа региона способствуют разнообразные материалы о социально-экономическом развитии территорий. В большинстве публикаций газет, учрежденных региональными органами государственной власти, отражены достигнутые успехи, в том числе деятельность, нацеленная на обеспечение инвестиционной привлекательности территорий. Газеты повествуют не только о социально-экономическом развитии регионов, но и о национальных традициях, и об интересе людей к изучению родного края, его истории, и о долгожителях, и о предприимчивых, инициативных соотечественниках. Значительная часть публикаций, способствующих формированию образа региона, посвящена творческой деятельности жителей, осуществляемой в различных сферах. Формированию образа региона способствует и материал о молодежном исследовательском отряде, удостоенном премии Русского географического общества, и публикация о конкурсе, участники которого разработали проекты театрального здания, о чем сообщила газета «Республика Татарстан».

Элементами системы публикаций, формирующих образ региона, являются и материалы о помощи людям, нуждающимся в поддержке общества, – инвалидам, сиротам, представителям малочисленных коренных народов. Журналистов интересует как судьба конкретного человека, так и положение социальных групп, коллективов предприятий.

Формированию образа территории способствуют и публикации о дружественных международных взаимоотношениях, проявляющихся в экономике, торговле, культуре, науке, образовании, здравоохранении. Свердловская «Областная газета», в частности, опубликовала материал, посвященный 30-летию многосторонних побратимских связей региона с китайским городом Харбином.

Наряду с материалами о достижениях в различных сферах жизни территорий публикуются журналистские произведения, в которых раскрываются социальные проблемы, отражен поиск решения их. В качестве проблемных рассмотрены публикации, содержащие размышления о нерешенных задачах, трудностях, препятствующих выполнению планов социально-экономического развития территорий, а также сообщения о правонарушениях. Так, частная газета «Ваш ореол» регулярно публиковала письма читателей, обеспокоенных неприемлемым состоянием ряда автомобильных дорог в Омске.

При этом количество материалов, раскрывающих инвестиционную привлекательность регионов, не превышает число журналистских произведений, в которых освещены положительные изменения, происшедшие на транспорте, в социальном обеспечении, сферах культуры, образования и здравоохранения. Одновременно число проблемных публикаций о сферах действия права превосходит количество позитивных материалов, посвященных инвестиционному процессу.

Удовлетворяя интерес аудитории к информации о сферах действия права, печатные издания регулярно публикуют сообщения о происшествиях, криминальную хронику, а также отчеты о деятельности правоохранительных органов. С одной стороны, газеты создают условия для того, чтобы читатели могли позаботиться о собственной безопасности. С другой стороны, преступность оказывает негативный эффект на экономический рост (Шакирова, Крамин, 2019, с. 1211), влияет на инвестиционную привлекательность регионов (Сухаренко, 2015). Преобладание негативной информации об обстановке в регионе может сформировать устойчивый имидж (Долгова, 2013, с. 16), отразиться на образе территории.

Материалы, свидетельствующие о социально-экономическом развитии регионов, могут координировать публикацию журналистских произведений о сферах действия права. Но выполнение координирующей функции затруднено, если не только публикации о позитивных изменениях, происходящих в жизни территорий, но и материалы о сферах действия права находятся на высших уровнях систем журналистских произведений.

Получить представление об участии газет в оценке привлекательности регионов для вкладчиков капитала позволяет анализ публикаций, освещающих некоторые этапы инвестиционного процесса.

Таблица 3. Соотношение публикаций о разработке, об обсуждении инвестиционных проектов, о принятии решений о реализации их, об осуществлении инвестиционных проектов и других материалов (2021 г., в процентах)

Table 3. The ratio of publications on the development, on the discussion of investment projects, on making decisions on their implementation, on the implementation of investment projects and other materials (2021, in percent)

Разработка инвестиционных проектов	1,2
Обсуждение инвестиционных проектов	1,4
Принятие решений о реализации инвестиционных проектов	0,7
Реализация инвестиционных проектов	0,4
Другие публикации	96,3

Таблица 4. Соотношение публикаций региональных газет о насыщенности регионов природными ресурсами, рабочей силой, основными фондами, инфраструктурой, о потребительском спросе и других материалов (2021 г., в процентах)

Table 4. The ratio of publications of regional newspapers on the saturation of regions with natural resources, labor force, fixed assets, infrastructure, consumer demand and others (2021, in percent)

Природные ресурсы	1,2
Рабочая сила	2,1
Основные фонды	1,1
Инфраструктура	2,4
Развитие институтов рыночной среды	3,3
Развитие науки и внедрение достижений научно-технического прогресса	2,9
Потребительский спрос	4,2
Другие публикации	82,8

В таблице 3 отражено соотношение публикаций о разработке, об обсуждении инвестиционных проектов, о принятии решений, о реализации этих проектов и других материалов. Адресатом сообщений газет об инвестиционной привлекательности регионов могут быть и вкладчики капитала, и жители, и органы, контролирующие деятельность территориального правительства. Тем важнее последовательность в освещении этапов разработки, обсуждения и реализации инвестиционных проектов, состоятельных с финансовой, организационной, кадровой, технологической точки зрения.

Для потенциальных инвесторов сообщения газет – один из источников информации, позволяющей принять решение об использовании финансовых ресурсов. Немаловажна оценка делового климата, существующего в регионе: особенностей налогообложения, возможностей защиты инвесторов, получения кредитов (World Bank, 2014). Материалы о сферах действия права также характеризуют деловой климат, сложившийся в регионе. Публикации об инвестиционной привлекательности региона могут быть малоэффективными, если деловой климат не благоприятен для предпринимателей, разрешение о строительстве каких-либо объектов может быть получено, к примеру, в течение нескольких лет после осуществления многочисленных процедур (Ведение бизнеса в России, 2012). По мнению исследователей, реформирование контрольно-надзорной деятельности на региональном уровне, перенос центра тяжести с обвинительного уклона на профилактическую работу позволят сократить чрезмерное вмешательство в деятельность предпринимателей, способствовать налаживанию диалога органов власти и бизнес-сообщества, необходимого для увеличения инвестиций в экономику России (Почивалова, 2020, с. 308).

Журналистские произведения, посвященные инвестиционному процессу, можно рассматривать как самостоятельную систему, они находятся на высших уровнях структуры публикаций большинства газет, учрежденных региональными органами власти. В системе существует иерархия, публикации, нацеленные на оценку привлекательности региона для вкладчиков капитала, могут координировать размещение других материалов, так или иначе связанных с инвестиционным процессом. Публикации о рассмотрении органами власти регионов инвестиционных проектов координируют журналистские произведения, информирующие об осуществлении этих проектов. При этом внимание, уделяемое газетами отдельным этапам инвестиционного процесса, неравноценно. Регулярно публикуются материалы, раскрывающие специфику разработки, обсуждения инвестиционных проектов, реже газеты сообщают о принятии решений и реализации этих проектов. Газета «Земля Нижегородская» сообщила, что в регионе обсудили будущее художественных промыслов, решение не принято.

В целом публикации об инвестиционной привлекательности регионов являются элементом подсистемы материалов, раскрывающих образ территории. Газеты, учрежденные региональными органами государственной власти, рассматривают перспективы регионов в положительном ключе. Распространены отчеты о заседаниях и совещаниях, на которых руководители региональных органов государственной власти констатируют успехи, достигнутые в инвестиционном процессе. Нередко регионы характеризуются прессой как «лидеры», установившие «рекорды». «Ведомости Законодательного собрания Новосибирской области» отметили, что на заседании областного совета по инвестициям заявлено, что «по итогам года регион обновит рекорд по объемам инвестиций в инфраструктуру, промышленность и социальные объекты». Газета «Наш Красноярский край» подчеркнула, что край вошел в пятерку наиболее активных инвестиционных регионов, регулярно публиковала материалы об инвестиционных проектах, осуществляемых в регионе, используя общие слова: «Мы предметно проговариваем наши инициативы, привлекаем крупный бизнес. Эти практические вещи дают реальный эффект: новые рабочие места, развитие инфраструктуры, дополнительные поступления в бюджет». «Земля Нижегородская» сообщила, что всего за три года регион совершил «фантастический рывок». Газета «Южноуральская панорама» информировала, что в Челябинской области «будет больше инфраструктурных проектов», «в жилищно-коммунальном хозяйстве запланирован рост на 27 процентов, а в газификации – на четверть». Не объяснено, что имеется в виду, – увеличение количества потребителей голубого топлива или протяженности газопроводов. Газеты чаще всего не раскрывают смысл специальных терминов,

которые должны убедить массовую аудиторию в том, что реализация инвестиционных проектов несет благо жителям региона. В подсистеме представлены и публикации, посвященные предпринимчивым, инициативным гражданам, вовлеченным, в частности, в инновационную деятельность.

Если же рассматривать в целом системы публикаций большинства региональных газет, то можно выявить неустойчивость связей их элементов. Вероятны нарушения координации публикациями об инвестиционном процессе, находящимися на высших уровнях систем, других материалов, расположенных на низших уровнях. Одни подсистемы насыщены, другие бедны журналистскими произведениями. Публикация материалов об инвестиционных проектах не влечет увеличение количества журналистских произведений о благоприятных изменениях, являющихся следствиями реализации этих проектов на предприятиях промышленности, энергетики, сельского хозяйства, строительства, связи, транспорта. Нерегулярность публикации координирующих материалов, информирующих аудиторию о предварительных этапах инвестиционного процесса, ведет к тому, что учрежденные региональными органами государственной власти газеты не демонстрируют стабильный интерес к теме. Вероятен и иной подход к рассмотрению инвестиционных проектов. Некоторые частные газеты, например, «Красноярский рабочий», не дают однозначные оценки инвестиционным проектам, привлекают экспертов, которые разносторонне анализируют возможности реализации программ, не скрывая трудности.

Преобладание отчетов о предварительных этапах разработки инвестиционных проектов над публикациями о реализации их может породить у читателей сомнения в эффективности планирования, наличии ресурсов, учете рисков. Газета «Наш Красноярский край» сообщила о заключении соглашения о формировании научно-образовательного консорциума, а также перспективе производства древесных гранул, создания этнических деревень в Эвенкийском муниципальном районе, но сроки реализации проектов не названы. Иногда печатные издания в течение ряда лет информируют аудиторию об успешном поиске инвесторов для реализации значимых для регионов проектов, но сообщения о принятии конкретных решений отсутствуют. Непоследовательность в отражении газетами ряда этапов инвестиционного процесса может привести к перемещению материалов об инвестиционной привлекательности регионов на низшие уровни систем публикаций.

Обогатить представление аудитории о социально-экономическом развитии регионов, увеличить объем полученной ей информации могли бы пояснения о том, что инвестиционный потенциал региона – это количественная характеристика, учитывающая насыщенность территории факторами производства (природными ресурсами, рабочей силой, основными фондами, инфраструктурой), потребительский спрос (Руткаускас, 2019, с. 51).

В таблице 4 отражено соотношение материалов о насыщенности регионов природными ресурсами, рабочей силой, основными фондами, инфраструктурой, о потребительском спросе и других публикаций. В большинстве региональных газет материалы о деятельности органов государственной власти, находящиеся на высших уровнях систем публикаций и отражающие заинтересованность учредителей в показе инвестиционного потенциала территорий, координируют распространение других журналистских произведений. Газеты учитывают и интересы аудитории, для которой важна экспертная функция в коммуникативных стратегиях массмедиа, взаимодействующих с потребительским рынком (Рябов, 2009). Количество публикаций о потребительском спросе немногим меньше суммы материалов, повествующих о насыщенности региона природными ресурсами, рабочей силой, основными фондами.

Журналистские произведения о насыщенности регионов природными ресурсами, рабочей силой, основными фондами, инфраструктурой, научных достижениях, деятельности институтов рыночной среды – банков, маркетинговых, консалтинговых, аудиторских организаций, страховых компаний, находятся на низших уровнях систем публикаций, участвующих в формировании образа региона. Информирова аудиторию о деятельности институтов рыночной экономики, научных учреждений, газеты, как правило, не сообщают, как ее результаты отразятся на жизни регионов. В целом количество материалов, раскрывающих инвестиционный потенциал регионов, составляет менее пятой части журналистских произведений, опубликованных региональными газетами.

Выводы

Таким образом, формированию образа региона способствуют разнообразные материалы газет о социально-экономическом развитии территорий. Печатные издания близки к объективному отражению жизни регионов, повествуют о национальных традициях, об интересе людей к изучению родного края, его истории, о предприимчивых, инициативных соотечественниках, творческой деятельности жителей, осуществляемой в сферах науки, культуры, образования и иных. Публикуются и журналистские произведения, в которых рассматриваются социальные проблемы, поиск путей решения их, распространяются также сообщения о сферах действия права. Газеты отражают как судьбы людей, так и положение социальных групп, коллективов предприятий.

Публикации об инвестиционной привлекательности регионов являются элементом подсистемы материалов, раскрывающих образ территории. Журналистские произведения, посвященные инвестиционному процессу, можно рассматривать как самостоятельную систему, они находятся на высших уровнях структуры публикаций большинства региональных газет, учрежденных органами власти. Произведения об инвестиционном процессе могли бы координировать публикацию других материалов, расположенных на низших уровнях системы. Но распространение материалов об инвестиционных проектах не приводит к увеличению количества журналистских произведений о благоприятных изменениях, происшедших вследствие реализации этих проектов в сферах промышленности, энергетики, сельского хозяйства, строительства, связи, на транспорте.

Источники

- Асплунд К., Котлер Ф., Рейн И., Хайдер Д. (2005) Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб., Стокгольм. школа экономики, 382 с.
- Горбушина О. П. (2006) Имидж страны у российской молодежи: структура и факторы формирования, автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., Рос. соц. ун-т, 23 с.
- Грибок М. В. (2012) Образы регионов России в телевизионных новостях: геоинформационный подход. Культурная и гуманитарная география, т. 1, № 1, с. 67-77.
- Долгова И. В. (2013) Имидж региона как ключевой фактор привлечения инвестиций. Экономика, предпринимательство и право, № 3, с. 15-34.
- Меркушина Е. А. (2022) Региональные сетевые средства массовой информации: специфика и проблемы отражения информационной политики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 25 с.
- Панкрухин А. (2009) Маркетинг территории – ключ к успеху региона. Маркетинг PRO, № 12, с. 7-12.
- Почивалова Г. П. (2020) Современные направления трансформации делового климата в российской экономике в контексте регионального развития. Московский экономический журнал, № 12, с. 296-311.
- Просянюк Д. В., Кислицына И. Д. (2020) Компаративный анализ оценок значимости проблем социально-экономического развития регионов России. Научный результат. Социология и управление, т. 6, № 4, с. 87-111.
- Руткаускас Т. К. (2019) Инвестиционная привлекательность в России. Инвестиции и инвестиционная деятельность организаций. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 316 с.
- Рябов С. Д. (2009) Контент медиа потребительского рынка в контексте эволюции медиавоздействия. Вестн. Моск. ун-та, сер.10, «Журналистика», № 3, с. 196-208.
- Сидорская И. В. (2021) Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиапрезентации территорий. Вестн. Моск. ун-та, сер. 10, «Журналистика», № 3, с. 173-197.
- Субнациональной исследование «Ведение бизнеса в России» (2012) Международный банк реконструкции и развития. Всемирный банк, 41 с.
- Сулыма А. И. (2017) Формирование модели имиджа региона. Ученые записки Крым. ун-та им. В. И. Вернадского. Экономика и управление, т. 3, № 4, с. 77-87.
- Сухаренко А. Н. (2015) Влияние преступности и коррупции на инвестиционную привлекательность субъектов Дальневосточного федерального округа. Региональные проблемы, т. 18, № 1, с. 52-58.
- Терских М. В., Маленова Е. Д. (2015) Имидж региона: теоретический аспект (российский и зарубежный опыт). Политическая лингвистика, № 2, с. 199-205.
- Фролова Т. И., Гатилин А. С. (2021) Социальные проекты местных средств массовой информации в контексте принципов партиципаторной журналистики. Вестн. Моск. ун-та. Серия 10, «Журналистика», № 3, с. 121-151.
- Чернышов Ю. Г. (2017) Многозначность понятий «мягкая сила» и «имидж страны»: к итогам дискуссии. Дневник Алт. школы полит. исслед., № 33, с. 4-9.
- Шакирова А. А., Крамин Т. В. (2019) Влияние преступности на экономическое развитие регионов России. Актуальные проблемы экономики и права, т. 13, № 2, с. 1202-1214.
- Щекотуров А. В., Винокуров В. В. (2020) Форпост или регион международного сотрудничества: как менялись образы Калининградской области в российских средствах массовой информации в 2014-2018 гг. Медиаскоп, вып. 3.
- World Bank. Doing Business (2014) Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. Washington, DC: World Bank Group. 306 p.

References

- Asplund K., Kotler F., Rein I., Haider D. (2005) Marketing mest. Privlecheniye investitsiy, predpriyatiy i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Yevropy [Site Marketing. Attraction of investments, enterprises and tourists in cities, communes, regions and countries of Europe]. St. Petersburg., Stockholm School of Economics Publ., 382 p. (In Russian).
- Chernyshov Y. G. (2017) Mnogoznachnost' ponyatiy «myagkaya sila» i «imidzh strany»: k itogam diskussii [Many-valued concepts of «soft power» and «image of the country»: to the end of the discussion]. Diary Alt. school political researches, no. 33, pp. 4–9 (In Russian).
- Doing Business in Russia (2012) International Bank for Reconstruction and Development. World Bank, 41 p. (In Russian).
- Dolgova I. V. (2013) Imidzh regiona kak klyuchevoy faktor privlecheniya investitsiy [Image of the region as a key factor in attracting investments]. Economy, entrepreneurship and law, no. 3, pp. 15–34 (In Russian).
- Frolova T. I., Gatilin A. S. (2021) Sotsial'nyye proyekty mestnykh sredstv massovoy informatsii v kontekste printsipov partitsipatornoy zhurnalistiki [Social projects of local media in the context of principles of participatory journalism]. Bulletin Moscow University, series 10, no. 3, pp. 121–151 (In Russian).
- Gorbushina O. P. (2006) Imidzh strany u rossiyskoy molodezhi: struktura i faktory formirovaniya : avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk [Image of the country for Russian youth: structure and factors of formation]. Moscow, 23 p. (In Russian).
- Gribova M.V. (2012) Obrazy regionov Rossii v televizionnykh novostyakh: geoinformatsionnyy podkhod [Images of the regions of Russia in TV news: geoinformational approach]. Cultural and humanitarian geography, vol. 1, no. 1, pp. 67–77 (In Russian).
- Merkushina E. A. (2022) Regional'nyye setevyye sredstva massovoy informatsii: spetsifika i problemy otrazheniya informatsionnoy politiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Regional network media: specifics and problems of reflection of information policy]. Voronezh, Voronezh State University Publ., pp. 1–25 (In Russian).
- Pankrukhin A. (2009) Marketing territorii – klyuch k uspekhу regiona [Marketing of the territory – the key to the success of the region]. Marketing PRO, no. 12, pp. 7–12 (In Russian).
- Pochivalova G. P. (2020) Sovremennyye napravleniya transformatsii delovogo klimata v rossiyskoy ekonomike v kontekste regional'nogo razvitiya [Modern directions of transformation of the business climate in the Russian economy in the context of regional development]. Moscow Economic Journal, no. 12, pp. 296–311 (In Russian).
- Prosyaniyuk D. V., Kislitsyna I. D. (2020) Komparativnyy analiz otsenok znachimosti problem sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii. [Comparative analysis of assessments of significance of problems of socio-economic development of regions of Russia]. Scientific result. Sociology and Management, vol. 6, no. 4, pp. 87–111 (In Russian).
- Rutkauskas T. K. (2019) Investitsionnaya privlekatel'nost' v Rossii. Investitsii i investitsionnaya deyatel'nost' organizatsiy [Investment attractiveness in Russia. Investments and investment activities of organizations]. Yekaterinburg: Ural State University Publ., 316 p. (In Russian).
- Ryabov S. D. (2009) Kontent media potrebitel'skogo rynka v kontekste evolyutsii mediavozdeystviya [Content of the consumer media market in the context of the evolution of media engineering]. Bulletin Moscow University, series 10, no. 3, pp. 196–208 (In Russian).
- Shakirova A. A., Kramin T. V. (2019) Vliyaniye prestupnosti na ekonomicheskoye razvitiye regionov Rossii [Impact of crime on the economic development of the regions of Russia]. Actual problems of economy and law, vol. 13, no. 2, pp. 1202–1214 (In Russian).
- Shchekoturov A. V., Vinokurov V. V. (2020) Forpost ili region mezhdunarodnogo sotrudnichestva: kak menyalis' obrazy Kaliningradskoy oblasti v rossiyskikh sredstvakh massovoy informatsii v 2014–2018 gg. [Forpost or the region of international cooperation: how the images of the Kaliningrad region changed in the Russian media in 2014–2018]. Mediascope, vol. 3. (In Russian).
- Sidorskaya I. V. (2021) Ob upotreblenii terminov «obraz» i «imidzh» v russkoyazychnykh issledovaniyakh problemy mediaprezentatsii territoriy [On the use of terms «image» and «look» in the Russian-language studies of the problem of media representation of territories]. Bulletin Moscow University, series 10, no. 3, pp. 172–197 (In Russian).
- Sukharevko A.N. (2015) Vliyaniye prestupnosti i korruptsii na investitsionnyy privlekatel'nost' sub'yektov Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Influence of crime and corruption on investment attractiveness of the subjects of the Far Eastern Federal District]. Regional problems, vol. 18, no. 1, pp. 52–58 (In Russian).
- Sulyma A. I. (2017) Formirovaniye modeli imidzha regiona. Uchenyye zapiski Krym. un-ta im. V. I. Vernadskogo [Formation of a model of the image of the region. Scientific notes of the Crimea University named after V. I. Vernadsky]. Economy and management, vol. 3, no. 4, pp. 77–87 (In Russian).
- Terskich M. V., Malenova E. D. (2015) Sotsial'nyye proyekty mestnykh sredstv massovoy informatsii v kontekste printsipov partitsipatornoy zhurnalistiki [Image of the region: theoretical aspect (Russian and foreign experience)]. Political linguistics, no. 2, pp. 199–205 (In Russian).
- World Bank. Doing Business (2014) Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. Washington, DC: World Bank Group, 306 p.

Информация об авторе

Евдокимов Владимир Анатольевич
Доктор политических наук, профессор. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0001-8128-5690. E-mail: evdokimovva@list.ru

Autor's information

Vladimir A. Evdokimov
Dr. Sc. (Political), Professor. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0001-8128-5690. E-mail: evdokimovva@list.ru

К 150-летию со дня рождения М. М. Пришвина

УДК 82.0

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.10

Научная статья

Ян Бо¹, У Цзюнь¹ ✉

✉ dassw@mail.ru

¹Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии,
Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика

Русский Север: мислеобразы литературно-географического путешествия в раннем творчестве Михаила Пришвина

Аннотация: Предметом исследования статьи стало описание М. М. Пришвиным своих впечатлений от путешествия по Русскому Северу в его ранних произведениях – в книгах очерков «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком». Анализ литературно-географических аспектов творчества писателя позволил выявить особенности выстраивания географических образов в русском географическо-культурном пространстве и увидеть их отражение в характере и менталитете коренных народов. Такой анализ нацелен в первую очередь на переосмысление наследия писателя и влияния его мировоззренческих и творческих принципов на современную литературу, литературную географию, а также исследование географическо-культурного пространства сегодня. Исследовательский интерес писателя проявляется в искреннем и глубоком погружении в местную культуру – в образ жизни, мислетворчество северных народов, фольклорную основу и бытовые подробности. Особое внимание в произведениях Пришвина уделяется взаимодействию пространств разного уровня и содержания – литературного и географического, внутреннего мира человека и окружающего его пространства, пространства автора и изображаемого им внешнего пространства. Полученные результаты помогают конструировать много-сложную картину культуры Русского Севера сквозь призму писательского таланта М. М. Пришвина.

Ключевые слова: Пришвин, литературная география, географическо-культурное пространство, Русский Север, культурная география, литературное место, географические образы.

Дата поступления статьи: 6 декабря 2022 г.

Для цитирования: Ян Бо, У Цзюнь (2023) Русский Север: мислеобразы литературно-географического путешествия в раннем творчестве Михаила Пришвина. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 99–107. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.10.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке проекта «Программа академического наставничества научного руководителя Шанхайского университета иностранных языков» (Проект № 2022113007) – 本文是“上海外国语大学导师学术引领计划项目”的阶段性成果(编号: 2022113007) и ключевого гранта Шанхайского университета иностранных языков «“一带一路”视域下大国在中亚的软实力比较研究» (Сравнительное исследование мягкой силы ведущих стран в Центральной Азии в контексте инициативы «Пояс и Путь»).

Scientific article

Yang Bo¹, Wu Jun¹ ✉

✉ dassw@mail.ru

¹Shanghai International Studies University, Russia, Eastern Europe and Central Asia Institute, Shanghai, People's Republic of China

The Russian North: Mental images of Literary and Geographical Travel in the early works of Mikhail Prishvin

Abstract: The subject of the research for the author of the article was M. M. Prishvin's description of his impressions on traveling through the Russian North in his early works i.e. in the book of essays “In the Land of Fearless Birds” and “Following the Magic Bun”. The analysis of the literary and geographical aspects of the writer's work allowed us to identify the peculiarities of the formation of geographical images in the Russian geographical and cultural environment and their

© Ян Бо, У Цзюнь, 2023

reflection on the character and mentality of indigenous peoples. Such an analysis is aimed, first of all, at rethinking the writer's legacy and the influence of his ideological and creative principles on modern literature, literary geography, as well as the study of geographical and cultural space today. The writer's research interest is manifested in a sincere and deep immersion in the local culture – in the way of life, the ideation of the northern peoples, the folklore basis, and everyday details. In Prishvin's work special emphasis is given to the interaction of spaces of different levels and content – literary and geographical, the inner world of a person and the surrounding space, the space of the author, and the external space depicted by him. The results obtained help to construct a multi-complex picture of the culture of the Russian North through the prism of M.M. Prishvin's writing talent.

Keywords: Mikhail Mikhailovich Prishvin, literary geography, geographical and cultural environment, Russian North, cultural geography, literary place, geographical images.

Paper submitted: December 6, 2022.

For citation: Yang Bo, Wu Jun (2023) The Russian North: Mental images of Literary and Geographical Travel in the early works of Mikhail Prishvin. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 99–107. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.10.

Financing: The study was supported by the project “Academic Mentorship Program for the Supervisor of the Shanghai University of Foreign Languages” (Project No. 2022113007) – 本文是“上海外国语大学导师学术引领计划项目”的阶段性成果(编号: 2022113007) and key grant from Shanghai University of Foreign Studies “一带一路” 视域下大国在中亚的软实力比较研究” (Comparative study of the soft power of leading countries in Central Asia in the context of the Belt and Road Initiative).

Введение

Творчество Михаила Михайловича Пришвина раскрывает возможность уникального соединения мира культуры, воспроизведённого во внутреннем мире человека, и мира природного, существующего вне зависимости от человека. На примере народов, проживающих на территории Русского Севера, писатель показывает взаимодействие человека и окружающего его пространства, особенности бытования и мыслетворчества коренного населения. Уровень цивилизационного прогресса (материальной культуры) северных народов того времени не просто не противопоставлялся окружающему природному пространству и даже не мешал его существованию, а получал от последнего дополнительные возможности для развития творческих сил и способностей человека/людей. Благодаря искреннему проникновению в глубинное содержание окружающего мира и особенному художественному языку писателю удаётся уже в первых своих очерках создать миф о русской природе, о России и о душе русского народа. Однако миф этот имеет географические, этнографические и культурно-исторические корни, а также созвучность истинно русскому философскому восприятию природы и философии русского искусства, что подтверждает его правдивость и современность. Возможно, сегодня даже более, чем во время первого появления этих произведений, поскольку, по нашему мнению, мифичность (о которой говорил сам Пришвин), наполнявшая семантическое пространство произведений писателя, продолжает оставаться актуальной и помогать постижению тайн бытия.

В 1906 году Михаил Пришвин отправляется из Санкт-Петербурга в фольклорную экспедицию на север России. Результатом этого путешествия становится книга очерков «В краю непуганых птиц», открывшая литературный талант Пришвина. На второй год по поручению географического общества М. Пришвин, «все оставив позади себя, вновь отправился ... в край непуганых птиц записывать сказки» (Пришвин, 1956–1957, с. 787–788). Так рождается вторая книга очерков – «За волшебным колобком», которая также принесла автору признание читательской публики. И это объяснимо, потому что мир, познанный и описанный Пришвиным, как напишет восхищавшийся самобытностью таланта Пришвина Горький, был удивительно богат и широк (Горький, 1949, с. 266). Север помог Пришвину открыть в себе мудрого ученого, философа, прозаика-поэта, знатока природы, агронома, психолога, лингвиста. Как этнограф, он изучает все детали жизни и труда местного населения, делая при этом акцент на исконном родстве человека и природы, окружающей среды. По словам К. Паустовского, «если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее тайную жизнь и воспел ее красоту, то, прежде всего, эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина» (Паустовский, 2018,

с. 279). А как уникальный и талантливый русский писатель Пришвин представляет читателям мир народной культуры, воссозданный с помощью чистейшего русского языка – простого и одновременно высокохудожественного. Недаром сам писатель назвал Север своей поэтической родиной.

В данной статье анализируются литературно-географические аспекты творчества Пришвина, исследуются уникальности выстраивания географических образов в пространстве Русского Севера и их отражение в культуре местных народов. Цель исследования – переосмыслить наследие писателя и его влияния на современную литературную географию, а также изучить нынешнее географическо-культурное пространство.

Методы

Очерки Михаила Пришвина рассматриваются в качестве одного из важнейших источников литературно-географического исследования Русского Севера того времени. Литературная география относится к культурной географии, главное внимание которой обращается на взаимодействие географического, культурного и литературного пространств. Комплексное рассмотрение аспектов предмета культурной географии, литературного места, остановки в литературном путешествии, способа передвижения, картины мира и т. д., и сравнительный анализ севера и юга раскрывают самобытность географическо-культурного пространства Русского Севера и его место в русской культуре.

Результаты

Литературное место как территориальный объект, природно-культурный комплекс является ключевым для литературно-географических исследований. Русский Север можно назвать, по определению В. Н. Калуцкова, «полилитературным» местом (Калуцков, 2015, с. 72), поскольку он удостоивается творческого внимания, любви, признания не только М. М. Пришвина, но и Е. И. Замятина, А. М. Ремизова, К. Ф. Жакова, а также исследователей русских былин и фольклора А. Ф. Гильфердинга и Н. Е. Ончукова. Нередко в русской литературе, как, впрочем, и в мировоззрении русских людей до сегодняшнего дня Север предстаёт в качестве прародины русской культуры. Это удивительное и во многом загадочное место продолжает притягивать исследователей, писателей, размышляющих на темы первоосновы жизни на Земле и прародины древних русичей. Пришвин же погружается в тайны природы не только национальной, но и общечеловеческой, мировой души. Для писателя Север – «прост» и вечен в своей правдивости, искренности и истинности.

Остановки в путешествии символизируют собой некие контрапункты – сочетание «мелодий» природного пространства и культурного мира. Герой книги «В краю непуганых птиц» останавливается в деревне Карельский остров, на берегу озера Выг: «Как раз посредине долины Выг-озера, на одном из его бесчисленных островов, есть деревенька Карельский остров. Вот её-то я и избрал своим пристанищем» (Пришвин, 1934, с. 24). Выбор локации был не случайным: во-первых, это литературное место было популярным среди писателей и исследователей; во-вторых, край показался писателю «своеобразным во всех отношениях», а не только по географическим условиям. Автор придумывает этой территории название «выговский край», но не только с географической позиции. Эта земля традиционно считается «северным источником» русской культуры, продолжателем древнего новгородского духа. Однако край этот со своими географическими и климатическими особенностями породил особый образ жизни, хозяйствования, мировосприятия и культуры, отличные от традиций русской культуры в общепринятом понимании.

Особой значимостью в повествовании Пришвина обладает даже вид транспорта, используемый в путешествии, поскольку он становится инструментом взаимодействия человека с пространством. В условиях местного ландшафта – наличие большого количества озёр, островов с водопадами и нисходящими бурными потоками – наиболее удобным и распространённым средством передвижения становится лодка. «На озере всюду разбросаны большие и маленькие острова. Большие не так интересны: их не охватываешь глазом, и они кажутся берегом. Но маленькие своеобразно красивы. Особенно хороши они в летнюю, совершенно тихую погоду. Из водной глади тогда всюду вырастают кучки угрюмых елей. Они тесно жмутся друг к другу и

будто что-то скрывают между собою» (Пришвин, 1934 с. 28). Писателю, как человеку, родившемуся в средней полосе России и привыкшему к обычным дорогам, очень понравился местный способ передвижения. Пришвин детально описывает технические характеристики, историю и сохранившиеся традиции в управлении северной лодкой, которая «без единого гвоздя сделана» и «сшита» вересковыми прутьями, как бы воплощая собой Ноев ковчег.

Для выстраивания и глубокого анализа системы географических образов, включённых в произведения М. Пришвина, целесообразно обратиться к некоторым теоретическим моментам культурной географии. Предметом культурной географии как научного направления, по словам В. Н. Калуцкова, является исследование тех или иных маркеров географического пространства, отражаемых в литературе, фольклоре и научных трудах (Калуцков, 2016, с. 119). Обратим внимание на выстраивание образов основных природных явлений в русском сознании и их связь с русской культурой, во многом следуя идеям феноменолого-культурологического подхода, описанного Д. Н. Замятиным (Замятин, 2006).

Лес традиционно представлялся русскому человеку убежищем, защитником, охраняющим от внешних врагов. Лес также включался в хозяйственную, социальную и духовную жизнь русской общины. Лес был источником необходимых материалов для строительства, отопления и освещения жилищ. Лес кормил, восстанавливал силы человека и был даже источником доходов для охотников. Подобное распространённое в русском народе восприятие леса как «существа живого, чрезвычайно благожелательного и деятельного на пользу нашего народа», «милого деда», можно найти у Л. Леонова: «Давно пора бы воздать ему хвалу, какой заслуживает этот милый дед, старинный приятель нашего детства, насмерть стоящий воин и безотказный поставщик сырья, кормилец рек и хранитель урожая» (Леонов, 1974, с. 268). Однако несмотря на такое, казалось бы, безоглядное пользование лесом, русские люди всегда уважали и боялись леса, описывая его такими словами, как «тёмный», «дремучий», «непроходимый» и наделяя его порой тяжёлым и суровым характером. В прежние времена непроходимый лес скрывал дороги и мстил беспечным людям, живущие в лесу хищники покушались на домашний скот и даже на жизнь человека. Получение от леса его даров всегда сопровождалось для русского человека тяжёлым, утомительным трудом. С древних времён в славянских сказках лес описывается как тёмное царство, в котором живут мифологические образы: баба-яга, старичок-моховичок, леший, медведь-шатун и др. Всё это подтверждает выводы о том, что лес в русской культуре, с одной стороны, является надёжным укрытием, благодаря своей загадочности, а с другой, лес настораживает русского человека своей потенциальной опасностью (Ключевский, 1956, с. 66–69).

Степь в русском сознании является символом кочевой, свободной жизни, обеспечиваемой результатами скотоводческой деятельности. Степи на границах Русской равнины представляли собой источник опасности, поскольку именно оттуда на территории русичей нападали варвары. Южнорусская степь породила специфическую общность – казаков, в которую влились племена русского и других восточнославянских народов. Культурная наполняемость слова «казак» – это вольный, независимый по нраву и поведению, гулящий человек. Оседлый образ жизни русских людей, занятия земледелием сформировали особое культурное пространство – с четко обозначенными ориентирами, отличающееся от жизненного пространства степных людей. В первом случае характеристиками жизненного поведения человека становятся неторопливость, откровенность, искренность, спокойствие и др. Во втором случае – открытость пространства, его бесконечность и отсутствие каких-либо границ порождает в человеке независимость, свободолюбие, нежелание подчиняться (Гаврилов, 2010, с. 5–11). Точнее, наверное, эти качества вырабатываются и закрепляются в национальном характере постепенно – в процессе завоевания и освоения огромной территории, преодоления больших расстояний внутри страны.

Река в русском сознании и культуре в большей степени ассоциируется с плодородием, с движением, с разнообразными изменениями, развитием – в большей степени, в положительном смысле. В представлении русского человека река – это кормилица, первые поселения были вдоль рек, с рекой русский человек всегда старался жить душа в душу. В православной традиции река олицетворяет собой стихию, которая может как поощрять и поддерживать людей, так и наказывать их. Река – это связь с внешним миром, это путь, но в отличие от морского, не такой грозный и непред-

сказуемый. Река – это символ упорядоченности жизни, взаимодействия и очищения от всего отжившего, нездорового. В русских сказках все эти функции и характеристики реки также описываются и истолковываются. Уважительное отношение можно наблюдать и в языковых формулах, связанных с рекой: к реке обращаются, как к родителям, например: Волга-матушка, Дон-батюшка.

В книгах «В крае непуганых птиц» и «За волшебным колобком» художественный язык автора передает трогательное, «родственное» отношение и внимание к природе – лесу, озерам, к народу – странникам, «клюквенным бабам», колдунам и поморам.

Пришвин отмечает, что большинство людей при первом знакомстве с Севером России ориентируется на стереотипное представление: «дебри, где люди занимаются охотой, рыбной ловлей, верят в колдунов, в лесную и водяную нечистую силу, сообщаются пешком по едва заметным тропинкам, освещаются лучиной, словом, живут почти что первобытной жизнью» (Пришвин, 1934, с. 1). Однако для писателя, искренне любившего русский Север, этот край выглядит иным – живым, богатым, неповторимым и привлекательным. Пришвина называют «певцом русской природы» – он не только воспеваеет непорочность и величие Севера, он активно возмущается безответственной со стороны людей хозяйственной деятельностью, разрушающей спокойную деревенскую жизнь и наносящей огромный вред природе. На контрасте с этим неуважением к природе Пришвин описывает картину заката над озером после ухода барж, когда все затихает и природа получает возможность вернуться к своей первозданности.

Пришвину как будто неведомы никакие отрицательные подтексты в описании явлений природы – ни леса с его обитателями, ни водной стихии рек и озер. Очень мало в его произведениях можно встретить негативных посылов по этому поводу. Более того, мы постоянно сталкиваемся с тем, что природа у Пришвина никогда не существует вне человека. Они даже не просто соединены неразрывной связью, природа в этом тандеме выполняет для человека очистительную и спасательную функции. С этих позиций и название книги – «В краю непуганых птиц» – может трактоваться как аллюзия, отсылающая читателя к мысли: лес – это чистый и прозрачный мир, это укрытие для невинно гонимых.

Создание Пришвиным образа леса, который, встретившись с «полуночным солнцем», превращается в хрустальное море, не вызывает у читателя мысли о праздности странствий и «пустой» отвлеченности размышлений писателя. Этот художественный прием позволяет автору превратить место, обозначаемое в начале книги как «дебри», в «страну волшебников и чародеев». Пришвину удается особым образом подчеркнуть важные характеристики Русского Севера – «примитивность» в смысле «первозданность» природы, продлившаяся в «скромности» характера северных народов и «простоте» жизненного уклада (Поспелова, 2017, с. 134).

Встречи с «полуночным солнцем» – «белыми ночами», описанные в книгах о путешествии по Русскому Северу, превращаются в главный стимул поездки. Географически Русский Север расположен близко или внутри полярного круга, огромные пространства значительную часть времени находятся под снежным покровом или окутаны «усталыми» лучами «полуночного солнца»: «Полуночное солнце – красное, устало, не блестит, но светит, белые птицы рядами уселись на черных скалах и смотрят в воду» (Пришвин, 1934, с. 6).

В книге очерков «За волшебным колобком» Пришвин удивляется: «Это грёзы... Светлая северная ночь. Всё тихо. Спят. Как они могут спать такой светлой, безгрешной ночью?» (Пришвин, 1908, с. 26). Человек, приехавший с юга России и очарованный таинственностью «белых ночей», невольно оказавшись наедине с такой первозданной красотой и с самим собой, начнет рефлексировать. Для человека Севера такие условия естественны, он «пропитан» этой возможностью мыслить себя думающей частью природы и не отрываться от нее ни на шаг и ни на миг. Эта чистота и освобожденность от мирского, порождаемые «такой безгрешной ночью», по словам автора, позволяют человеку Севера не только спокойно спать, но и существовать по-настоящему, потому что на Севере «у растения такой напряженный зелёный свет: ведь, они совсем не отдыхают, молоточки света стучат в зелёные листья и день и ночь. Вероятно, тоже у животных, и у людей» (Пришвин, 1908, с. 104). Так, полуночное солнце идеально вписывается в природное и человеческое пространство Русского Севера, подчёркивая его таинственность, чистоту, безгреш-

ность. Как пишет Е. Созина, «вокруг солнца вращаются, от него зависят не только цивилизации юга, но и культуры северных народов, а в ещё большей степени сама их жизнь, историческая и природная судьба, этно-антропологическая характеристика» (Созина, 2016, с. 172).

В литературно-географическом пространстве Русского Севера Пришвиным также придается важное значение воде. В литературном пространстве писателя много воды – это и огромное водохранилище в Сегежском районе – Выг-озеро, и многочисленные малые озера, и бурные реки, и водопады. Особое место отводится и образу моря, который аккумулирует в себе мысли автора о мироздании. Для Пришвина море – это пространство, в котором люди, звери, сказочные герои и мифологические божества тождественны (Дехтяренко, 2022, с. 368). Море неотделимо от жизни северных народов – «разудалая, свободная и веселая» жизнь людей Севера напоминает вольнолюбивый и неуправляемый характер моря. Но не только... Море подталкивает человека к размышлениям о смысле жизни, о смерти: «конца природы и жизни человека нет, что все оканчивается не смертью, а спокойной мудростью» (Пришвин, 1908, с. 221).

В творчестве М. Пришвина мы находим отражение национальных и региональных особенностей выстраивания картины мира. Народы других регионов России считают Север «концом мира», для самих северян – это родина, а для писателя Пришвина – «начало любопытного мира». В русской картине мира Север – это «прародитель» русской культуры, а поморы, оказывается, «не от России дышат» и стремятся оказаться в Норвегии. Она им ближе своей почти не достигаемой в условиях Крайнего Севера «окультуренностью», атрибутами мещанского существования (Трубицина, 2013, с. 182). В книге «За волшебным коlobком» герой произведения отправляется в поисках страны «без имени, без территории», а попадает в деревню Дураково – «самое глухое и самое глупое место». Такой нарратив предоставляет собой более сильный контраст по сравнению со словами о Повенце в книге «В краю непуганых птиц»: «про Повенец говорят обыкновенно: он всему миру конец. Но, как я уже говорил, для меня с Повенца только и начинался самый любопытный мир» (Пришвин, 1934, с. 11). После описания глухомани писатель как будто вызывает симпатии у читателя к «культурному прогрессивному миру», в частности к Норвегии. Множественные сравнения России и Норвегии выглядят порой как противопоставление – «там стихия, здесь история».

Каждое культурное пространство выступает и как источник, и как хранилище культуры, безусловно, отличаясь от других культурных пространств. Любого путешественника и исследователя привлекает в этом пространстве нечто свое, что он подмечает, выделяет и исследует. Для Пришвина одинаково привлекательными были все, с кем он встречался в своих странствиях. Причем наблюдал и изучал писатель всё в комплексе – людей, их быт, нравы, поведение с погружением в культуру, с учётом влияния характерных особенностей окружающего ландшафта. Таким образом, М. Пришвин создает свой образ Русского Севера – не только в географическом смысле, но и в культурном. Читатель убеждается через произведения Пришвина, что культура Севера имеет множество отличий от русской культуры южных территорий.

Для южнорусской культуры северорусская культура видится архаичной, уходящей корнями в историю и сохраняющей традиционность. Русский Север и сегодня продолжает сохранять и охранять свою неповторимость, самобытность, присутствие элементов славянской (и не только) древности. Вследствие исторических событий и колонизации края в состав населения Севера входят финно-угры (лопари), которые в своё время оказали сильное влияние на процесс формирования определённых характеристик этой общности, её образа жизни и культуры. Русское население было представлено новгородцами, культура которых также обогатила культуру русского Севера. Для Севера новгородские «следы» – символ присутствия там Руси. «Край непуганых птиц» – это край сохранившейся, «непуганой» русской истории – не омрачённой ни татарским игом, ни крепостным правом, ни произволом чиновников, зато освящённой древней русской традицией, восходящей к Новгороду, Киеву, к былинным временам (Пискулин, 2010, с. 230).

Церковный раскол не миновал и Русский Север – для Пришвина это, безусловно, «трагедия духа русского народа». Однако при этом писатель никого не осуждает, никого не критикует и ничего не навязывает, а подводит читателя к более важному выводу: народы Севера сохраняют

глубокую веру в промысел Божий, остальное – не столь значимо. Юровщик Михайло из книги «В краю непуганых птиц» является ярким примером воплощения мировоззрения северорусского человека. Он доверяет знакам трансцендентного мира и таинственным силам, главная задача в его жизни – исполнение Божьей воли. Все неудачи и несчастья связаны для Михайло с грехом: «Вечером съехались на льдину, я товарищам: “Ребята, у нас в ромше не ладно: зверь зашевелился. Есть грех”» (Пришвин, 1908, с. 66). Михайло в критической ситуации, в момент опасности может с завидным спокойствием и рассудительностью идти навстречу смерти: «Смотрю на ребят, говорю строго: “Нехорошо, братья, так помирать. Бога обижаете. Наденьте чистые рубашки, помолитесь, проститесь. Так нельзя, братья”» (Пришвин, 1908, с. 71).

Ярким последователем веры в Божий промысел можно назвать и охотника Василия из книги «За волшебным колобком». Поведение Василия во время охоты противоречит самой охотничьей практике – жалость и чувство сострадания выходят на первый план. «Василий останавливает меня. – У неё детки, нельзя стрелять, надо пожалеть. ... Назад бежит, к деткам. Нельзя стрелять. Грех!» (Пришвин, 1908, с. 143). Коренной житель Севера, Василий в чем-то уступает образованному горожанину – писателю и исследователю, но при этом он обладает естественным умом, добротой на уровне подсознания, которые в какой-то момент возвышают лопаря над умным горожанином, делая его более мудрым, чистым и искренним в своих чувствах и переживаниях.

В книге «За волшебным колобком» Пришвин часто обращает внимание читателя на культурно-географическую разницу между Россией и Норвегией, между Русским Севером и Петербургом, но, когда мысль доходит до разделения народов и народа (толпы), перед читателем раскрывается глубинная суть философа-Пришвина, приоткрывшего тайны общечеловеческой души: «вдруг становится легко, разделяющая линия больше не нужна, все понятно. Это не толпа, это не отдельные люди. Это глубина души одного гигантского существа, похожего на человека. Мелькают, сменяются его желания, стремления, ощущения. Но само неведомое существо спокойно шагает вперед и вперед» (Пришвин, 1934, с. 193). И далее, с одной стороны, неожиданный, а с другой – закономерный вывод героя книги – писателя Пришвина: «никакая самостоятельная культура на Крайнем севере невозможна», «знаменитые писатели воспитались в южных благодатных фордах. Здесь они бывают только проездом» (Пришвин, 1908, с. 282).

Выводы

Несмотря на немалое количество сказочных и мифологических элементов в ранних произведениях М. М. Пришвина, литературное путешествие всё же представляет собой реальность, пережитую и осмысленную писателем. Пришвин открывает для себя и читателей географию и культуру Русского Севера, обнаруживая порой несовпадение литературного опыта с реальностью. В двух поездках по Русскому Северу Пришвин совершает географическо-литературные открытия, каждый раз выявляя новые образы, рассказывая о вновь увиденном.

Важным атрибутом путешествия Пришвина по Русскому Северу стало глубокое и искреннее погружение в местную культуру, что позволяет познать образ жизни, мировосприятие, мыслительность народов Севера – получить комплексное представление об уникальной культуре этого региона. Центральное место в размышлениях писателя занимает идея, сохраняющая актуальность и для современной литературной географии – идея всеединства природы и человека, их взаимопроникновения и взаимовлияния, не допускающая безответственного подхода к неисчерпаемому богатству двух этих составляющих единого жизненного пространства.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Источники

Апанович Ф. (2002) Между Европой и «страной непуганых птиц» (Образы России и Европы в раннем творчестве М. Пришвина). Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения творческого наследия: Материал научной конференции Выпуск 1. Елец, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, с. 3–22.

- Гаврилов В. В. (2010) К вопросу о роли географических факторов в формировании русской культуры (лингвокультурологический аспект). Вестник Сургутского государственного педагогического университета, № 4, с. 5-11.
- Горький М. (1949) О М. М. Пришвине. В кн: Собр. соч. в 30 тт. М., с. 265-266.
- Дехтяренко А. В. (2022) Мифологема моря в творчестве М. М. Пришвина. В кн: Язык истории и языки литературы. Нижний Новгород, с. 366-375.
- Дьячкова Е. В. (2015) Русский Север и Данте: об одном эпизоде путевых очерков М. М. Пришвина. Вестник Литературного Института имени А. М. Горького, № 4, с. 36-45.
- Замятин Д. Н. (2004) Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., Аграф, 506 с.
- Замятин Д. Н. (2006) Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., Знак, 487 с.
- Калуцков В. Н. (2015) Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, №. 4, с. 67-79.
- Калуцков В. Н. (2016) Концептуальные основы литературной географии. Уральский исторический вестник, № 2 (51), с. 118-125.
- Калуцков В. Н. (2016) Культурная география России. Часть 1. Теоретический и специальный разделы. М., факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, 140 с.
- Ключевский В. О. (1956) Курс русской истории. Соч.: В 8 т. М., Госполитиздат, 427 с.
- Леонов Л. (1974) Русский лес. М., Художественная литература, 678 с.
- Паустовский К. Г. (2018) Золотая роза. М., Время, 352 с.
- Пискулин А. А. (2010) Выговский край Олонецкой губернии в творчестве М. М. Пришвина. Вестник Томского Государственного Университета, № 10, с. 228-232.
- Пискулин А. А. (2012) От Подстепья до Поморья. В кн.: Елецкий край и Выговский край – исторические регионы России в творчестве И. А. Бунина и М. М. Пришвина. Елец, 238 с.
- Поспелова О. В. (2016) «Переселение вглубь природы»: мифопоэтический топос леса в первых северных очерках М. М. Пришвина. Вестник Томского Государственного Педагогического Университета, № 7 (172), с. 168-171.
- Поспелова О. В. (2017) Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, № 2, с. 131-136. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.131.
- Пришвин М. М. (1956) Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М., Гослитиздат, 806 с.
- Пришвин М. М. В краю непуганых птиц: Онега-Беломорский край: Очерки. СПб., Издатель А. Ф. Девриен, 1934, 190 с.
- Пришвин М. М. За волшебным коlobком: из записок на крайнем севере России и Норвегии. СПб., Издатель А. Ф. Девриен, 1908, 291 с.
- Созина Е. К. (2016) Север в литературе путешествий начала XX века. В кн.: Русский травелог XVIII-XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, с. 151-182.
- Трубицина Н. А. (2013) Геокультурный образ Норвегии в книге М. Пришвина «За волшебным коlobком». Михаил Пришвин и XX век: всероссийская научная конференция, посвящённая 140-летию со дня рождения Михаила Пришвина. Елец, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, с. 178-185.
- 刘文飞 [Лю Вэньфэй] (2012) 普里什文的思想史意义 [Значение Пришвина в истории мысли]. 外国文学评论 [Обзор иностранной литературы], № 1, с. 162-174.
- 彭贤则 [Пэн Сяньцзэ], 夏懿 [Ся И] (2020) 心灵与自然の共情——评米哈伊尔·米哈伊洛维奇·普里什文《大自然的日历》 [Сопереживание между душой и природой – Комментарий к «Календарю природы» Михаила Михайловича Пришвина]. 学术交流 [Академические обмены], № 2, с. 190.

References

- Apanovich F. (2002) Mezhdru Yevropy i «stranoy nepuganykh ptits» (Obrazy Rossii i Yevropy v rannem tvorchestve M. Prishvina) [Between Europe and “The Land of Fearless Birds” (Images of Russia and Europe in the early works of M. Prishvin)]. Mikhail Prishvin: Aktual'nyye voprosy izucheniya tvorcheskogo naslediya: Mat. nauch. konf. Vyp. 1 [Mikhail Prishvin: Topical issues of the study of creative heritage: Mat. scientific. conf. Issue 1]. Yelets, Bunin Yelets State University, pp. 3-22 (In Russian).
- Gavrilov V. V. (2010) K voprosu o roli geograficheskikh faktorov v formirovani russkoy kul'tury (lingvokul'turologicheskii aspekt) [On the issue of the role of geographical factors in the formation of Russian culture (linguoculturological aspect)]. The Surgut State Pedagogical University Bulletin, no. 4. pp. 5-11 (In Russian).
- Gorky M. (1949) O M. M. Prishvine [About M. M. Prishvin]. In the book: Sobr. soch. v 30 tt. [Collected works in 30 vols.]. Moscow, pp. 265-266 (In Russian).
- Dekhtyarenok A. V. (2022) Mifologema morya v tvorchestve M. M. Prishvina [The mythology of the sea in the work of M.M. Prishvin]. In the book: Yazyk istorii i yazyki literatury [Language of History and Languages of Literature]. Nizhny Novgorod, pp. 366-375 (In Russian).
- Dyachkova E. V. (2015) Russkiy Sever i Dante: ob odnom epizode putevykh ocherkov M. M. Prishvina [Russian North and Dante: about one episode of travel essays by M. M. Prishvin]. Vestnik of Gorky Literary Institute, no. 4, pp. 36-45 (In Russian).
- Zamyatin D. N. (2006) Kul'tura i prostranstvo: Modelirovaniye geograficheskikh obrazov [Culture and space: Modeling geographic images]. Moscow, Znak Publ., 488 p. (In Russian).
- Zamyatin D. N. (2004) Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Metageography: The space of images and images of space]. Moscow, Agraf Publ., 506 p. (In Russian).

- Kalutskov V. N. (2015) Literaturnaya geografiya kak nauchnyy predmet i kak uchebnaya distsiplina [Literary geography as a scientific subject and as an academic discipline]. The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-cultural communication, no. 4. pp. 67–79 (In Russian).
- Kalutskov V. N. (2016) Kontseptual'nyye osnovy literaturnoy geografiy [Conceptual Foundations of Literary Geography]. Ural historical Journal, no. 2(51). pp. 118–125 (In Russian).
- Kalutskov V. N. (2016) Kul'turnaya geografiya Rossii. Chast' 1. Teoreticheskiy i spetsial'nyy razdel: uchebnoye posobiye [Cultural Geography of Russia. Part 1. Theoretical and special sections: study guide]. Moscow, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Moscow State University, 140 p. (In Russian).
- Klyuchevskiy V. (1956) Kurs russkoy istorii. Soch.: V 8 t. [The course of Russian history]. Works: In 8 vols. Moscow: Gospolitizdat, 427 p. (In Russian).
- Leonov L. (1974) Russkiy les [Russian forest]. Khudozhestvennaya literatura Publ., 678 p. (In Russian).
- Paustovsky K. G. (2019) Zolotaya roza [Golden Rose]. Moscow, Vremya Publ., 352 p. (In Russian).
- Piskulin A. A. (2010) Vygovskiy kray Olonetskoy gubernii v tvorchestve M. M. Prishvina [Vygovsky region of the Olonets province in the work of M. M. Prishvin]. Tomsk State University Journal, no. 10, pp. 228–232 (In Russian).
- Piskulin A. A. (2012) Ot Podstep'ya do Pomor'ya [From the Podstepye to Pomorye]. In the book: Yeletskiy kray i Vygovskiy kray – istoricheskiye regiony Rossii v tvorchestve I. A. Bunina i M. M. Prishvina [Yelets Territory and Vygovsky Territory – Historical Regions of Russia in the Works of I. A. Bunin and M. M. Prishvin]. Yelets, 238 p. (In Russian).
- Pospelova O. V. (2017) Obraz «polunoshchnogo solntsa» v proizvedeniyakh o Russkom Severe A. Remizova, M. Prishvina, Ye. Zamyatina [The image of the “midnight sun” in works about the Russian North by A. Remizov, M. Prishvin, E. Zamyatin]. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”, no. 2, pp. 131–136. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.131 (In Russian).
- Pospelova O. V. (2016) «Pereseleniye vglub' prirody»: mifopoeticheskiy topos lesa v pervykh severnykh ocherkakh M. M. Prishvina [“Resettlement deep into nature”: the mythopoetic topos of the forest in the first northern essays by M. M. Prishvin]. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, no. 7(172). pp. 168–171 (In Russian).
- Prishvin M. M. V krayu nepuganykh ptits: Onego-Belomorskiy kray: Oчерki [In the Land of Fearless Birds: Onego-Belomorsky Territory: Essays]. St. Petersburg, Izdatel' A.F. Devriyen Publ., 1934, p. 190. (In Russian).
- Prishvin M. M. Za volshebnyim kolobkom: iz zapisok na kraynem severe Rossii i Norvegii [Behind the Magic Bun: From Notes in the Far North of Russia and Norway]. St. Petersburg, Izdatel' A. F. Devriyen Publ., 1908, 291 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (1956) Sobraniye sochineniy: v 6 t. T. 6 [Collected works: in 6 volumes. Vol. 2]. Moscow, Goslitizdat Publ., 806 p. (In Russian).
- Sozina E. K. (2016) Sever v literature puteshestviy nachala XX veka [The North in the Travel Literature of the Early Twentieth Century.] In the book: Russkiy travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives]. Novosibirsk, pp. 151–182 (In Russian).
- Trubitsina N. A. (2013) Geokul'turnyy obraz Norvegii v knige M. Prishvina «Za volshebnyim kolobkom» [Geocultural image of Norway in M. Prishvin's book “Behind the magic bun”]. Mikhail Prishvin i XX vek: vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchonnaya 140-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Prishvina [Mikhail Prishvin and the 20th century: All-Russian scientific conference dedicated to the 140th anniversary of the birth of Mikhail Prishvin]. Yelets, Bunin Yelets State University, pp. 178–185 (In Russian).
- Liú Wénfēi (2012) Pǔ lǐ shén wén de sixiǎng shǐ yì. Wàiguó wénxué pínglùn [The Significance of Prishvin in the History of Thought. Foreign Literature Review], no. 1, pp. 162–174. (In Chinese).
- Péng Xiánzé, Xià Yì (2020) Xīnlíng yǔ zìrán de gòng qíng—píng mǐ hā yī ěr·mǐ hā yī luò wéi qí·pǔ lǐ shén wén “dà zìrán de rìlǐ”. Xuéshù jiāoliú [Empathy between soul and nature – Comment on Mikhail Mikhailovich Prishvin's “Nature's Calendar”. Academic Exchanges], no. 2, p. 190 (In Chinese).

Информация об авторах

Ян Бо

Кандидат филологических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, заместитель директора Центра изучения России, Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика. ORCID ID: 0000-0003-4472-4740. E-mail: 2043@shisu.edu.cn

У Цзюнь

Аспирант Института России, Восточной Европы и Центральной Азии. Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика. ORCID ID: 0000-0001-7237-6515. E-mail: dassw@mail.ru

Autor's information

Yang Bo

Ph. D., Professor of Russia, Eastern Europe and Central Asia Institute, Deputy Director of Center for Russian Studies, Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China. ORCID ID: 0000-0002-4739-8007. E-mail: 2043@shisu.edu.cn

Wu Jun

Ph.D student of Russia, Eastern Europe and Central Asia Institute. Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China. ORCID ID: 0000-0001-7237-6515. E-mail: dassw@mail.ru

УДК 82.0

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.11

Научная статья

Ян Минтянь¹

✉ shangwaie@163.com

¹Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика

Концепция личности Пришвина и его правдивая сказка. На материалах дневников М. Пришвина

Аннотация: Концепция личности Пришвина – важный аспект его мировоззрения, который не был систематизирован до настоящего времени и игнорируется исследователями в Китае. В данной статье концепция личности Пришвина иллюстрирована на результатах мотивного и концептуального анализа «личность» в его дневниках. Пришвин устанавливал ценность только личного. Его понимание близко к христианству. По его мнению, собственность есть следствие материализации личности. Цельность – это условие появления личности. Его сочинения являются попыткой определить самому себе как личности в истории. В произведениях Пришвина была одна и та же тема борьбы личности за право своего существования, существо личности есть смысл жизни, и без этого смысла невозможно общество. Пришвин был представителем начала личного, не допуская подмены всей души частностью, он был реалистом, а не натуралистом в своем творчестве. Христианский подтекст творчества Пришвина и его попытку выражения в сказке не следует игнорировать. Главная идея концепции личности Пришвина – это так называемый персонализм в философском смысле, только это персонализм в несистематизированной разработке и образом, конкретном толковании Пришвина в России по своему опыту жизни и творчества. Экзистенциально-персоналистское направление трактовки Я Пришвина отличается своим любовным отношением к Тебе (Другому) в их диалоге от философии постмодерна. Концепция личности Пришвина и ее средство выражения логично связаны между собой.

Ключевые слова: М. Пришвин, личность, любовное внимание, очерк, сказка.

Дата поступления статьи: 27 февраля 2023 г.

Для цитирования: Ян Минтянь (2023) Концепция личности Пришвина и его правдивая сказка. На материалах дневников М. Пришвина. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 108–119. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.11.

Scientific article

Yang Mingtian¹

✉ shangwaie@163.com

¹Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China

The concept of Prishvin's personality and his true fairy tale. Based on the materials of the diaries of M. Prishvin

Abstract: The concept of Prishvin's personality as an important aspect of his worldview was not systematized and it is still ignored by researchers in China. In our world, while there are wars and epidemics, it is important to read Prishvin and learn a lesson from him. In this paper, the concept of Prishvin's personality is illustrated by the results of the motivational and conceptual analysis of "personality" in his diaries. Prishvin only set the personal value. His understanding is close to Christianity. In his opinion, the property is a consequence of the materialization of one's personality. Wholeness is an indispensable condition for the emergence of a personality. His writings are an attempt to define himself as a person in history. In Prishvin's works one can find the same theme of the struggle of an individual for the right to his existence, the essence of an individual is the meaning of life, and by this line of reasoning the society is impossible without this meaning. Prishvin was a representative of the personal principle allowing no substitution of the whole soul with a particularity; he was a realist, not a naturalist in his works. The Christian "subtext" of Prishvin's works and his attempt to express it in fairy tales should not be ignored. The main idea of the concept of Prishvin's personality is the so-called personalism in the philosophical sense, it is personalism in an unsystematic development and figurative, specific interpretation by Prishvin in Russia based on his experience of life and creativity. The existential-personalistic trend of Prishvin's interpretation of Me in its loving attitude towards You (the Other) in their dialogue differs from the philosophy of postmodernism.

© Ян Минтянь, 2023

Keywords: M. Prishvin, personality, “love attention”, essay, fairy tale.

Paper submitted: February 27, 2023

For citation: Yang Mingtian (2023) The concept of Prishvin's personality and his true fairy tale. Based on the materials of the diaries of M. Prishvin. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 108–119. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.11.

Введение

В Китае вышло в свет «Собрание сочинений Пришвина» (на китайском языке) в 5 томах (Пришвин, 2005), некоторые его работы даже считаются научно-популярными (Пришвин, 1988). Китайские исследователи обращают внимание на его «экологическую литературу». Также было исследование прототипов персонажей и жанров его произведений. Статей, в которых обсуждаются основные идеи Пришвина, включая исследование его концепции «природы», «родства» и «любви», немного. Хотя в конце прошлого века китайским исследователям стало известно, что у Пришвина были «тайные дневники» (Жо Янь, 1993, с. 37–39), но только теперь они имеют возможность прочитать полностью эти дневники и учитывать мнение самого Пришвина насчет своей идеи и творчества. Очевидно стало, что нельзя ограничиваться только поверхностными явлениями, нужно изучать Пришвина как мыслителя (Го Ли, 2004, с. 55–57).

«...своей главной книгой он считал Дневники, которые вел в течение почти полувека (1905–1954) и объём которых в несколько раз больше самого полного, 8-томного собрания его сочинений» (Николаев, 2000, с. 575). Однако в Китае дневники Пришвина, опубликованные в России в последние годы, не привлекали должного внимания. Китайские исследователи уделяют больше внимания мыслям Пришвина, выраженным в его «Собрании сочинений» (8 т.), но сами замечания и объяснения Пришвина в дневниках изучены недостаточно, в результате чего некоторые из сделанных ими комментариев неубедительны.

Некоторые исследователи творчества писателя пишут сложными и заумными словами, не осознавая, Пришвин был противником этого, что и отражено в дневниках. Пришвин не любил абстрактные философские построения. Он считал, что абстракция сопровождается чувством личной гордости и волей (действием), наоборот, переход от общего к частному сопровождается смирением (из признания, что каждая мелочь имеет свое лицо) (Пришвин, 1995, с. 43).

Было мнение, что на личность Пришвина большое влияние оказал философ Н. О. Лосский, и дано этому название «наивный реализм» (Подоксенов, 2011, с. 143–156). Но сам же Пришвин как будто и оспаривал такое мнение: «Художник наивен в познании пути, но посмотрите, кто больше его трудится и кто больше счастлив в этом труде: нет никого одновременно и более связанного, и более свободного, чем он. <...> И где, в какой войне бывает такая атака, чтобы из тысячи один достигал своей цели и праздновал в красоте победу свободы человека. И как же это не поведение, если миллионы трудящихся людей, понимая красоту, участвуют в этой победе и обретают в ней огромное облегчение в своем труде. Так вот я и понял, почему ищу в искусстве “поведения” – я тем самым ищу тождества своей личности с действительным миром. Таково поведение художника и таков истинный путь к свободе» (Пришвин, 2014, с. 262).

Судя по содержанию, некоторые суждения Пришвина созвучны мнениям Н. Бердяева и А. Меня (Михайлов, 2002, с. 188–192). Пришвин считал, если он, не зная сказанного кем угодно, лично пережил и сумел об этом же сказать по-своему, то в истории культуры он нечто прибавил, хотя он и считал, что содержание культуры во все времена неизменно, но раскрывается оно человеку в личных переживаниях, придающих содержанию культуры качественную ценность. Ему не нужно было ни книг, ни цитат, он выражал все своими словами и опытом, и у него сформировалась своя концепция личности.

«Рождению Пришвина-художника предшествовал переворот от революции к себе, связанный с его исканием Бога» (Николаев, 2000, с. 573). В романе «Кашеева цепь», который Пришвин писал в течение долгого времени (1922–1927, отд. изд. 1928, дальнейшая работа вошла в отд. изд. ром. 1956) возникает важнейшая для писателя мысль о рождении «еще неведомой, неназванной» личности, соединяющей идею внутреннего духовного устройства и внешнего социального строи-

тельства (Николаев, 2000, с. 574). В своей жизни и творчестве Пришвин неоднократно чувствовал «потребность вернуться к самому себе», «к себе первоначальному», подчеркивал «проблему своего пути», нужно отстоять «внутреннего человека», «Бога в человеке», сохранять верность самому себе (Николаев, 2000, с. 575) и т. д., что такое «я», по мнению Пришвина, которое является основой «личного творчества жизни»? Какова связь между мыслью Пришвина о личности и его средствами выражения? Для решения таких вопросов нам нужно опираться на дневники писателя. В мире, когда идет война и эпидемия, актуально читать Пришвина и извлечь из него урок.

Пришвин в своих дневниках указал, что основное философское мышление человека состоит в том, чтобы искать источник всех вещей. Он считал, что все находится под влиянием любви, а источник всего – «я, личность», само существование человека доказывает, что личность неразрушима (Пришвин, 2007, с. 50). Пришвин всю жизнь придерживался такой точки зрения. Он неоднократно говорил, что пишет дневники для облегчения работы исследователей его произведения. Но, к сожалению, его дневники пока изучены недостаточно, некоторые исследователи просто рассуждают без учета отзыва Пришвина о самом себе. Далее мы проиллюстрируем концепцию личности Пришвина по результатам мотивного и концептуального анализа «личности» в его «тайных» дневниках.

Результаты

1. Концепция личности Пришвина

По нашему мнению, основное понимание личности у Пришвина выражается простыми словами: хотение (воля) человека возникает в его личности, которая разделяет себя на жертвенное (свое) и достигаемое (общее, сотворенное). Он утверждал, что начало всяких сотворенных вещей есть воля, осуществляемая личностью. Свойство личности есть воля. Свойство воли есть выбор. Творческая воля есть способность называть своим только свое, способность жертвовать своим низшим для своего высшего. Это высшее есть в то же время и общее, всем видимое, всем доступное, даровое красивое (Пришвин, 2007, с. 79).

Некоторые считали, что Пришвин в конце своей жизни достиг понимания от противопоставления «я» и «они» к понятию «мы» (Николаев, 2000, с. 575), судя по вышесказанному, это, очевидно, необоснованно.

По мнению Пришвина, борьба личности и общества – это борьба качества с количеством. Трагедия количества заключается в том, что качество, распределенное на всех, перестает быть качеством. Пришвин поддерживал мнение Штирнера, считая, что последняя ценность есть самобытность, личность (Пришвин, 2008, с. 351). Реализовать себя – значит отделить себя от общества, выделить свое качество, происходящее «не от мира сего».

Иллюстрация личности Пришвина естественна, она исходит из его собственного опыта (Пришвин, 2012b, с. 260). Его аргументы лаконичны и ясны: равенство создается разрушением отличий, равенство есть конец, смерть. Созидание, творчество создает отличия.

Истинный человек характеризуется личностью, в которой определено отношение и к миру. Такая личность в мире является проводником высшего порядка, который предусматривает такую же личность и во всей природе. Это понимание Пришвина близко к христианству (Пришвин, 2006, с. 220). Пришвин признался, что психологически он примыкал к Ницше: он устанавливал ценность только личного. В деле жизни многие берутся не за свое дело, и так порождается индивидуализм как начало, враждебное личности. Личность может быть очень маленькая, но она всегда цельная и представительная, а индивидуальность всегда – дробь (Пришвин, 1995, с. 190).

Собственность – последствие материализации личности

Пришвин иллюстрировал важную роль личности в жизни человека своим опытом. По его мнению, собственность есть последствие материализации личности, и некоторые лишь потому настроены против собственности, что в ней часто заключается власть над другим. И только если личность совершенно совпадает с обществом, как у пчел, исчезает личная собственность (Пришвин, 2006, с. 584; Пришвин, 2009b, с. 195). Пришвин считал, что бороться против собственности – значит бороться против личности, победить собственность – значит уничтожить

всё личное в человеке и превратить его в раба. Надо бороться не с собственностью, а с определенной, пережитой формой собственности, вроде собственности на землю. Надо изменить лишь применение силы личного и обратить чувство собственности на творчество, отвечающее времени (Пришвин, 2009b, с. 208). Пришвин считал, что собственность есть материал в утверждении личности – это низ человека, а слава – это лицо и смысл (Пришвин, 2013b, с. 716).

Единство личности со всем миром

Пришвин подчеркивал важную роль личности, но одновременно и указал, что надо достичь единства личности со всем миром. Он доказал это не абстрактным путем, а своим опытом творчества: единственный раз это «Я» пришло в мир и больше никогда не придет. И в тот момент, когда писатель берет перо и хочет отметить какой-нибудь день как личность неповторимую, он своей личностью соприкасается с личностью дня. Если так постоянно записывать, то живые дни проходят не без живого участия писателя, и в этих проходящих днях он узнает себя и в себе самом находит единство со всем миром, в котором люди делают свою историю (Пришвин, 2009b, с. 772). Цельность – есть условие появления личности (Пришвин, 2012a, с. 225). Как художник Пришвин чувствовал в обезличении продукта смерть всякому искусству, он боролся за личность художника и тем самым боролся за все искусство, за всю родину свою (Пришвин, 2012a, с. 490). Он заключил, что жизненная миссия искусства есть образование личности.

Удовлетворение личности

Пришвин всегда чувствовал, что его самость (то есть личность) недостаточно удовлетворена, подавлена, не выражена. Для этого лет уже в тридцать он восстановил в себе детские забавы, охоту, путешествия. Ему казалось, что под контролем сложной изнурительной психической борьбы эти явления «самости», детские игры, как целительное лекарство, питали всю его художественную деятельность (Пришвин, 2012a, с. 729).

Божественная личность

По мнению Пришвина, божественная личность, таящаяся в человеке, едина для всех, и высшая цель жизни и состоит в достижении близости к ней. В этом творческом усилии преодоления своей индивидуальности и состоит дело жизни. Это – встреча с той Личностью и расставание со своей душой – частично возможно и при жизни. И «христианская кончина» именно и состоит в радостном освобождении от «себя» и слиянии не временном, а вечном с Личностью Бога (Пришвин, 2012b, с. 123). Это «я», эта личность, есть не что иное, как явление Бога в каждом. Бог есть любовь, Бог любит всех, но каждого больше: вот это «больше» и чувствуется человеком как «я», и это есть личность и богочеловек (Пришвин, 2013a, с. 307). Православие – это религия личности, иное понимание – религия общества («всех»), и то и другое называет себя религией человека, человека-личности и человека общественного. Человек-личность ведет свое начало от Бога, человек общественный – от обезьяны (Пришвин, 2013a, с. 561).

Итак, у Пришвина сложилась своя концепция личности. Он пытался обосновать эту концепцию, считая, что собственность есть последствие материализации личности, надо изменить применение силы личного и обратить чувство собственности на творчество, отвечающее времени, нужно достичь единства личности со всем миром, цельность есть условие появления личности, жизненная миссия искусства есть образование личности, явления «самости», детские игры, как целительное лекарство, питали всю его художественную деятельность. С такими точками зрения тесно связаны секреты творчества Пришвина.

Секреты творчества Пришвина

Пришвин в дневниках раскрыл читателям тайну своего творчества. Он считал, что условием истинного творчества должна быть его органичность, т. е. сознание творца цельности, единства в происхождении мира, связи себя самого со всеми живыми и мертвыми. Это условие присутствия чувства общей жизни или мира, всего мира, необходимо для творчества как рычаг (Пришвин, 2006, с. 148).

Судя по разрозненным заметкам Пришвина в дневниках, его особенность творчества заключается в следующем: первая особенность творчества Пришвина состоит в том, что он брал материалы не из книг или из рассказов людей, а из природы, притом сам непосредственно, из своих

переживаний. В то же время слова и образы, которые приходилось ему брать от народа во время путешествий, он перерабатывал так, чтобы они выходили в первом значении как свои собственные (Пришвин, 2012а, с. 352). Вторая особенность заключается в том, что материалы эти он стремился получить методически, как в науке (Пришвин, 2010а, с. 558). Третья особенность – в том, что он хотел создать современную сказку (или рассказ) для всех возрастов (Пришвин, 2010а, с. 558), создать поэзию природы новую, всем доступную, постепенно приближаясь к образцам народного творчества. Четвертая особенность творчества Пришвина – это его реализм, а не натурализм. Некоторые исследователи считают, что Пришвин в основном описывает природу и принадлежит к писателям-натуралистам. Другие в настоящее время называют Пришвина автором экологической литературы. На самом деле, это поверхностные явления. Пришвин так обсуждает свою позицию в дневниках: натурализм – это когда художник думает, что мир существует независимо от личности художника, и значит, надо изображать его таким, каков он есть сам по себе. Реализм действительность понимает как взаимоотношение природы и личности человека. Практически для художника реализм открывает сравнительно с натурализмом новые возможности (Пришвин, 2013а, с. 543). Пришвин признался, что он принадлежит к реализму. Это в литературе. Если судить по бытовой философии, Пришвин был идеалистом. Пятая особенность творчества Пришвина – это его христианский подтекст.

Китайские исследователи иногда упоминали об этой особенности, но не ожидали, что Пришвин об этом прямо заявлял в своих дневниках. Пришвин сказал, что он в своих писаниях приблизился к человеку, это приближение означает приближение к человеческой личности, между тем как на время войны вопросы, связанные с человеческой личностью, исключаются (Пришвин, 2013а, с. 364). По мнению Пришвина, его мало печатали, потому что его время – предвоенная и военная обстановка, а у него была тема страдающего человека и личности, между тем правительству требовалась тема мужества (Пришвин, 2013а, с. 396). Христианский подтекст («шпионаж душ») – вот «вина» его творчества в советское время. Пришвин в дневниках даже писал: «Надо просто взяться за что-то новое и опять обмануть их, как обманывал охотничьими рассказами. А про себя думаю, что шпионаж душ теперь до того доведен, что может быть и не выскочить» (Пришвин, 2013а, с. 416). Пришвин был представителем начала личного, и именно от этого и страдал (Пришвин, 2013а, с. 527). Этими словами он и указал путь понимания своего творчества. Исследователям нужно и читать сквозь текст, не останавливаясь на буквальном и поверхностном толковании. Как раз такого понимания Пришвина большинству китайских исследователей в настоящее время и не хватает.

Некоторые исследования указывают на то, что Пришвин не был участником каких-то крупных общественных событий, а являлся сторонним наблюдателем. Видимо, такие исследователи не брали в расчет дневники Пришвина. На самом деле Пришвин отвечал на такой вопрос в своих дневниках: рассудочными решениями нельзя подменять решения всей цельной личности. Он признался, что за все полвека литературной работы эта опасность подмены всей души частностью не покидала его, все его ошибки происходили только от этого. И только от страха этой подмены он не вышел весь в люди, а значительной частью остался в себе. Он думал, что отсюда – длительность его литературной жизни и черепашьям ходом нарастающее лучшее: чем дольше он пишет, тем лучше, потому что, постепенно умнея в слове своем, выходит с этим опытом в люди (Пришвин, 2013b, с. 674).

Особенности творчества Пришвина связаны с его собственными переживаниями, непосредственным участием в жизни, христианским «подтекстом», приближением к человеческой личности, решением цельной личности, реализмом, они и есть реализация концепции личности Пришвина.

Метод изучения «любовным вниманием» Пришвина

Некоторые исследователи в Китае отметили метод Пришвина «родственное внимание» и, возможно, не изучали материалы дневников Пришвина или не обратили внимания на его исправления и дополнения.

По мнению Пришвина, существуют методы изучения умом, но еще нет методов изучения «любовью» (родственным вниманием, как Пришвин раньше отмечал), как он называл это свое чувство (личной привязанности), такое сильное, что открывалось ему во всем его существе (Пришвин, 2009b, с. 769).

Пришвин считал, что способность художника видеть мир означает бесконечное расширение обычной способности всех людей к «родственному вниманию». Пределы этого родственного внимания бесконечно расширяются посредством искусства, этой способности особо одаренных людей, художников, видеть мир с лица. Он находит свою скромную задачу сближения, родственного внимания, имеющего общие корни с первобытным анимизмом (Пришвин, 2009b, с. 250).

По мнению Пришвина, каждый «сам-человек» содержит свою индивидуальность, и надо обладать родственным вниманием, чтобы уметь отличать в каждом свойственную ему индивидуальность, т. е. именно самого человека (Пришвин, 2010b, с. 38). Он считал, что нужно побольше укрепляться в силе родственного внимания, обращенного к тварям земным, вглядываться в каждую мелочь отдельно и отличать одну от другой, узнавать личность в каждом мельчайшем даже живом существе, выводить из общего, показывать, собирать миллионы их, и весь этот великий Собор живых выводить на борьбу против Среднего Должного. По его мнению, не надо думать долго, а надо смотреть внутренним глазом и открывать (Пришвин, 2012a, с. 535).

То бескорыстное чувство и мысль, с которой художники, вопреки всему, смотрят на природу, Пришвин раньше называл «родственным вниманием» и чувствовал всегда недостаточность этого понятия, всегда ему казалось, что внимание, пусть и родственное, таит за собой нечто его определяющее и направляющее. Позже он решил, что это особое состояние духа, которое называется празднолюбием. «Смутное же сознание, что есть какие-то способы управления родственным вниманием для творчества этим празднолюбием проясняется: это есть то самое, чем создает верующий человек себе праздники» (Пришвин, 2012b, с. 432).

Пришвин называл эту мысль о творческой силе сосредоточенного внимания родственным вниманием. Немного его сбивало определение «родственное» тем, что оно повторяется не совсем в том значении в биологии («химическое сродство») и в быту. Он хотел этим понятием «родственное» определить ту силу, связывающую в один луч все разбегающиеся в разные стороны лучики внимания человека. Он исправил свою формулировку: «не родственное надо бы сказать, а любовное внимание» (Пришвин, 2013a, с. 435).

Итак, все приемы для нахождения любовного внимания состоят в том, чтобы отвести в сторону, освободить себя от рассудочного волевого внимания. Для того-то вот так и полезно художнику действовать в природе, охотиться, рыбу ловить, грибы собирать, чтобы отвести от себя обычное рабочее внимание и остаться с любовным, праздничным. Это способ освобождения любовного праздничного внимания от рассудочно-рабочего. Следуют выступать, чтобы не подменяли творческие единицы среднеарифметическими единицами масс (Пришвин, 2013a, с. 437). По мнению Пришвина, божественное олицетворение (творчество), которое мы видим в природе, посредством усиления родственного (точнее, любовного) внимания в человеке действует как искусство. Это искусство, действующее из единого источника («весь человек»), и является силой олицетворения, распределяющей народное добро (Пришвин, 2014, с. 63).

Пришвин иногда возвращался к термину «родственное внимание», давал ему другое название: «поведение», «любовь». «...душа поэта – перед тем как написать стихотворение, непременно должен прилететь ангел. В поисках источника поэзии я долго называл это состояние души поэта родственным вниманием. Но исследуя природу этого внимания, желая это внимание сцепить с сознанием, волей, личностью, я стал называть его поведением» (Пришвин, 2014, с. 417). «Всякий человек с малолетства ищет в природе то, что определяет самого человека в мире природы, а именно незаменимость единственного (личность). И когда человек действительно находит в природе дерево, птицу, собаку, живое личное существо, он создает о нем миф и утверждает тем самым человека в природе. Этим путем я шел в своем писательстве, и мой метод такого изучения природы мои читатели поняли, как любовь, как усилие человека сделать с природой то самое, что сделало его существом милосердным» (Пришвин, 2014, с. 671).

Вот в чем нашел Пришвин приемы для нахождения любовного внимания, и в познании личности и заключается его метод изучения «любовью». Он выступал против Среднего Должного, среднеарифметических единиц масс. Для таких действий подходящими средствами выражения были очерк и сказка.

Сказка – средство выражения Пришвина

Пришвин придерживался своей концепции личности и нашел средства для ее выражения: по его формулировке, сначала это был очерк, потом он уточнил, что всю жизнь писал сказку. Такая точка зрения в настоящее время еще не принята большинством китайских исследователей. Некоторые ученые указали, что стиль Пришвина похож на эпиграммы и афоризмы, упуская мнение самого Пришвина по этому поводу.

Очерк близок к «жизни»

Пришвин более четверти века (1905–1931) своей литературной деятельностью посвятил очерку. У него был роман, множество рассказов и литературных новелл, пьеса для чтения и поэма. Он пытался доказать, что роман, рассказы, пьесы и поэмы являются очерками, насыщенными поэтическим содержанием (Пришвин, 2006, с. 152). По нашему мнению, можно так суммировать его мотивировку. Во-первых, очерк – эта начальная литературная форма, «годы странствий» поэта (Пришвин, 2006, с. 154). И естественно, это «годы охоты и путешествий» Пришвина по России. Во-вторых, очерк – это литературная форма, ближайшая к опыту, как научному, так и бытовому. Огромная масса исследовательского материала заключается в очерках научных и бытовых, форма очерка является посредствующей между жизнью и творчеством (Пришвин, 2006, с. 156). Очерк является промежуточной литературной формой, в которой поэтический локомотив эпоса или же лирики тянет за собой грузовой поезд с научным или эпическим содержанием. В-третьих, очерк отличается от рассказа близостью к «жизни» (Пришвин, 2006, с. 177), а не отсутствием сюжета. Можно назвать много очерков сюжетных, если понимать сюжет в смысле ритмической связи всего произведения. Литературная деятельность Пришвина была культивированием формы очерка. Он сделал обзор всех своих написанных произведений за 25 лет от первого очерка в 1905 году, кончая единственным романом, который можно считать огромным очерком собственной жизни, а в книге «Журавлиная родина» Пришвин сознательно брал форму романа, ломал ее и делал очерк (Пришвин, 2006, с. 179).

Переформулировка очерка в сказку

Принцип Пришвина заключается в том, чтобы вкладывать в произведение ту часть своего «я», которая бывает и у других, отчего читатель принимает это «я» за свое собственное. Значит, это «я» в значении общего, личности. Всякая деталь должна являться из момента встречи всей личности художника с материалом, деталь – это момент вечного (Пришвин, 2009b, с. 239). Для культуры очерка не надо сложных рассуждений о форме, приводящих к схоластике, для нее нужна этическая культура, нужно сделать так, чтобы в обществе заговорила совесть (Пришвин, 2009b, с. 755).

«1937 был вершинной точкой в ддящемся перевороте Пришвина от революции к себе, когда “к себе” стало означать для него к “Христу”. С середины 20-х гг., особенно в 30–50-е гг. определяющими станут для него понятия “легенда”, “сказка”, “мифичность”» (Николаев, 2000, с. 574).

Пришвин в дневниках после 1942 г. переформулировал свое высказывание по очерку, назвал свое произведение сказкой. «Будьте как дети» Спасителя указывает, что Он именно детскую радостную игру считал источником добра, а не фарисейскую мораль добрых полезностей. Ребенок о пользе не думает, а всю жизнь потом пользуется счастьем детской игры своей и, наверно, если делает людям добро, то пользуется все тем же источником своего детства, игрой (Пришвин, 2012b, с. 540). По мнению Пришвина, добро – это мы, красота – это Я. Прямой путь всех к добру – это «будьте как дети». Но путь к добру (мы) в красоте каждого избранника не предсказан, и вот именно свое собственное определение этого пути к добру в красоте и определяет путь человека, его Я, его личность (Пришвин, 2012b, с. 542). Истинная победа должна явиться через личность, узнавшую свободу в исполненном долге. Эта свободная личность играет тем, над чем мучились ее предки, эта личность в существе своем есть дитя. И в словах «будьте как дети» предначертан путь творчества (Пришвин, 2013а, с. 682).

Сказка в понимании Пришвина

Сказка – это связь между временами

Пришвин считал, что сказка – это связь между временами. Он мотивировал это своим опытом жизни: в благодарности матери рождается потребность связать его счастье (проходящее) с вечно-

стью будущего, и он создал для этого сказку, в которой возвеличивал своих предков-богатырей (эпос), освящал родную землю своими молитвами (лирика) и тем, упираясь в настоящее, поднимал и прошлое как мост в будущее. И все это творчество связи между временами он называл сказкой (Пришвин, 2013а, с. 682). И это его широкое понимание сказки было связано с его пониманием личности.

Сказка – это сила личности в борьбе с бездушным механизмом

Пришвин считал, что человек борется с каким-то поглощающим его механизмом, и вот эту-то силу, возникающую у человеческой личности в борьбе с бездушным механизмом, Пришвин назвал сказкой в самом широком смысле слова. В этой сказке содержится и песня, песня в этом смысле есть музыкальная сказка, сама сказка есть песня, в которой песенный ритм трансформирован в сказочный сюжет (Пришвин, 2013а, с. 689). Сказку Пришвин понимал как явление ритма, сюжет сказки с этой точки зрения есть не что иное, как трансформация ритма. Это можно иллюстрировать из его опыта создания сказки «Кладовая солнца». Так, он понимал сказку в самом широком поэтическом смысле слова и в то же время узком: сказку, не подчиненную поэтическому ритму, он исключал (Пришвин, 2013а, с. 697).

Эту точку зрения Пришвин объяснил на примере своего творчества: он начал свой литературный путь записыванием сказок на севере, его первым учителем литературы был русский народ. По образованию своему он был натуралистом, а не физиологом. Благодаря этому при записи сказок он имел довольно внутренней свободы, чтобы по этим народным устным сказкам складывать свою собственную сказку. Перед ним открылось тогда два мира в отношении сказки: в обществе таких поэтов и писателей, как Блок, Мережковский и другие, и там – в лесах, где душа его соединилась с народной сказкой. Третьим его учителем была нужда (необходимость охранять свою сказку борьбой за существование, работой в газетах). Этот участок был тем механизмом, Кашеем, с которым вступил в борьбу его Иван-царевич (Пришвин, 2013а, с. 691). Сказка в самом широком смысле слова есть живая вода личности, выходящей из вечного повторения механизма мертвой воды. Литературная жизнь Пришвина – это как попытка создать свою сказку – личное дело против механизации повести и рассказа (Пришвин, 2013а, с. 693).

Правдивая сказка Пришвина

Первым произведением Пришвина, «Колобком», было описание его путешествия на север в 1905 году. В этой книге Пришвина ведет по суше и воде севера сказочный веселый колобок, представляющий собой средоточие бессмертной радости жизни. Пришвин «все 40 лет литературной деятельности шел за своим Колобком» (Пришвин, 2013а, с. 312).

Внутри кажущегося очерка и рассказа Пришвина таится цель написать правдивую сказку (напр. «Кладовая солнца»). Пришвин 40 лет своего творчества был «на прокрустовом ложе очерка», он считал, что человек живет сказкой – это сила внутриатомной энергии. Ему хотелось раскрыть в форме сказки для детей, для читателей элементарнейшие и необходимейшие понятия нравственности человеческой: свободу и долг, поэзию и правду (Пришвин, 2013а, с. 660).

Пришвина увлекало создание правдивой сказки, народной в существе своем, но без традиционного народного мифа, и, как фольклор, интересной для всех возрастов. Созданная Пришвиным сказка является первым твердым шагом к построению правдивой народной сказки без традиционных отсылок к народному мифу. Личность – это индивидуально-общественный комплекс. Сказка есть связь или двух-трех поколений, как это происходит на севере, или индивидуума и общества, что и называется личностью.

Произведение Пришвина – это авторские сказки (Пришвин, 2014, с. 142). «Авторские сказки, вслед за фольклорными, выполняют две основные функции: развлекательную и воспитательную. Стержнем повествования авторской сказки становится морально-этическое представление автора о нормах жизни в повседневной реальности. Это и придает уже несколько столетий безусловную актуальность авторской сказке – обращенной сразу и к детям, и к взрослым» (Травникова, 2007, с. 150–160).

Обсуждение

Вопрос о роли личности в истории предстал перед Пришвиным не как догмат веры, а как личное переживание. Его сочинения являются попыткой определить самому как личности в

истории, а не просто как действующей или запасной части в механизме государства и общества. Таким образом, вопрос о роли личности в истории стал для него живым вопросом о своей роли в текущей жизни (Пришвин, 2013а, с. 381). В его дневниках и собрании сочинений люди узнали одну и ту же тему борьбы личности за право своего существования, существование личности есть смысл жизни и без этого смысла невозможно общество.

Пришвин считал, что прямая заявка личности на право своего бытия невозможна, потому что нет объективного нравственного критерия личности, и заявка личности является заявкой индивидуальности, т. е. всеобщего своеволия, вульгарного анархизма. Остается признать два параллельных процесса в постоянной борьбе: 1) процесс олицетворения как нравственного требования в самоопределении каждого (тут заключено творчество или производство в широком смысле), 2) процесс механизации или потребления и распределения, в котором субъект (каждый) превращается в объект (все) (Пришвин, 2013а, с. 382). Раз противоречия существуют, по логике диалектики будет и жизнь, и развитие, хотя он выступал против Маркса, считая, что «именно личность определяет историю...» (Пришвин, 2014, с. 95), настоящая Личность – это Христос. Пришвин сомневался в выражении «бытие определяет сознание» (Пришвин, 2014, с. 275).

Пришвин понимал «научный» материализм не как философское направление, а как детерминизм в отношении свободы субъекта, а идеализм как субъективизм. Размышление Пришвина над «личностью» дает полезный урок и китайцам. «Поведение или метод в искусстве – это система сигналов своей личности, себя самого, своей собственной души другой душе, как на другую планету. С другой стороны, душа человека вообще одна и сигналы какой-то души есть сигналы единства» (Пришвин, 2014, с. 337). Но устремление в будущее, в творчество святой среды никак не должно умалять личность, напротив, личность должна реализоваться в своем действии, т. е. создавать поведение (Пришвин, 2014, с. 354). «Так и вся система Маркса-Ленина стала бы каждому святым делом, если бы в нее ввести личность. Вот это я и делаю в своих писаниях, из-за этого не стареет моя литература, из-за этого все растет и растет мой читатель...» (Пришвин, 2016, с. 13).

Пришвин в борьбе своей за личность человека получал признание. Его борьба за личность имела успех потому, что он эту «личность» не из прошлого брал, не из буржуазной страны, а устанавливал себя конкретно в России, на своей земле, внутри революции, как реальность, в противовес отвлеченности. Так он понимал причину своего успеха и его право на признание (Пришвин, 2016, с. 104).

В процессе приспособления Пришвина к советской власти вышли его рассказы о природе, и в этом он реализовался как победитель, наряду с этим были и ошибки, он был отвергнут (и не случайно). На этом пути мало-помалу определялись категории его личного сознания и внешних требований. Исходная точка его личного нравственного сознания в том, что человеческая личность незаменима, а основополагающий тезис той стороны: личность можно заменить другой личностью, как сменную слепую шестерню (Пришвин, 2016, с. 147).

Пришвин содержал в себе драму художника, борьбу с Богом за себя, как личность божественную. И такое богоборческое поведение Пришвин пытался сделать всеобщим, вменить каждому человеку в основу его труда силу поэзии (Пришвин, 2016, с. 374). Качество вещей связано с личностью творческой, что творчество это обусловлено свободой. Значит, настоящий поэт есть свободная личность в своем поведении, плюс природное дарование (Пришвин, 2016, с. 447).

Пришвин доказал в отношении описания природы: личное прикосновение роднит со всякой, совершенно ему чуждой природой. Но на этом правильном пути он остался личностью непослушной, делал то, к чему он способен, что он любил, описывал природу, но не прославлял «преображение» природы в стройку, как приказывали (Пришвин, 2016, с. 460). Как справедливо отметили китайские исследователи, что именно в этом Пришвин опередил своих современников. Чувство личности («я») – это всё, исчезновение личного как конец истории, конец мира. Этому противопоставляется чувство безличного (прогресс, оптимизм и др.). По мнению Пришвина, оправдание движения – вот философия материализма. Наоборот, у идеалистов вера в чудо: личность действует чудом, масса – машиной (Пришвин, 2016, с. 461).

Мы считаем, что Пришвин колеблется между объективным и субъективным идеализмами (Пришвин, 2017, с. 195). По биографии Пришвина видно, что он от материалиста (Марксиста) стал идеалистом, ему ближе был объективный идеалист, Христос стал для него образцом жизни, иногда он выделял роль личности, невольно стал ближе позиции субъективного идеалиста (Пришвин, 2016, с. 502). По мнению марксиста, Пришвин неправильно разбирался в отношениях между сознанием и бытием. Например, он подчеркивал важность личности творческой, поставил на первое место личность, а не бытие по марксизму (Пришвин, 2016, с. 473). Важность личности творческой мы тоже не отрицаем, но она все-таки является вторичным фактором, бытие определяет сознание. Бытие является первичным фактором (Пришвин, 2016, с. 484).

Иногда Пришвин правильно указывал на недостатки тогдашнего общества. Например, он сказал, что в процессе диктатуры и проявляется закон незаменимости и незаменимости всякого живого существа (Пришвин, 2016, с. 495). Советский социализм был страшен тем, что необходимость повторения и продолжения обнажается, как машина. Каждый, кто не в силах выступить неповторимой личностью, обращается в машину (Пришвин, 2016, с. 503). В домашнем развитии марксизма человек как личность, как Слово исчезает в Деле (Пришвин, 2017, с. 164). Преодоление факта смерти: искусство, религия, – происходит главным образом лично (Пришвин, 2017, с. 175).

Пришвин иногда называл себя коммунистом в своем понимании, например: «я коммунизм свой беру не из книг и не от каких-нибудь умных людей, я беру коммунизм просто из леса в своем чувстве первичной материи» (Пришвин, 2016, с. 504, 520). Иногда он называл себя социалистом тоже в своем понимании: «Я социалист от рождения, но социалист, достигающий самоопределения личности» (Пришвин, 2016, с. 582).

Пришвин все-таки пытался выдвинуть свою философию: личность человека торжествует только в состоянии творчества смысла жизни, которое начинается от рождения и постепенно переходит в бессмертие и вечность. И все, о чем думал, чем обогащал в истории жизни человек человека, есть философия света (солнца) и тени (земли) (Пришвин, 2017, с. 178). Выход в личном поведении, в признании личности в человеке (Пришвин, 2017, с. 179). Чем крупнее личность, чем острее чувство свободы, тем необходимее собранность и заключенность всех в законе единства (Пришвин, 2017, с. 489). Реальность и практика заставляют людей согласиться с некоторыми выводами Пришвина.

В историко-философской традиции в целом обозначены экзистенциально-персоналистское и объективистско-социальное направления трактовки Я. Первое фокусирует внимание на внутреннем, духовном мире индивида. Второе ориентировано на трактовку Я в качестве элемента объективно сложившейся социальной системы (Грицанов, 2001, с. 1249). Главная идея концепции личности Пришвина – это так называемый персонализм в философском смысле (Грицанов, 2001, с. 740), только это персонализм в несистематизированной разработке и образном, конкретном толковании Пришвина в России по своему опыту жизни и творчества, который еще не привлек внимание китайских исследователей. Экзистенциально-персоналистское направление трактовки Я Пришвина отличается своим любовным отношением к Тебе (Другому) в их диалоге (общении, или коммуникации) от философии постмодерна. «Однако есть базовые вещи, константы, которые даже постмодернистскому сознанию не под силу изменить. Рождение и смерть, любовь и ненависть, война и мир, своё и чужое и т. п. Сказка говорит именно об этих константах, оттого она и сохраняет свою актуальность по сей день. Сказка – это рассказ на все времена» (Люттоли, 2023).

Вывод

Мы считаем, что так называемая экологическая литература Пришвина – это всего лишь его медикамент для утверждения своей личности. Глубокое содержание его работ заключается в выделении личности и осознании ценности человека. Существует внутренняя взаимосвязь между концепцией личности Пришвина и ее выражением средствами сказки.

Концепция личности Пришвина является одним из основных взглядов его мировоззрения, из чего проистекают его творческие секреты, его средства выражения. С одной стороны (поверхностной), родная земля, родной народ, с другой стороны (глубинной), личность остаются неиз-

менной темой Пришвина, темой жизни, к которой он подходит как агроном, этнограф, фольклорист и писатель. «Вся моя жизнь с колыбели была борьбой за свою личность, это моя тема и как писателя» (Пришвин, 2014, с. 119).

Множество написанных Пришвиным охотничьих и детских рассказов несут на себе явный отпечаток приемов народного творчества, но он не прямо указал их происхождение, не пользуясь народными мифами. Можно сказать, что все его произведения являются попыткой удостоверить читателя, что сказки необязательно связаны с мифами прошлого народного творчества, но что и собственный миф Пришвина, имеющего дело с современной действительностью, может обогащать человека волшебными сказками (Пришвин, 2013b, с. 39). Эта сказка (иначе говоря, мечта) обещает человеку бессмертие личности (Пришвин, 2013b, с. 290).

Источники

- Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Минск, Интерпрессервис; Книжный дом. 2001. 1280 с.
- Люттоли (Луи Бриньон) (2023) Сказка и постмодерн (окончание). https://shkola-avtorov.ru/master_klass/9-7-skazka-i-postmodern-okonchanie.html (дата обращения 2023.02.22)
- Михайлов М. И. (2002) От индивида – к личности. Человек. № 4, с. 188–192.
- Николаев П. А. (2000) Русские писатели XX века: биографический словарь. М., Большая Российская энциклопедия, 808 с.
- Подоксенов А. М. (2008) Михаил Пришвин и Фридрих Ницше. Человек, № 5, с. 74–89.
- Подоксенов А. М. (2011) Михаил Пришвин и Николай Лосский. Человек, № 5, с. 143–156.
- Пришвин М. М. (1995) Дневники: Книга третья. Дневники 1920–1922 гг. М., Московский рабочий, 334 с.
- Пришвин М. М. (2003) Дневники. 1926–1927. М., Русская книга, 592 с.
- Пришвин М. М. (2004) Дневники. 1928–1929. М., Русская книга, 544 с.
- Пришвин М. М. (2006) Дневники. 1930–1931. Книга седьмая. СПб., Росток, 704 с.
- Пришвин М. М. (2007) Дневники. 1914–1917. СПб., Росток, 608 с.
- Пришвин М. М. (2008) Дневники. 1918–1919. СПб., Росток, 560 с.
- Пришвин М. М. (2009a) Дневники. 1923–1925. СПб., Росток, 559 с.
- Пришвин М. М. (2009b) Дневники. 1932–1935. Книга восьмая. СПб.: Росток, 1008 с.
- Пришвин М. М. (2010a) Дневники. 1936–1937. СПб., Росток, 992 с.
- Пришвин М. М. (2010b) Дневники. 1938–1939. СПб., Росток, 608 с.
- Пришвин М. М. (2012a) Дневники. 1940–1941. М., Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 880 с.
- Пришвин М. М. (2012b) Дневники. 1942–1943. М., Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 813 с.
- Пришвин М. М. (2013a) Дневники. 1944–1945. М., Новый Хронограф, 944 с.
- Пришвин М. М. (2013b) Дневники. 1946–1947. М., Новый Хронограф, 968 с.
- Пришвин М. М. (2014) Дневники. 1948–1949. М., Новый хронограф, 824 с.
- Пришвин М. М. (2016) Дневники. 1950–1951. СПб., Росток, 736 с.
- Пришвин М. М. (2017) Дневники. 1952–1954. СПб., Росток, 832 с.
- Травникова Е. Г. (2007) Современная авторская сказка. Человек, № 5, с. 150–160.
- 郭利 [Го Ли] (2004) 普里什文及其创作. 俄语 [Пришвин и его творчество. Русский язык], № 1, с. 55–57.
- 刘文飞 [Лю Вэньфэй] (2012) 普里什文的思想史意义. 外国文学评论 [Значение Пришвина в идеологической истории. Обзор иностранной литературы], № 1, с. 162–174.
- 普里什文 [Пришвин] (1988) 茹香雪译. 普里什文动物散文选. 长沙: 湖南少年儿童出版社, 100页. [Избранная проза о животных. В пер. Ру Сянсюэ. Чанша: Хунаньское детское издательство], 100 с.
- 普里什文 [Пришвин М. М.] (2005) 普里什文文集 (5卷) [Собрание сочинений Пришвина. В 5 т.]. Ухань: Издательство литературы и искусства «Чанцзян».
- 若焱 [Руо Янь] (1993) 普里什文的秘密日记. 苏联文学联刊 [Тайные дневники Пришвина. Литературный журнал советского союза], no. 5, с. 37–39.
- 许贤绪 [Сюй Сяньсюй] (1987) 当代苏联生态文学. 中国俄语教学 [Экологическая литература современного советского Союза. Преподавание русского языка в Китае], no. 1, с. 55–58.
- 杨怀玉 [Ян Хуайюй] (2002) 一份写给心灵的遗嘱 — 普里什文研究概论. 国外文学 [Завещание, написанное для души – Введение в исследование Пришвина. Зарубежная литература], № 1, с. 117–121.
- 杨琳 [Ян Линь] (2015) 论普里什文哲理散文中的生态文学思想与猎人情结. 江南大学学报 (人文社会科学版) [Об экологической литературной мысли и комплексе охотника в философской прозе Пришвина. Вестник Университета Цзяннань (Издание гуманитарных и социальных наук)]. Выпуск 3, с. 115–118.

References

- Gritsanov A. A. Noveyshiyy filosofskiy slovar' [The newest philosophical dictionary]. Minsk, Interpresservice; Book House, 2001, 1280 p. (In Russian).
- Guō Lì (2004) Pǔ lǐ shén wén jí qí chuàngzuò. Èyǔ. [Prishvin and his work. Russian language], no. 1, pp. 55–57 (In Chinese).

- Liú Wénfēi (2012) Pǔ lǐ shén wén de sīxiǎng shǐ yìyì. Wàiguó wénxué pínglùn [The significance of Prishvin in ideological history. Review of foreign literature], no. 1, pp. 162–174 (In Chinese).
- Luttoli (Louis Brignon) (2023) Skazka i postmodern (okonchaniye) [Fairy tale and postmodern (ending)]. URL: https://shkola-avtorov.ru/master_klass/9-7-skazka-i-postmodern-okonchanie.html (In Russian).
- Mikhailov M. I. (2002) Ot individa – k lichnosti [From the individual to the individual]. Human, no. 4, pp. 188–192 (In Russian).
- Nikolaev P. A. (2000) Russkiye pisateli XX veka: biograficheskiy slovar' [Russian writers of the XXth century: biographical dictionary]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia, 808 p. (In Russian).
- Podoksenov A. M. (2008) Mikhaíl Prishvin i Fridrikh Nitsshe [Mikhail Prishvin and Friedrich Nietzsche]. Human, no. 5, pp. 74–89 (In Russian).
- Podoksenov A. M. (2011) Mikhaíl Prishvin and Nikolai Lossky [Mikhail Prishvin i Nikolay Losskiy]. Human, no 5, pp. 143–156 (In Russian).
- Prishvin M. M. (1995) Dnevnik: Kniga tret'ya. Dnevnik 1920–1922 gg [Diaries: Book Three. Diaries of 1920–1922], Moscow, Moscow Worker, 334 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2003) Dnevnik. 1926–1927 [Diaries. 1926–1927]. Moscow, Russian book, 592 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2004) Dnevnik. 1928–1929 [Diaries. 1928–1929]. Moscow, Russian Book, 544 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2006) Dnevnik. 1930–1931. Kniga sed'maya [Diaries. 1930–1931. The seventh book]. St. Petersburg, Rostock, 704 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2007) Dnevnik. 1914–1917 [Diaries. 1914–1917]. St. Petersburg, Rostock, 608 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2008) Dnevnik. 1918–1919 [Diaries. 1918–1919]. St. Petersburg, Rostock, 560 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2009a) Dnevnik. 1923–1925 [Diaries. 1923–1925]. St. Petersburg: Rostock, 559 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2009b) Dnevnik. 1932–1935. Kniga vos'maya [Diaries. 1932–1935. The eighth book]. St. Petersburg, Rostock, 1008 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2010a) Dnevnik. 1936–1937 [Diaries. 1936–1937]. St. Petersburg, Rostock, 992 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2010b) Dnevnik. 1938–1939 [Diaries. 1938–1939]. St. Petersburg, Rostock, 608 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2012a) Dnevnik. 1940–1941 [Diaries. 1940–1941]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 880 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2012b) Dnevnik. 1942–1943 [Diaries. 1942–1943]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 813 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2013a) Dnevnik. 1944–1945 [Diaries. 1944–1945]. Moscow, New Chronograph, 944 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2013b) Dnevnik. 1946–1947 [Diaries. 1946–1947]. Moscow, New Chronograph, 968 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2014) Dnevnik. 1948–1949 [Diaries. 1948–1949]. Moscow, New chronograph, 824 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2016) Dnevnik. 1950–1951 [Diaries. 1950–1951]. St. Petersburg, Rostock, 736 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2017) Dnevnik. 1952–1954 [Diaries. 1952–1954]. St. Petersburg, Rostock, 832 p. (In Russian).
- Pūlishénwén (1988) Rú xiāngxuē yì. Pǔ lǐ shén wén dòngwù sānwén xuān [Prishvin. (Translated by Ru Xiangxue) Selected prose about animals]. Changsha: Hunan Children's Publishing House, 100 p. (In Chinese).
- Pūlishénwén (2005) Pǔ lǐ shén wén wénjí (5 juǎn) [Prishvin M. M. Collected works of Prishvin (5 vols.)]. Wuhan: Publishing House of Literature and Art “Changjiang” (In Chinese).
- Ruò Yàn (1993) Pǔ lǐ shén wén de mìmì rìjì. Sūlián wénxué lián kān [The Secret Diaries of Prishvin. Literary magazine of the Soviet Union], no. 5, pp. 37–39. (In Chinese).
- Travnikova E. G. (2007) Sovremennaya avtorskaya skazka [A modern author's fairy tale]. Human, no. 5, pp. 150–160 (In Russian).
- Xū Xiánxù (1987) Dāngdài sūlián shēngtài wénxué. Zhōngguó èyǔ jiàoxué [Ecological literature of the modern Soviet Union. Teaching Russian in China], no. 1, pp. 55–58 (In Chinese).
- Yáng Huáiyù (2002) Yī fèn xiě gěi xīnlíng de yìzhǔ – pǔ lǐ shén wén yánjiū gàilùn. Guówài wénxué [A Testament Written for the Soul – An Introduction to Prishvin's research. Foreign literature], no. 1, pp. 117–121 (In Chinese).
- Yáng Lín (2015) Lùn pǔ lǐ shén wén zhélǐ sānwén zhōng de shēngtài wénxué sīxiǎng yǔ lièrén qíngjié. Jiāngnán dàxué xuébào (rénwén shèhuì kēxué bǎn) [On ecological literary thought and the hunter complex in Prishvin's philosophical prose. Bulletin of Jiangnan University (Edition of Humanities and Social Sciences)]. Issue 3, pp. 115–118 (In Chinese).

Информация об авторе

Ян Минтянь

Профессор, доктор Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика.
E-mail: shangwaie@163.com; yangfeodor@yandex.ru

Autor's information

Yang Mingtian

Professor, PhD, Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China.
E-mail: shangwaie@163.com; yangfeodor@yandex.ru

А. В. Савченков^{1✉}, Н. В. Уварина¹

✉ alex2107@mail.ru

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Закономерности подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности

Аннотация: Подготовка будущих педагогов к осуществлению воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях в первую очередь подразумевает формирование необходимых для ее осуществления качеств личности. Сформированные в ходе обучения в вузе личностные качества будущих педагогов в дальнейшем будут транслироваться студентам профессиональных образовательных организаций и станут основой для развития у них «гибких навыков», столь необходимых для эффективного осуществления будущей профессиональной деятельности. Концепция подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности представлена как целостная, структурированная и целенаправленная система знаний, которая всесторонне и полно раскрывает содержательное наполнение процесса подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях. Ядром концепции выступает система закономерностей, построенная с учетом возрастных особенностей и социального портрета студентов профессиональных образовательных организаций, выявленных негативных и позитивных тенденций воспитания в профессиональном образовании. Методологическую основу исследования составили системный, аксиологический, контекстный, нуклеарный и личностно ориентированный подходы; структурный подход к изучению личности С. Л. Рубинштейна, концепция необходимости подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности.

Ключевые слова: концепция, закономерность, педагоги профессионального обучения, воспитательная деятельность, гибкие навыки, профессиональная устойчивость, виртуальные формы воспитания.

Дата поступления статьи: 17 ноября 2022 г.

Для цитирования: Савченков А. В., Уварина Н. В. (2023) Закономерности подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 120–130. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.12.

Scientific article

А. В. Savchenkov^{1✉}, N. V. Uvarina¹

✉ alex2107@mail.ru

¹South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

Regularities of preparation of future teachers of professional training for the implementation of educational activities

Abstract: The preparation of future teachers for the implementation of educational activities in professional educational organizations primarily implies the formation of the personality qualities necessary for its implementation. The personal qualities of future teachers formed in the course of studying at a university will be transmitted to students of professional educational organizations in the future and will become the basis for developing their “softskills”, which are so necessary for the effective implementation of future professional activities. The concept of preparing future teachers of vocational training for the implementation of educational activities is presented as a holistic, structured and purposeful system of knowledge that comprehensively and fully reveals the content of the process of preparing future teachers for educational activities at professional educational organizations. The core of the concept is a system of regularities, built taking into account the age characteristics and social portrait of students in professional educational organizations, and

identified negative and positive trends of education in professional education. The methodological basis of the study was systemic, axiological, contextual, nuclear and person-oriented approaches; structural approach to the study of personality by S. L. Rubinshtein, the concept of the need to prepare future teachers for educational activities.

Keywords: concept, regularity, teachers of vocational training, educational activities, coexistence, soft skills, professional stability, virtual forms of education.

Paper submitted: November 17, 2022.

For citation: Savchenkov A. V., Uvarina N. V. (2023) Regularities of preparation of future teachers of professional training for the implementation of educational activities. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 120–130. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.12.

Введение

Постоянные социально-экономические изменения, коренная смена смысложизненных и ценностных ориентиров молодежи приводят к возрастанию значимости воспитательного компонента образования. Проводимые в системе образования реформы приоритетно были направлены на повышение качества обучения, в меньшей степени – на воспитательную миссию образовательного процесса. В связи с этим проблема снижения роли воспитания становится особенно актуальной для среднего профессионального образования, так как именно преподаватели техникумов и колледжей работают с одним из самых сложных контингентов обучающихся (юношеский максимализм, нигилизм, различные проявления девиантного поведения, дети из асоциальных семей и т. д.). Данный факт обуславливает особые требования к подготовке будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях (Савченков, 2021).

В связи с вышесказанным подготовка будущих педагогов к осуществлению воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях в первую очередь подразумевает формирование необходимых для ее осуществления качеств личности. Сформированные в ходе обучения в вузе личностные качества будущих педагогов в дальнейшем будут транслироваться студентам профессиональных образовательных организаций и станут основой для развития у них «гибких навыков», столь необходимых для эффективного осуществления будущей профессиональной деятельности. Наличие определенных личностных качеств способствует формированию у будущих педагогов профессиональной позиции воспитателя, ценностного отношения к воспитательной деятельности и потребности в ее осуществлении (Савченков, 2021).

Задачи, стоящие перед средним профессиональным образованием, невозможно решить без создания в профессиональных образовательных организациях воспитательной системы, основывающейся на целостной, научно обоснованной стратегии подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях. При разработке такой стратегии важно учитывать тенденции развития общества и образования, а именно: трансформацию качеств личности молодого поколения, общую стратегию цифрового образования, возможности электронной образовательной среды и цифровой дидактики и др. При разработке стратегии необходимо опираться на профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» и федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения (ФГОС 3++) «Педагог профессионального обучения (по отраслям)», в которых отражены специфика и значимость воспитательной деятельности педагога профессионального обучения, а также дуальный характер (получение рабочей профессии и педагогического образования) его подготовки в вузе (Савченков, 2021).

Концепция подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности представлена как целостная, структурированная и целенаправленная система знаний, которая всесторонне и полно раскрывает содержательное наполнение процесса подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях. Ядром концепции выступает система закономерностей, постро-

енная с учетом возрастных особенностей и социального портрета студентов профессиональных образовательных организаций, выявленных негативных и позитивных тенденций воспитания в профессиональном образовании (Савченков, 2021).

Обзор литературы

С целью разработки авторской научной концепции подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности мы проанализировали взгляды различных авторов на данную проблему (Бабаева, 2018; Бондарева, 2014; Коровяковский, 2019; Яковлев, Яковлева, 2006; 2010; и др.).

Для начала определимся с содержанием термина «концепция». В педагогике концепция рассматривается как система идей, взглядов, целевых установок, приоритетных направлений образовательной деятельности (Коровяковский, 2019). Е. В. Яковлев и Н. О. Яковлева трактуют концепцию «как комплекс ключевых положений, всесторонне и в полной мере раскрывающих содержание, особенность и сущность процессов и явлений, их существование в действительности и практической деятельности» (Яковлев, Яковлева, 2006, с. 10).

В соответствии с современными научными представлениями под термином «концепция подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности» мы понимаем целостную, структурированную и целенаправленную систему знаний о подготовке будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности, которая всесторонне и полно раскрывает ее содержательное наполнение (Савченков, 2021).

Согласно классификации Т. А. Дмитриевой, разрабатываемая нами научная концепция относится к концепциям третьего уровня: она в обобщенном виде должна задать «горизонт размышлений», наметить базовую идею относительно подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях. Концепции данного уровня направлены на изменение практики, содержания плана действий, на эволюцию деятельности (Дмитриева, 1999). Принимая позицию Т. А. Дмитриевой и Н. С. Пурьшевой, мы считаем, что исследование, направленное на разработку педагогической концепции, должно быть реализовано в двух аспектах: стратегическом (обобщенное видение проблемы и ее решения) и понятийно-категориальном (разработка терминологического аппарата, определение категорий, выявление закономерностей) (Дмитриева, 1999; Пургина, 2015).

Любая научная теория включает положения, допущения, фундаментальные законы, аксиомы, которые, в свою очередь, составляют основу теоретических изысканий (Гнатышина, 2020; Тестов, 2017). В рамках статьи будет раскрыто ядро разрабатываемой концепции, которое составляют закономерности и принципы функционирования стратегии подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности. Закономерности и принципы позволяют оценить современное состояние проблемы, проследить динамику ее развития, привести в исследование данной проблемы что-то принципиально новое (Качалов, 2009).

Мы согласны с точкой зрения Е. В. Гнатышиной, что «ядро концепции стабильно по своей природе и изменения в нем коренным образом меняют структуру всего научного знания. Представление ядра любой научной теории является обязательным и чрезвычайно важным» (Гнатышина, 2020, с. 134). Таким образом, ядро концепции представляет собой сложную, динамическую, целенаправленную систему фундаментальных знаний о феномене подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности и готовности к ней как результате реализации стратегии подготовки. Ядро педагогической концепции «обеспечивает возможности теоретико-логического вывода всех ее положений» (Уварина, 2012, с. 34) и определяет специфику построения стратегии подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях (Корытков, 2018).

Одна из ключевых идей исследования состоит в том, что основной упор в ходе подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности необходимо делать на формирование у них личностных качеств, необходимых для успешного

выполнения данной деятельности. Разрабатываемая нами концепция направлена на создание условий для трансляции будущими педагогами нравственных и ценностных установок, личностных качеств и опыта, полученных в процессе обучения в педагогическом вузе, студентам профессиональных образовательных организаций. Таким образом, еще одна ключевая идея нашего исследования состоит в том, что сформированные в процессе подготовки личностные качества будущих педагогов будут транслироваться ими при осуществлении воспитательной деятельности студентам профессиональных образовательных организаций.

Отметим, что ядро концепции содержит идеи, «утверждающие право на вариативность, множественность, уникальность человеческих проявлений в реализации духовных и образовательных потребностей» (Столярчук, 2015, с. 143). Следовательно, подготовка будущих педагогов к воспитательной деятельности должна организовываться с учетом их интересов, склонностей, устремлений, способностей, личного жизненного опыта.

Ядро педагогической концепции является результатом научного исследования, оно призвано обеспечить эффективное оперирование изучаемым педагогическим феноменом в условиях современного высшего педагогического и среднего профессионального образования (Леопи и др., 2017).

Перейдем к характеристике закономерностей, входящих в состав ядра концепции подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности в ПОО. Но прежде всего остановимся на сущности понятия «закономерность». По мнению А. С. Белкина и Е. В. Ткаченко, закономерность – «это объективно существующая, повторяющаяся, существенная связь явлений общественной жизни или этапов исторического развития» (Белкин, Ткаченко, 2005, с. 114). Закономерности выступают результатом совокупности законов, отражая при этом связи и отношения, представленные в них (Уварина, 2012).

Стоит отметить, что педагогические закономерности обладают рядом особенностей:

- эластичность закономерностей: они осуществляются запутанным и приблизительным образом и им не свойственно усредненное состояние;
- действие одних закономерностей может проявляться на фоне других, и те, в свою очередь, могут оказать существенное влияние на них и на результат их функционирования;
- благодаря закономерностям возможно фиксировать устойчивость и происходящие изменения исследуемого феномена в течение не только короткого, но и достаточно длительного промежутка времени;
- закономерности позволяют выявить существенные признаки явления, выраженные в конкретных определениях и понятиях (Казаева, 2017; Корытков, 2018; Уварина, 2012).

Опираясь на исследования Е. В. Яковлева и Н. О. Яковлевой (Яковлев, Яковлева, 2010), Н. В. Увариной (Уварина, 2012), мы считаем, что педагогические закономерности первой группы можно отнести к закономерностям обусловленности (отражают внутренние и внешние факторы, оказывающие наибольшее влияние на исследуемый феномен), второй группы – к атрибутивным закономерностям (выявление содержательных характеристик исследуемого процесса и возможностей его развития), третьей группы – к закономерностям эффективности (повышение эффективности функционирования феномена, выявление условий его успешного функционирования).

Таким образом, нами будут выявлены объективные и субъективные устойчивые связи между педагогическими явлениями, входящими в содержание разрабатываемой стратегии подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности. Благодаря этому появится возможность увидеть возможные противоречия изучаемого процесса и его последующей реализации в профессиональных образовательных организациях, что позволит найти пути разрешения данных противоречий (Савченков, 2021).

Методы

Методологическую основу исследования составили системный (И. В. Блауберг, Ю. К. Бабанский, Ю. А. Конаржевский и др.), аксиологический (И. А. Абакумова, М. В. Богуславский, М. С. Каган, В. А. Караковский, А. В. Кирьякова и др.), контекстный (А. А. Вербицкий, Д. Ф. Ильясов, С. В. Тарасов,

З. И. Тюмасева, И. Г. Шендрик, В. А. Ясвин и др.), нуклеарный (А. В. Барсукова, В. И. Долгова, О. И. Рубан, О. А. Шумакова и др.) и личностно ориентированный подходы (Н. А. Алексеев, Е. В. Бондаревская, В. В. Сериков, И. С. Якиманская и др.); структурный подход к изучению личности С. Л. Рубинштейна, концепция необходимости подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности (А. Н. Ткачева и др.). Методы исследования: анализ теоретической и нормативно-правовой литературы, обобщение, формулировка выводов, анализ практического опыта.

Результаты

Предложенные ниже закономерности выявлены с опорой на проанализированные концепции и теории, с учетом современных требований к воспитательной деятельности и образовательному процессу профессиональных образовательных организаций в целом, требований к личности педагога профессионального обучения, результатов апробации стратегии подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности.

Перейдем к рассмотрению закономерностей подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях.

Процесс подготовки к воспитательной деятельности в вузе проецируется на реальную воспитательную деятельность в профессиональных образовательных организациях (атрибутивная закономерность). Воспитательная деятельность в профессиональных образовательных организациях имеет профессиональную направленность, включает педагогическую поддержку и профессиональную социализацию обучающихся, поэтому подготовка будущих педагогов к такой деятельности характеризуется социальной ориентацией: в ходе участия в социально полезной деятельности у студентов развивается социально активная позиция, которая впоследствии транслируется обучающимся в профессиональных образовательных организациях. Готовность будущих педагогов к реализации педагогической поддержки обучающихся формируется в процессе их участия в волонтерском движении и других социально значимых мероприятиях (помощь ветеранам и людям с ограниченными возможностями здоровья, совместная деятельность с обучающимися подведомственных профессиональных образовательных организаций и общеобразовательных школ и т. д.).

Таким образом, готовность будущих педагогов к осуществлению воспитательного процесса включает его профессиональную направленность в профессиональных образовательных организациях, педагогическую поддержку и профессиональную социализацию студентов профессиональных образовательных организаций и должна формироваться в диалектическом единстве и взаимосвязи в ходе учебной и внеучебной целенаправленной воспитательной деятельности в вузе.

Процесс производственной практики включает упорядоченную систему наставничества (атрибутивная закономерность). Специфику профессионального воспитания будущие педагоги осваивают во время прохождения производственной практики на предприятии (у педагогов профессионального обучения бинарная специализация и, помимо педагогической, они осваивают еще и рабочую профессию) и совместной деятельности с наставниками со стороны предприятия во время производственной практики (Gjedia, Gardinier, 2018; Kokkinos, Stavropoulos, 2016). Посредством наставничества у будущих педагогов формируются способности выстраивать эффективное взаимодействие в трудовом коллективе, они усваивают его нормы и традиции. Будущие педагоги выступают в роли наставников на старших курсах обучения в вузе, помогая первокурсникам адаптироваться к условиям вуза, организовать воспитательные мероприятия и т. д.

Таким образом, у будущих педагогов профессионального обучения благодаря наставничеству формируется ценностное отношение как к педагогической, так и к рабочей профессии, что в дальнейшем позволит им формировать у обучающихся профессиональных образовательных организаций ценности производственной деятельности. Будущие педагоги получают опыт наставнической деятельности, который впоследствии проецируют на воспитательную деятельность в профессиональных образовательных организациях, реализуя функции педагогической поддержки и профессиональной социализации обучающихся.

Готовность к воспитательной деятельности обеспечивается диалектическим единством гибких и устойчивых качеств личности будущих педагогов (атрибутивная закономерность). Основой (ядром) готовности к воспитательной деятельности выступают профессиональная устойчивость и профессиональная гибкость будущих педагогов. Устойчивые компоненты готовности позволяют выполнять воспитательную деятельность на высоком уровне результативности, длительно и без срывов. Гибкие компоненты дают возможность будущим педагогам изменять в случае необходимости стратегию профессионального поведения, оставаться открытым для информации извне, адаптироваться к условиям внешней неопределенности. Благодаря этой взаимосвязи поведение будущего педагога характеризуется высокой устойчивостью и гибкой реакцией на внешние воздействия (контингент обучающихся, общая неопределенность воспитательной среды и т. д.) и в то же время гибко реагирует на постоянно изменяющиеся условия образовательной среды профессиональных образовательных организаций, общую ситуацию неопределенности в обществе, появление инновационных средств и методов воспитательной работы (Cuenca, 2017; Darling-Hammond et al., 2019).

Таким образом, именно диалектическое единство устойчивых и гибких качеств личности обеспечивает готовность будущих педагогов к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях.

Возможности виртуальных форм воспитания в профессиональных образовательных организациях реализуются при создании виртуальной воспитательной среды в вузе (закономерность обусловленности). Виртуальная среда стала для современных молодых людей параллельной реальностью, им гораздо легче общаться, выстраивать отношения в виртуальном пространстве, которое оказывает огромное влияние на их поведение и жизнь в целом. Поэтому воспитательная деятельность должна осуществляться не только в среде образовательной организации, но и в виртуальном пространстве. Виртуальные формы воспитательной деятельности стали еще более актуальными на фоне пандемии COVID-19, когда не было возможности организовать их в реальности. В рамках системы подготовки к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях учтены различные аспекты воспитательной среды вуза, направленные на формирование готовности будущих педагогов к реализации виртуальных форм воспитания. Только получив опыт участия в воспитательной работе в виртуальной среде (воспитательные интернет-фестивали, воспитательные блоги, онлайн-консультации по вопросам организации воспитательных мероприятий и т. п.), будущие педагоги будут готовы к использованию виртуальных технологий в воспитательной деятельности с обучающимися профессиональных образовательных организаций и у них сформируется ценностное отношение к ним (Lee et al., 2016; Lillgea, 2020).

Таким образом, реализация будущими педагогами виртуальных форм воспитания в профессиональных образовательных организациях будет эффективной при условии создания виртуальной воспитательной среды в вузе (медиаотека воспитания, интерактивная мастерская воспитателя, виртуальный воспитательный кабинет будущего педагога, портфолио воспитательных и общественных достижений и т. д.).

Успешность осуществления будущими педагогами воспитательной деятельности зависит от двух факторов: от их способности стабильно выполнять педагогическую деятельность и в то же время от их поведенческой и интеллектуальной пластичности, эмоциональной экспрессивности (закономерность внутренней обусловленности). В процессе формирования у будущих педагогов личностных качеств, необходимых для успешного выполнения воспитательной работы, выявлено две противоречащие друг другу тенденции. С одной стороны, педагогу важно обладать профессиональной устойчивостью, которая обеспечивает регуляцию его поведения и стабильность выполнения педагогической деятельности. С другой стороны, необходима профессиональная гибкость, позволяющая быстро реагировать на меняющиеся условия и вызовы профессиональной среды, находить оригинальные способы решения воспитательных задач (Oreyemi, 2016). Данная закономерность опирается на положение нуклеарного подхода, в соответствии с которым готовность будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности состоит из ядра и внешнего защитного пояса. Ядро представлено устойчивыми качествами личности (рефлексивно-прогности-

ческие умения, стрессоустойчивость и саморегуляция, стабильность профессионального поведения и т. д.), а защитный пояс образуют гибкие качества личности (эмоциональный интеллект, эмпатия, самомотивация и т. д.), при этом гибкие качества формируются на основе устойчивых (Haydee, Raymund, 2016; Königa et al., 2017; Selivanova et al., 2016).

Таким образом, в современных условиях неопределенности и изменчивости успешность воспитательной деятельности не может основываться лишь на стабильном ее выполнении, необходимо быстро реагировать на меняющиеся условия воспитательной среды, изменения социально-психологического портрета студентов профессиональных образовательных организаций и их поведенческих проявлений.

Сформированность гибких навыков у будущих педагогов обеспечивает воспитание гибких навыков у обучающихся профессиональных образовательных организаций (закономерность эффективности). Условия неопределенности в современном обществе, совершенствование производственного оборудования обуславливают постоянное повышение требований работодателей, предъявляемых к гибким навыкам выпускников профессиональных образовательных организаций. Именно они становятся приоритетными на фоне «костных» и неизменных профессиональных компетенций, которые с годами могут потерять актуальность. Выявляя компонентный состав готовности будущих педагогов к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях, мы учитывали данную тенденцию в образовании: среди устойчивых и гибких качеств личности, образующих содержательное наполнение компонентов (мотивационно-ценностного, когнитивно-деятельностного и эмоционального), большая часть относится к общепризнанным в отечественной и зарубежной науке *soft skills*, а именно: самомотивация, коммуникативные навыки, стремление к самообразованию и саморазвитию, эмпатия, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость (Schulz, 2018). Личностные качества педагога, проявляемые в процессе воспитательной деятельности, а также усвоенные им в ходе вузовской подготовки технологии их развития являются главным инструментом воспитания гибких навыков у обучающихся. Сформированные у будущих педагогов благодаря реализации разработанной нами системы гибкие навыки будут транслироваться обучающимся в ходе воспитательной деятельности, а также развиваться посредством усвоенных будущими педагогами воспитательных технологий (Gendron, 2017; Hurrell, 2016; Lee et al., 2016; Tang, 2018; Tang et al., 2015).

Таким образом, успешность формирования у обучающихся профессиональных образовательных организаций гибких навыков зависит от их наличия в структуре личности педагогов, осуществляющих воспитательную деятельность.

Эффективность воспитательной деятельности будущих педагогов в профессиональных образовательных организациях зависит от ориентации воспитательного процесса вуза на со-бытийность и применение социальных эстафет (закономерность эффективности). Ориентация воспитательной деятельности в вузе на со-бытийность рассматривается как открытое позиционное взаимодействие субъектов образовательного процесса, характеризующееся их сотрудничеством, осознанием общих целей и задач, построением программ общих действий. Со-бытийность позволяет перевести взаимодействие субъектов образовательного процесса вуза в ценностно-смысловую плоскость, обеспечив их совместную социально ориентированную деятельность. Благодаря социальной эстафете, запущенной в процессе подготовки в вузе, жизненный опыт, образцы поведения и идеалы со-бытийности транслируются будущими педагогами в своей профессиональной деятельности обучающимся профессиональных образовательных организаций (Selivanova et al., 2016).

Таким образом, ориентация на со-бытийность и социальные эстафеты позволяют насытить воспитательную деятельность будущих педагогов традициями, ритуалами, ценностями и идеалами, которые они в дальнейшем будут передавать студентам.

Комплекс закономерностей, составляющих ядро концепции подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях, представлен в таблице.

Комплекс закономерностей, составляющих ядро концепции подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности в профессиональных образовательных организациях**A set of laws that form the core of the concept of preparing future teachers for educational activities in professional educational organizations**

Группа закономерностей	Закономерности
Атрибутивности	Процесс подготовки к воспитательной деятельности в вузе проецируется на реальную воспитательную деятельность в профессиональных образовательных организациях
	Процесс производственной практики включает упорядоченную систему наставничества
	Готовность к воспитательной деятельности обеспечивается диалектическим единством гибких и устойчивых качеств личности будущих педагогов
Обусловленности	Возможности виртуальных форм воспитания в профессиональных образовательных организациях реализуются при создании виртуальной воспитательной среды в вузе
	Успешность осуществления будущими педагогами воспитательной деятельности зависит от двух факторов – от их способности стабильно выполнять педагогическую деятельность и в то же время от их поведенческой и интеллектуальной пластичности, эмоциональной экспрессивности
Эффективности	Сформированность гибких навыков у будущих педагогов обеспечивает воспитание гибких навыков у обучающихся профессиональных образовательных организаций
	Эффективность воспитательной деятельности будущих педагогов в ПОО зависит от ориентации воспитательного процесса вуза на со-бытийность и применение социальных эстафет

Выводы

Подведем итоги статьи.

1. Ядро концепции представляет собой сложную, динамическую, целенаправленную систему фундаментальных знаний о феномене системы подготовки будущих педагогов к воспитательной деятельности и готовности к ней как результате реализации данной системы.

2. Ядро разрабатываемой педагогической концепции будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности включает комплекс закономерностей. Концепция отражает базовые свойства разрабатываемой стратегии, раскрывает факторы, влияющие на ее функционирование, позволяет выявить взаимосвязи теоретической и практической подготовки.

3. Закономерности выявлены с опорой на психолого-педагогические теории и концепции, с учетом результатов эмпирического исследования, возрастных особенностей и социального портрета обучающихся, выявленных негативных и позитивных тенденций воспитания в профессиональном образовании.

4. Атрибутивные закономерности: 1) процесс подготовки к воспитательной деятельности в вузе проецируется на реальную воспитательную деятельность в профессиональных образовательных организациях; 2) процесс производственной практики включает упорядоченную систему наставничества; 3) готовность к воспитательной деятельности обеспечивается диалектическим единством гибких и устойчивых качеств личности будущих педагогов.

5. Закономерности обусловленности: 1) возможности виртуальных форм воспитания в профессиональных образовательных организациях реализуются при создании виртуальной воспитательной среды в вузе; 2) успешность осуществления будущими педагогами воспитательной деятельности зависит от двух факторов: от их способности стабильно выполнять педагогическую деятельность и в то же время от их поведенческой и интеллектуальной пластичности, эмоциональной экспрессивности.

6. Закономерности эффективности: 1) сформированность гибких навыков у будущих педагогов обеспечивает воспитание гибких навыков у обучающихся профессиональных образовательных организаций; 2) эффективность воспитательной деятельности будущих педагогов в профессиональных образовательных организациях зависит от ориентации воспитательного процесса вуза на со-бытийность и применение социальных эстафет.

Источники

- Бабаева Э. С. (2019) Концепция и технология проектирования интегративных образовательных программ для взрослых обучающихся: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Махачкала, 41 с.
- Белкин А. С., Ткаченко Е. В. (2005) Диссертационный совет по педагогике (опыт, проблемы, перспективы). Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 208 с.
- Бондарева Е. Н. (2014) Два фундаментальных подхода к понятию философии как науки: тип интеллектуальной деятельности или жизненная практика? Научный аспект, № 1-2, с. 164–166.
- Гнатышина Е. В. (2020) Ценностно-смысловые ориентиры формирования цифровой культуры будущего педагога: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Грозный, 46 с.
- Дмитриева Л. В. (1999) Подходы к экспертизе философских оснований образовательной концепции. В кн.: Экспертиза инновационных процессов в образовании: подходы к проблеме экспертизы в образовании. Томск, Кн. 1, с. 101–105.
- Казаева Е. А. (2017) Развитие гражданской позиции будущего учителя: ядро педагогической концепции. В кн.: Понятийный аппарат педагогики и образования: монография / отв. ред. Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, с. 230–234.
- Качалов А. В. (2009) Ядро концепции формирования творческой самостоятельности студентов педвуза. Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры, т. 67, № 3, с. 155–158.
- Коровяковский Д. Г. (2019) Теория и практика профессиональной подготовки специалистов таможенного дела: российский и зарубежный опыт: дис. ... д-ра пед. наук. М., 494 с.
- Корытков В. А. (2018) Педагогическая концепция профессиональной адаптации военнослужащих: композиционное построение. Сибирский педагогический журнал, № 6, с. 77–85. DOI: 10.15293/1813-4718.1806.09.
- Леона А. В., Корытков В. А., Капицкий В. Н. (2017) Концепция профессиональной адаптации: структурное представление. Аграрное образование и наука, № 1, с. 12.
- Пургина Е. И. (2015) Методологические подходы в современном образовании и педагогической науке: учеб. пособие. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 275 с.
- Савченков А. В. (2021) Стратегия подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности: дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 586 с.
- Столярчук И. А. (2015) Гуманитарная концепция формирования гендерной культуры подростка. Казанский педагогический журнал, № 5-1 (112), с. 143–148.
- Тестов В. А. (2017) Содержание современного образования: выбор пути. Образование и наука, т. 19, № 8, с. 29–46. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-8-29-46.
- Уварина Н. В. (2012) Ядро педагогической концепции: закономерности, принципы актуализации творческого потенциала личности учащихся в образовательном процессе. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки, № 4 (263), с. 34–37.
- Яковлев Е. В., Яковлева Н. О. (2006) Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М., Владос, 239 с.
- Яковлев Е. В., Яковлева Н. О. (2010) Педагогическое исследование: содержание и представление результатов. Монография. Челябинск, РБИУ, 316 с.
- Cuenca A. (2017) Preparing Teachers for a New Generation of Social Studies Learners: Introducing the National Standards for the Preparation of Social Studies Teachers. *Social Education*, vol. 81 (6), pp. 370–375.
- Darling-Hammond, L., Oakes, J., Wojcikiewicz, S., Hyler, M. E., Guha, R., Podolsky, A., Kini, T., Cook-Harvey, C., Mercer, C., Harrell A. (2019). *Preparing Teachers for Deeper Learning*. Cambridge, MA: Harvard Education Press.
- Gendron B. (2017) Emotional capital: the set of emotional competencies as professional and vocational skills in emotional works and jobs. *Revista espanola de educacion comparada*, vol. 29, pp. 44–61.
- Gjedia R., Gardinier M. P. (2018) Mentoring and teachers' professional development in Albania. *European Journal of Education*, vol. 53, pp. 102–117. DOI: 10.1111/ejed.12258.
- Haydee C. Q., Raymund B. G. (2016) Causes and Effects of Stress Among Faculty. *Asia Pacific Journal of Multidisciplinary Research*, vol. 4, no. 1, pp. 18–27.
- Hurrell S. A. (2016) Rethinking the soft skills deficit blame game: Employers, skills withdrawal and the reporting of soft skills gaps. *Human Relations*, vol. 69, is. 3, pp. 605–628. DOI: 10.1177/0018726715591
- Iancu A., Rusu A., Maroiu C., Pacurar R., Maricutoiu L. (2018) The Effectiveness of Interventions Aimed at Reducing Teacher Burnout: a Meta-Analysis. *Educational psychology review*, vol. 30, is. 2, pp. 373–396. DOI: 10.1007/s10648-017-9420-8.
- Kokkinos C., Stavropoulos G. (2016) Burning out during the practicum: the case of teacher trainees. *Educational psychology*, vol. 3, pp. 607. DOI: 10.1080/01443410.2014.955461.
- Königa J., Ligtoeta R., Klemenza S., Rothlandb M. (2017) Effects of opportunities to learn in teacher preparation on future teachers' general pedagogical knowledge: Analyzing program characteristics and outcomes. *Studies in Educational Evaluation*, vol. 53, pp. 122–133. DOI:10.1016/j.stueduc.2017.03.001.
- Lee M., Pekrun R., Taxer J. L., Schutz P. A., Vogl E., Xie X. (2016) Teachers' emotions and emotion management: integrating emotion regulation theory with emotional labor research. *Social psychology of education*, vol. 19, is. 4, pp. 843–863. DOI: 10.1007/s11218-016-9359-5.
- Lillgea D. (2020) Sticking points: Sites for developing capacity to enact socially just instruction. *Teaching and Teacher Education*, vol. 94, pp. 54–66. DOI: 10.1016/j.tate.2020.103098.

- Opeyemi S.-M. I. (2016) Hardiness, Sensation Seeking, Optimism and Social Support as Predictors of Stress Tolerance among Private Secondary Schools Teachers in Lagos State. *Clinical Depression*, vol. 2, is. 3, pp. 1–7.
- Schulz B. (2018) The Importance of Soft Skills: Education beyond academic knowledge. *NAWA Journal of Language and Communication*, no. 2 (1), pp. 146–154. DOI: 10.1016/0006-3207(93)90452-7.
- Selivanova, N. L., Stepanov P. V., Shakurova M. V. (2016) Novikova's research school: main ideas and prospects for development. *Russian Education and Society*, vol. 58, no. 1, pp. 1–11. DOI: 10.1080/10609393.2016.1205917.
- Tang K. Ng. (2018) The importance of soft skills acquisition by teachers in higher education institutions. *Kasetsart Journal of Social Sciences*, vol. 1 (6), pp. 1–6. DOI:10.1016/j.kjss.2018.01.002.
- Tang K. Ng., Chan Chan T., Vetriveilmany U. (2015) Critical Issues of Soft Skills Development in Teaching Professional Training: Educators' Perspectives. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 205, pp. 128–133. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.09.039.

References

- Babayeva E. S. (2019) Kontsepsiya i tekhnologiya proyektirovaniya integrativnykh obrazovatel'nykh programm dlya vzroslykh obuchayushchikhsya [The concept and technology of designing integrative educational programs for adult students]. *Abstr. Dis. ... Dr. Ped. Sci. Makhachkala*, 41 p. (In Russian).
- Belkin A. S., Tkachenko Ye. V. (2005) *Dissertatsionnyy sovet po pedagogike (opyt, problemy, perspektivy) [Dissertation Council on Pedagogics (Experience, Problems, Prospects)]*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 208 p. (In Russian).
- Bondareva Ye. N. (2014) Dva fundamental'nykh podkhoda k ponyatiyu filosofii kak nauki: tip intellektual'noy deyatel'nosti ili zhiznennaya praktika? [Two fundamental approaches to the concept of philosophy as a science: type of intellectual activity or life practice?] *Nauchnyy aspekt – Scientific aspect*, no. 1-2, pp. 164–166 (In Russian).
- Cuenca A. (2017) Preparing Teachers for a New Generation of Social Studies Learners: Introducing the National Standards for the Preparation of Social Studies Teachers. *Social Education*, vol. 81 (6), pp. 370–375.
- Darling-Hammond, L., Oakes, J., Wojcikiewicz, S., Hyler, M. E., Guha, R., Podolsky, A., Kini, T., Cook-Harvey, C., Mercer, C., Harrell A. (2019). *Preparing Teachers for Deeper Learning*. Cambridge, MA: Harvard Education Press.
- Dmitriyeva L. V. (1999) Podkhody k ekspertize filosofskikh osnovaniy obrazovatel'noy kontseptsii [Approaches to the examination of the philosophical foundations of the educational concept]. *V kn.: Ekspertiza innovatsionnykh protsessov v obrazovanii: podkhody k probleme ekspertizy v obrazovanii [In: Examination of innovative processes in education: approaches to the problem of examination in education]*. Tomsk, Book 1, pp. 101–105 (In Russian).
- Gendron B. (2017) Emotional capital: the set of emotional competencies as professional and vocational skills in emotional works and jobs. *Revista espanola de educacion comparada*, vol. 29, pp. 44–61.
- Gjedia R., Gardinier M. P. (2018) Mentoring and teachers' professional development in Albania. *European Journal of Education*, vol. 53, pp. 102–117. DOI: 10.1111/ejed.12258.
- Gnatyshina Ye. V. (2020) Tsennostno-smyslovyye orieryntiry formirovaniya tsifrovoy kul'tury budushchego pedagoga [Value-semantic guidelines for the formation of the digital culture of the future teacher] *Abstr. Dis. ... Dr. Ped. Sci. Grozny*, 46 p. (In Russian).
- Haydee C. Q., Raymund B. G. (2016) Causes and Effects of Stress Among Faculty. *Asia Pacific Journal of Multidisciplinary Research*, vol. 4, no. 1, pp. 18–27.
- Hurrell S. A. (2016) Rethinking the soft skills deficit blame game: Employers, skills withdrawal and the reporting of soft skills gaps. *Human Relations*, vol. 69, is. 3, pp. 605–628. DOI: 10.1177/0018726715591
- Iancu A., Rusu A., Maroiu C., Pacurar R., Maricutoiu L. (2018) The Effectiveness of Interventions Aimed at Reducing Teacher Burnout: a Meta-Analysis. *Educational psychology review*, vol. 30, is. 2, pp. 373–396. DOI: 10.1007/s10648-017-9420-8.
- Kachalov A. V. (2009) Yadro kontseptsii formirovaniya tvorcheskoy samostoyatel'nosti studentov pedvuza [The core of the concept of formation of creative independence of students of a pedagogical university]. *Izvestia Ural federal university journal. Series 1, Issues in education, science and culture*, vol. 67, no. 3, p. 155–158 (In Russian).
- Kazayeva Ye. A. (2017) Razvitiye grazhdanskoy pozitsii budushchego uchitelya: yadro pedagogicheskoy kontseptsii [Development of the civil position of the future teacher: the core of the pedagogical concept]. *V kn.: Ponyatiynnyy apparat pedagogiki i obrazovaniya [In: The conceptual apparatus of pedagogy and education]*. Monograph. Ed. E. V. Tkachenko, M. A. Galaguzova. Ekaterinburg, Ural. State Ped. Un-t, pp. 230–234 (In Russian).
- Kokkinos C., Stavropoulos G. (2016) Burning out during the practicum: the case of teacher trainees. *Educational psychology*, vol. 3, pp. 607. DOI:10.1080/01443410.2014.955461.
- Königa J., Ligtvoeta R., Klemenza S., Rothlandb M. (2017) Effects of opportunities to learn in teacher preparation on future teachers' general pedagogical knowledge: Analyzing program characteristics and outcomes. *Studies in Educational Evaluation*, vol. 53, pp. 122–133. DOI:10.1016/j.stueduc.2017.03.001.
- Korovyakovskiy D. G. (2019) Teoriya i praktika professional'noy podgotovki spetsialistov tamozhennogo dela: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Theory and practice of professional training of customs specialists: Russian and foreign experience]. *Dis. ... Dr. Ped. Sci. Moscow*, 494 p. (In Russian).
- Korytkov V. A. (2018) Pedagogicheskaya kontsepsiya professional'noy adaptatsii voyennosluzhashchikh: kompozitsionnoye postroyeniye [Pedagogical concept of professional adaptation of military personnel: composition of the construction]

- compositional construction]. *Siberian Pedagogical Journal*, no. 6, pp. 77–85. DOI: 10.15293/1813-4718.1806.09 (In Russian).
- Lee M., Pekrun R., Taxer J. L., Schutz P. A., Vogl E., Xie X. (2016) Teachers' emotions and emotion management: integrating emotion regulation theory with emotional labor research. *Social psychology of education*, vol. 19, is. 4, pp. 843–863. DOI: 10.1007/s11218-016-9359-5.
- Леона А. В., Коротков В. А., Капитский В. Н. (2017) Kontseptsiya professional'noy adaptatsii: strukturnoye predstavleniye [The concept of professional adaptation: structural representation]. *Agrarian Education and Science*, no. 1, p. 12 (In Russian).
- Lillgea D. (2020) Sticking points: Sites for developing capacity to enact socially just instruction. *Teaching and Teacher Education*, vol. 94, pp. 54–66. DOI: 10.1016/j.tate.2020.103098.
- Opeyemi S.-M. I. (2016) Hardiness, Sensation Seeking, Optimism and Social Support as Predictors of Stress Tolerance among Private Secondary Schools Teachers in Lagos State. *Clinical Depression*, vol. 2, is. 3, pp. 1–7.
- Purgina Ye. I. (2015) Metodologicheskiye podkhody v sovremennom obrazovanii i pedagogicheskoy nauke [Methodological approaches in modern education and pedagogical science]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 275 p. (In Russian).
- Savchenkov A. V. (2021) Strategiya podgotovki budushchikh pedagogov professional'nogo obucheniya k osushchestvleniyu vospitatel'noy deyatel'nosti [Strategy for preparing future teachers of vocational training for the implementation of educational activities]. Dis. ... Dr. Ped. Sci. Chelyabinsk, 586 p. (In Russian).
- Schulz B. (2018) The Importance of Soft Skills: Education beyond academic knowledge. *NAWA Journal of Language and Communication*, no. 2 (1), pp. 146–154. DOI: 10.1016/0006-3207(93)90452-7.
- Selivanova, N. L., Stepanov P. V., Shakurova M. V. (2016) Novikova's research school: main ideas and prospects for development. *Russian Education and Society*, vol. 58, no. 1, pp. 1–11. DOI: 10.1080/10609393.2016.1205917.
- Stolyarchuk I. A. (2015) Gumanitarnaya kontseptsiya formirovaniya gendernoy kul'tury podroстка [Humanitarian concept of the formation of a gender culture of a teenager]. *Kazan Pedagogical Journal*, no. 5-1 (112), pp. 143–148 (In Russian).
- Tang K. Ng. (2018) The importance of soft skills acquisition by teachers in higher education institutions. *Kasetsart Journal of Social Sciences*, vol. 1 (6), pp. 1–6. DOI:10.1016/j.kjss.2018.01.002.
- Tang K. Ng., Chan Chan T., Vetriveilmany U. (2015) Critical Issues of Soft Skills Development in Teaching Professional Training: Educators' Perspectives. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 205, pp. 128–133. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.09.039.
- Testov V. A. (2017) Soderzhaniye sovremennogo obrazovaniya: vybor puti [The content of modern education: choosing a path]. *The Education and Science Journal*, vol. 19, no. 8, pp. 29–46. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-8-29-46 (In Russian).
- Uvarina N. V. (2012) Yadro pedagogicheskoy kontseptsii: zakonomernosti, printsipy aktualizatsii tvorcheskogo potentsiala lichnosti uchashchikhsya v obrazovatel'nom protsesse [The core of the pedagogical concept: regularities, principles of actualization of the creative potential of the personality of students in the educational process]. *Bulletin of the South Ural state university. Series: Education. Pedagogy – Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (263), pp. 34–37 (In Russian).
- Yakovlev Ye. V., Yakovleva N. O. (2006) Pedagogicheskaya kontseptsiya: metodologicheskiye aspekty postroyeniya [Pedagogical conception: methodological aspects of construction]. Moscow, Vlos Publ., 239 p. (In Russian).
- Yakovlev Ye. V., Yakovleva N. O. (2010) Pedagogicheskoye issledovaniye: soderzhaniye i predstavleniye rezul'tatov [Pedagogical research: content and presentation of results]. Monograph. Chelyabinsk, RBIM Publ., 316 p.

Информация об авторах

Савченков Алексей Викторович

Доктор педагогических наук, доцент кафедры подготовки педагогов профессионального обучения и предметных методик. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, РФ. ORCID ID: 0000-0002-7268-1533. E-mail: alex2107@mail.ru

Уварина Наталья Викторовна

Доктор педагогических наук, профессор кафедры подготовки педагогов профессионального обучения и предметных методик. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, РФ. ORCID ID: 0000-0002-1490-3302. E-mail: nuvarina@yandex.ru

Autor's information

Aleksey V. Savchenkov

Dr. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of training teachers of vocational education and subject methods. South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-7268-1533. E-mail: alex2107@mail.ru

Natalya V. Uvarina

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor of the Department of Professional Education Teacher Training and Subject Methods. South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-1490-3302. E-mail: nuvarina@yandex.ru

О. Ф. Левичев¹

✉ omsk.2412@yandex.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Закон сохранения информации как трансфер-интегративный механизм реальной и виртуальной образовательной сферы

Аннотация: Предметом исследования являются сквозные дидактические законы, а именно закон сохранения информации в условиях синтеза педагогической науки с цифровыми информационными технологиями. Поставлена задача методологически обосновать актуальность закона сохранения информации в процессе конвергенции педагогической науки с цифровыми информационными технологиями в условиях информатизации образования. Определить требования в использовании сквозных законов сохранения информации в процессе конвергенции педагогической науки и цифровых информационных технологий в условиях информатизации образования. Описать и продемонстрировать механизм работы закона сохранения информации в пространстве теории информационно-предметной среды со встроенными элементами технологии обучения, ориентированной на изменение парадигмы учебно-информационного взаимодействия. В результате дано определение закону сохранения информации в дидактике, а это влечет предпосылку создания конвергентной педагогической теории в аспекте изменения парадигмы учебно-информационного взаимодействия между обучающим, обучаемым/обучающимся и интерактивным источником учебной информации, функционирующим на базе ИКТ. В статье использовались следующие общенаучные методы исследования: теоретический анализ и обобщение положений психолого-педагогической науки, теории педагогического эксперимента, изучение и обобщение отечественного и зарубежного опыта преподавания различных дисциплин с применением средств ИКТ.

Ключевые слова: сквозные законы, закон сохранения информации, механизм закона сохранения информации, информация.

Дата поступления статьи: 1 сентября 2022 г.

Для цитирования: Левичев О. Ф. (2023) Закон сохранения информации как трансфер-интегративный механизм реальной и виртуальной образовательной сферы. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 131–141. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.13.

Scientific article

O. F. Levichev¹

✉ omsk.2412@yandex.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

The law of conservation of information as a transfer-integration mechanism of the real and virtual educational sphere

Abstract: The subject of the study is cross-cutting didactic laws, namely the law of information conservation in the conditions of synthesis of pedagogical science with digital information technologies. The task was set to methodologically substantiate the relevance of the law of information conservation in the process of pedagogical science convergence with digital information technologies in the conditions of education informatization. The task was also to describe and demonstrate the mechanism of operation of the information conservation law in the space of the theory of the information-subject environment with built-in elements of learning technology focused on the changing paradigm of educational and informational interaction. As a result, the definition of the law of information conservation in didactics is given, and it makes the prerequisite for the creation of a convergent pedagogical theory in the aspect of changing paradigm of educational and informational interaction between the teacher, student / learner and an interactive source of educational information functioning on the basis of ICT. The following general scientific research methods were used in the article:

© О. Ф. Левичев, 2023

theoretical analysis and generalization of the provisions of psychological and pedagogical science, the theory of pedagogical experiment; study and generalization of national and foreign experience in teaching various disciplines using ICT tools.

Keywords: cross-cutting laws, the law of conservation of information, the mechanism of the law of conservation of information, information.

Paper submitted: September 1, 2022.

For citation: Levichev O. F. (2023) The law of conservation of information as a transfer-integration mechanism of the real and virtual educational sphere. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 131–141. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.13.

Введение

В фундаментальных работах в области информатизации образования (И. В. Роберт, Я. А. Ваграменко, И. Е. Вострокнутов, А. А. Кузнецов, Е. К. Хеннер, М. П. Лапчик, Е. В. Лопанова, Н. И. Пак, Л. П. Мартиросян, Е. А. Носков, А. Н. Тихонов и др.); разработки и использования электронных образовательных ресурсов (И. В. Роберт, Ю. А. Романенко, А. В. Осин, В. П. Граб и др.); внедрения дистанционных образовательных технологий (А. А. Андреев, В. А. Красильникова, Е. С. Полат, А. Ю. Уваров и др.) – не выявлен механизм сохранения информации через виртуальное и реальное образовательное пространство. Как на основе информационных механизмов в коре головного мозга появляются субъективные переживания индивида, которые переходят в знания и убеждения? Получить ответ на данные вопросы, на наш взгляд, возможно тогда, когда мы определим сквозной закон сохранения информации в дидактике.

Методы

Закон – это существенное общее отношение сущностей или между сущностями. Закон носит необходимый характер, он представляет собой необходимое отношение. Закон осуществляется «железной необходимостью». Важная черта закона – его всеобщность, вытекающая из его необходимости. Она означает, что любой закон природы присущ всем без исключения явлениям и процессам.

Поскольку закон в силу присущей ему необходимости и всеобщности осуществляется всегда и везде, когда для этого есть и соответствующие условия, постольку законы устойчивы, стабильны, повторяемы. Повторяемость закона есть одна из его характерных черт и особенностей.

Особенность законов – способность оставаться неизменными при соответствующих преобразованиях – и означает их инвариантность относительно определенной совокупности изменений условий их действия.

Важно отметить, что абсолютной инвариантностью обладают лишь всеобщие законы, изучаемые философской наукой, поскольку они носят универсальный характер.

Законы материального мира объективны и, следовательно, не зависят от сознания людей. Законы науки в отличие от этого представляют собой отражение объективных законов природы и общества в человеческом сознании. Они создаются этим сознанием, формируются или выражаются с помощью человеческого – естественного или искусственного языка. В этом смысле они субъективны. Законы науки представляют собой наши знания об объективных законах материального мира и, следовательно, воспроизводят эти законы с большей или меньшей точностью и полнотой. Научные законы – это модели объективных законов. Научный закон является субъективным лишь по своей форме, по содержанию же, источнику, из которого они почерпнуты, эти законы объективны.

Следовательно, человек не создает научные законы по своему произволу и усмотрению. Он их познает, открывает, а затем уже формулирует. Например, закон всемирного тяготения, открытый И. Ньютоном и изложенный в 1687 году в знаменитом сочинении «Математические начала натуральной философии». Это типичный образец научного закона. Его формула выражает существенную связь, состоящую в том, что все тела в мире притягиваются друг к другу с силой, которая пропорциональна произведению масс этих тел и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Это объективное содержание закона.

Научные законы – это не сами объективные существующие (связи) действительности, а лишь их отражение в нашем сознании. Адекватны ли научные законы соответствующим объективным законам, которые они отражают?

В свое время, подчеркивая историчность обнаружения единства законов разных предметных областей в рамках физики, И. В. Кузнецов сделал акцент также на обнаружении именно их единства. Он писал: «Имеется ряд “сквозных законов”, общих не только с “соседними”, непосредственно сменяющимися друг друга теориями, но и всеми вообще физическими теориями» (Кузнецов, 1975).

Сквозные законы (в нашем случае это закон сохранения информации) выражены в терминах устойчиво измеримых, универсальных, пространственно-временных величин. Это положение известно в науке как принцип инвариантности. Все возможные законы природы представлены как открытая, целостная система пространственно-временных величин, инвариантных в допустимой системе координат.

Каждая предметная область образует свою частную систему координат (как бы свое поле).

Вся совокупность проекций (различных форм записи) одного и того же инварианта во всех частных системах координат образует понятие группы, а правила перехода от записи в одной системе координат к записи в другой системе координат – преобразование с инвариантом сохранения (Кузнецов, 1975).

Он проявляется:

- в философии – через категории время – пространство, покой – движение, различные формы логических суждений;
- в математике – через понятия: группа, инвариант, группа преобразований с инвариантом;
- в физике – через законы сохранения и изменения;
- в химии – через фотохимические преобразования;
- в биологии – через обмен веществ и процесс эволюции живых систем;
- в экологии – через взаимодействие общества с природной средой и понятия: продуктивность или производительность ресурсов, их запасы и потери;
- в экономике – через все ключевые понятия политэкономии, включая стоимость, труд, производительность труда, прибыль и многие другие;
- в финансах – через понятия: деньги, активы и их обеспечение, гарантии возврата инвестиций, риски невозврата;
- в праве – через понятия: законы права и законы природы, ответственность;
- в политике – через понятия: власть, управление, политическое решение, интересы, возможности, цели; через анализ критических ситуаций и войн в истории; через определение связей с политическим курсом стран и многие другие;
- в проектологии – через логику проектирования изменений в системе природа – общество – человек (Кузнецов, 1975);
- в педагогике, как науке, не создающей новых знаний, но занимающейся социализацией академических знаний других наук, инвариантом сохранения будет закон сохранения информации.

Под законами сохранения в науке понимают фундаментальные физические законы (закон сохранения и превращения энергии, закон сохранения импульса, закон сохранения массы, закон сохранения механической энергии, закон сохранения момента импульса, закон сохранения электрического заряда), согласно которым при определенных условиях некоторые физические величины не изменяются с течением времени.

Обозначим, что учитель на уроке передает ученикам вторичную информацию. Содержание вторичной информации в человеческом обществе – это знание об окружающем нас мире, определяющее поведение человека, т. к., опираясь на эти знания, человек взаимодействует с остальной природой. Сама эта природа в виде формы (структуры) окружающих нас вещественных тел и их движения представляет собой первичную информацию.

В теории связи информация выступает в виде различных сообщений: например, букв или цифр, как в телеграфии, или непрерывной функции времени, как при телефонии или радиовещании, но в любом из указанных примеров в конечном итоге задача состоит в передаче смыслового содержания человеческой речи.

В свою очередь, смысловое содержание речи преподавателя на уроке может быть представлено: в звуковых колебаниях, в письменном изложении, жестах и мимике. На удивительное свойство этого вида информации – представлять одно и то же смысловое содержание в самом различном физическом виде – обратил особое внимание исследователей У. Эшби. Это свойство вторичной информации называется кодированием. Для того чтобы общаться с другими людьми, человеку приходится постоянно заниматься кодированием, перекодированием и декодированием.

Результаты

Существуют три метода обучения традиционной дидактики: пассивный, активный, интерактивный.

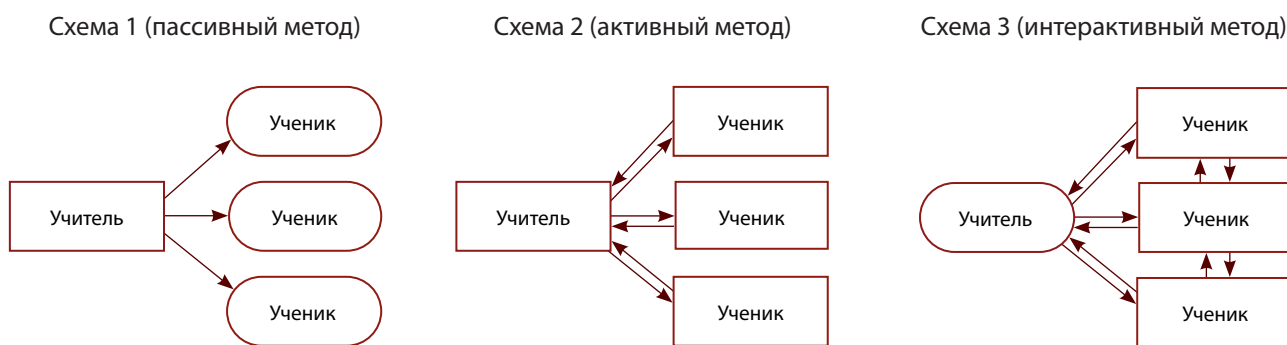

Рис. 1. Традиционная система обучения

Fig. 1. Traditional education system

- пассивный – обучаемый выступает в роли «объекта» обучения (слушает и смотрит);
- активный – обучаемый выступает «субъектом» обучения (самостоятельная работа, творческие задания);
- интерактивный – взаимодействие. Процесс обучения осуществляется в условиях постоянного, активного взаимодействия всех участников. Ученик и учитель являются равноправными субъектами обучения.

Как видим из представленных методов, в них нет даже намека на понимание механизма сохранения информации в сознании субъекта.

Рассмотрим учебное взаимодействие в условиях информатизации образования – рис. 2 (Роберт, 2014). Обратим внимание на передачу информации в процессе реализации метода обучения в условиях информатизации образования.

Из рис. 2 видно, что учебное взаимодействие в условиях информатизации образования относится к традиционному интерактивному методу обучения, но добавляется еще интерактивный информационный ресурс, функционирующий на базе ИКТ, что, на наш взгляд, создает еще больше проблем с сохранением информации в сознании субъекта образовательного процесса, т. к. уровень самостоятельной работы студента увеличивается в несколько раз.

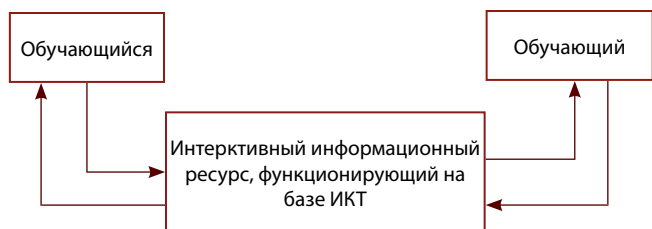

Рис. 2. Учебное взаимодействие в условиях информатизации образования

Fig. 2. Educational interaction in the conditions of informatization of education

К. Шеннон заметил, что при передаче словесных сообщений частота использования различных букв алфавита не одинакова: некоторые буквы используются очень часто, другие – редко. Существует и определенная корреляция в буквенных

последовательностях, когда за появлением одной из букв с большой вероятностью следует конкретная другая. Поэтому мы можем предположить, что работать с информацией – это значит кодировать ее по определенным правилам, соответствующим закону сохранения информации (Shannon, 1948).

Следовательно, для закона сохранения информации должен быть алгоритм с целым набором правил. Согласно каждому из этих правил, мы можем вычислить значение для каждого из видов информации. Следовательно, информация – это еще и организованное по определенным правилам пространственное размещение материи. Что это за правила и в какой деятельности они должны проявляться?

Психолого-педагогические эксперименты показали, что при разовом выполнении определенного вида учебной деятельности информация сохраняется в памяти: 10 % при чтении; 20 % с помощью слуха; 30 % с помощью зрения; 50 % с помощью слуха и зрения; 70 % с помощью слуха, зрения и обсуждения; 90 % – в деятельности.

На наш взгляд, память не существует сама по себе, она формируется и проявляется в том или ином виде человеческой деятельности. Тот или иной вид человеческой деятельности и есть кодирование информации посредством создания определенных правил сохранения информации.

В создавшейся ситуации необходимо найти сквозные законы, объединяющие реальную и виртуальную образовательную среду. Мы предполагаем, что в обучении это закон сохранения информации, т. к. именно информация из трехмерного мира переходит в мир виртуальный, где координат больше как минимум на одну, и возвращается обратно. Трансфер информации может происходить с потерями ее содержательности или качества при увеличении ее массы, т. е. количества. Потеря или искажение информации происходит при незнании закона сохранения информации. Поэтому нужен закон, который позволил бы субъекту обучения самостоятельно эту информацию сохранить.

Все это позволило нам сформулировать определение сквозного закона информации для теории обучения в условиях информатизации образования. Закон сохранения информации для обучения можно выразить так: информация сохраняется в сознании субъекта до тех пор (инерция), пока процесс преобразования новой информации (преемственность) не снизит уровень неопределенности понимания изучаемого объекта (новизна) (Левичев, 2009).

Закон сохранения информации (ЗСИ) = (инерция + преемственность + новизна)

В методологии тензорного анализа Г. Крона базовым постулатом является: «Какой бы сложной, суперсложной система ни была, ее сущность может быть представлена примитивным скалярным уравнением. Нахождение такого уравнения является самым сложным, неформальным, творческим делом» (Крон, 1955).

Закон сохранения информации является средством, с помощью которого субъект образовательного процесса может «раздвинуть» пространство и войти в проблемную ситуацию в нужное для себя время.

Согласно мнению Джеффри Чу, автора «теории бутстрапа», как только модель, а в нашем случае сформулированный закон сохранения информации для теории обучения, начинает работать, необходимо задать себе следующие вопросы: «Почему он работает? Где границы его применения? В чем именно его приближенность?» (Левичев, 2009).

Ответим последовательно на каждый вопрос:

1. Почему он работает?

Рассмотрим механизм кодирования информации в процессе формирования ЗУНов с позиции законов общей теории информации.

В общей теории информации существуют конкретные законы. Закон сохранения информации: «Информация сохраняет свое значение в неизменном виде, пока остается в неизменном виде носитель информации – память». Основной информационный закон формообразования и развития материи: «Информация определяет информацию».

На основе данных законов можно сделать следующие умозаключения: во-первых, повторение информации дает не новую информацию, а преобразование информации, дает информацию отличную от предыдущей. Преобразование информации увеличивает (изменяет) объем памяти за счет запоминания новых механизмов преобразования информации. На основе возникновения информационных механизмов в коре головного мозга в сознании субъекта появляются личностные отношения к преобразованной им информации, которые свойственны только его психофизиологической структуре, следовательно, передать эту структуру без изменений (без потери информации) другому субъекту он не сможет.

Во-вторых, с учетом закона: «Информация определяет информацию», информация является основой формирования личностных качеств субъекта. Т. е. личностное развитие ученика, его новообразования – это есть измененная информация. Объясним: получая огромное количество информации, ученик способен делать выбор, это относится к принципу выбора решения. Данный принцип кибернетики заключается в том, что решение должно приниматься на основе выбора одного из нескольких вариантов. Этот принцип учитывает взаимосвязанность и обусловленность количественных и качественных изменений. А переход количества в новое качество рассматривается как развитие. Следовательно, обучение ученика происходит на основе сохранения и выбора информации в его сознании. Отсюда вывод: выбор – это преобразование информации в соответствии с поставленной целью. Процесс обучения соответствует развитию в ученике психических функций, т. е. происходит процесс, сопровождающийся новообразованием и преемственностью в ряду сменяющихся друг друга состояний субъекта развития.

На основе имеющихся знаний ученик усваивает информацию, преобразует ее и использует, происходит преемственность информации. Преемственность, под которой понимают меру причинной зависимости (неслучайности) последующих состояний субъекта развития от предыдущих, связывает те и другие в единый целостный процесс развития и придает ему свойство определенной упорядоченности, направленности и устойчивости (по терминологии К. Х. Уоддингтона).

Сохранение информации в сознании субъекта возможно, когда в его сознании существует мера причинной независимости неопределенности последующих состояний субъекта развития по отношению к предыдущим. Эта мера (или новизна) обуславливает: 1) саму возможность последовательной смены предыдущих состояний последующими; 2) отсутствие строгого детерминизма.

Следовательно, закон сохранения информации в сознании предполагает необходимость понимания механизмов преемственности и новизны. Это логически альтернативные, но при этом строго дополнительные понятия. Каждое из них неявно (имплицитно) предполагает противоположное.

Преемственность предполагает обновление информации в сознании ученика. В противном случае субъект развития останется неизменным. В процессе обучения чем сильнее преемственность, тем слабее происходят новообразования ученика, а значит, хуже идет процесс обучения.

Новизна предполагает преемственность. Чем больше новизна, тем менее однозначна и жестка связь каждого предыдущего состояния с последующим, тем более прерывистым (дискретным, нелинейным) может быть процесс обучения. Но одновременно рост новизны понижает преемственность и увеличивает риск ее прерывания, следовательно, обучение будет неравномерным, прерывистым, а впоследствии – неэффективным.

Неэффективность процесса обучения с позиции закона сохранения информации говорит о том, что в психологической структуре ученика (а под структурой мы понимаем внутреннее строение, определенную более или менее устойчивую закономерную пространственно-временную организацию элементов (психических функций), обеспечивающую его целостность и себе тождественность, несмотря на смену состояний, провоцируемую определенными внешними воздействиями и/или внутренними возмущениями) медленно происходят новообразования. Для ускорения или форсирования возникшей инерции в процессе преобразования информации ученику необходимо подобрать технологии сохранения информации, которые свойственны его психофизиологической природе.

Поэтому неэффективное обучение – это когда ученик не знает, как ему легче преобразовать и сохранить информацию. Педагоги придумывают различные алгоритмы работы с текстом, но текст – это закодированная информация. Автор текста закодировал информацию так, как ему легче ее транслировать, а ученик, читающий текст, должен перекодировать ее. Поэтому сначала ученик ищет знакомые коды информации, опознает их, переходит на их основе к незнакомым кодам и уже после этого усваивает учебный материал (сохраняет информацию). Происходит запаздывание следствия от вызывающей его причины. Иными словами, инерционность и наличие собственного внутреннего кодирования являются причинами неэффективности обучения ученика. Итак, новизна, преемственность и инертность, с одной стороны, нарушают симметрию (симметрия в физике – независимость физических явлений от определенных пространственно-временных или других преобразований) закона сохранения информации, а с другой – способствуют формированию новых механизмов сохранения информации, что улучшает носитель информации, т. е. память.

2. Где границы его применения?

Остановимся на теореме о неполноте арифметики, опубликованной двадцатипятилетним австрийцем Гёделем в 1931 году.

Смысл теоремы Гёделя состоит в том, что метода дедукции (т. е. правил логики и математики) не хватает даже на то, чтобы вывести из конечного числа принципов все истинные утверждения о целых числах, формулируемые на языке школьной алгебры. Конкретнее, для каждого мыслимого математического языка арифметики существуют свойства целых чисел, в нем невыразимые.

В соответствии с теоремой Гёделя для порождения всех истинных высказываний о целых числах нужно бесконечно много новых идей. Следовательно, дедуктивные средства имеют ограниченные возможности. Поэтому нельзя выявить полноту и противоречивость формальной системы, исходя из аксиоматики самой этой системы, для этого требуется выход за пределы исследуемой формальной системы.

Основываясь на теореме Гёделя, границы применения закона сохранения информации в дидактике можно выразить так: нельзя определить эффективность процесса обучения на основании одного закона сохранения информации в дидактике, для этого требуется взаимосвязь закона сохранения информации с другими «сквозными законами». А это требует самостоятельного применения закона сохранения информации для своего развития, т. к. индивидуальность его применения способствует пониманию каждого момента своей деятельности в логике данного закона».

Вывод: применение закона сохранения информации ограничивается процессом самообучения.

Объясним наше предположение. Предположим, что учеником была усвоена некая информация. Усвоенная информация может проявиться по-разному: в знаниях (это очевидно), а также в чертах характера, в качествах личности. Следовательно, если информация сохранена учеником, но не проявилась в знаниях, умениях и навыках по конкретному предмету, то эта же информация все равно проявит себя в другом пространственно-временном отрезке, но в другой форме.

Требования, необходимые для успешного применения закона сохранения информации в самообучении.

Первое требование: субъектам образовательного процесса важно осознать суть механизма закона сохранения информации (новизна, преемственность, инерция), который определяет эффективность обучения личности и траекторию ее развития. Фактически закон сохранения информации запрещает все возможности, которые не соответствуют его механизму.

Второе требование: необходимо обеспечить понимание, что субъект в процессе обучения изучает, познает, исследует не саму информацию, а лишь собственный контакт с ней. Данная рефлексия поможет лучше понять каждому субъекту образовательного процесса механизм сохранения информации. Получение собственного опыта о контакте с информацией неизбежно связано с потерей предшествующей информации. На этой основе выходит третье требование.

Третье требование: целесообразно сформировать готовность субъекта образовательного процесса к постоянной новизне. Это готовность выражена в принципе необходимости разрушения

детерминизма. Для достижения качественно нового состояния и повышения уровня организации системы необходимо разрушить (перестроить) существующую, сформированную в предшествующем опыте, детерминированную структуру связей элементов системы.

3. В чем именно его приближительность?

Во-первых, с ростом количества однократно или кратковременно получаемой новой информации учеником в процессе обучения и ее преобразованием растет вероятность нарушения предметности, утраты определенности совокупности действий в разрешении проблемных ситуаций, а вместе с ней и прекращения эффективности обучения, в зависимости от психологических особенностей организма ребенка.

Иными словами, большие порции новой информации ученик может преобразовывать «в расрочку, но не оптом», и качество сохранения преобразованной информации зависит и от ошибок измерений этого качества информации.

Учитываем теорию вероятности, а именно: когда мы производим некоторое измерение, то на его результат влияет большое количество факторов, которые порождают ошибки измерений: $v = \sum v_i$.

Ошибки измерений в основном можно подразделить на три группы: грубые ошибки, систематические ошибки, случайные ошибки.

1. Грубые ошибки возникают от невнимательности при чтении показателей прибора, неправильной записи показаний, неправильном использовании прибора, теста или других критериев и показателей измерения сохранения информации. Эти ошибки могут быть исключены соблюдением правил измерения.

2. Систематические ошибки искажают обычно результат измерения в определенную сторону. Они происходят, например, от несовершенства приборов, от личных качеств наблюдателя и могут быть устранены соответствующими поправками.

3. Случайные ошибки вызываются большим числом отдельных причин, не поддающихся точному учету и действующих в каждом отдельном случае различным образом. Эти ошибки возникают от незаметных механических причин, из-за изменения параметров измерительных приборов, зависящих от метеорологических условий и т. д. Каждая из этих причин в отдельности порождает при измерении ничтожную ошибку. Складываясь, эти ничтожно малые ошибки порождают суммарную ошибку, которой уже нельзя пренебречь.

Эта суммарная ошибка v есть случайная величина, являющаяся суммой огромного числа незначительных, независимых друг от друга случайных величин, и имеет, согласно следствию из теоремы Ляпунова, нормальное распределение. Предполагая измерение свободным от грубых и систематических ошибок, можно считать, что возможный результат измерения есть случайная величина. Таким образом, закон работает всегда, если созданы условия для его реализации. Приближительность будет заключаться в психолого-педагогических методах оценки качества сохраненной информации субъектом образовательного процесса.

Выводы

Использование закона сохранения информации в процессе конвергенции педагогической науки и цифровых информационных технологий в условиях информатизации образования может привести к следующим результатам. В этом пространстве:

- будет выявлен и описан синтез характерных закономерностей развития педагогической науки и ИЦТ;
- будет выявлено и описано совпадение методов информационных технологий с методами педагогической науки и появятся сквозные методы, закономерности и законы обучения;
- будет создана конвергентная педагогическая теория в аспекте изменения парадигмы учебно-информационного взаимодействия между обучающим, обучаемым/обучающимся и интерактивным источником учебной информации, функционирующим на базе ИКТ;

- будут усовершенствованы методические системы обучения и предметные методики, реализующие дидактические возможности ИКТ в условиях изменения парадигмы информационного взаимодействия;
- зародится теория информационно-предметной среды со встроенными элементами технологии обучения, ориентированная на изменение парадигмы учебно-информационного взаимодействия;
- будет создана педагогико-технологическая база конвергентных методик обучения, представляющих иную дидактику, отображающую содержательную основу разработок предметных методик в условиях использования средств ИКТ;
- будут разработаны учебно-методические основания создания конвергентных средств обучения, реализованных на высокотехнологичном оборудовании, удовлетворяющих педагогико-эргономическим требованиям к программно-аппаратным и информационным комплексам образовательного назначения;
- будет создана предпосылка проведения фундаментальных исследований по формированию конвергентного содержания образования на междисциплинарной основе, в условиях синтеза наук и технологий при реализации конвергенции реальной и виртуальной коммуникаций.

Источники

- Белова С. Н. (2017) Теоретико-методические основания формирования компетентности преподавателей в области внутривузовского оценивания качества образовательного процесса. Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 50 с.
- Богомаз И. В. (2012) Научно-методические основы базовой подготовки студентов инженерно-строительных специальностей в условиях проективно-информационного подхода. Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 38 с.
- Гужвенко Е. И. (2010) Координирующая модель методической системы обучения информатике и информационным технологиям. Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 40 с.
- Крон Г. (1955) Применение тензорного анализа в электротехнике. Пер. с англ. М. С. Либкинда, В. А. Тафта. Под ред. и с прил. «Геометрич. теория электр. Цепей» Э. А. Мееровича. М.-Л., Госэнергоиздат, 275 с.
- Кузнецов И. В. (1975) Избранные труды по методологии физики. М., Наука, 296 с.
- Лапенко М. В. (2014) Научно-педагогические основания создания и использования электронных образовательных ресурсов информационно-образовательной среды дистанционного обучения (на примере подготовки учителей). Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 43 с.
- Левичев О. Ф. (2009) Закон сохранения информации в дидактике. Школьные технологии: научно-практический журнал, № 6, с. 34–42.
- Лопанова Е. В. (2015) Теоретические и технологические основания совершенствования профессионально-педагогической подготовки преподавателя вуза в условиях информатизации образования (на примере медицинского вуза). Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 49 с.
- Мартиросян Л. П. (2010) Теоретико-методические основы информатизации математического образования. Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 42 с.
- Насс О. В. (2013) Теоретико-методические основания формирования компетентности преподавателей в области создания электронных образовательных ресурсов (на базе адаптивных инструментальных комплексов). Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 43 с.
- Николис Г., Пригожий И. (2003) Познание сложного. Введение. М., Едиториал УРСС, 344 с.
- Новосельцев В. Н. (1989) Организм в мире техники. Кибернетический аспект. М., Наука, 240 с.
- Носков Е. А. (2022) Информатизация подготовки студентов педагогических специальностей к реализации основных направлений национальной безопасности в образовании. Дисс. ... д-ра пед. наук. Омск, 385 с.
- Пенроуз Р. (2005) Тени разума в поисках науки о сознании. Москва, Ижевск, Ин-т компьютер. исслед., 687 с.
- Роберт И. В. (2014) Дидактика периода информатизации образования. Педагогическое образование в России, № 8, с. 110–119.
- Роберт И. В. (2014) Конвергенция наук об образовании и информационных технологий как эволюционное сближение наук и технологий. Информационная среда образования и науки, № 20, с. 25–67.
- Роберт И. В. (2017) Дидактико-технологические парадигмы современного периода информатизации отечественного образования. Педагогическая информатика, № 3, с. 63–78.
- Роберт И. В. (2018) Конвергентное образование: истоки и перспективы. Наука о человеке: гуманитарные исследования, № 2 (32), с. 64–76.

- Роберт И. В. (2022) Модернизация содержания научно-педагогических исследований в условиях цифровой трансформации образования. В кн.: Актуальные проблемы методологии педагогических и психологических исследований в образовании. Монография / И. В. Роберт, В. В. Сериков, А. В. Торхова, Ю. Б. Дроботенко, Е. В. Лопанова, С. В. Шмачилина-Цибенко, С. М. Андрюшечкин, К. В. Горохов, О. А. Корнилова. Под ред. Е. В. Лопановой. Омск, Издательство ОмГА, 160 с., с. 6–27.
- Роберт И. В., Мухаметзянов И. Ш., Лопанова Е. В. (2022) Цифровая трансформация образования: теория и практика. Монография. Под ред. Е. В. Лопановой. Омск, Издательство ОмГА, 190 с.
- Удовик Е. Э. (2009) Непрерывная подготовка кадров системы кооперации в области изучения информационных и коммуникационных технологий и их применения в образовательной и профессиональной деятельности. Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 41 с.
- Shannon C. E. (1948) A Mathematical Theory of Communication. The Bell System Technical Journal, vol. 27, pp. 379–423, 623–656. Available at: <https://people.math.harvard.edu/~ctm/home/text/others/shannon/entropy/entropy.pdf>.

References

- Belova S. N. (2017) Teoretiko-metodicheskiye osnovaniya formirovaniya kompetentnosti prepodavately v oblasti vnutrivuzovskogo otsenivaniya kachestva obrazovatel'nogo protsesssa [Theoretical and methodological foundations for the formation of teachers' competence in the field of intra-university assessment of the quality of the educational process]. Abstr. Diss. ... Dr. Ped. Sci. Moscow, 50 p. (In Russian).
- Bogomaz I. V. (2012) Nauchno-metodicheskiye osnovy bazovoy podgotovki studentov inzhenerno-stroitel'nykh spetsial'nostey v usloviyakh proyektivno-informatsionnogo podkhoda [Scientific and methodological foundations of basic training of students of engineering and construction specialties in the conditions of the projective information approach]. Abstr. Diss. ... Dr. Ped. Sci. Moscow, 38 p. (In Russian).
- Guzhvenko Ye. I. (2010) Koordiniruyushchaya model' metodicheskoy sistemy obucheniya informatike i informatsionnym tekhnologiyam [Coordinating model of the methodical system of teaching informatics and information technologies]. Abstr. Diss. ... Dr. Ped. Sci. Moscow, 40 p. (In Russian).
- Kron G. (1955) Primeneniye tenzornogo analiza v elektrotekhnike [Application of tensor analysis in electrical engineering]. Trans. from English. M. S. Libkind, V. A. Taft. Ed. and with adj. "Geometric theory of electricity Chains" by E. A. Meerovich. Moscow, Leningrad, Gosenergoizdat Publ., 275 p. (In Russian).
- Kuznetsov I. V. (1975) Izbrannyye trudy po metodologii fiziki [Selected works on the methodology of physics]. Moscow, Nauka Publ., 296 p. (In Russian).
- Lapenok M. V. (2014) Nauchno-pedagogicheskiye osnovaniya sozdaniya i ispol'zovaniya elektronnykh obrazovatel'nykh resursov informatsionnoy sredy distantsionnogo obucheniya (na primere podgotovki uchiteley) [Scientific and pedagogical foundations for the creation and use of electronic educational resources of the information environment of distance learning (on the example of teacher training)]. Abstr. Diss. ... Dr. Ped. Sci. Moscow, 43 p. (In Russian).
- Levichev O. F. (2009) Zakon sokhraneniya informatsii v didaktike [The law of conservation of information in didactics]. School Technologies, no. 6, pp. 34–42 (In Russian).
- Lopanova E. V. (2015) Teoreticheskiye i tekhnologicheskiye osnovaniya sovershenstvovaniya professional'no-pedagogicheskoy podgotovki prepodavatelya vuza v usloviyakh informatizatsii obrazovaniya (na primere meditsinskogo vuza) [Theoretical and technological foundations for improving the professional and pedagogical training of a university teacher in the context of informatization of education (on the example of a medical university)]. Abstr. Diss. ... Dr. Ped. Sci. Moscow, 49 p. (In Russian).
- Martirosyan L. P. (2010) Teoretiko-metodicheskiye osnovy informatizatsii matematicheskogo obrazovaniya [Theoretical and methodological foundations of informatization of mathematical education]. Abstr. Diss. ... Dr. Ped. Sci. Moscow, 42 p. (In Russian).
- Nass O. V. (2013) Teoretiko-metodicheskiye osnovaniya formirovaniya kompetentnosti prepodavately v oblasti sozdaniya elektronnykh obrazovatel'nykh resursov (na baze adaptivnykh instrumental'nykh kompleksov) [Theoretical and methodological foundations for the formation of the competence of teachers in the field of creating electronic educational resources (based on adaptive instrumental complexes)]. Abstr. Diss. ... Dr. Ped. Sci. Moscow, 43 p. (In Russian).
- Nikolis G., Prigozhii I. (2003) Poznaniye slozhnogo. Vvedeniye [Knowledge of the complex. Introduction]. Moscow, Editorial URSS Publ., 344 p. (In Russian).
- Novoseltsev V. N. (1989) Organizm v mire tekhniki. Kiberneticheskiy aspekt [Organism in the world of technology. Cybernetic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 240 p. (In Russian).
- Noskov E. A. (2022) Informatizatsiya podgotovki studentov pedagogicheskikh spetsial'nostey k realizatsii osnovnykh napravleniy natsional'noy bezopasnosti v obrazovanii [Informatization of training students of pedagogical specialties for the implementation of the main directions of national security in education]. Diss. ... Dr. Ped. Sci. Omsk, 385 p. (In Russian).
- Penrouz R. (2005) Teni razuma v poiskakh nauki o soznanii [Shadows of the Mind in Search of a Science of Consciousness]. Moskva, Izhevsk, Institute for Computer Research, 687 p. (In Russian).
- Robert I. V. (2014) Didaktika perioda informatizatsii obrazovaniya [Didactics of the period of informatization of education]. Pedagogical Education in Russia, no. 8, pp. 110–119 (In Russian).

- Robert I. V. (2014) Konvergentsiya nauk ob obrazovanii i informatsionnykh tekhnologiy kak evolyutsionnoye sblizheniye nauk i tekhnologiy [Convergence of education sciences and information technologies as an evolutionary convergence of sciences and technologies]. Information environment of education and science, no. 20, pp. 25-67 (In Russian).
- Robert I. V. (2017) Didaktiko-tekhnologicheskiye paradigmy sovremennogo perioda informatizatsii otechestvennogo obrazovaniya [Didactic and technological paradigms of the modern period of informatization of domestic education]. Pedagogical informatics, no. 3, pp. 63-78 (In Russian).
- Robert I. V. (2018) Konvergentnoye obrazovaniye: istoki i perspektivy [Convergent Education: Origins and Prospects]. The Science of Person: Humanitarian Researches, no. 2 (32), pp. 64-76 (In Russian).
- Robert I. V. (2022) Modernizatsiya sodержaniya nauchno-pedagogicheskikh issledovaniy v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obrazovaniya [Modernization of the content of scientific and pedagogical research in the context of the digital transformation of education]. V kn.: Aktual'nyye problemy metodologii pedagogicheskikh i psikhologicheskikh issledovaniy v obrazovanii [In: Actual Problems of the Methodology of Pedagogical and Psychological Research in Education]. Monograph. I. V. Robert, V. V. Serikov, A. V. Torkhova, Yu. B. Drobotenko, E. V. Lopanova, S. V. Gorokhov, O. A. Kornilova. Ed. E. V. Lopanova. Omsk, OmGA Publ. House, 160 p. Pp. 6-27 (In Russian).
- Robert I. V., Mukhametzyanov I. Sh., Lopanova E. V. (2022) Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya: teoriya i praktika [Digital transformation of education: theory and practice]. Monograph. Ed. E. V. Lopanova. Omsk, OmGA Publ. House, 190 p. (In Russian).
- Udovik E. E. (2009) Nepreryvnaya podgotovka kadrov sistemy kooperatsii v oblasti izucheniya informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologiy i ikh primeneniya v obrazovatel'noy i professional'noy deyatel'nosti [Continuous training of personnel in the system of cooperation in the field of studying information and communication technologies and their application in educational and professional activities]. Abstr. Diss. ... Dr. Ped. Sci. Moscow, 41 p. (In Russian).
- Shannon C. E. (1948) A Mathematical Theory of Communication. The Bell System Technical Journal, vol. 27, pp. 379-423, 623-656. Available at: <https://people.math.harvard.edu/~ctm/home/text/others/shannon/entropy/entropy.pdf>.

Информация об авторе

Левичев Олег Фёдорович

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики, психологии и социальной
работы. Омская гуманитарная академия,
г. Омск, РФ. E-mail: omsk.2412@yandex.ru

Author's information

Oleg F. Levichev

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of
Pedagogy, Psychology and Social Work Dept. Omsk
Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: omsk.2412@yandex.ru

УДК 37.018

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.14

Научная статья

С. В. Шмачилина-Цибенко¹

✉ shmachilinacibenko@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Реализация основных направлений и интегративных методов лечебной педагогики в Международном детском центре «Артек»

Аннотация: В статье на основе анализа этапов становления и развития Международного детского центра «Артек» раскрывается значимость и реализация основных направлений и интегративных методов лечебной педагогики, благодаря которым в данном учреждении удалось выстроить конструктивную интеграцию оздоровительно-рекреационной и воспитательной работы, основанную на диагностике состояния здоровья с учетом возрастных особенностей детей и способствующую развитию ребенка в гармонии с собой и социумом. С целью выявления специфических черт лечебной педагогики в Международном детском центре «Артек» мы обратились к изучению и анализу архивных документов, историко-педагогических материалов, писем воспитанников, диссертационных исследований, которые были выполнены в разные годы, причем именно на материалах «Артека», а также лично побеседовали с артековцами в 2015, 2017 годах.

Ключевые слова: Артек, этапы, оздоровительная работа, интернациональное воспитание детей, оздоровительно-реабилитационная деятельность, образовательная деятельность.

Дата поступления статьи: 2 декабря 2022 г.

Для цитирования: Шмачилина-Цибенко С. В. (2023) Реализации основных направлений и интегративных методов лечебной педагогики в Международном детском центре «Артек». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 142–149. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.14.

Scientific article

S. V. Shmachilina-Tsibenko¹

✉ shmachilinacibenko@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Implementation of the main directions and integrative methods of curative pedagogics in the International Child Center “Artek”

Abstract: In this article, based on the analysis of the stages of formation and development of the International Child Center “Artek”, the significance and the implementation of the main directions and integrative methods of curative pedagogy is revealed; those ensured the possibility to establish a constructive integration of health-improving-recreational and educational work based on diagnosis of health status, taking into account the age characteristics of children; the abovementioned work contributes to the recovery and comprehensive development of a child. In order to identify the specific features of curative pedagogy in the International Child Center “Artek”, we turned to the study and analysis of archival documents, historical and pedagogical materials, letters from pupils, dissertations carried out in different years basing on the “Artek” data, personal conversations with Artek workers in 2015, 2017.

Keywords: International Child Center “Artek”, stages, health-improving work, international education of children, health-improving and rehabilitation activities, educational activities

Paper submitted: December 2, 2022.

For citation: Shmachilina-Tsibenko S. V. (2023) Implementation of the main directions and integrative methods of curative pedagogics in the International Child Center “Artek”. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 142–149. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.14.

Введение

Одним из ведущих детских учреждений Республики Крым, вбирающим в себя реализацию разнообразных направлений лечебной педагогики, таких как лечебно-педагогическое, оздоровительное, профилактическое и курортно-санаторное, досуговое, является детский центр Артек международного значения, обосновавшийся в поселке Гурзуф Южного берега Крыма. В советское время он позиционировался как пионерский лагерь Страны Советов и был объектом гордости и достижений пионерской организации.

Первоначально (1921 г.) создание Артека было связано с идеей организации учреждения санаторно-курортного типа для подростков, которые уже функционировали на различных побережьях Крыма. Идея принадлежала Сергею Метальникову, русскому ученому-иммунологу, работающему над проблемами повышения иммунитета и профилактики болезней и которому была близка именно данная организационная форма. С этой целью он предложил использовать свою семейную дачу «Звонкий источник», располагающуюся в местечке Артек, под детское санаторное учреждение. Но национализированное здание было разграблено, а профессору пришлось эмигрировать во Францию. Там он стал известен своими разработками в Институте Пастера (Макарухина, 2016).

Согласно архивным документам реализовать данную идею удалось З. П. Соловьеву, занимавшему в то время пост руководителя Российского общества Красного Креста. Артек был учрежден как лагерь-санаторий для детей, страдающих туберкулезом. Его первая смена, включающая 80 пионеров, которым предстояло жить в четырех брезентовых палатках, начала функционировать 16 июня 1925 года. Руководящая миссия принадлежала врачу Ф. Ф. Шишмареву. Главная задача заключалась в «оздоровлении молодых пролетарских кадров» санаторно-курортным лечением (Рат, 2015, с. 10–15).

Между тем З. П. Соловьев, будучи специалистом, обладающим прогностическим мышлением осознал, что здоровье детей необходимо не только реабилитировать, ему важно учить, прививая детям правила и навыки личной и социальной гигиены (Артек, 2013).

Собственно данная идея и стала стержневой в концепции Артека. Исследователи, анализируя деятельность З. П. Соловьева, отмечают его стремление уйти от так называемого «госпитализма», присущего детским санаториям, а также «индейщины» летних скаутских лагерей, по типу которых выстраивалась работа в первых советских пионерских лагерях того времени (Поддубная, 2013).

Стоит отметить, что в дореволюционной России уже существовал позитивный опыт интегративной деятельности детских санаториев. Мы посвятили их анализу ряд статей. Полагаем, что в данном случае важную роль сыграла идеологическая составляющая отрицания всего того, что было сделано в дореволюционной России.

З. П. Соловьев и его единомышленники полагали, что не стоит слепо копировать скаутскую методику организации летних лагерей, основанную на достаточно жестком «спартанском» воспитании. Она не совсем подходила для детей, пострадавших от Первой мировой и гражданских войн, разрухи, испытавших на себе голод, эпидемии опасных заболеваний. Они считали, что лечебно-педагогическая деятельность должна выстраиваться на интегративной основе в условиях детских оздоровительно-воспитательных учреждений комплексного структурирования. Велась речь о создании воспитательных и в то же время лечебно-оздоровляющих учреждений нового формата, способных не только к процессу интеграции превентивно-оздоровительной функции лечебной педагогики, но и к выстраиванию научно-упорядоченной учебно-воспитательной деятельности, включающей целеполагание, диагностику результативности здоровья с учетом специфики возраста и условий, которые мотивировали бы детей как к восстановлению здоровья, так и к всестороннему развитию.

Ряд оппонентов З. П. Соловьева, причем не только из области медицины, но и педагогики, считали идею интеграции оздоровительной и воспитательной работы ошибочной и неконструктивной, поскольку в первой превалировал щадящий режим, а для второй были характерны неизбежные физические и эмоциональные нагрузки. Не соглашаясь с данными утверждениями и мнимыми противоречиями, опираясь на предыдущий российский педагогический и лечебно-оздоровительный опыт, он пытался доказать, «что в детских учреждениях такого профиля

без учебно-воспитательной работы обойтись просто невозможно. При этом им были поставлены проблемные вопросы о целях и содержании воспитательной работы, ее удельного веса в системе жизнедеятельности здравницы и конечных результатах» (Свистов, 1961, с. 13).

В статье «Крым – пионерам» З. П. Соловьев писал о том, что «структура, обстановка и жизнь лагеря должны быть основательно продуманы с точки зрения правильно понимаемой гигиены детского возраста. Вместе с тем в лагере надо найти наиболее жизненные и в то же время не нарушающие его основной оздоровительной задачи формы проявления пионерской самодеятельности...» (Поддубная, 2013, с. 124).

Собственно данный принцип стал основополагающим в жизнедеятельности Артека на протяжении нескольких десятилетий.

С первых дней своего существования Артек имел ярко выраженную лечебно-педагогическую, воспитательную направленность, что отличало его от всех других лечебно-профилактических учреждений подобного профиля. Ф. Ф. Шишмарев, будучи первым руководителем Артека и одновременно его главным врачом, был не только талантливым доктором и организатором здравоохранения, но и педагогом. Он сумел интегрировать лечение, оздоровление, превенцию и воспитание детей в целостную систему артековской деятельности. За годы своего становления и развития Артек от специализированно-лечебно-пульмонологического учреждения трансформируется в детский санаторий общего профиля оздоровительно-профилактической и педагогической направленности, адекватно рефлектирующий на социальные запросы и требования общества.

Методы

Исследование базировалось на системно-историческом и сравнительно-историческом подходах, рамочном и архитектурном анализе, позволивших обозначить значимые направления и интегративные методы лечебной педагогики и их реализацию в международном детском центре «Артек».

Результаты

Обратившись к анализу этапов становления и развития деятельности Артека как учреждения, отражающего и претворяющего в жизнь основные идеи лечебной педагогики, можно отметить множество позитивных изменений, способствующих развитию данной науки.

Так, на первом этапе (1925–1930 гг.) основное внимание было уделено оздоровительной функции лечебной педагогики в связи с диагностированием у детей заболеваний, связанных с желудочно-кишечным трактом, легкими и бронхами. Важная миссия отводилась физрукам в вопросах, касающихся не только спортивных занятий, но и проблем, связанных с формированием у воспитанников навыков личной и общественной гигиены, что находило отражение в правилах внутреннего распорядка лагеря. Вся воспитательная работа с детьми возлагалась на внештатных пионервожатых. В их обязанности входило не просто привезти и увести ребенка из лагеря по окончании лагерной смены, но и сопровождение, заключающееся в наблюдении, отслеживании динамики его самочувствия, оказании помощи в решении возникших проблем и т. д.

Сборы, беседы на злободневные темы являлись важной частью политико-воспитательных мероприятий. Необычность жизнедеятельности в лагере одухотворялась кострами с тематической направленностью, смотрами художественной самодеятельности, встречами с известными людьми. Открытие лагерного краеведческого музея придало значительный вес развертыванию крымоведения, которое ранее функционировало в основном в форме внешних аутентичных экскурсий (Свистов, 1995).

Во втором этапе (1930–1941 гг.) проявляется специфика функционирования, связанная с переходом на всегодичное расписание работы. Такие режимные изменения были не свойственны большей части пионерских лагерей (Абдулгаиров, 2014).

К этому времени уже была создана система оздоровительно-воспитательной работы, построенная на определенных традициях и стилях работы, организационная структура, материальная база. В качестве профилактико-оздоравливающих мероприятий детям предлагалось заниматься техническим творчеством, спортом, туризмом, работой в подсобных хозяйствах. Большой

интерес у пионеров вызывало освоение военно-прикладных специальностей, участие в художественно-эстетической деятельности. Важное значение в этот период придается формам работы, направленным на *интернациональное воспитание детей* (Ефимова и др., 2015).

Между тем в условиях круглогодичной жизнедеятельности лагеря на повестку дня вышло решение двух важных проблем, связанных с вопросами устранения отставания в обучении школьников и необходимостью внедрения действенных форм и методов воспитательной деятельности, способных воссоздать специфику и сезонность Южного берега Крыма. Их смогли решить за счет предметных консультаций, проводимых гурзуфскими школьными учителями, а также наработанной деятельности кружков, функционирующих в условиях лагерного краеведческого музея и детской технической станции. «Содержание воспитательной работы в отрядах и дружинах носило идеологическую направленность, и было связано с героикой строительных будней, рекордными перелетами советских летчиков, освоением Северного Ледовитого океана, новыми научными и техническими открытиями, достижениями в области литературы, искусства, спорта и т.п. Все знаковые события находили отражение в отрядных и лагерных мероприятиях, интегрируя с интернациональным воспитанием, направленным на солидарность с народами, борющимися с колонизаторами, антифашистскую работу» (Поддубная, 2012, с. 13).

В *оздоровительно-реабилитационной деятельности* значимую роль играла физкультурно-спортивно-туристская направленность, обучение личной гигиене и соблюдение санитарно-гигиенических норм. Первостепенное значение отводилось общественно полезному труду и военной подготовке при ведущей миссии медицинской специализации, поддерживаемой властными структурами в лице Российского Красного Креста, в подчинении которого Артек находился в довоенный период (По декрету Ильича..., 1989). Такая подчиненность накладывала жесткие требования на получение путевки в Артек. Приоритетное значение имели медицинские показания. В основном это была туберкулезная направленность, связанная с интоксикацией, заболевания нервной системы, исключая расстройства, переутомления, ряд форм анемии (Григорьев, 2014). Позиционирование медицинской концепции вступало в расхолаженность с ведущими принципами лечебной педагогики и их реализации в практике лагеря.

Третий этап (1941–1945 гг.), два года из которого были связаны с Белокурихой. Артек в годы Великой Отечественной войны показал истинность лагерных принципов, правил и традиций, по которым учились и работали коллегиально дети, педагогические и медицинские коллективы. Значительное место отводилось методам и формам, отлаженным в предыдущие годы, но уже с корректировкой на военную ситуацию. Воспитательные мероприятия были связаны с оказанием помощи раненым в госпиталях, семьям фронтовиков. Собирая колоски и металлолом, артековцы оказывали шефскую поддержку не только колхозам, совхозам, заводам, но и всей стране в борьбе с фашизмом. И. В. Сталин отметил деятельность артековцев благодарностью (Макарухин, 2016).

Четвертый этап (1945–1960 гг.). Если в первые послевоенные годы в лагере превалировала реабилитационная направленность – восстановление физического и психического здоровья детей, то в последующие годы по мере улучшения качества здоровья детского населения страны в нем все большую значимость получает педагогическая составляющая. Артек становится пионерским лагерем общеобразовательно-воспитательного типа (Абдулхаиров, 2014). С 1957 г. решением Правительства меняется его профильная принадлежность, ведущим куратором лагеря становится ЦК ВЛКСМ вместо Минздрава СССР. Такая подчиненность в корне меняет миссию Артека, превращая его в лидера пионерского актива страны. Он становится ядром методической и экспериментальной пионерской работы. Именно там с 1958 г. проводятся ежегодные международные смены для детей практически всех стран мира. Воспитательная составляющая зиждется на идеях патриотического, идейно-политического, интернационального, физического и эстетического воспитания подрастающего поколения, отражающих политику Страны Советов. На регулярной основе проводятся Всесоюзные слеты пионеров, фестивали и семинары масштабного значения, конференции детей международного статуса. Провозглашается курс креативного содержания для подготовки форм и методов работы с детьми и подростками (Рат, 2015).

Изменяются критериальные требования к приему детей, которые должны быть практически здоровыми, являться лидерами-победителями смотров, творческих конкурсов, соревнований. Согласно разработанному ограничительному списку, дети с туберкулезной симптоматикой уже не могли проходить лечение в Артеке, как это было ранее.

Постепенно медико-реабилитационная функция лечебной педагогики в лагере уступает место оздоровительно-социокультурной и воспитательно-образовательной. Превентивное оздоровление детей проходило во время активного и разнообразного отдыха при активном использовании климатолечения.

Пятый этап (1960–1990 гг.) отмечается как возрождение лечебной педагогики в условиях демократизации общества, что нашло отражение в проектировании новой концепции деятельности Артека по выстраиванию учебно-воспитательного и оздоровительного процесса. Ее суть отражала основную идею лечебной педагогики и заключалась в интеграции медицины, педагогики и психологии. Каждое мероприятие, проводимое в Артеке при ведущей идейно-политической направленности деятельности лагеря, носило не только педагогический, но и оздоровительно-профилактический характер. На базе созданной материально-технической медицинской службы проводились обследования здоровья детей, выявление и лечение хронических патологий.

Интегративные ресурсы лечебной педагогики позволили организовывать и проводить широкомасштабные акции, посвященные проблемам гуманизма, милосердия и здоровья: «Соревнования постов милосердия», «Юный медик», «Дети Гиппократы», «Орден детского милосердия», «Дом без одиночества», «Ярмарки милосердия». В движении безвозмездных доноров крови ежегодно принимало участие до 600 сотрудников Артека.

Во время экскурсий и мероприятий для оздоровления детей по-прежнему широко использовалась климатотерапия: талассотерапия, ароматерапия, ландшафт-терапия, горный туризм, гелиотерапия, фитотерапия. Такая направленность деятельности Артека позволила организовать мероприятия по реабилитации и восстановлению здоровья детей из зон экологических бедствий (землетрясение в Ташкенте и Спитаке, Чернобыльская катастрофа, наводнение в Закарпатье), а также военных конфликтов в Нагорном Карабахе, трагедии Сумгаита, Беслана и Алчевска. Значимую роль сыграл Артек в восстановлении здоровья детей после Чернобыльской катастрофы. Начиная с первых дней и в течение 15 лет до десятка тысяч детей с «синдромом Чернобыля» проходили реабилитационные процедуры и оздоровление в Артеке, и не менее 2 500 из них ежегодно освобождались от радионуклидов (Ефимова, Чернышов, 2015).

Между тем идеологическое воспитание по-прежнему занимало определяющие позиции. Внимание акцентировалось на опыте использования идей коммунарской методики. Применялись такие методы и формы, как «совместная работа в коллективе; взаимопомощь и забота о других; разумное проведение свободного времени, возможность проявить собственную инициативу и раскрыть свой личностный потенциал» (Теория развития детского коллектива «Артек», 2005).

Шестой этап (1991–2000 гг.). После распада Советского Союза, с ноября 1991 г. Артек становится международным детским центром Украины. Меняется механизм финансирования, требующий реализации путевок на самостоятельной основе.

Априори была отвергнута идеологическая составляющая артековского воспитания. Попытка ее замены коммуникативной функцией лагеря не имела успеха, поскольку на практике она была видом простого времяпрепровождения. Воспитательная работа в лагере теряет свою системную направленность в том числе из-за проблем падения уровня профессиональной компетентности вожатых и неудавшейся попытки позиционирования украинского воспитания на национально-патриотической основе (Большая Российская энциклопедия, 2004).

Седьмой этап развития Артека, а вместе с ним и новейшая история развития лечебной педагогики, ее потенциала, начался после присоединения Крыма к России и датируется 2014 годом.

Авторы концепция развития МДЦ «Артек», базируясь на положениях, сформулированных в государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы», учитывая методологические требования современной ситуации, сумели отразить преимствен-

ность сути артековской и лечебной педагогики с ее исторически выработанными задачами, функциями, методами.

Стратегические направления оздоровительной работы с детьми нашли отражение в информационно-деятельностных программах, позиционирующих технологические цепочки по выработке у них устойчивых позиций здорового образа жизни.

Целевое отражение разработанных интегративных медико-педагогических программ содержательно отражено тремя функциональными блоками: комплексное диагностирование и последующее восстановление здоровья детей, местом проживания которых являются в первую очередь зоны неблагоприятной экологической обстановки; развитие лечебной педагогики, использование ее потенциала с целью формирования у детей компетенций здорового образа жизни, «культуры здоровья», как важнейших составляющих общей культуры человека; подготовка на базе артековского вуза детских специалистов-реабилитологов, валеологов, лечебных педагогов. Конструктивная реализация вышеуказанных блоков программ позволит идентифицировать качественные и количественные показатели здоровья персонально каждого ребенка, научиться осознанно подходить к его сохранению и укреплению. Комплексность крымских природных факторов является фундаментом данной деятельности.

Основное внимание в программе сосредоточено на трех о Артека: интеграции оздоровления, отдыха и образовательной среды, что отражает ведущие идеи современной лечебной педагогики. Проиллюстрируем данные положения концепции.

Актуальные качества человека XXI века выступали в качестве приоритетных целевых установок образовательной системы Артека, что нашло отражение в компетентностной модели, с учетом ее возможностей интегративных связей, целеполагания и отбора содержания образования.

Погружение в опыт и его обогащение в процессе совместной деятельности новыми смыслами, содержанием, способами, ориентированными на ценности культуротворчества, является основной задачей Артека как педагогической системы.

В связи с этим концептуальной основой построения обновленной подсистемы выступает технология образовательного события как инновационная образовательная технология, способствующая успешности решения вышеобозначенной задачи, объединяя в себе важнейшие черты современных педагогических технологий, в которых решение всех проблем осуществляется во взаимодействии детей и взрослых. При этом важен выбор ребенком формата деятельности исходя из его предпочтений и склонностей. Взрослый при его сопровождении позиционирует себя как помощник, фасилитатор, консультант (Абдулгаиров, 2014; Shmachilina-Tsybenko et al., 2021).

Тематика и количество образовательных событий формируются в зависимости от круга интересов и предпочтений детей с целью развития у них личностного самоопределения, формирования навыков инновационного поведения и командной деятельности. Реализация педагогики образовательного события осуществляется через функционирование специализированного кластера EAST, вбирающего в себя 14 масштабных центров и обеспечивает через сайт Артека возможность выбора ребенком «события» еще до приезда в лагерь.

Оздоровление в Международном детском центре «Артек» выстраивается с учетом ряда принципов: интеграции образовательной и оздоровляющей деятельности, адаптации школьников к нетипичным бытовым и климатическим условиям, обеспечения безопасности, направленного на соблюдение режимных моментов, благоприятного психоэмоционального климата во взаимодействии взрослых и детей. В основе данных принципов лежат изыскания ученых в области лечебной педагогики и детской курортологии.

Согласно концепции в основе стратегических направлений оздоровительной работы с детьми лежат специальные информационно-деятельностные программы, направленные на формирование мотивации к ведению здорового образа жизни через систему физкультурно-массовых и спортивных практик, оздоровительных разработок и эффективного международного опыта.

Отдых в Артеке выстраивается на основе деятельностного подхода и сопряжен с информативным образованием, что не только позволяет каждому воспитаннику проектировать персо-

нальную образовательную траекторию, но и способствует разворачиванию разных видов реабилитации, материализуя творческий потенциал ребенка.

Условия полноценно активного отдыха детей в Артеке включают в себя: научно сбалансированный распорядок дня, смену видов деятельности на постоянной основе, погружение в природу посредством морских и пляжных процедур, медико-педагогический контроль коллектива лагеря.

Образовательная среда Артека – это сложный интегративный механизм. Он вбирает в себя школу, лагерь, природно-историко-культурное пространство, мотивирующее ребенка на осуществление активных познавательных процессов, виртуальную информационную среду.

В современной артековской педагогике значима роль виртуальной среды, поскольку на «*пре-дартековском*» этапе она инициирует возможность осознанного выбора ребенком совместно с родителями образовательного маршрута. Не находясь еще в лагере, каждый из воспитанников имеет возможность подготовиться к своим первым артековским шагам и виртуально ознакомиться с жизнедеятельностью Артека, что в дальнейшем будет способствовать более конструктивной адаптации в лагере. Для родителей такая погруженность играет роль стабилизации снижения тревожности за своего ребенка, поскольку уже на *этапе пребывания* они имеют возможность наблюдать за жизнедеятельностью детей на протяжении всей смены, их продвижением в образовательной деятельности через индивидуальные портфолио.

Оставаться членом виртуальной среды, обеспечивая тем самым свое дальнейшее развитие, воспитанникам можно и после отъезда из лагеря. Для этого нужно вступить в сообщество бывших артековцев, которое объединяет десятки тысяч человек из разных городов и стран.

Выводы

Ретроспективный анализ свидетельствует, что основные концептуальные позиции лечебной педагогики, ее гуманистическая и интегративная направленность, лечебно-педагогический потенциал ее методов, конструктивно применяемых в Артеке на каждом из его этапов, позволили системно выстроить не только лечебно-профилактическую, оздоровительно-превентивную, реабилитационную деятельность, но заложить основательный фундамент для образованности детей, их творческого мышления наряду с инновационным поведением, развитием патриотических чувств, умением транслировать свои ценности, и готовности к самореализации во благо своей Родины, что, собственно, отражает ведущие задачи лечебной педагогики. Рамочный анализ писем артековцев говорит о том, что многие из них заняли значимое место в различных сферах жизнедеятельности или стали порядочными людьми, умеющими видеть жизненные ценности человека.

Источники

- Абдулгаиров А. З. (2014) «Страна мечты» Артек: традиции, достижения и перспективы международного детского центра. Современные проблемы сервиса и туризма, № 3, с. 61–70.
- Артек: от А до Я: Малая энциклопедия (2010) Симферополь, ДиАйПи, 206 с.
- Большая Российская энциклопедия (2004) В 30 т. М., изд-во Большая Российская энциклопедия.
- Григорьев Д. Н. (2014) Историко-педагогические аспекты развития детских лагерей в России и за рубежом. Научный поиск в современном мире. Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции. Махачкала, Апробация, с. 163–167.
- Ефимова Е. А., Абдулгаиров А. З., Попов А. Д. (2015) Документы по истории Артека в архивах Москвы и Симферополя: вопросы систематизации и публикации. Таврический научный обозреватель, № 2. с. 75–79.
- Ефимова Е. А., Чернышов А. В. (2015) Периодизация истории Артека в контексте рекреационно-педагогического освоения черноморского побережья от Гурзуфа от Аю-Дага. Политическая культура общества и проблемы сохранения культурного суверенитета России. Сборник научных статей Всероссийской научно-теоретической конференции. М., изд-во ФГУП «Известия», с. 235–243.
- Макарухина Н. М. (2016) Федор Федорович Шишмарев – первый директор детского лагеря в Артеке. Крымский архив, № 1(20), с. 59–71.
- По декрету Ильича: Курортное строительство в Крыму, 1920–1989 (1989). Сборник документов и материалов. Симферополь, Таврия, 240 с.
- Поддубная Е. В. (2012) Предпосылки открытия детского оздоровительного лагеря «Артек» (1925) Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества. Сборник научных статей Международной научной конференции. СПб., Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, с. 143–150.
- Поддубная Е. В. (2013) Общественно-политические и исторические факторы создания воспитательно-образовательного пространства детского лагеря «Артек». Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики, № 7 (49), с. 122–128.

- Рат Г. Э. (2015) Оздоровительно-рекреационные возможности медико-педагогической деятельности «Артека». Артек – событие, №1 (11), с. 10–15.
- Свистов В. Т. (1995) Артек – за годом год: Летопись Международного детского центра. Запорожье, изд-во МП «Берегиня», 272 с.
- Свистов В. Т. (1961) Есть местечко в Крыму: Очерки об Артеке. Крымиздат, 269 с.
- Теория развития детского коллектива «Артек» (2005). М., изд-во Академический проспект, 56 с.
- Shmachilina-Tsybenko S. V., Ivanova O. M., Davletshina G. R., Khramova K. V., Chemerilova I. A. (2021) The possibilities of art therapy as one of integrative methods in therapeutic pedagogy. *Laplace em Revista (International)*, vol. 7, n. Extra C, pp. 395–405. DOI: 10.24115/S2446-622020217Extra-C1027p.395-405.

References

- Abdulgaurov A. Z. (2014) «Strana mechty» Artek: traditsii, dostizheniya i perspektivy mezhdunarodnogo detskogo tsentra [The country of dreams Artek: Traditions, achievements and prospects of the international children's center]. *Modern problems of service and tourism*, no. 3. pp. 61–70 (In Russian).
- Artek: ot A do Ya: Malaya entsiklopediya [Artek: from A to Z: A small en-cyclopedia] (2010) Simferopol: Publ. Diaipi, 206 p. (In Russian).
- Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia] (2004). In 30 vol. Moscow, publ. house of the Great Russian Encyclopedia (In Russian).
- By Ilyich's Decree: Resort Construction in the Crimea, 1920–1989 (1989) [By decree of Ilyich: Resort construction in the Crimea, 1920–1989]. Collection of documents and materials. Simferopol, publ. Tavria, 240 p. (In Russian).
- Efimova E. A., Abdulkhairov A. Z., Popov A. D. (2015) Dokumenty po istorii Arteka v arkhivakh Moskvy i Simferopolya: voprosy sistematzatsii i publikatsii [Documents on Artek's history in the archives of Moscow and Simferopol: issues of systematization and publication]. *The Tauride Scientific Observer*, no. 2, pp. 75–79 (In Russian).
- Efimova E. A., Chernyshov A. V. (2015) Periodizatsiya istorii Arteka v kontekste rek-reatsionno-pedagogicheskogo osvoyeniya chernomorskogo poberezh'ya ot Gurzufa ot Ayu-Daga. [Periodization of the history of Artek in the context of recreational and pedagogical development of the Black Sea coast from Gurzuf from Ayudag]. *Politicheskaya kul'tura obshchestva i problemy sokhraneniya kul'turnogo suvereniteta Rossii. Sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii* [The political culture of society and the problems of preserving the cultural sovereignty of Russia. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and theoretical Conference]. Moscow, Publ. Izvestia, pp. 235–243 (In Russian).
- Grigoriev D. N. (2014) Istoriko-pedagogicheskiye aspekty razvitiya detskikh lagerey v Rossii i za rubezhom [Historical and pedagogical aspects of the development of children's camps in Russia and abroad]. *Nauchnyy poisk v sovremennom mire. Sbornik nauchnykh statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [VI Collection of scientific articles of the scientific and practical International Conference]. Makhachkala, Publ. Approbation, pp. 163–167 (In Russian).
- Makarukhina N. M. (2016) Fedor Fedorovich Shishmarev – pervyy direktor detskogo lagerya v Arteke [Fyodor Fedorovich Shishmarev – the first director of the children's camp in Artek]. *Crimean Archive*, no. 1(20), pp. 59–71 (In Russian).
- Poddubnaya E. V. (2012) Predposylki otkrytiya detskogo ozdorovitel'nogo lagerya «Artek» (1925) [Prerequisites for the opening of the children's health camp “Artek” (1925)] *Obrazovaniye kak faktor razvitiya intellektual'no-nravstvennogo po-tentsiala lichnosti i sovremennogo obshchestva. Sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Education as a factor in the development of the intellectual and moral potential of the individual and modern society. Collection of scientific articles of the International Scientific Conference]. St. Petersburg, Publ. of the Pushkin State University, pp. 143–150 (In Russian).
- Poddubnaya E. V. (2013) Obshchestvenno-politicheskiye i istoricheskiye faktory sozdaniya vospitatel'nogo prostranstva detskogo lagerya «Artek» [Socio-political and historical factors of the creation of the educational space of the child-ren's camp “Artek”]. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy*, no. 7(49), pp. 122–128 (In Russian).
- Rat G. E. (2015) Ozdorovitel'no-rekreatsionnyye vozmozhnosti mediko-pedagogicheskoy deyatel'nosti «Arteka» [Health and recreational opportunities of medical and pedagogical activity of “Artek”]. *Artek – so-bytiye – Artek – co-being*, no. 1 (11), pp. 10–15 (In Russian).
- Shmachilina-Tsybenko S. V., Ivanova O. M., Davletshina G. R., Khramova K. V., Chemerilova I. A. (2021) The possibilities of art therapy as one of integrative methods in therapeutic pedagogy. *Laplace em Revista (International)*, vol. 7, n. Extra C, pp. 395–405. DOI: 10.24115/S2446-622020217Extra-C1027p.395-405.
- Svistov V. T. (1961) Yest' mestechko v Krymu: Ocherki ob Arteke [There is a place in the Crimea: Essays on Artek]. *Crimea-izdat*, 269 p. (In Russian).
- Svistov V. T. (1995) Artek – za godom god: Letopis' Mezhdunarodnogo detskogo tsentra [Artek – year by year: The Chronicle of the International Child-ren's Center]. Zaporozhye, publ. Bereginya, 272 p. (In Russian).
- Teoriya razvitiya detskogo kolektiva «Artek» (2005) Theory of develop-ment of the children's collective “Artek”. Moscow, publ. Academic Prospect, 56 p. (In Russian).

Информация об авторе

Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна
Доктор педагогических наук, профессор
кафедры педагогики, психологии и социальной
работы. Омская гуманитарная академия,
г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-1450-5571.
E-mail: shmachilinacibenko@mail.ru

Autor's information

Svetlana V. Shmachilina-Tsibenko
Dr. Sc. (Ped.), Associate Professor, Professor of
the Department of Pedagogy, Psychology and
Social Work. Omsk Humanitarian Academy, Omsk,
Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-1450-
5571. E-mail: shmachilinacibenko@mail.ru

УДК 378

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.15

Научная статья

Т. В. Сазонова¹

✉ sazonowatv@kfosu.edu.ru

¹Кумертауский филиал Оренбургского государственного университета, г. Кумертау, Российская Федерация

Комплексные направления трансформаций вуза для гибкой подготовки кадров в интересах ТОСЭР

Аннотация: Проблема исследования обусловлена необходимостью определения направлений реализации гибких стратегий подготовки кадров в интересах территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), которые в настоящее время не имеют достаточного и научного, и практического обоснования. Научная задача состоит в выявлении результативных комплексных направлений трансформаций вуза для обеспечения гибкости подготовки кадров на основе взаимодействия регионального вуза, резидентов ТОСЭР и кластера предприятий – технологических инноваторов. Методическая база представлена интегративным подходом. Используются материалы теоретических исследований проблемы взаимодействия вуза и инновационно ориентированных предприятий, а также данные опросов резидентов ТОСЭР. Основные результаты исследования определяют комплексные направления деятельности Кумертауского филиала Оренбургского государственного университета в условиях г. Кумертау (статус ТОСЭР) в системе партнерских отношений «школа – СПО – вуз – город – предприятие», среди которых раскрыты инфраструктурные преобразования на базе вуза, результативные виды производственно-образовательной и профориентационной деятельности при создании ресурсного центра «Технониколь», консультационного центра «КНАУФ», Центра опережающей профессиональной подготовки кадров, инженерных классов. Выводы автора фиксируют роль партнерских взаимодействий в реализации гибких стратегий подготовки кадров в условиях ТОСЭР: презентация вуза как владельца уникальных компетенций привлечения молодежи в регион; ресурсное взаимовыгодное взаимодействие профессионального образования с резидентами ТОСЭР и кластером технологических инноваторов; ориентация деятельности ресурсных центров на ценности труда и социально-экономическое развитие территории; обеспечение многопрофильности и многоступенчатости подготовки кадров в системе «школа – СПО – вуз – ДПО»; создание на базе вуза организационных интегративных структур взаимодействия стейкхолдеров.

Ключевые слова: гибкие стратегии подготовки кадров, стейкхолдеры образования, территория опережающего социально-экономического развития, ресурсный центр, консультационный центр, центр опережающей профессиональной подготовки кадров.

Дата поступления статьи: 1 декабря 2022 г.

Для цитирования: Сазонова Т. В. (2023) Комплексные направления трансформаций вуза для гибкой подготовки кадров в интересах ТОСЭР. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 150–158. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.15.

Scientific article

T. V. Sazonova¹

✉ sazonowatv@kfosu.edu.ru

¹Kumertau branch of the Orenburg State University, Kumertau, Russian Federation

Complex directions for university programmestransformation aimed at personnel flexible training in the interests of the territory of advanced socio-economic development

Abstract: The problem of the study is provided with the need to implement flexible strategies for personnel training in the interests of the territory of advanced socio-economic development (TASED): currently these strategies do not have sufficient scientific and practical justification. The scientific task is to ensure the flexibility of personnel training

© Т. В. Сазонова, 2023

based on the development of multifunctional cooperation between a regional university, TASED residents and a cluster of technological innovators. The methodological base is represented by an integrative approach. Materials of theoretical studies of the problem of interaction between the university and innovation-oriented enterprises, as well as data from surveys of TASED residents were used. The main results of the study determine the complex activities of the Kumertau branch of the Orenburg State University in the conditions of Kumertau (TASED status) in the system of partnerships "school - secondary vocational education - university - city - enterprise", among which infrastructural transformations on the basis of the university, effective types of production and educational and career guidance activities during the creation of the TechnoNIKOL resource center, the KNAUF consulting center, the Center for Advanced Professional Training, and engineering classes. The author's conclusions fix the role of partnerships in the implementation of flexible training strategies in the context of TASED: presentation of the university as the owner of unique competencies to attract young people to the region; resource mutually beneficial interaction of vocational education with TASED residents and a cluster of technological innovators; orientation of the activities of resource centers on the values of labor and the socio-economic development of the territory; ensuring the multi-profile and multi-stage training; creation of organizational integrative structures of stakeholder interaction on the basis of the university.

Keywords: flexible training strategies, vocational education stakeholders, territory of advanced social and economic development, resource center, counseling center, Professional Development Center.

Paper submitted: December 1, 2022.

For citation: Sazonova T. V. (2023) Complex directions for university programmestransformation aimed at personnel flexible training in the interests of the territory of advanced socio-economic development. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 150–158. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.15.

Введение

Современным отечественным механизмом модернизации экономик регионов является создание ТОСЭР. Основные условия создания ТОСЭР и регламенты их деятельности определены Федеральным законом Ф3-437. В число стейкхолдеров ТОСЭР входят администрация, работодатели, учебные заведения, население данной территории. Резидентами ТОСЭР признаются лица, которые не только заключили соглашение об осуществлении деятельности на такой территории и включены в соответствующий реестр резидентов, но и фактически осуществляют деятельность исключительно на ТОСЭР¹. Региональный вуз, действующий на территории ТОСЭР, не входит в число традиционных резидентов, но именно профессиональное образование обеспечивает растущие кадровые потребности развивающихся моногородов, является, по сути, обладателем уникальных компетенций обучения и переподготовки населения всех возрастов.

Мониторинговые исследования развития ТОСЭР (Захарова и др., 2021) выявили рассогласование в кадровых интересах основных субъектов рынка труда и образования, которое может как нарастать, так и нивелироваться при определенных условиях. Кроме того, исследователи определяют многообразие, содержательную изменчивость и нестабильность в ценностях, целях и потребностях стейкхолдеров территории. Характерным является распространенный дуальный вариант коллизии интересов. Так, например, администрация ТОСЭР постоянно стремится обеспечить кадрами стратегически важные отрасли территории, в то время как для населения эти сферы деятельности не привлекательны – маловероятен карьерный рост, социальные гарантии и финансовое благополучие. Другой вариант рассогласования: работодатели нацелены на высокую прибыль за счет повышения компетенций и закрытия вакансий ключевых работников, в то время как образование подчас формально ориентируется на производственный запрос, стремится решать задачи аккредитации, конкурсных грантовых программ и трудоустройства всех своих выпускников.

Таким образом, колебания и дисбалансы рынка труда требуют гибких стратегий подготовки кадров, которые начинаются с ранней профессиональной ориентации школьников посредством получения рабочей профессии.

Современный региональный вуз обладает ограниченными ресурсами для создания разветвленной многоуровневой системы подготовки кадров в интересах ТОСЭР, в этой связи создаются партнерские организационные структуры, которые обеспечивают кадровые потребности территории. Они строятся как варианты интегративных многопрофильных и многоступен-

¹ Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 N 473-ФЗ. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/

чатых систем профессионального образования. Стратегии подготовки кадров ориентированы на будущие потребности социально-экономического роста региона: перспективы импортозамещения, трансфера инновационных технологий в наукоемкое производство, непрерывное обновление профессиональных компетенций (Блинов и др., 2020).

Зарубежные и отечественные исследования определяют опыт успешного взаимодействия образования местных производств в интересах региона (Burbridge, Morrison, 2021; Zmyzgoва, Polyakova, Prokofyev, 2020; Frolova, 2019).

В данной статье принято, что в реалиях России во взаимодействии профессионального образования и инновационного производства преобладает масштабная всеобъемлющая цифровизация и объединение ресурсов различных организаций для индивидуализации образовательного процесса. Ресурсы подготовки кадров могут быть определены и актуализированы во взаимодействии резидентов ТОСЭР и кластера «технологических инноваторов» (Trachuk, Linder, 2018).

Среди моделей кластерной инновационной производственной деятельности Н. В. Линдер выделен вариант предприятий, особенно заинтересованных во взаимодействии с профессиональным образованием – «технологические инноваторы».

Предприятия такого типа развиваются благодаря постоянному инновационному процессу, нуждаются в непрерывном совершенствовании своих кадров, их готовности к грядущим изменениям. Как правило, они имеют сеть производственно-образовательных полифункциональных филиалов-академий, которые в регионах представляют свою продукцию, обучают инновациям работников других предприятий, консультируют по проблемам отраслевого характера, подбирают кадры, поставляют различные информационные, программные материалы и средства обучения, становятся активными инициативными партнерами-ресурсодержателями (Питьев, 2022), готовыми совместно с вузом работать в региональном образовательном пространстве.

Взаимодействие с технологическими инноваторами создает для высшей школы ряд образовательных эффектов опережающего характера, особенно значимых в практической профессиональной подготовке. В литературе к ним отнесены учет новых требований производства в программах и содержании образования вуза, освоение новых технологий в ходе практики, разработка инновационно-ориентированных проектов (Антипьев, Захаров, 2009).

В междисциплинарных исследованиях представлены различные модели интеграции профессионального образования и производства (Колесников, 2018, Sheinbaum, Budzinskaya, 2018; Балацкий, Екимова, 2021; Shvetsova, Khorosheva 2021; Пономарева, Сабитова 2022). В то же время опыт гибких стратегий подготовки кадров с учетом инновационности деятельности производственных партнеров представлен фрагментарно, что актуализирует тему данной статьи.

В практике Кумертауского филиала ОГУ (Анищенко, Барсукова, Кондратьева, 2015; Сазонова, Анищенко, 2021; Сазонова, Кирьякова, Белоновская, 2022) отображены перспективные аспекты взаимодействия «вуз – предприятие – город – ТОСЭР». За прошедшее время конкретизировались принципы, инфраструктурные компоненты и педагогические технологии организации опережающей практики, реализуемой в Кумертауском филиале ОГУ. В то же время в опубликованных исследованиях новые реалии еще не нашли полного отражения.

Целью исследования является обеспечение гибкости подготовки кадров на основе развития многофункционального сотрудничества регионального вуза, резидентов ТОСЭР и кластера предприятий-технологических инноваторов.

Методы

В качестве методологии исследования представлен интегративный подход, который позволяет анализировать на различных уровнях образовательный процесс (Гревцева и др., 2017), взаимодействие партнеров в условиях университетского комплекса (Белоновская, 2006).

Материалы исследования представлены аналитикой данных об опыте реализации комплексных направлений гибких стратегий подготовки кадров на базе Кумертауского филиала Оренбургского государственного университета в период с 2014 по 2023 г. в условиях Кумертау как города, имеющего статус ТОСЭР.

Результаты

В статье представлены теоретическое обоснование и эмпирический опыт организации результативного многофункционального сотрудничества регионального вуза и кластера предприятий – технологических инноваторов, обеспечивающего гибкость стратегий подготовки кадров на основе интеграционного взаимодействия «школа – СПО – вуз – ДПО – предприятие» в интересах территории опережающего социально-экономического развития.

В 2016 году городской округ г. Кумертау получил официальный статус ТОСЭР. В рамках данной программы перед системой образования города ставятся задачи по наполнению образовательных программ содержанием, отвечающим потребностям новых резидентов, и по организации системной профориентационной работы, необходима ориентация на подготовку будущих рабочих кадров к выполнению задач ТОСЭР и достижению целей инновационного развития региона. Реализация гибкой стратегии подготовки кадров на базе Кумертауского филиала ОГУ в настоящее время представлена комплексом направлений.

Направление «Привлечение молодежи в ТОСЭР. Центр трудовых ресурсов». За период с 2016 по 2023 год в город вошли 35 резидентов, создав дополнительно 1 683 рабочих места. Кумертау необходимо было расширять горизонты взаимодействия с соседними территориями для привлечения молодежи в город. С этой целью филиалом в апреле 2022 года была организована республиканская стратегическая сессия. На сессии решались задачи выработки единой политики в части обеспечения нужд отраслей экономики юга республики Башкортостан профессионально-квалифицированными кадрами, формирования потребностей в обучении специалистов на 5-летний период с обязательным дальнейшим трудоустройством. Стейкхолдерами выступили администрация 13 районов и городов юга Республики Башкортостан.

Филиал вышел с ходатайством о создании общегородского Центра трудовых ресурсов (ЦТР) с руководящим органом в форме координационного совета, который стал организатором взаимодействия заказчиков кадров и их исполнителями. В настоящее время ЦТР объединил в себе под началом филиала более 20 предприятий и организаций различных сфер экономики, с которыми заключены договорные отношения по подготовке профессиональных кадров. Руководит ЦТР созданный при администрации г. Кумертау «Координационный Совет» по подготовке профессиональных кадров для юга РБ, в который вошли представители профессиональных образовательных организаций города Кумертау и 13 районов юга Республики Башкортостан, администрации города и Центра занятости населения.

Структурными подразделениями ЦТР являются базовые кафедры, функционирующие на ведущих предприятиях с отраслевым направлением, соответствующим профилю подготовки. Кумертауским филиалом ОГУ подготовлена соответствующая форма договора с предприятиями о порядке заключения 3-сторонних целевых договоров «филиал – предприятие – студент 3 курса», причем договор заключается перед началом производственной практики, которая в обязательном порядке проходит на данном предприятии с последующим принятием выпускника на рабочее место данного предприятия.

Направление «Востребованные кадры в ТОСЭР».

Подготовить специалиста-профессионала для конкретного предприятия заказчика, причем имеющего рабочую профессию и овладевшего навыками технологии данного производства, становится возможным только благодаря интеграционному взаимодействию предприятия с высшей школой. Сегодня современная социально-экономическая ситуация требует от организаторов профессионального образования особого внимания к критерию эффективности профессиональной подготовки обучающихся. С целью обеспечить гибкие стратегии подготовки рабочих кадров и кадров среднего производственного звена Кумертауским филиалом ОГУ в 2018 г. было открыто отделение среднего профессионального образования (СПО). В этом случае линия интеграции переходит на новый, многоступенчатый уровень «школа – СПО – вуз».

Именно такое взаимодействие становится одним из востребованных и перспективных направлений инновационных процессов, которые определяют порядок построения получаемых знаний молодого человека от общеобразовательного до профессионально направленного вида его дальнейшего жизненного пути.

Первые шаги знакомства с будущими профессиями школьники делают на аккредитованных площадках филиала, где проходят профессиональные пробы под руководством наставников, знакомятся с интересующей их компетенцией и выполняют задания из реальной профессиональной деятельности. Именно здесь они могут выбрать для себя профессию. Учет интересов ТОСЭР обеспечивается ежегодным заключением филиалом трехсторонних договоров-соглашений между администрациями городов и муниципальных районов, включая Управления образования Республики Башкортостан по программе развития движения «JuniorSkills». На 2022/23 уч. год Филиалом согласована с 14 общеобразовательными школами города программа взаимодействия, включающая в себя сотрудничество практически во всех сферах деятельности от проведения олимпиад и конкурсов, разработки проектно-конструкторских работ до спортивно-массовых и культурных мероприятий с целью качественного взаимодействия с образовательными учреждениями.

Направление «Центр опережающей профессиональной подготовки». Для реализации гибкой стратегии ранней профессиональной ориентации учащихся школ начиная с 14-летнего возраста в Филиале был создан второй в Республике Башкортостан Центр опережающей профессиональной подготовки (ЦОПП), в рамках которого была развернута работа по ориентации школьников на рабочие профессии, создана материально-техническая база с полным учебно-методическим обеспечением.

Партнерами в создании ЦОПП выступили Уральская сбытовая компания «КнауфГипс», г. Екатеринбург, и Строительная академия «Технониколь», г. Уфа. Сертифицированный ресурсный центр компании «Технониколь» в Кумертауском филиале ОГУ начал работать в сентябре 2014 года в рамках заключенного договора о сотрудничестве.

Предприятие ООО «Технониколь» представляет собой элемент кластера «технологический инноватор». Корпорация (строительная академия) «Технониколь» относится к числу крупнейших производителей строительных материалов и систем. Ее деятельность включает также работу 9 учебных центров на территории Казахстана, Белоруссии, Татарстана, Башкортостана, российских регионов и столиц (Ханин, 2015; Бертова, 2021). Ресурсный центр «Технониколь» создан в специально построенном Кумертауским филиалом ОГУ новом учебно-лабораторном корпусе площадью 600 кв. м. В корпусе расположены залы теоретического и практического обучения, лекционная аудитория, научно-образовательный центр по теплоэнергосбережению, лаборатория испытания строительных материалов. Центр снабжен современным монтажным оборудованием, стендами, макетами, высококлассными аудиториями, конференц-залом, компьютерным классом и зонами практических занятий.

Другим вариантом взаимодействия с технологическим инноватором стало сотрудничество с международной группой компаний КНАУФ. Консультационный центр «КНАУФ» Уральской сбытовой компании «Кнауф Гипс» г. Екатеринбург начал работу при филиале с 2016 г. Как и ООО «Технониколь», данное предприятие развивается по варианту технологического инноватора. Академия «Кнауф онлайн» представляет платформу дистанционного обучения по современным строительным материалам и технологиям. Разветвленная сеть центров на территории России действует на базе техникумов, колледжей и университетов. Корпорация обеспечивает ресурсный центр материалами для проведения занятий, обновленным оборудованием, стендами, макетами и другими необходимыми средствами обучения.

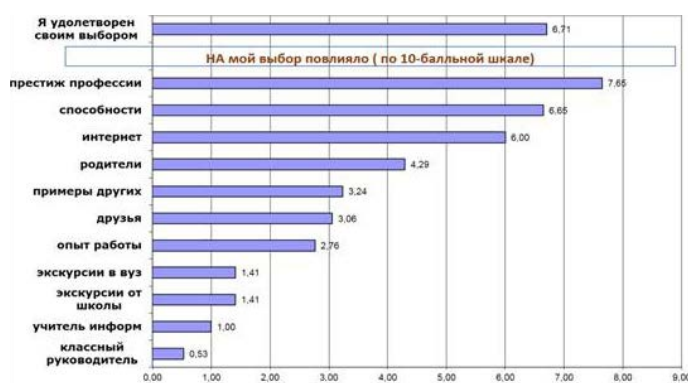
Действующий на базе этих подразделений ЦОПП реализует новый уровень профориентационной и профессиональной подготовки школьников Республики Башкортостан. В центре прошли обучение более 350 школьников. Гибкая стратегия обучения определяет 7 направлений профессиональной подготовки. Обучение проходит в течение 4 месяцев на рабочих площадках филиала и завершается конкурсом «Лучший по профессии» с вручением удостоверений по получению рабочей профессии. Затем победители конкурса проходят дополнительную, углубленную двухмесячную подготовку по полученной профессии под руководством экспертов-наставников филиала и представляют город Кумертау и республику на региональных и национальных чемпионатах World Skills юниорской линейки.

«Инженерные классы». Система конкурсов по профессии является важным элементом гибкой стратегии подготовки кадров. Она позволяет акцентировать востребованные направления подготовки кадров, популяризировать их как значимые, направлять внимание молодежи на их престижные привлекательные аспекты.

Филиал уже четвертый год подряд становится региональной площадкой для проведения чемпионатов по стандартам World Skills (линейка юниоров) в компетенции «Ремонт и обслуживание легковых автомобилей». Также совместно с ЦОПП РБ реализует проект ранней профессиональной ориентации школьников 6–11 классов «Билет в будущее», который входит в паспорт федерального проекта «Успех каждого ребенка».

Студентам вуза создаются условия для результативного участия в престижных конкурсах, международной олимпиаде и научно-практических конференциях по направлению «Строительство». Одним из значимых направлений деятельности учебного центра является подготовка участников чемпионата World Skills «Молодые профессионалы».

Профессиональная ориентация школьников всегда была проблемной темой в региональных условиях. Переход к системе единого государственного экзамена существенно сократил ресурсы времени, которые можно было задействовать учителям на ведение профориентационной работы. Результатом стала вынужденная отстраненность педагогов школы от активной деятельности по сохранению в городе со статусом ТОСЭР «собственных» выпускников. В подтверждение этого тезиса приведем исследование степени влияния различных факторов на выбор профессии. Опрос проведен среди первокурсников, обучающихся по специальностям ИТ-сферы (рис.).

Исследование степени влияния различных факторов на выбор профессии

Study of the degree of influence of various factors on the choice of a profession

даватели вуза и школы. Таким образом, учитывая непредсказуемость образовательной ситуации и риски дистанционного обучения школьников, необходимо предусмотреть высоко результативные интенсивные методики и формы организации профориентационной работы.

Как результат работы в данном направлении состоялось открытие двух инженерных классов: IT-Education и брендированной лекционной аудитории электроснабжения АО «БЭСК» ООО «Башкирэнерго» на базе филиала за счет средств работодателей, что в значительной степени повышает интерес самих обучающихся именно к данным профильным предприятиям и позволяет решать задачу понимания и значимости подготовки собственных профессиональных кадров посредством интеграционного взаимодействия «школа – вуз – предприятие» и привлечения выпускников школ города и района.

Направление «Компетенции технологического инноватора – вузу».

Инициатива и притягательность сотрудничества технологических инноваторов с Кумертауским филиалом ОГУ в условиях ТОСЭР обусловлена его уникальными компетенциями. Филиал расположен в городе Кумертау, имеющем статус ТОСЭР. Кроме того, Кумертауский филиал ОГУ концентрирует подготовку, повышение квалификации и переподготовку кадров строительной индустрии и работников различных подразделений саморегулируемых организаций в Республике Башкортостан.

Все ресурсные возможности корпорации «Технониколь» внедряются в основном образовательном процессе по программам высшего образования. В своей проектной деятельности сту-

денты активно используют постоянно обновляемый интерактивный справочник строительных систем «ПроекТНавигатор» – приложение, специально разработанное для инженеров и архитекторов, которое позволяет делать расчеты для коттеджного и малоэтажного, а также промышленного и гражданского строительства. За период с ноября 2014 года по настоящий момент на базе ресурсного центра «Технониколь» в филиале уже прошли обучение по различным программам 1 200 специалистов отрасли строительства и жилищно-коммунального хозяйства и свыше 650 студентов старших курсов филиала очной и заочной формы обучения.

Перспективность подготовки на основе развития партнерского сотрудничества между филиалом и предприятиями – технологическими инноваторами позволяет существенно и постоянно модернизировать учебный процесс вуза, учитывать новые тренды рынка труда.

Гибкость стратегий подготовки кадров обусловлена возможностями открывать дополнительные источники финансирования, повышать статус вуза и ресурсного центра, и самой корпорации в глазах общественности, научного сообщества, что в конечном итоге повышает эффективность процесса образования, степень успешного трудоустройства выпускников филиала.

Предоставленное партнерами – технологическими инноваторами оборудование раскрывает новые перспективы учебного процесса вуза: делает возможным выполнение инновационно направленных курсовых и дипломных работ, проектов, научно-исследовательской работы.

Центр опережающей профессиональной подготовки демонстрирует студентам и работникам промышленности новый уровень культуры строительства, современное и будущее строительных материалов, грядущие тренды современных строек. В нем формируются и апробируются педагогические технологии профориентированной и профессиональной подготовки рабочих и студентов Республики Башкортостан.

Так, утвердилась практика обучения на рабочие профессии всех студентов филиала, начиная со 2 курса. За период с момента получения лицензии на обучение по рабочим профессиям по 2022 год обучение прошли более 700 человек. Все 23 программы по рабочим профессиям построены на основе утвержденных профессиональных стандартов и, безусловно, с учетом требований предприятий заказчиков в части внедрения новых, современных технологий строительного производства.

Выводы

Анализ представленного опыта выделяет ряд значимых возможностей, которыми обладают региональные вузы во взаимодействии со стейкхолдерами региона и предприятиями – технологическими инноваторами для организации гибких стратегий подготовки кадров:

- функционируют как центры прогнозирования и формирования новых компетенций;
- образуют центры притяжения молодых кадров и точки влияния в условиях территории опережающего социально-экономического развития;
- демонстрируют и внедряют перспективный уровень материалов, технологий, представленных в центрах производственных партнеров;
- предоставляют актуальные рекомендации, консультации, информацию и иные услуги;
- культивируют международный уровень производственной и образовательной культуры и технологических компетенций производственных партнеров;
- оптимально используют территориальную близость субъектов обучения, руководителей и участников строительства (студентов, строителей, проектировщиков, работников служб ЖКХ, менеджеров, торговых партнеров, образовательных организаций региона, частных лиц);
- обеспечивают разработку исследовательских проектов, в которых участвуют преподаватели, используя лабораторную базу центров и реализуя научный потенциал вуза;
- повышают инновационный имидж производственной профессии и профессиональной подготовки, обеспечивающих конкурентоспособность, привлекательность вуза и профессии для абитуриентов;
- гарантируют многоуровневость, многоступенчатость и многопрофильность обучения за счет возможности вовлечения в процесс обучения и исследования школьников, подготовки рабочих, студентов СПО, студентов различных курсов вуза, повышения квалификации преподавателей на базе центров;
- реализуют значительный масштаб, спектр и длительность производственной и образовательной деятельности как реальный вклад в перспективы кадрового и социально-экономического развития региона.

Автором сформулированы основные позиции, которые обеспечивают гибкость стратегий подготовки кадров в условиях ТОСЭР:

- презентация вуза как владельца уникальных компетенций привлечения молодежи в регион;
- ресурсное взаимовыгодное взаимодействие профессионального образования с резидентами ТОСЭР и кластером технологических инноваторов;
- ориентация деятельности ресурсных центров на ценности труда и социально-экономическое развитие территории;
- обеспечение многопрофильности и многоступенчатости подготовки кадров в системе «школа – СПО – вуз – ДПО»;
- создание на базе вуза организационных, интегративных структур взаимодействия стейкхолдеров.

Источники

- Анищенко В. А., Барсукова Д. Ф., Кондратьева Н. В. (2015) Инновационная модель интеграции науки, образования и производства Кумертауского филиала Оренбургского государственного университета в современных условиях развития региона. *Современные проблемы науки и образования*, № 5, с. 490.
- Антипьев А. Г., Захаров Д. Н. (2009) Синхронизация системы высшего образования и рынка труда в трансформирующемся российском обществе. *Гуманизация образования*, № 3, с. 31–36.
- Балацкий, Е. В., Екимова Н. А. (2021) Механизмы интеграции вузов и реального сектора экономики. *Journal of Economic Regulation*, т. 12, № 3, с. 58–75.
- Белоновская, И. Д. (2006) Формирование инженерной компетентности специалиста: предпосылки, тенденции и закономерности. *Вестник Оренбургского государственного университета*, № 1–1 (51), с. 95–100.
- Бертова А. Я. (2021) Корпоративное образование как фактор успешного развития компании в VUCA-мире. *Сила систем*, № 2(19), с. 25–33.
- Блинов В., Сатдыков А., Осадчева С., Красовский Н. (2020) Опережающая профподготовка: формирование системообразующих компонентов. *Образовательная политика*, № 4 (84), с. 84–95.
- Гревцева Г. Я., Циулина М. В., Болодурина Э. А., Банников М. И. (2017) Интегративный подход в учебном процессе вуза. *Современные проблемы науки и образования*, № 5, с. 262.
- Захарова А. А., Редькина И. А., Морозова М. В., Лизунков В. Г. (2021) Иерархическая модель выбора стратегии развития системы опережающей подготовки кадров моногорода. *Современные наукоемкие технологии*, № 8, с. 81–87.
- Колесников А. С. (2018) Философско-методологические предпосылки новой парадигмы системы образования в условиях интеграции и глобализации. *Социальная компетентность*, т. 3, № 4 (10), с. 49–59.
- Питьев С. О. (2022) Ресурсный подход, как фактор обеспечения инновационного развития реального сектора региональной экономики *Экономика и предпринимательство*, № 5 (142), с. 527–530.
- Пономарева О. Я., Сабитова Е. А. (2022) Кадровое партнерство как условие развития бизнеса и образования. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*, Т. 11, № 2, с. 6–14.
- Сазонова Т. В., Анищенко В. А. (2021) Образовательная трансформация в условиях непрерывной подготовки кадров. *Современные проблемы науки и образования*, № 3, с. 72.
- Сазонова Т. В., Кирьякова А. В., Белоновская И. Д. (2022) Трансформации современного образования: проекции на развитие филиала университета. *Казанский педагогический журнал*, № 6 (155), с. 67–76.
- Ханин Г. И. (2015) Как с нуля создать лидера промышленной отрасли в современной России и мире: ответы и загадки (о книге Сергея Колесникова и Игоря Альтшулера «ТЕХНОНИКОЛЬ - главная роль»). *Journal of Economic Regulation*, т. 6, № 1, с. 6–19.
- Burbridge M. A., Morrison G. M. Systematic (2021) literature review of partnership development at the university-industry-government nexus. *Sustainability*, vol. 13, no. 24.
- Frolova N. S. (2019). Territories Of Advanced Socio-Economic Development: The Growth Points Of The Russia's Regions. *Project Management in the Regions of Russia, European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, vol. 77, pp. 172–181.
- Sheinbaum V. S., Budzinskaya O. V. (2018) Integration of education, science, and business: current institutional solutions. *Higher Education in Russia*, vol. 27, no. 2, pp. 39–46.
- Shvetsova N. A., Khorosheva E. I. (2021) The problem of values and value attitude of education in the conditions of informatization of the society. *Eurasian Humanitarian Journal*, no. 1, p. 101–111.
- Trachuk A., Linder N. (2018) Innovation and performance: an empirical study of Russian industrial companies. *International Journal of Innovation and Technology Management*, vol. 15, no. 3, pp. 1850027-1–1850027-22.
- Zmyzgova T., Polyakova E., Prokofyev K. (2020) University relations: University-industrial relations as the main factor in the development of polytechnic education. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, vol. 172, pp. 569–579.

References

- Anishchenko V. A., Barsukova D. F., Kondratieva N. V. (2015) Innovatsionnaya model' integratsii nauki, obrazovaniya i proizvodstva Kumertauskogo filiala Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta v sovremennykh usloviyakh razvitiya regiona [Innovative model of integration of science, education and production of the Kumertau branch of Orenburg State University in modern conditions of regional development]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of Science and education*, no. 5, p. 490. (In Russian).

- Antip'yev, A. G., Zakharov D. N. (2009) Sinkhronizatsiya sistemy vysshego obrazovaniya i rynka truda v transformiruyushchemsya rossiyskom obshchestve [Synchronization of the higher education system and the labor market in a transforming Russian society]. *Gumanizatsiya obrazovaniya – Humanization of Education*, no. 3, pp. 31–36. (In Russian).
- Balatsky E. V., Ekimova N. A. (2021) Mekhanizmy integratsii vuzov i real'nogo sektora ekonomiki [Mechanisms of integration of universities and the real sector of the economy]. *Journal of Economic Regulation*, vol. 12, No. 3, pp. 58–75. (In Russian).
- Belonovskaya I. D. (2006) Formirovaniye inzhenernoy kompetentnosti spetsialista: predposylki, tendentsii i zakonomernosti [Formation of engineering competence of a specialist: prerequisites, trends and patterns]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Orenburg State University*, no. 1-1 (51), pp. 95–100 (In Russian).
- Bertova A. Ya. (2021) Korporativnoye obrazovaniye kak faktor uspeshnogo razvitiya kompanii v VUCA-mire [Corporate education as a factor of successful company development in the VUCA world]. *Sila sistem – The Power of Systems*, no. 2(19), pp. 25–33 (In Russian).
- Blinov V., Satdykov A., Osadcheva S., Krasovsky N. (2020) Operezhayushchaya profpodgotovka: formirovaniye sistemobrazuyushchikh komponentov [Advanced vocational training: formation of system-forming components]. *Obrazovatel'naya politika – Educational Policy*, no. 4(84), pp. 84–95 (In Russian).
- Burbridge M. A., Morrison G. M. (2021) Systematic literature review of partnership development at the university–industry–government nexus. *Sustainability*, vol. 13, no. 24.
- Frolova, N. S. (2019) Territories of advanced socio-economic development: the growth points of the Russia's regions. *Project Management in the Regions of Russia*, vol 77. *European Proceedings of social and behavioural sciences*, pp. 172–181.
- Grevtseva G. Ya., Tsiulina M. V., Bolodurina E. A., Bannikov M. I. (2017) Integrativnyy podkhod v uchebnom protsesse vuza [Integrative approach in the educational process of the university]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of Science and education*, no. 5, p. 262 (In Russian).
- Khanin G. I. (2015) Kak s nulya sozdat' lidera promyshlennoy otrasli v sovremennoy Rossii i mire: otvety i zagadki (o knige Sergeya Kolesnikova i Igorya Al'tshulera «Tekhnonikol' – glavnaya rol'») [How to create an industrial industry leader from scratch in modern Russia and the world: answers and riddles (about the book by Sergey Kolesnikov and Igor Altshuler “Technonicol – the main role”)]. *Journal of Economic Regulation – Journal of Economic Regulation*. Vol. 6, no. 1, pp. 6–19 (In Russian).
- Kolesnikov A. S. (2018) Filosofsko-metodologicheskiye predposylki novoy paradigmy sistemy obrazovaniya v usloviyakh integratsii i globalizatsii. [Philosophical and methodological prerequisites of a new paradigm of the education system in the context of integration and globalization]. *Sotsial'naya kompetentnost' – Social Competence*, vol. 3, no. 4(10), pp. 49–59 (In Russian).
- Pitiev S. O. (2022) Resursnyy podkhod, kak faktor obespecheniya innovatsionnogo razvitiya real'nogo sektora regional'noy ekonomiki [Resource approach as a factor of ensuring innovative development of the real sector of the regional economy], *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Economics and Entrepreneurship*, no. 5(142), pp. 527–530. (In Russian).
- Ponomareva O. Ya., Sabitova E. A. (2022) Kadrovoye partnerstvo kak usloviye razvitiya biznesa i obrazovaniya. [Personnel partnership as a condition for business and education development]. *Upravleniye personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii – Personnel and Intellectual Resources Management in Russia*, vol. 11, no. 2, pp. 6–14. (In Russian).
- Sazonova T. V., Anishchenko V. A. (2021) Obrazovatel'naya transformatsiya v usloviyakh nepreryvnoy podgotovki kadrov [Educational transformation in conditions of continuous training]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of Science and education*, no. 3, p. 72. (In Russian).
- Sazonova T. V., Kiryakova A. V., Belonovskaya I. D. (2022) Transformatsii sovremennogo obrazovaniya: proyektzii na razvitiye filiala universiteta [Transformations of modern education: projections for the development of the university branch]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*, no. 6 (155), pp. 67–76 (In Russian).
- Sheinbaum V. S., Budzinskaya O. V. (2018) Integration of education, science, and business: current institutional solutions. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*, vol. 27, no. 2, pp. 39–46.
- Shvetsova N. A., Khorosheva E. I. (2021) The problem of values and value attitude of education in the conditions of informatization of the society. *Eurasian Humanitarian Journal*, no. 1, pp. 101–111.
- Trachuk A., Linder N. (2018) Innovation and performance: an empirical study of Russian industrial companies. *International Journal of Innovation and Technology Management*, vol. 15, no. 3, pp. 1850027-1 – 1850027-22.
- Zakharova A. A., Redkina I. A., Morozova M. V., Lizunkov V. G. (2021) Iyerarkhicheskaya model' vybora strategii razvitiya sistemy operatsionnoy podgotovki kadrov monogoroda [Hierarchical model of choosing a strategy for the development of a system of advanced training of single-industry city personnel]. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii – Modern high-tech Technologies*, no. 8, pp. 81–87 (In Russian).
- Zmyzgova T., Polyakova E., Prokofyev K. (2020) University relations: University–industrial relations as the main factor in the development of polytechnic education. *Smart innovation, systems and technologies*. vol. 172, pp. 569–579.

Информация об авторе

Сазонова Татьяна Васильевна

Кандидат технических наук, доцент, директор Кумертауского филиала Оренбургского государственного университета, г. Кумертау, РФ. ORCID ID: 0000-0003-2183-8243. E-mail: sazonowatv@kfosu.edu.ru

Autor's information

Tatyana V. Sazonova

Cand. Sc. (Technical), Associate Professor, Director of the Kumertau branch of the Orenburg State University, Kumertau, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-2183-8243. E-mail: sazonowatv@kfosu.edu.ru

Н. А. Маркова¹

✉ markovana@tpu.ru

¹Томский политехнический университет, г. Томск, Российская Федерация

Формирование информационной модели адаптационного обучения иностранному языку

Аннотация: Вопросы повышения качества образования в технических вузах часто рассматриваются в контексте теоретических аспектов организации изучения дисциплины «Иностранный язык». Реализация программ языковой подготовки может осложняться рядом трудностей, в числе которых недостаточная языковая подготовленность абитуриентов технических направлений. Обеспечить языковую готовность выпускника школы к обучению дисциплине по программе вуза призвано адаптационное обучение. Задача адаптационных форм работы – оптимизировать учебный процесс с учетом уровня исходной подготовки студента-первокурсника, помочь ему преодолеть разрыв между ступенями образования и восполнить пробелы в языковом образовании на базовом уровне. В статье раскрывается сущность категории «адаптационное обучение иностранному языку». Цель исследования – сформировать информационную модель исследуемой категории, интерпретируя ее сущностные качества через их закономерное изменение. Идентифицированы и последовательно описаны этапы эволюционирования приспособления, выявленные в структуре адаптационного обучения иностранному языку. Полученная модель включает в себя шесть логических уровней, представляющих качественные характеристики адаптационных процессов и описание логического предела познания каждого уровня. Упорядоченный комплекс качественных характеристик объекта, отражающих непрерывное усложняющееся преобразование процесса приспособления в адаптационном обучении, сформирован с помощью метода категориально-системной методологии «конечный информационный поток». Предлагаемый автором информационный образ раскрывает сущность адаптационного обучения, задает его более точную качественную определенность и повышает его содержательность, что не только развивает научные представления, но и служит основой для дальнейших исследований механизмов формирования адаптационного обучения и условий успешного управления его развитием.

Ключевые слова: адаптационное обучение, иностранный язык, технический вуз, эволюция, метод конечный информационный поток, логический уровень.

Дата поступления статьи: 7 декабря 2022 г.

Для цитирования: Маркова Н. А. (2023) Формирование информационной модели адаптационного обучения иностранному языку. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 159–173. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.16.

Scientific article

N. A. Markova¹

✉ markovana@tpu.ru

¹Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Formation of an information model of Foreign Language adaptation training

Abstract: The researchers often connect the issues of improving the quality of education in technical universities with the study process of the discipline “Foreign Language”. Insufficient language proficiency of applicants causes the adaptation training courses that optimize the educational process. Taking into account the level of initial language training of a first-year student they help fill in the gaps in language education at the basic level. The article reveals the essence of the category “Foreign Language adaptation training”. The purpose is to form an information model, interpreting its essential qualities through their natural change. The author consistently describes the identified stages of adaptation evolution. The

resulting model includes six logical levels representing qualitative characteristics of adaptation processes and a description of the logical limit of cognition of each level. The method of the categorical-system methodology "Finite information flow" helped to form a set of qualitative characteristics, reflecting the continuous transformation of the adaptation process in training. The information image proposed by the author reveals the essence of adaptation training and sets its more precise qualitative certainty. The results serve as the basis for further research on the mechanisms of formation and the conditions for successful management of the adaptation training development.

Keywords: adaptation training, Foreign Language, technical university, evolution, finite information flow method, logical level.

Paper submitted: December 7, 2022.

For citation: Markova N. A. (2023) Formation of an information model of Foreign Language adaptation training. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 159–173. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.16.

Введение

Современное развитие общества, быстрая смена технологий определяют сложность инженерной деятельности. Подготовка конкурентоспособных инженерных кадров для обеспечения технологического суверенитета России, прежде всего, должна быть обеспечена качественным уровнем инженерной подготовки в технических вузах страны. Становится очевидной необходимость подготовки профессионалов высокого класса. В настоящее время мы являемся свидетелями перехода системы подготовки инженерных кадров на принципиально другой уровень. Подтверждением тому служит сформулированный «перечень необходимых мер для изменения ситуации в инженерном образовании и инженерном деле России» (Огородова, Кресс, Похолков, 2012, с. 22).

Отчасти предпринимаемые меры объясняют, почему теперь «так сложно» учиться в техническом вузе. Практические занятия в университете проходят в более напряженном темпе, объем и сложность предъявляемого учебного материала на лекциях значительно больше, чем в общеобразовательной школе, а выполнение студентом лабораторных работ осложняется неполнотой его знаний базового уровня. Однако, очевидно, обучение в университете можно считать полноценным и качественным, если студент усваивает материал дисциплины полностью и не имеет академических задолженностей. Тем не менее на практике слабая подготовленность студента-первокурсника по таким дисциплинам, как математика, физика, химия, становится причиной академической неуспеваемости (Смык и др., 2019). Можно выделить несколько подходов к решению вопроса помощи первокурснику в овладении сложной вузовской программой.

Преподаватели снижают требования к обучению студентов, и это «вынужденное подстраивание» под недостаточные исходные знания и слабые способности студентов, несомненно, снижает качество подготовки будущих инженеров. Еще хуже обстоят дела с непрофильными предметами, например иностранным языком. Зачастую уровень владения вчерашних школьников иностранным языком может быть ниже базового, который определен ФГОС среднего общего образования. Это говорит о том, что будущие абитуриенты не овладели даже программным минимумом. Исследователи полагают, что базовый уровень языковой подготовки студентов технических вузов довольно невысок в силу ряда объективных и субъективных причин. Так, ученики старших классов, готовясь к выпускным экзаменам ЕГЭ, как правило, делают упор на профильные предметы. В теории качество подготовки должно соответствовать базовым требованиям подготовки выпускников общеобразовательной школы, однако по факту преподаватели обнаруживают у первокурсников значительный дефицит фундаментальных знаний даже по профильным предметам (Швед и др., 2022).

Тем не менее, бесспорно, именно начальный этап выполнения какой-либо деятельности закладывает фундамент прочных знаний любой области интеллектуального познания, и поэтому считается исследователями самым сложным. Кроме этого, современный, динамично развивающийся, поликультурный мир определяет высокий уровень формирования ключевых компетенций специалиста технического профиля. В настоящее время иностранный язык продолжает занимать лидирующую позицию среди средств международной коммуникации технических специалистов из разных областей наук, а значит, найти эффективный метод обучения

иностранному языку в техническом вузе все еще крайне важно. Одним из решений выявленного противоречия является адаптационное обучение. Оно призвано повысить качество реализуемой учебной программы путем координирования процесса успешного усвоения первокурсниками учебного материала на базовом уровне дисциплины. Приоритет развития адаптационных форм подготовки по разным дисциплинам вуза, позволяющих «приспособить» первокурсника к изменившимся образовательным условиям, обусловлен предъявляемыми требованиями подготовки специалиста технического профиля. Помимо этого, мы считаем адаптационное обучение иностранному языку ключевым звеном, обеспечивающим «непрерывное функционирование коммуникативного пространства» вуза, его языковой среды, так необходимой для языковой социализации инженера (Похолков, Горянова, 2022, с. 130). В настоящее время в научной и педагогической литературе процесс психолого-педагогического сопровождения адаптации первокурсников находится под пристальным вниманием ученых, однако основы теории адаптационного обучения представлены фрагментарно (Бухалко, 2020).

Контент-анализ литературы выявил, что вопросы обучения студентов, чей базовый уровень иноязычной подготовки существенно ниже требуемого, слабо разработаны как с теоретической, так и практической точки зрения. Методологический характер проблемы – в отсутствии конкретного алгоритма, который привел бы к получению эффективного результата: быстрому формированию у студентов базового уровня знаний, необходимого для дальнейшего обучения в вузе. Для подтверждения мысли о важности системного понимания феномена «адаптационное обучение» обратимся к работе Г. А. Краснощековой, посвященной основам формирования профессионально ориентированной коммуникативной компетенции. Автор указывает на слабую подготовку по иностранному языку в школе, говорит о несоблюдении принципа преемственности в обучении между школой и вузом и обсуждает проблему недостаточного методического обеспечения. Полагаем, следует согласиться с выдвинутым в работе положением о том, что «студенты не владеют элементарными лингвистическими знаниями и, следовательно, их лингвистические умения и навыки сформированы на очень низком уровне» и проблема до сих пор остается нерешенной (Краснощекова, 2018, с. 178).

Под нулевым (очень низким) уровнем владения мы понимаем отсутствие какого-либо уровня коммуникативной компетенции, выражающейся в неспособности применить лингвистические знания и умения для продуктивного речевого общения на изучаемом языке. При этом отсутствует понимание иноязычной речи, нет представления об основах построения элементарных языковых конструкций, сопровождающееся наличием языкового барьера, а также невозможностью использовать иностранный язык ни в одном из видов речевой деятельности (говорение, письмо, чтение, аудирование).

Для того чтобы создавать оптимальные условия для обучения студентов с низким стартовым или нулевым уровнем владения иностранным языком и внедрять эти условия в образовательный процесс поэтапно, необходимо понимать природу самого феномена «адаптационное обучение иностранному языку». Важно идентифицировать его качественные характеристики и учитывать факторы, детерминирующие его развитие. С точки зрения компетентностного подхода адаптационное обучение – это поэтапное приспособление студента к условиям новой дидактической обстановки (иные требования, новое содержание учебного материала, новые условия усвоения знаний и т. д.). Актуальность академической (дидактической) адаптации востребованного в будущем специалиста-инженера безусловна (Говорушенко, 2021). В условиях современного образования главенствующими являются особенности организации образовательного процесса и личностные возможности обучающихся, а непосредственно сам уровень образования детерминирует специфику академической адаптации, которая заключается в многокомпонентности своей структуры (Shamionov, Grinina, 2021, p. 375).

Таким образом, определена цель нашего исследования: построить информационную модель процесса познания объекта «адаптационное обучение иностранному языку», что позволит получить более точное описание качественных характеристик среды адаптационного обучения в вузе. Выявленная логика возникновения этих характеристик будет определять его эволюционную последовательность.

Методы

Для того чтобы как можно более точно и полно идентифицировать и описать этапы адаптационного приспособления (как выявленные элементы, составляющие объект «адаптационное обучение иностранному языку»), мы применили метод «конечный информационный поток» (КИП). Этот метод категориально-системной методологии позволяет построить категориальную модель объекта, с помощью которой можно получить данные о «сущности и качественных характеристиках» этапов приспособления и определить направление развития объекта (Боуш, Разумов, 2019, с. 104–107). Анализ научной литературы подтверждает высокую продуктивность метода КИП, результаты исследований разных наук демонстрируют его эвристический потенциал (Васильева, 2020; Ванягина, 2021; Насырова, 2021 и др.).

Суть метода заключается в следующих положениях.

Любой системный объект окружающего мира имеет набор качественных характеристик, присущих только ему и выделяющих его из класса схожих, но нетождественных ему других объектов. Этот набор характеристик составляет некий информационный образ в пространстве, который, как правило, отличается от своего физического воплощения или реального вида объекта, существующего в нашей повседневной жизни. Если исследователь хочет понять «нечто важное» об исследуемом объекте, он должен искать это «важное» именно в информационной модели объекта. «Вглядываясь» в нее, становится возможным выделить составляющие его отдельные элементы, распознать его качества и составить их в такой ряд или представить в такой последовательности, которая отразит этапы их возникновения. Таким образом, конечным информационным потоком следует обозначать информационный образ, «особым образом организованный» субъектом в процессе познания и обеспечивающий формирование между собой и исследуемым объектом единой информационной среды (Боуш, Разумов, 2019, с. 105).

Комплекс параметров метода КИП представлен логическим уровнем (ЛУ), логическим пределом (ЛП) и трансформируемостью (Т). Качественная определенность объекта задана логическим уровнем. Каждый ЛУ обозначает принципиально новую качественную характеристику в исследуемом объекте, а значит, речь идет об открытии нового информационного критерия. Каждый ЛУ связан с последующим и оказывает на него влияние в зависимости от иерархии и расстояния между ними. Количественные изменения на начальном (низком) уровне влияют на изменения на более высоких уровнях и приводят к постепенному появлению нового качества или свойства, что будет сигнализировать о повышении сложности системы, отражать глубину информационного взаимодействия. Кроме того, недостаточно говорить об упорядоченном движении процесса преобразований только вперед: развитие объекта возможно одновременно по всем вероятным направлениям. В связи с этим, наглядный образ модели отражается в форме расширяющегося конуса. Такое схематическое представление модели соответствует также философским идеям (например, Гегеля, В. Г. Белинского и др.) о закономерностях развития познания и непрямолинейности или спиралевидном движении человечества. Чем больше и внимательнее исследователь «рассматривает» объект, тем большее количество его сторон он может увидеть. Однако, находясь на конкретном ЛУ, исследователь должен понимать, что есть логический предел или широта информационного взаимодействия. Процесс изучения объекта ограничен рамками выявленных в данный период познания качественных характеристик. Условно говоря, объект можно разглядеть только в свете познаний, имеющихся на каждом конкретном этапе эволюции. При этом переход на каждый новый уровень будет порождать новое видение объекта, поскольку вновь обнаруженные качества дополняют уже существующие, а с нарастанием качественных характеристик познание исследователя становится глубже, а значит, перспективы дальнейшего изучения объекта всегда открыты. Параметр «трансформируемость» позволяет раскрыть внутренний потенциал изменений и преобразований выявленных форм объекта: количество представленных возможностей сочетать качественные характеристики объекта всегда меньше на предыдущем уровне эволюции. Итак, структурированное представление информационного образа объекта гарантирует движение в заданном направлении. Направленный характер воздействия на параметры ЛУ открывает возможности контролировать конечный результат. Таким

образом, метод позволяет представить исследуемый объект как информационную систему, раскрывающую сущность объекта и уровень организации которой последователен в своем развитии.

Результаты

На предыдущем этапе исследования с целью устранить разрозненность научных мнений, в частности в вопросах адаптационной подготовки студентов по иностранному языку в техническом вузе, мы разработали авторское определение объекта исследования. «Адаптационное обучение иностранному языку – это целенаправленный оптимизированный учебный процесс интенсивной языковой подготовки будущих квалифицированных специалистов, ориентированный на достижение базового уровня языковой компетенции, организованный в соответствии с принципами дифференцированного подхода, вариативности и системности; содержание которого определяется адаптированным учебным материалом, разработанными организационно-педагогическими условиями и адаптированной методикой обучения иностранному языку» (Маркова, 2022, с. 129).

На текущем этапе с помощью метода «конечный информационный поток» создана информационная модель объекта «адаптационное обучение иностранному языку» в техническом вузе. Представим этапы развития исследуемого объекта через призму выявленных взаимосвязанных эволюционных закономерностей, выделенных на основе главной характеристики адаптационного обучения – адаптация, или приспособление.

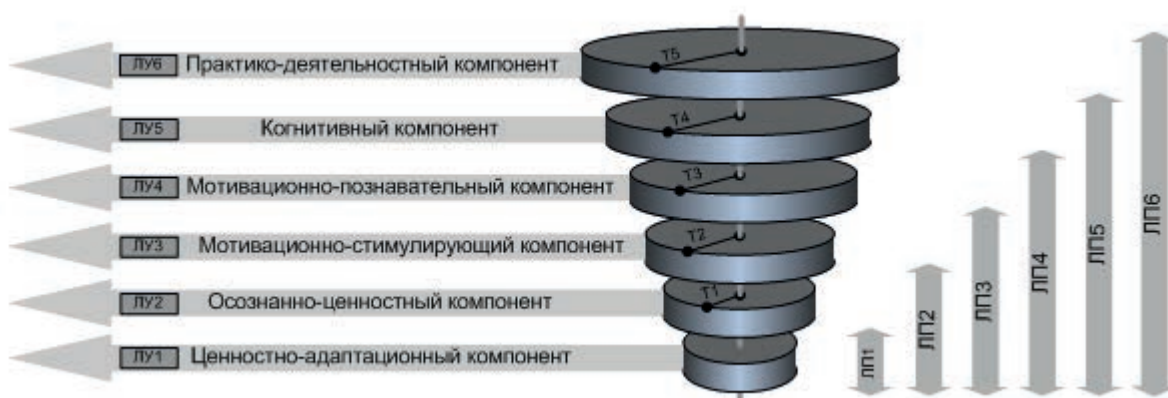
В методологическом словаре отмечено, что «адаптацию человека нельзя сводить только к приспособлению его организма к природным условиям» (Новиков, Новиков, 2013, с. 8). Согласно известному советскому физиологу В. И. Медведеву, адаптация – это процесс приспособления, «посредством которого достигается полное гармоничное состояние человека», и который обеспечивает достижение цели (Медведев, 2003, с. 424). Таким образом, можно сделать вывод о том, что это сложное явление. Для того чтобы достичь обозначенной цели образовательного процесса в вузе, модель адаптационного обучения иностранному языку должна быть сформирована прежде всего на основе сущности самой адаптации, ее природы. Адаптационное обучение иностранному языку в техническом вузе следует рассматривать как некий выделенный этап приспособления к определенному уровню обучения дисциплине «Иностранный язык». Это одновременно – приспособление к требованиям и критериям успеваемости по курсу адаптационной иноязычной подготовки и непосредственно сам процесс подготовки к формам и условиям предстоящей учебной деятельности в университете, итоговой целью которой будет «доведение» уровня знаний, умений и навыков студентов до требуемого базового минимума.

Соответственно, основой формирования и развития адаптационного обучения, его основополагающим фактором будет определено «приспособление». Именно с этого простого качества зарождается исследуемый нами объект, и под влиянием усложняющейся среды «отрачивает» (вырабатывает) в себе новые, более совершенные качества для дальнейшей адаптации, приспособления к новым условиям обучения. Генерируемые самим объектом новые, более сложные качества через накопление ресурсов побуждают его к саморазвитию. Качества, которые мы распознали в ходе исследования, расположены в определенной логической последовательности, которая, по нашему мнению, отражает объективное распределение этапов адаптационного приспособления как одного из проявлений процесса адаптационного обучения в вузе. Таким образом, выбор именно такой качественной характеристики объекта позволит соблюсти принцип однородности при конструировании модели адаптационного обучения с использованием метода «конечный информационный поток». Будем полагать, что приспособление – это отправная точка для успешного освоения вузовской программы обучения.

Раскрыть сущность качественных характеристик этапов академического (дидактического) приспособления нам помогли некоторые основные теоретические аспекты иерархической системы образовательных целей Б. Блума (Anderson, 2001). Кроме того, идентифицируя и описывая выделенные этапы, мы придерживались мнения доктора педагогических наук Н. Ш. Мифтаховой. Она считает, что под адаптационным обучением следует понимать «обучение

дисциплине по мотивационно-побудительной стратегии адаптации, при котором используется потенциал личности студента для скорейшего преодоления трудностей и достижения адаптированности (готовности) к учебной деятельности в новой образовательной среде предметной области» (Мифтахова, 2017, с. 98). Также мы опирались на теоретические представления исследователей о компонентном составе академической адаптации (Шамионов и др., 2022, с. 56).

Все вышесказанное позволяет нам представить логические уровни иноязычной адаптационной подготовки студентов технического вуза, отражающие этапы приспособления, которые связаны с академической адаптацией. Укажем, что количество и содержание рассматриваемых уровней должно быть определено спецификой дисциплины. Так, уточним, что в нашем понимании адаптационная языковая подготовка студентов-первокурсников, имеющих «первоначально разный уровень сформированности» иноязычной компетенции (от нулевого до низкого), и есть адаптационное обучение иностранному языку в техническом вузе. Его цель – достичь «в определенный период времени требуемого базового уровня (минимально необходимого) для дальнейшего обучения на старших курсах» (Маркова, 2022, с. 15). Кроме того, в связи с тем что дисциплина «Иностранный язык» не является профильной в техническом вузе, считаем целесообразным выделить аспект сформированных ценностно-смысловых ориентиров студента на получение знаний гуманитарного цикла образования как «стартовый» логический уровень. Это тот уровень, без которого невозможно расширить жизненный путь личности в самом глобальном понимании. Адекватность цели начального этапа будет выступать критерием эффективности всей адаптационной стратегии обучения. Информационная система исследуемого объекта, отражающая его последовательное развитие, представлена на рис.

Модель адаптационного обучения иностранному языку в категориях метода «конечный информационный поток»

Model of Foreign Language adaptation training in the categories of the “finite information flow” method

Опишем последовательность выделенных нами логических уровней (ЛУ) эволюции адаптационного обучения иностранному языку:

ЛУ 1 – ценностно-адаптационный. Данный уровень приспособления детерминирован процессом адаптации студента непосредственно к новым условиям и формам получения высшего образования. Первоначальный этап обучения дисциплине гуманитарного цикла в техническом вузе определяется прежде всего уровнем психоэмоциональной и социальной зрелости бывшего школьника. Его удовлетворенность «пребыванием» в вузе – косвенный признак готовности к усвоению знаний на новом уровне, это основа формирования ценностной ориентации в своем стремлении к самообразованию. Эволюционную неопределенность (несформированность) этого уровня можно проиллюстрировать следующим примером. У студента-первокурсника, с момента поступления в вуз, в силу разных неопределенных причин, в принципе нет желания «взрастать» в вузовскую среду и как бы то ни было изменять (приспосабливать) себя к ней. Единственный выход ему видится в своеобразном приспособлении-самоустранении, уходе из среды: такой студент, как правило, с первых дней обучения пропускает практически занятия не только по

дисциплине «Иностранный язык», а также по профилю специальности. Низкая дисциплина в некоторых случаях может сопровождаться повышенной конфликтностью в отношениях с одногруппниками и преподавателем. Мы полагаем, что этот этап можно соотнести одновременно с двумя компонентами академической адаптации: личностный и эмоционально-оценочный. Представления студента о своих способностях и формах организации своей учебной деятельности в вузе «приспосабливают» его к меняющимся условиям нового жизненного пространства (Шамионов и др., 2022, с. 57). Добавим к этому, что простой интерес к предмету в начале обучения преобразуется в дальнейшем в высокий уровень заинтересованности.

ЛУ 2 – осознанно-ценностный. С появлением новых качественных характеристик на данном уровне приспособление помогает не только выражать удовлетворенность сложившимися условиями образовательной среды, но и демонстрировать признание ценностей вузовской среды через адекватное поведение. Студент демонстрирует желание соответствовать статусу студента и чувствовать свою ориентированность на избранную специальность инженера, осознавая при этом роль и значимость изучения иностранного языка в его личной и профессиональной жизни. Осознанность необходимости и перспективности изучения дисциплины можно противопоставить отсутствию у студента всякой необходимости «переучиваться», в силу того что он не видит какой-либо перспективности освоения иностранного языка. Определенный уровень осознания собственных возможностей в процессе формирования навыка иноязычной речи, осознание самого факта приобретения такого навыка, позволяют студенту выделять деятельностьную сторону учебного процесса, т. к. он начинает видеть цель: овладеть определенным умением в иноязычной коммуникации. Это позволяет ему «входить» в ресурсное состояние, которое переведет его на новый уровень эволюции, следующий этап приспособления. Именно на этом этапе у студента со слабым исходным уровнем языковой подготовки и с неуспешным предыдущим опытом изучения иностранного языка формируется позитивное отношение к учебной деятельности, поскольку он может выделить цели своей учебной деятельности в новых образовательных условиях. Однако на этом этапе, из-за ограниченности ресурса первого уровня, возможна и другая ситуация, в которой студент продолжит демонстрировать свою пассивность в учебных действиях, низкую самостоятельность в выполнении практических заданий, испытывать трудности включения в учебную деятельность, ожидая зачастую привычное давление от преподавателя.

Согласно методике диагностики академической адаптации, на этом логическом уровне можно говорить о высокой «степени удовлетворенности» студента различными аспектами обучения в вузе (Шамионов и др., 2022, с. 57). Кроме этого, опираясь на представления Б. Блума о планируемых или ожидаемых результатах образовательного процесса, необходимых для подтверждения достижения обучающимся конкретного уровня знаний, мы имеем все основания полагать, что с определенного этим этапом приспособления уровня осознанности может быть решена практически любая педагогическая задача (Anderson, 2001). На этом этапе овладения базовым уровнем иноязычной компетенции студент способен демонстрировать знания через запоминание и воспроизведение представленных ранее языковых единиц; способен их перечислять, распознавая звуки иноязычной речи, выполнять короткие тренировочные упражнения и небольшие тесты.

ЛУ 3 – мотивационно-стимулирующий. Логика прогрессивного развития этапов приспособления объясняет возникновение следующей качественной характеристики. Развивается положительная мотивация к изучению дисциплины: цель формирования «познавательного мотива» – побуждать студента учиться, проявлять настойчивость в своих учебных действиях. На этом уровне рождение внутреннего стимула к освоению непрофильной для технического вуза учебной дисциплины «сигнализирует» об успешном преодолении языкового барьера. Именно на этом этапе студент готов быстро включаться в практическую работу, выполнять учебные задания средней сложности и быть при этом достаточно сконцентрированным, поскольку он начинает понимать, что сформированная стойкая мотивация позволит ему преуспевать дальше в обучении. Выделение личностного смысла «приобретения умения» общаться на иностранном языке говорит о зарождении языковой коммуникативной потребности. Первокурсник оценивает

перспективы правильного и быстрого выполнения более сложных и интересных языковых упражнений, чем это возможно в данный момент: задает вопросы по структуре иностранного языка, отмечает особенности словообразования и обращает внимание на интонационный рисунок изучаемого языка. Таким образом, мотивационная готовность студента будет определять степень усвоения иноязычного учебного материала и динамику учебного процесса в курсе адаптационной подготовки по дисциплине «Иностранный язык». Пробужденное стремление к знаниям, как незаменимый компонент обучения, одновременно становится стимулом (ресурсом) дальнейшего развития качественной характеристики «приспособление» в нашей модели.

Переход на этом ЛУ к целям более высокого порядка согласуется также с таксономией Б. Блума: студент выходит на уровень начального понимания иноязычной речи. Он может кратко объяснить языковое явление, прочитать небольшой адаптированный текст, описать события из простых бытовых тем, подобрать необходимые языковые единицы для построения предложения с целью коммуникации, упорядочивая их, например, согласно освоенным простым грамматическим правилам.

ЛУ 4 – мотивационно-познавательный. Это определенное нами звено эволюции продолжает предыдущий логический уровень и служит дальнейшему приспособлению, а значит, способствует формированию базовых навыков. Сохранение мотивации на успех в ходе обучения, установка на дальнейшее развитие иноязычной компетенции определяют динамику работоспособности студента. Достаточная степень сформированности познавательной потребности становится базой для учебно-познавательной деятельности и помогает студенту проявлять самостоятельность в изучении иностранного языка. Наглядная демонстрация устойчивого интереса к дисциплине «Иностранный язык» в целом служит на благо формирующейся системе отношения студента к учебному процессу. Активное включение в учебный процесс, активное восприятие предлагаемого преподавателем учебного материала формируют основы познавательной деятельности обучающегося. На этом уровне приспособление приобретает форму организации совместной с преподавателем деятельности по выработке осознанного умения через выполнение алгоритмических действий. Динамично развивающийся интерес к изучению иностранного языка не только становится новым качеством студента, но и побуждает преподавателя включать в учебный процесс все больше социокультурных, лингвокультурологических реалий для расширения лингвострановедческого кругозора студента и для того, чтобы подготовить его к межкультурной коммуникации. Развитие и формирование мотивационно-познавательной сферы студента подтверждается познавательными возможностями студента, достигнутыми к этому моменту приспособления, его личностными запросами на контекст учебных заданий. На этом уровне происходит зарождение когнитивного процесса «применение» в категориях таксономии Б. Блума (Anderson, 2001). Формирование грамматических и лексических навыков продолжается: студент использует правильные грамматические и лексические формы слов, поскольку может установить взаимосвязи между элементами базового учебного иноязычного материала.

ЛУ 5 – когнитивный. На этом, качественно новом, уровне развития можно говорить о рождении главного ресурсного компонента приспособления. Сложившиеся к настоящему моменту эволюции представления студента о дисциплине «Иностранный язык»; понимание ее внутренней логики, овладение логико-понятийным аппаратом иноязычной речи или, другими словами, накопленные лингвистические знания – все это становится ресурсом для непосредственно самого процесса познания, развития логического мышления обучающегося. Формы организации учебного процесса, предлагаемые преподавателем, и способы учебно-познавательной деятельности, реализуемые студентом на данном уровне, будут определять эффективность всего учебного процесса. На уровне применения знаний, как результата когнитивных действий (по Б. Блуму), студент не только использует правильные языковые единицы, грамотно подбирая верный вариант ответа, например в грамматическом тесте, он делает осознанный выбор в пользу какой-либо определенной языковой единицы. Достаточный уровень когнитивной активности определяет готовность студента пробовать выполнять задания повышенной сложности, применять более сложные грамматические конструкции, демонстрировать свои способности общаться в практических ситуациях повседневной жизни. Однако в силу того, что «обучающийся иностранному языку в высшей школе

сначала владеет языком главным образом на бытовом уровне», как отмечает М. Р. Ванягина, для «непосредственного осуществления учебных действий» необходимы новые навыки и компетенции, формируемые на следующем ЛУ эволюции приспособления (Ванягина, 2021, с. 128).

ЛУ 6 – практико-деятельностный. Данный уровень предполагает наивысшую степень реализации накопленного на предыдущих уровнях ресурса. Результатом этого этапа приспособления становится реализация коммуникативно-поведенческой стратегии и тактики. В целях осуществления своих иноязычных коммуникативных намерений студент старается найти и выбрать необходимые речевые образцы, которые будут соответствовать правилам общения на иностранном языке. Он не только знает эти правила, но и может их применить. Значительное продвижение в знаниях на этом уровне приспособления оказывает влияние на формирование способности осуществлять письменную иноязычную коммуникацию. Студент демонстрирует настойчивость в преодолении языковых трудностей через постоянную систематическую тренировку в закреплении сформированных навыков. Его целеустремленность в получении знаний по дисциплине «Иностранный язык» подкрепляется в целом интересом к учебно-познавательной деятельности в университете. Первокурсник стремится овладеть более сложными способами формирования базовой иноязычной коммуникативной компетенции, что позволит ему понимать и порождать сложные иноязычные высказывания в будущем и обогатить его речевую практику. Этот уровень соотносится с коммуникативным компонентом академической адаптации и способствует организации взаимоотношений в учебном процессе (Шамионов и др., 2022, с. 58).

Итак, мы представили совокупность постепенно и закономерно меняющихся ЛУ приспособления, которое, по нашему мнению, следует рассматривать как непрерывный процесс упорядоченного преобразования характеристик, что на качественном уровне определяет систему адаптационного обучения иностранному языку.

Широта выявляемого информационного взаимодействия с объектом в категориях метода КИП представлена параметром «логический предел» (ЛП). Он отражает представление о количестве качественных характеристик объекта, ограниченных глубиной ЛУ. Информационное взаимодействие с объектом познания предполагается на каждом соответствующем уровне, но для того, чтобы удерживаться в диапазоне форм и сочетаний качественных характеристик, допустимых логическим уровнем, необходимо определять предел числа видов активностей, возможных на каждом конкретном уровне. Логический предел уровня адаптации в настоящий момент времени детерминирует деятельность преподавателя. В поисках оптимального сочетания он делает выбор формы учебного задания, типа упражнения, доступного студентам для выполнения в данный период. Таким образом, глубина, степень, интенсивность происходящих на каждом уровне адаптационных изменений неизбежно будут определять результат адаптационной подготовки в вузе. Мы считаем, что ЛП разрабатываемой модели является отражением феномена адаптации как оптимального соответствия студента и окружающей его среды, достигнутого в ходе образовательного процесса. Описание установленных нами логических пределов каждого уровня представлено далее.

ЛП 1 – низкий уровень приспособления, слабая адаптация подразумевает недостаточный исходный уровень развития иноязычной компетенции: в условиях разноуровневой подготовки в университете мы определяем этот предел как нулевой уровень знаний или очень низкий уровень (A1) иноязычной коммуникативной компетенции (согласно системе уровней владения иностранным языком CEFR).

ЛП 2 – социально-психологическая адаптация предполагает, что значимым для развития новых качественных характеристик будет приспособление к студенческой группе, к взаимоотношениям с преподавателем по дисциплине. Результатом «определения» собственного стиля общения и взаимодействия, в глобальном понимании, будет выступить удовлетворение социальной потребности общения, а в привычном понимании это будет реализацией педагогического взаимодействия субъектов учебного процесса. Эффективность обратной связи оценивается через возможность построения диалога, через выполнение групповых совместных заданий, через выражение психологической поддержки, потенциально требуемой в рамках общения, и индивидуальные консуль-

тации по дисциплине в рамках учебного плана. Главная особенность этого этапа: открытые для преподавателя возможности применить принцип индивидуального подхода.

ЛП 3 – познавательная-информационная адаптация. Данный предел демонстрирует завершенность этапа первичного ознакомления с базовыми понятиями дисциплины, некоторыми стандартными алгоритмами учебной деятельности и связан с возможностью демонстрации способности студента выявлять установленные особенности изучаемых процессов и явлений. Умение находить и извлекать информацию (например, выделять в иноязычном тексте освоенные языковые конструкции), представленную в разных формах, – стратегически значимый показатель формирования информационной компетентности.

ЛП 4 – учебно-дидактическая адаптация трактуется нами как выбор правильного темпа усвоения учебного материала, который определяет предел развития практических навыков. Репродуктивно-подражательная познавательная деятельность становится основой зарождения коммуникативно-поведенческого компонента иноязычной коммуникативной компетенции (Азимов, Шукин, 2009, с. 98). Проявляемая в этом пределе самостоятельность студента в будущем перерастет в инициативность, в «практическую познавательную активность» (Васильева, 2020, с. 63). Интуитивно-практическое владение базовыми иноязычными умениями перерождается в самоконтроль при применении усвоенных знаний и способствует эволюции практического владения иностранным языком.

ЛП 5 – оптимальный (базовый) уровень адаптации позволяет демонстрировать приспособление одновременно к новым образовательным и к социальным функциям на достаточном и необходимом для дальнейшего обучения базовом уровне. В образовательной среде, изменившейся для бывшего школьника с поступлением в вуз, появляется место для сформированного образовательного минимума знаний: основные знания, умения и навыки, которые должны быть усвоены студентом на первом году обучения в университете. Студент демонстрирует удовлетворенность результатами своей учебной деятельности: он активен на практических занятиях по дисциплине, его учебная деятельность систематизирована, поскольку он способен выполнять задания регулярно. Данный предел мы определяем как элементарный уровень развития коммуникативной компетенции, необходимый для формирования базовой языковой подготовки в техническом университете. Активный характер адаптации, при котором студент сосредоточен на необходимых для освоения вузовской программы нормах обучения, свидетельствует о прогрессивном развитии и переходе на следующий логический уровень.

ЛП 6 – личностно-профессиональная адаптация выступает в нашем исследовании как представление некоторой предельной базовой границы личностно-профессионального развития специалиста-инженера. Этот предел основан на исполнении комплекса мер, направленных не только на более эффективное вхождение студента в образовательный процесс, но и на формирование его готовности и развитие его способности осуществлять эффективное профессиональное общение в будущем.

Таким образом, любой ЛП в представляемой нами модели содержит в себе объективно реальные формы приспособления и субъективные, гипотетически возможные адаптационные процессы, отражая, таким образом, диалектическую сущность адаптации (Грицанов, 2003).

Параметр «трансформируемость» (Т) в категориях метода КИП определяет возможность изменений видов адаптационной подготовки в зависимости от учебной ситуации; от меняющихся в процессе познавательной активности интересов и убеждений студента; от возможностей, открывающихся ему в процессе обучения. Параметр Т также детерминирует количество комбинаций всех возможных элементов модели в зависимости от конкретно реализуемой дисциплины образовательной программы: адекватная насыщенность курса учебным материалом, целесообразность представления вариантов познавательной информации, последовательность и гибкость педагогических подходов соответствуют профилю дисциплины.

Например, в нашем случае четвертый логический уровень (мотивационно-познавательный) открывает возможности сочетания качественных характеристик предыдущих уровней. Для того чтобы студент начал проявлять свою познавательность и высокую готовность прилагать усилия в изучении иностранного языка для приобретения знаний, расширяющих техническую

направленность своей вузовской подготовки, необходимо устанавливать межпредметные связи с первых практических занятий, учитывать особенности технического мышления. Представление преподавателем объективных причин необходимости иноязычной подготовки в техническом вузе, осознание студентом этой необходимости с большей вероятностью даст толчок к формированию у него иноязычной коммуникативной потребности. Таким образом, амбиции обучающегося становятся движущей силой для решения автономных личных задач профессионального развития. Реализация профессионально-коммуникативной потребности, в свою очередь, коррелирует с систематичностью учебных действий, выражающейся в регулярном выполнении и своевременной сдаче практических заданий. Эти связи становятся определяющими для последовательного изменения уровня развития учебно-познавательной деятельности на пятом логическом уровне. Успешность такой деятельности будет отражена в высоких рейтинговых баллах успеваемости студента.

В свою очередь, если на четвертом логическом уровне быстрый переход с одного вида иноязычной речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо) на другой дается студенту с трудом, он медленно включается в работу, то иррационально задавать ему неожиданные вопросы на «понимание» иноязычной речевой ситуации. С другой стороны, высокая степень заинтересованности студента в определенных формах работы, например в сочетании с интересной темой практического занятия, позволяют ему быстро приступить к новому виду деятельности. В этом случае естественная «торопливость» студента ускорит темп его продвижения в получении знаний по дисциплине, формируя чувство языка, развивая его языковую догадку даже при небольшом словарном запасе.

Завершая описание разработанной модели эволюционного аспекта адаптационного обучения иностранному языку, подчеркнем, что число комбинаторных возможностей приспособления растет с каждым логическим уровнем развития системы. При сохранении «базовых» качественных характеристик каждого выявленного ЛУ присоединение нового качества сопровождается дополнительными возможностями их дифференциации, что в своем роде будет выступать закономерной «проверкой» очередного этапа приспособления. Мы не исключаем выделение других видов адаптации, поскольку это зависит от целей проводимого научного исследования. Однако сама природа активного приспособления к образовательной среде определяет заметное преобладание какого-либо определенного вида адаптации, который задает вектор дальнейшего развития.

Авторское представление эволюционного аспекта приспособления адаптационного обучения иностранному языку закладывает фундамент дальнейших исследований по идентификации и определению качественных характеристик адаптационных процессов, протекающих в адаптационном обучении другим дисциплинам в вузе. Так, обозначенные нами с помощью метода «конечный информационный поток» виды адаптационного приспособления помогут сформировать представление об адаптационном обучении физике, высшей математике, химии. Возможности дальнейшего развития теории адаптационного обучения открыты: от целенаправленного поиска новых качественных характеристик приспособления до выделения новых взаимосвязей между выявленными уровнями. Выстроенная нами последовательность может стать основой для определения механизма функционирования адаптационного обучения с точки зрения рационального использования ресурсов приспособления.

Выводы

Выбранный для построения процесса познания исследуемого объекта научный метод «конечный информационный поток» имеет универсальный и междисциплинарный характер. Этот факт определил перспективность полученных результатов и их достаточно достоверную интерпретацию. Комплекс параметров категориальной модели КИП (логический уровень, логический предел, трансформируемость) помог выявить логику возникновения характеристик объекта и тем самым сформировать его информационную модель. Сформированный комплекс логических уровней адаптационного приспособления позволил идентифицировать этапы формирования адаптационного обучения иностранному языку в техническом вузе. Установлено, что

эти этапы, как и этапы любого педагогического процесса обучения (Азимов, Щукин, 2003, с. 168) формируются не в один момент, а развиваются эволюционным путем. Под влиянием меняющихся условий происходит многоаспектное, стабильное развитие или естественный процесс трансформации качественных характеристик объекта в сторону усложнения. Непрерывное движение вперед от простых форм приспособления к более сложным его видам, в сторону наращивания, накопления, необходимого на каждом последующем уровне ресурса, обеспечивает дальнейший рост и переход на новый этап обучения. Итак, идентифицированные нами логические уровни приспособления включают в себя: ЛУ 1 – ценностно-адаптационный, ЛУ 2 – осознано-ценностный, ЛУ 3 – мотивационно-стимулирующий, ЛУ – 4 мотивационно-познавательный, ЛУ 5 – когнитивный, ЛУ 6 – практико-деятельностный. Представление этих уровней было расширено параметрами логический предел и трансформируемость.

Мы полагаем, что заданная последовательность обеспечит достижение конечной цели приспособления, адаптации к учебной дисциплине в процессе адаптационного обучения. Безусловно, в реальном образовательном процессе происходит пересечение вышеназванных уровней. На данном этапе исследования мы рассмотрели «приспособление» как выделенную часть системы базовой подготовки специалиста по дисциплине «Иностранный язык». Границы проводимого автором исследования определили условия для предложенного разделения уровней. Это позволило в полной мере отразить авторский взгляд на объект исследования и представить адаптационное обучение иностранному языку как совокупность закономерных изменений его качественных характеристик, постепенно усложняющихся в процессе собственной эволюции.

Представленные результаты получены впервые и являются новыми. Преимущество нашей модели в том, что впервые с использованием научного метода получено более точное представление о качественных характеристиках возможных этапов академической адаптации (приспособления). Это, в свою очередь, вносит вклад в развитие системного представления об изменениях и развитии адаптационных процессов, происходящих при смене образовательной среды. Предыдущие авторы, опираясь на фундаментальные труды других исследователей, рассматривают структуру академической (дидактической) адаптации с позиции условной «сопряженности характеристик академической адаптации с показателями личностного адаптационного потенциала» студента на разных этапах обучения в вузе (Шамионов и др., 2022, с. 60). В разработанной нами модели предлагается рассматривать эволюцию этапов иноязычной адаптационной подготовки (приспособления), которую проходят студенты первого года обучения в техническом вузе, как информационную систему, состоящую из множества элементов, необходимых и достаточных для успешной академической адаптации и основанных на требованиях естественной эволюции адаптации. Мы считаем, определенная нами в ходе исследования последовательность изменений этапов приспособления позволит обеспечить эффективность адаптационной системы обучения иностранному языку в вузе, поскольку направлена на раскрытие новых адаптационных возможностей, значимых для скорейшей академической адаптации и позволяющих реализовать цели адаптационного обучения.

Таким образом, результаты исследования важны для применения в практической деятельности. Примеры поэтапного приобретения знаний и формирования иноязычной коммуникативной компетенции базового уровня, приводимые нами при описании логических уровней, свидетельствуют о том, что естественный процесс приспособления студента-первокурсника к учебной дисциплине «Иностранный язык» происходит с возникновением и постепенным наращиванием новых качественных характеристик. По отношению к предмету исследования этапы приспособления расположены от простого уровня его развития до сложного этапа эволюции. Эволюционный цикл, который проходит исследуемый нами объект, поэтапно упорядочен, а внутренняя подчиненность каждого логического уровня (тесная связь с предыдущим) определяет направленность движения развития и объясняет постепенность приобретения объектом качественных характеристик и возникновение его новых свойств. Тем не менее это не ограничивает возможности информационно-познавательного процесса исследования объекта, напротив, начинать поиск качественных характеристик можно с любого выявленного ЛУ.

Мы четко видим перспективы проведения дальнейших теоретических исследований: продолжить развигать идеи и научные представления об определении ресурсов, необходимых для реализации цели адаптационного обучения, заключающейся в постепенном преобразовании исходного уровня подготовки студента в базовый минимум знаний, требуемый для дальнейшего обучения в вузе. В будущем также можно сосредоточить внимание на необходимых организационно-педагогических условиях для реализации адаптационного обучения в целях достижения продуктивного базового уровня владения иностранным языком. Кроме того, более точное представление выделенных уровней приспособления создает потенциал для научного поиска путей эффективного управления адаптационным обучением.

Источники

- Азимов Э. Г., Шукин А. Н. (2009) Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., Издательство ИКАР, 448 с.
- Боуш Г. Д., Разумов В. И. (2020) Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). М., ИНФРА-М, 227 с.
- Бухалко А. Д. (2020) Основные характеристики модели психолого-педагогического сопровождения адаптации иностранных студентов к обучению в российском вузе. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 14, № 4, с. 118–127. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.15.
- Ванягина М. Р. (2021) Профессионально ориентированное иноязычное обучение в высшей военной школе через призму информационных системно-категориальных методов. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 15, № 2, с. 123–130. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.15.
- Васильева А. В. (2020) Выявление эволюционной последовательности возникновения и развития интерактивного обучения. Научный результат. Педагогика и психология образования, т. 6, № 4, с. 58–71. DOI 10.18413/2313-8971-2020-6-4-0-5.
- Говорушенко А. В. (2021) Академическая адаптация студентов-первокурсников к обучению в вузе. Гуманитарные исследования. Педагогика и психология, № 6, с. 16–21. DOI: 10.24412/2712-827X-2021-6-16-21.
- Краснощечкова Г. А. (2021) Лингвистическая компетенция – основа для формирования профессионально ориентированной коммуникативной компетенции. Современные проблемы науки и образования, № 6, с. 176–186.
- Маркова Н. А. (2022) Конструирование дефиниции категории «адаптационное обучение иностранному языку» методом двухуровневой триадической дешифровки. Педагогическое образование в России, № 5, с. 119–132. DOI 10.26170/2079-8717_2022_05_14.
- Маркова Н. А. (2022) Феномен «Адаптационное обучение» в высшем образовании: анализ и конструирование определения. Вестник Томского государственного педагогического университета, вып. 5 (223), с. 7–17. DOI:10.23951/1609-624X-2022-5-7-17.
- Медведев В. И. (2003) Адаптация человека. СПб., Институт мозга человека РАН, 551с.
- Мифтахова Н. Ш. (2017) Теоретические аспекты адаптационного обучения иноязычных студентов химическим дисциплинам в вузе. Казанский педагогический журнал, № 2 (121), с. 96–101.
- Насырова С. И. (2021) Эволюционные аспекты экономики, ориентированной на человека, в категориально-системной методологии. Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 6, с. 202–223. DOI 10.38050/0130010520216.10.
- Нефедов О. В. (2013) Принципы рациональной методики обучения иностранному языку студентов-нелингвистов. Педагогическое образование в России, № 5, с. 162–165.
- Новейший философский словарь (2003). Сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск, Книжный Дом, 1280 с.
- Новиков А. М., Новиков Д. А. (2013) Методология: словарь системы основных понятий. М., Либроком, 208 с.
- Огородова Л. М., Кресс В. М., Похолков Ю. П. (2012) Инженерное образование и инженерное дело в России: проблемы и решения. Инженерное образование, № 11, с. 18–23.
- Похолков Ю. П., Горянова Л. Н. (2022) Языковая среда: от понятия к принципам создания. Высшее образование в России, т. 31, № 7, с. 123–136. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-123-136.
- Смык А. Ф., Прусова В. И., Зиманов Л. Л., Солнцев А. А. (2019) Анализ масштаба и причин отсева студентов в техническом университете. Высшее образование в России, т. 28, № 6, с. 52–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-52-62.
- Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Гринина Е. С., Созонник А. В. (2022) Академическая адаптация студентов: разработка и валидизация новой методики. Психологическая наука и образование, т. 27, № 2, с. 53–68. DOI: 10.17759/pse.2022270205.
- Швед Е. А., Болотюк Л. А., Болотюк В. А. (2022) Возможности оценивания уровня сформированности базовых знаний по математике в формате единого государственного экзамена. Мир науки, культуры, образования, № 3 (94), с. 16–20. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-394-16-20.
- Anderson L. W. (Ed.), Krathwohl D. R. (Ed.), Airasian P. W., Cruikshank K. A., Mayer R. E., Pintrich P. R., Raths J., Wittrock M. C. (2001). A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's

Taxonomy of Educational Objectives. New York, Longman, 336 p.

Shamionov R. M., Grinina E. S. (2021) Characteristics of students' academic adaptation at different levels of education in Russia. *Perspectives of Science and Education*, no. 4 (52), pp. 370-380. DOI: 10.32744/pse.2021.4.24.

References

- Anderson L. W. (Ed.), Krathwohl D. R. (Ed.), Airasian P. W., Cruikshank K. A., Mayer R. E., Pintrich P. R., Raths J., Wittrock M. C. (2001). *A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives*. New York, Longman, 336 p.
- Azimov E. G., Schukin A. N. (2009) *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow, IKAR Publ., 448 p. (In Russian).
- Boush G. D., Razumov V. I. (2020) *Metodologiya nauchnogo issledovaniya (v kandidatskikh i doktorskikh dissertatsiyah)* [Methodology of scientific research (in candidate and doctoral theses)]. Moscow, INFRA-M Publ., 227 p. (In Russian).
- Buchalko A. D. (2020) *Osnovnye harakteristiki modeli psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya adaptatsii inostrannykh studentov k obucheniyu v rossijskom vuze* [The main characteristics of a model psychological and pedagogical assistance for foreign students' adaptation to the Russian higher education institutions]. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 4, pp. 118-127. DOI 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.15 (In Russian).
- Govorushenko A. V. (2021) *Akademicheskaya adaptatsiya studentov-pervokursnikov k obucheniyu v vuze* [Academic adaptation of first-year students to study at university]. *Humanitarian studies. Pedagogy and Psychology*, no. 6, pp. 16-21. DOI 10.24412/2712-827X-2021-6-16-21 (In Russian).
- Krasnoschekova G. A. (2021) *Lingvisticheskaya kompetenciya – osnova dlya formirovaniya professional'no orientirovannoj kommunikativnoj kompetencii* [Linguistic competence is the basis for the formation of professionally oriented communicative competence]. *Modern Problems of Science and Education*, no. 6, pp. 176-186 (In Russian).
- Markova N. A. (2022). *Konstruirovaniye definitsii kategorii "adaptatsionnoye obucheniye inostrannomu yazyku" metodom dvuhurovnevoj triadicheskoy deshifrovki* [Constructing the Definition of "Foreign Language Adaptation Training" Category by Two-Level Triadic Method]. *Pedagogical Education in Russia*, no. 5, pp. 119-132. DOI: 10.26170/2079-8717_2022_05_14 (In Russian).
- Markova N. A. (2022) *Fenomen "Adaptatsionnoye obucheniye" v vysshem obrazovanii: analiz i konstruirovaniye opredeleniya* [Fenomen "Adaptatsionnoye obucheniye" v vysshem obrazovanii: analiz i konstruirovaniye opredeleniya]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 5 (223), pp. 7-17. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-5-7-17 (In Russian).
- Medvedev V. I. (2003) *Adaptatsiya cheloveka* [Adaptation of a human]. St. Petersburg, Institute of the Human Brain, RAS, 551 p. (In Russian).
- Miftakhova N. Sh. (2017) *Teoreticheskie aspekty adaptatsionnogo obucheniya inoyazychnykh studentov himicheskimi disciplinami v vuze* [Theoretical aspects of adaptation training speaking another language students of chemical subjects in the university]. *Kazan Pedagogical Journal*, no. 2 (121). pp. 96-101 (In Russian).
- Nasyrova S. I. (2021) *Evolucionnyye aspekty ekonomiki, orientirovannoy na cheloveka, v kategorial'no-sistemnoy metodologii* [Evolutionary aspects of the human-oriented economy in the categorical-system methodology]. *Moscow University Economic Bulletin*, no. 6, pp. 202-223. DOI: 10.38050/0130010520216.10 (In Russian).
- Nefyodov O. V. (2013) *Principy racional'noj metodiki obucheniya inostrannomu yazyku studentov-nelingvistov* [Principles of rational methods of teaching a foreign language non-linguistic students]. *Pedagogical Education in Russia*, no. 5, pp. 162-165 (In Russian).
- Novejshij filosofskij slovar' (2003)* [The latest philosophical dictionary]. Comp. and ch. ed. A. A. Gritsanov, Minsk, Knizhnyy Dom Publ., 1280 p. (In Russian).
- Novikov A. M., Novikov D. A. (2013) *Metodologiya: slovar' sistemy osnovnykh ponyatij* [Methodology: a dictionary of the system of basic concepts]. Moscow, Librokom Publ., 208 p. (In Russian).
- Ogorodova L. M., Kress V. M., Pokholkov Yu. P. (2012) *Inzhenernoye obrazovanie i inzhenernoye delo v Rossii: problemy i resheniya* [Engineering education and engineering in Russia: problems and solutions]. *Engineering Education*, no. 11, pp. 18-23 (In Russian).
- Pokholkov Yu. P., Goryanova L. N. (2022) *Yazykovaya sreda: ot ponyatiya k principam sozdaniya* [Language environment: from concept to principles of creation]. *Higher Education in Russia*, vol. 31, no. 7, pp. 123-136. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-123-136 (In Russian).
- Shamionov R. M., Grigor'yeva M. V., Grinina E. S., Sozonnik A. V. (2022) *Akademicheskaya adaptatsiya studentov: razrabotka i validizatsiya novoy metodiki* [Evaluating academic adaptation in students: a new technique]. *Psychological Science and Education*, vol. 27, no. 2, pp. 53-68 (In Russian).
- Shamionov R. M., Grinina E. S. (2021) Characteristics of students' academic adaptation at different levels of education in Russia. *Perspectives of Science and Education*, no. 4 (52), pp. 370-380. DOI: 10.32744/pse.2021.4.24.
- Shved E. A., Bolotyuk L. A., Bolotyuk V. A. (2022) *Vozmozhnosti ocenivaniya urovnya sformirovannosti bazovykh znanij po matematike v formate edinogo gosudarstvennogo ekzamina* [The methods of evaluating basic mathematical knowledge development within the framework of the Unified State Examination]. *The World of Science, Culture and Education*, no. 3 (94), pp. 16-20. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-394-16-20 (In Russian).

- Smyk A. F., Prusova V. I., Zimanov L. L., Solntsev A. A. (2019) Analiz masshtaba i prichin otseva studentov v tekhnicheskoy universitete [Study of the scale and the reasons of student dropout from technical university]. Higher Education in Russia, no. 6, pp. 52–62. DOI 10.31992/0869-3617-2019-28-6-52-62 (In Russian).
- Vanyagina M. R. (2021) Professional'no orientirovannoe inoyazychnoe obucheniye v vysshej voennoj shkole cherez prizmu informacionnyh sistemno-kategorial'nyh metodov [Professionally-oriented foreign language education in the higher military school through the prism of information system-categorical methods]. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol.15, no. 2, pp. 123–130. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.15 (In Russian).
- Vasilieva A. V. (2020) Vyyavlenie evolyucionnoj posledovatel'nosti vozniknoveniya i razvitiya interaktivnogo obucheniya [Identification of the evolutionary sequence of the emergence and development of interactive learning]. Research Result. Pedagogy and Psychology of Education, vol. 6, no. 4, pp. 58–71. DOI 10.18413/2313-8971-2020-6-4-0-5 (In Russian).

Информация об авторе

Маркова Наталия Александровна

Аспирант, старший преподаватель
Отделения иностранных языков Школы
базовой инженерной подготовки. Томский
политехнический университет, г. Томск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-5262-4729. E-mail: mark-
ovana@tpu.ru

Autor's information

Nataliya A. Markova

Graduate student, Senior Instructor, Foreign
Languages Department, School of Core Engineering
Education. Tomsk Polytechnic University, Tomsk,
Russian Federation. ORCID ID: 0000-0001-5262-
4729. E-mail: markovana@tpu.ru

Л. И. Малащенко^{1, 2}

✉ leonid1608@mail.ru

¹Международная академия информатизации Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

²Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Теория и практика развития профессионального опыта деятельности офицеров в кризисных ситуациях

Аннотация: Проблематика статьи связана с переходом от теории к практике развития профессионального опыта деятельности военных специалистов по разрешению кризисных ситуаций. В качестве научной задачи представляется поиск путей разрешения данной проблемы в современных кризисных условиях. Исследование базируется на философских и психолого-педагогических основах опыта личности, теориях профессионального образования и учебной деятельности, исследованиях военных ученых в области военно-профессионального образования, воинского обучения и воспитания. Используются результаты экспериментального исследования процесса подготовки офицеров, обучающихся по программам подготовки магистров, для развития у них профессионального опыта эффективной деятельности в ситуациях, обозначаемых понятием «кризисные». Автором решена научная задача – уточнены основные пути развития профессионального опыта офицеров, необходимого для предотвращения и эффективного урегулирования современных кризисных ситуаций. Показана связь теории с практикой в применении данного опыта. Подтверждается ценность профессионального опыта офицеров. Реализация предложенных путей его развития способствует созданию педагогических возможностей для формирования профессиональной готовности выпускников военных вузов к успешной деятельности в нынешних кризисных условиях.

Ключевые слова: кризисная ситуация, педагогический путь, профессиональный опыт, профессиональная деятельность, военный специалист, магистрант военного вуза.

Дата поступления статьи: 10 июня 2022 г.

Для цитирования: Малащенко Л. И. (2023) Теория и практика развития профессионального опыта деятельности офицеров в кризисных ситуациях. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 174–182. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.17.

Scientific article

L. I. Malashenko^{1, 2}

✉ leonid1608@mail.ru

¹International Academy of Informatization of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Theory and practice of development of professional experience of officers in crisis situations

Abstract: The problems of the article are connected with the transition from theory to practice of the professional experience development for military specialists to tackle crisis situations. The search for ways to solve this problem in modern crisis conditions is presented as a scientific task. The research is based on the philosophical and psychological-pedagogical foundations of personal experience, theories of vocational education and training activities, researches provided by military scientists in the field of military vocational education, military training and upbringing. The results of an experimental study of the process of training officers enrolled in master's degree programs are used to develop their professional experience of effective activity in situations designated by the concept of "crisis". The author has solved a scientific problem i.e. identified the main ways to develop the professional experience of officers necessary for the prevention and effective resolution of modern crisis situations. The connection of theory with practice in the application of this experience is shown. The value of the officers' professional experience is confirmed. The implementation of the proposed ways of its development contributes to the creation of pedagogical opportunities for the formation of professional readiness of graduates of military universities for successful activity in the current crisis conditions.

© Л. И. Малащенко, 2023

Keywords: crisis situation, pedagogical path, professional experience, professional activity, military specialist, graduate student of a military university.

Paper submitted: June 10, 2022.

For citation: Malashenko L. I. (2023) Theory and practice of development of professional experience of officers in crisis situations. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 174–182. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.17.

Введение

Современная кризисная реальность требует от военных специалистов способности оперативно реагировать на изменение обстановки во всех сферах защиты государства. Анализ практики выпускников военных вузов свидетельствует, что многие из них испытывают затруднения, связанные с недостаточным опытом профессиональной деятельности. На основе анализа данной практики выявлено противоречие в содержании профессионального обучения офицеров в магистратуре военного вуза. Имеет место потребность вооруженных сил и других силовых структур в специалистах с высокой профессиональной подготовкой и развитым профессиональным опытом. Отмечается недостаток теоретической и практической разработки методов и средств, дефицит педагогических инструментов развития опыта у магистрантов военного вуза.

Выявленное противоречие рассматривается как следствие недостаточного развития опыта деятельности офицеров при их предшествующей подготовке. Знания и навыки, получение которых включено в учебные программы военных вузов, не соответствуют умениям, не отраженным в программах, но необходимым для эффективных действий в современных кризисных условиях.

Проблема развития профессионального опыта офицеров появилась не сейчас. Она существовала и ранее. Многие военные ученые и специалисты исследовали эту проблему (И. В. Биочинский, 1991; О. Ю. Ефремов, 2000; Р. Ф. Жаксылыков, 2015; А. А. Корнилов, 2017; А. Н. Рыспаев, 2015; К. С. Серикбаев, 2014; др). Исследование по названной проблеме в разрезе антикризисной деятельности офицеров проводилось и автором настоящей статьи (Малашенко, 2019). Однако в условиях реальных кризисных ситуаций последних лет возникла потребность продолжения исследования в этом направлении. Сначала всеобщая пандемия, затем январский кризис 2022 года в Казахстане значительно актуализировали проблему развития профессионального опыта военных специалистов.

Обобщая результаты названных исследований, следует отметить, что профессиональный опыт военного специалиста представляется крайне важным показателем качества профессиональной подготовки выпускников военных вузов. Развитый профессиональный опыт позволяет офицеру объективно воспринимать окружающую кризисную обстановку, системно и эффективно действовать в ней (Малашенко, 2019). В условиях, соответствующих современным вызовам и угрозам безопасности, данная проблема выходит на первый план. Для уточнения путей развития профессионального опыта деятельности в кризисных ситуациях у офицеров-магистрантов во взаимосвязи теории и практики проводится настоящее исследование.

Методы

Совокупность системного, личностно-деятельностного и междисциплинарного методологических подходов позволяет исследовать процесс подготовки магистрантов военного вуза как систему. Система обеспечивает развитие профессионального опыта офицеров в ходе обучения. Опыт антикризисной деятельности военного специалиста рассматривается в трех взаимосвязанных аспектах: философском, психологическом и социологическом.

Время неумолимо движется вперед и требует соответствующего его велению формирования человека как личности, как обновленного продукта и субъекта общественных отношений. В настоящее время, обусловленное кризисными явлениями, оформляется новая концепция отношения к человеку, предполагающая его адаптацию к новым условиям жизни. Философский аспект предполагает профессиональное становление военного специалиста в ракурсе материалистического познания мира. Поиск в духовной сфере, осмысление человеческого бытия способствует кристаллизации опыта жизненного в опыт профессиональный в ходе военно-служебной деятельности офицера.

Военный специалист, как любой индивидуум, обладает определенным социальным статусом, с которым связан его опыт. В свою очередь, опыт военного специалиста не следует отделять от истории, культуры, социологии. В социальном аспекте офицер находится на обеспечении государства, которое подлежит защите со стороны офицера – защите от внешних и внутренних угроз, природных и техногенных рисков, кризисных ситуаций.

Психологическая составляющая опыта отражает степень морально-психологической устойчивости офицера и его способность быть в реальной мере психологом. Психологическая часть опыта формируется в деятельности и глубоком ее осознании, через преобразование внешних воздействий в практические действия. Применение подходящих психологических подходов в работе с воинским коллективом, умение нести в управляемые людские массы принцип толерантности и этнического согласия требуются сегодня от офицера-руководителя.

Педагогический аспект выступает в качестве интегрированного ядра философского, психологического и социального аспектов развития опыта. Здесь опыт офицера не только определяет цель и содержание образования, но и выявляет способы формирования зрелой личности. История педагогической науки свидетельствует, что трансляция опыта, накопленного человечеством, передача его новым поколениям на всех этапах развития теории и практики педагогики была и остается неотъемлемой и значимой частью воспитания и обучения.

Во взаимосвязи теоретических и эмпирических методов исследования определен уровень разработанности проблемы исследования. В образовательном процессе военного вуза на различных этапах обучения диагностировалась степень развития профессионального опыта магистрантов и уровень их готовности к деятельности в кризисных условиях. Методика оценки опыта основывается на определении уровней его развития в соответствии с оценкой теоретической и практической подготовки.

Теоретическая подготовка магистранта оценивается по табл. 1 согласно показанным критериям.

Таблица 1 – Критерии оценки теоретической подготовки магистранта военного вуза

Table 1 – Criteria for evaluating the theoretical training of a military university graduate student

Критерии оценки	Оценка в баллах по Болонской системе оценивания	Оценка по разработанной буквенной системе
Полное понимание сущности кризисных ситуаций, твердые знания подходов к их разрешению, уверенное владение теорией управления войсками, в том числе коалиционного состава	95–100	A
То же, но в ответах допущены некоторые неточности	90–94	A-
То же, но в ответах допущены несущественные ошибки и некоторые неточности	85–89	B+
То же, но в ответах допущены некоторые незначительные ошибки и ряд неточностей	80–84	B
То же, но в ответах проявлена неуверенность, допущены некоторые незначительные ошибки и ряд неточностей	75–79	B-
Частичное понимание сущности кризисных ситуаций, определенные знания подходов к их разрешению, владение теорией управления войсками. В ответах проявлена неуверенность, допущены некоторые ошибки и ряд неточностей	70–74	C+
Частичное понимание сущности кризисных ситуаций, некоторые знания подходов к их разрешению, владение теорией управления войсками. В ответах проявлена неуверенность, допущены ошибки и ряд неточностей	65–69	C
То же, в ответах допущен ряд ошибок и неточностей	60–64	C-
Некоторое понимание сущности кризисных ситуаций, некоторые знания подходов к их разрешению, частичное владение теорией управления войсками. В ответах проявлена неуверенность, допущены ошибки и неточности	55–59	D+
Некоторое понимание сущности кризисных ситуаций, слабые знания подходов к их разрешению, слабое владение теорией управления войсками. В ответах проявлена неуверенность, допущен ряд ошибок и неточностей	50–54	D-
Слабое понимание и слабое владение теорией управления войсками	0–49	F

В ходе участия магистрантов в учениях и других мероприятиях оперативной и боевой подготовки оценивается уровень практической подготовки (табл. 2).

Таблица 2 – Критерии оценки практической подготовки магистранта военного вуза

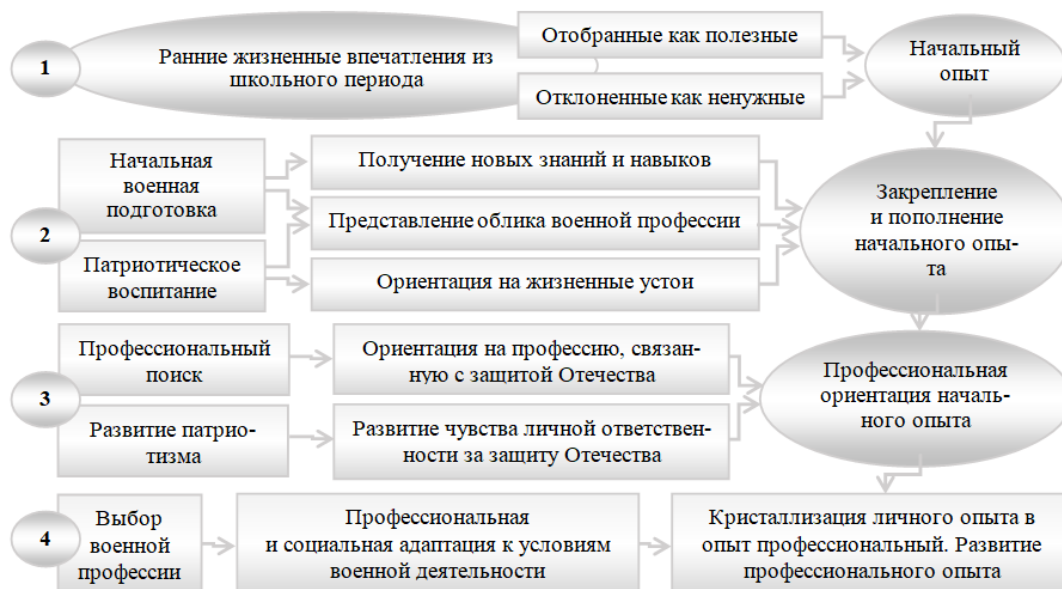
Table 2 – Criteria for evaluating the practical training of a military university graduate student

Критерии оценки	Оценка в баллах по Болонской системе оценивания	Оценка по разработанной буквенной системе
Уверенное владение навыками управления войсками, в том числе коалиционного состава, умелое применение полученных теоретических знаний в решении тактических задач по разрешению кризисных ситуаций. Уверенная и качественная оценка военно-политической и военно-стратегической обстановки, расстановки военно-политических сил в районе возникновения кризисной ситуации, анализ национальных интересов и приоритетов государств (в зоне конфликта, кризисной ситуации), оценка состояния противоположных сторон, анализ систем управления войсками. Оперативное принятие обоснованных решений, умелая организация управления войсками и взаимодействия между национальными контингентами в ходе применения коалиционных сил с использованием нестандартных методов руководства	95–100	A
При выполнении всех элементов, соответствующих уровню A, допускаются некоторые неточности, не влияющие на качество управления войсками	90–94	A-
Уверенное владение навыками управления войсками, в том числе коалиционного состава, применение полученных теоретических знаний в решении тактических задач по разрешению кризисных ситуаций. Уверенная оценка военно-политической и военно-стратегической обстановки, расстановки военно-политических сил в районе возникновения кризисной ситуации, анализ национальных интересов и приоритетов государств (в зоне конфликта), оценка состояния противоположных сторон, анализ систем управления войсками. Принятие обоснованных решений, организация управления войсками и взаимодействия в ходе применения коалиционных сил с использованием нестандартных методов урегулирования кризисных ситуаций	85–89	B+
При выполнении всех элементов, соответствующих уровню B+, допускаются некоторые неточности, не влияющие на качество управления войсками	80–84	B
При выполнении всех элементов, соответствующих уровню B+, допускаются неточности, не влияющие на исход операции в целом	75–79	B-
При выполнении всех элементов, соответствующих уровню B+, допускаются некоторые неточности, не влияющие на качество управления войсками	70–74	C+
При выполнении всех элементов, соответствующих уровню B+, допускаются неточности, не влияющие на исход операции в целом	65–69	C
При выполнении всех элементов, соответствующих уровню C+, допускаются ошибки, которые несущественно снижают качество управления войсками	60–64	C-
Показано умение управлять войсками в ходе разрешения кризисной ситуации и способность к принятию решений	55–59	D+
Показаны некоторые навыки управления войсками	50–54	D-
Слабое владение навыками управления войсками и принятия решений	0–49	F

С применением таблиц 1, 2 производится отнесение опыта военного специалиста к одному из показанных уровней, каждый из которых отражает готовность офицера к профессиональной деятельности. Показатели D+, D-, F соотносятся с ориентационным уровнем, C+, C, C- – с базовым, B+, B, B- – квалификационным. Офицеры, оцененные на A, A-, обладают профессиональным опытом высокого уровня.

Исследование, проведенное на базе Национального университета обороны Республики Казахстан, показало, что обучающиеся ясно представляют себе цели обучения и специфику будущей профессиональной деятельности. В экспериментальные группы были включены состоявшиеся, зрелые офицеры с тактическим уровнем предшествующей подготовки. Первую группу составили 30 магистрантов командно-штабного факультета, вторую – 25 слушателей факультета генерального штаба. Дифференцированный подход к формированию экспериментальных групп изначально предполагал учет индивидуальных особенностей участников исследования, что позволило сделать правильный выбор форм и средств развития у них профессионального опыта деятельности и достичь высокого показателя эффективности технологии дифференцированного обучения.

Офицер приходит в военный вуз уже с определенным опытом, до этого он учился и работал, действовал в различных жизненных ситуациях. С учетом анализа научных работ российских и казахстанских ученых в области профессионального становления офицера процесс развития его начального опыта рассматривается автором в четыре этапа, как показано на рис.

Поэтапное развитие начального опыта офицера

Step-by-step development of an officer's initial experience

Офицер профессионально развивается в ходе воинской службы и в процессе обучения. Его воспитание, самовоспитание, подготовка и совершенствование составляют содержательную структуру военно-педагогического процесса. Как правило, офицер получает несколько высших образований: в военном институте (училище), академии (университете), адъюнктуре (докторантуре). Высшей квалификацией офицера является образование стратегического (оперативного) уровней, получение соответствующей ученой степени.

Эксперимент по развитию профессионального опыта офицеров проводился на базе магистратуры военного вуза. Специфика военного учебного заведения позволяет магистранту пополнять свой опыт в служебной деятельности и в профессиональной подготовке. Развитие опыта опирается на теорию. Из потока получаемой информации выделяется нужное и полезное для пополнения знаний, расширения навыков и умений, применяемых офицерами на практике после окончания военного вуза. В ходе обучения офицер получает новую порцию знаний, изучает современные способы вооруженной борьбы, разрешения вооруженного конфликта, урегулирования кризисной ситуации. Теоретически он готовит себя к практическим действиям по профессиональному предназначению. Еще древнегреческий философ-софист Протагор (486–411 гг. до н. э.) отмечал, что «Теория без практики (упражнения) и практика без теории есть ничто»¹. Теория находит применение на практике, в решении офицером ситуационных задач под руководством преподавателя. Обучая магистранта, педагог передает ему свой, доказанный жизнью опыт. Такая передача рассматривается как «перенос некоего нематериального предмета от одного человека к другому» (Черняева, 2009).

Основоположник российской научной педагогики К. Д. Ушинский отмечал: «Какой воспитатель, будь он самый закоренелый рутинер, отвергнет совет педагога, более опытного, или откажется подать благоразумный совет только что начинающему собрату? Практика, факт – дело единичное, и если в воспитании признавать деятельность одной практики, то даже и такая передача советов невозможна. Передается мысль, выведенная из опыта, но не самый опыт» (Ушинский, 1974).

¹ Цитаты известных личностей. – URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/656747-protagor-teoriia-bez-praktiki-prazhneniia--praktika-bez-te/>.

Осознание значимости теории для практики приходит к обучаемому офицеру в процессе решения ситуационных задач. Современная военная наука требует от военного руководителя не только принятия адекватных обстановке решений, но и логичного их обоснования, подкрепленного научными расчетами, аналитическими выводами. Теория – это источник, из которого можно черпать не только знания, но и опыт (Малашенко, 2019).

Важной особенностью развития опыта обучающегося офицера-магистранта представляется преодоление им «точек» и «барьеров», соответствующих «ранее сложившимся стереотипным действиям, не позволяющим обнаружить новые условия, требуемые для выполнения творческого задания» (Казанская, 1973). По концепции К. Роджерса, такое преодоление определяется конгруэнтностью опыта, т. е. совпадением «реального я» (realself) с «идеальным я» (idealsself) (Роджерс, 1998).

В идеале военный руководитель нацелен на победу. Он должен выиграть бой, провести операцию с минимальными потерями. В реальности – есть противник, который тоже хочет победить и для достижения своих целей предпринимает определенные действия. Мысли, слова и действия по принципу конгруэнтности должны соответствовать друг другу. Мысли – это оценка обстановки и принятие решения, слова – это боевой приказ и распоряжения, действия – реализация решения, выполнение приказа. В конечном итоге у кого выше это соответствие, тот и одержит победу. Опыт проигранных сражений, неудачно проведенных операций следует не расценивать как барьер, а принимать как опоры, ставящие в ситуацию выбора, решения, активного действия (Френе, 1990).

Старый опыт, накопленный годами, несомненно, важен, но в новых кризисных условиях, в которых выпускнику военного вуза предстоит осуществлять свою профессиональную деятельность, на первый план выходит опыт последних войн и вооруженных конфликтов, опыт разрешения современных кризисных ситуаций, которые и исследует обучающийся в военном вузе офицер-магистрант. Хорошую базу для исследования представляют ежегодно проводимые военные учения с контингентами вооруженных сил и других воинских формирований.

Военный вуз создает систему педагогической поддержки магистрантов путем наполнения образовательных программ дополнительным материалом по дипломатическому искусству в развитие у обучаемых офицеров критического мышления, способности к анализу своего видения и чужих взглядов на ситуацию, с учетом различных религиозных и этнических направлений (содержательно-аналитический путь развития опыта). В ходе решения ситуационных задач утверждается особая позиция профессорско-преподавательского состава, которая заключается в усиленном внимании к развитию опыта обучающихся офицеров (позиционно-преподавательский путь). Принимая участие в работе исследовательских групп на командно-штабных и других военных учениях, офицер-магистрант идет к развитию своего профессионального опыта исследовательским путем.

Названные пути развития опыта фокусируются в практической профессиональной деятельности. Практический путь представляется самым действенным. Такой вывод подтверждается объективной кризисной реальностью января 2022 года в Казахстане, когда офицеры и курсанты военных вузов получили практику в отражении террористических атак экстремистских формирований, пополнив тем самым свою опытно-профессиональную базу.

Основной отличительной особенностью процесса развития опыта офицера является совокупность воинской службы и профессиональной деятельности с одной стороны, воинского и профессионального обучения – с другой. Интегративный характер результатов воинского труда отражается в реальных показателях боевой готовности, способности офицера выполнять возложенные на него функции по защите государства и разрешению кризисных ситуаций. Развитие профессионального опыта офицера в образовательном процессе военного вуза проходит одновременно с выполнением им обязанностей военнослужащего.

Результаты

Основным результатом проведенного исследования стало уточнение путей развития профессионального опыта деятельности в кризисных ситуациях у магистрантов военного вуза, реализация которых позволила произвести оценку развития опыта офицеров, обучающихся в военном вузе, в

ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки с контингентами коалиционных сил Организации Договора о коллективной безопасности. Эксперимент проводился при участии магистрантов Национального университета обороны Республики Казахстан в учениях с Коллективными силами быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности. Оценка опыта осуществлялась по четырем уровням его развития: ориентационному, базовому, квалификационному и высокому.

Ориентационный уровень – начальный, позволяющий офицеру ориентироваться в военно-политической и кризисной обстановке, адекватно оценивать свои возможности и силы противника, принимать участие в разработке решений и мероприятиях по их реализации.

Базовый уровень опыта дает возможность военному специалисту принимать самостоятельные решения на основе оценки обстановки и действовать с применением базовых тактических стандартов.

Офицеры, обладающие профессиональным опытом квалификационного уровня, способны принимать самостоятельные решения, подкрепленные аналитическими расчетами, и эффективно действовать в разрезе их реализации.

Обладатели опыта высокого уровня претендуют на оригинальные решения, нестандартные действия, уверенность в руководстве подчиненными силами и средствами, задействованными в операции (разрешении кризисной ситуации).

Результаты оценки показаны в табл. 3.

Таблица 3 – Оценка профессионального опыта магистрантов военного вуза в практической деятельности

Table 3 – Assessment of the professional experience of undergraduates of a military university in practice

Участники педагогического эксперимента	Уровни развития профессионального опыта участников эксперимента							
	Ориентационный		Базовый		Квалификационный		Высокий	
	Предшествующая оценка уровня опыта	Оценка уровня опыта к концу эксперимента	Предшествующая оценка уровня опыта	Оценка уровня опыта к концу эксперимента	Предшествующая оценка уровня опыта	Оценка уровня опыта к концу эксперимента	Предшествующая оценка уровня опыта	Оценка уровня опыта к концу эксперимента
Первая экспериментальная группа (командно-штабной факультет, 30 чел.)	8	-	17	8	5	20	-	2
Вторая экспериментальная группа (факультет ГШ, 25 чел.)	-	-	9	0	13	17	3	8
Суммарный показатель за всех участников эксперимента	8	-	26	8	18	37	3	10

В проведенном педагогическом эксперименте подтверждена ценность профессионального опыта военных руководителей всех степеней. Доказано, что самой эффективной базой для развития опыта является практическая деятельность, основанная на профессиональной подготовке. Развитие опыта заключалось в переходе из одного уровня в другой, более высокий. Все участники эксперимента вышли из ориентационного уровня, 8 человек (14,5 %) осталось в базовом уровне. Абсолютное большинство магистрантов овладели квалификационным уровнем развития опыта – 37 человек (67,2 %), высокого уровня достигли 10 офицеров (18,3 %). Суммарно уровни профессионального опыта офицеров второй экспериментальной группы (факультета ГШ) выше соответствующих показателей первой группы (командно-штабного факультета). Отмечается

значительное повышение общей готовности офицеров, участвовавших в совместных военных учениях, к эффективной профессиональной деятельности.

Выводы

Профессиональный опыт офицера, сформированный из личного жизненного опыта, базируется на теоретических аспектах профессиональной подготовки и развивается в практической деятельности – в учебном процессе военного вуза и в условиях объективной кризисной реальности.

Военный специалист, обладающий наряду со знаниями и навыками развитым профессиональным опытом, представляется практически готовым к выполнению своей миссии по защите общества от современных угроз безопасности.

С повышением уровня опыта укрепляется уверенность выпускника военного вуза в своей профессиональной пригодности, в деятельности по предотвращению и урегулированию современных кризисных ситуаций.

Источники

- Биочинский И. В. (1991) Педагогика подготовки офицеров сухопутных войск (историко-педагогический анализ). Казань, 72 с.
- Ефремов О. Ю. (2000) Педагогическая диагностика в высшей военной школе России. СПб., Воен. ун-т связи, 156 с.
- Жаксылыков Р. Ф. (2015) Система педагогических условий для качественной военно-профессиональной подготовки офицеров Национальной гвардии Казахстана. Теория и практика общественного развития, № 15, с. 142–145.
- Казанская В. Г. (1973) Психологические барьеры прошлого опыта. В кн.: Экспериментальное исследование продуктивных (творческих) процессов мышления. М., Знание, с. 74–83.
- Корнилов А. А. (2017) О развитии военной науки и военного образования в контексте выполнения служебно-боевых задач национальной гвардией. Сборник материалов международной теоретической конференции «Национальный университет обороны имени Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации – флагман военного образования и военной науки Республики Казахстан». Астана, 460 с.
- Малашенко Л. И. (2019) Педагогические пути развития профессионального опыта деятельности в кризисных ситуациях у магистрантов военного вуза. Самарский научный вестник, т. 8, № 1 (26), с. 271–277.
- Роджерс К. Р. (1994) Взгляд на психотерапию. Становление человека Пер. с англ. М. М. Исениной. М., Прогресс : Универс, 480 с.
- Рыспаев А. Н. (2015) Подход к выбору показателей эффективности функционирования системы обеспечения офицерскими кадрами. Научный журнал «Сардар» Центра военно-стратегических исследований Республики Казахстан, № 2 (27), с. 13–17.
- Серикбаев К. С. (2014) Профессиональная армия: пути подготовки воина-профессионала. Вестник Академии военных наук Республики Казахстан, № 1. URL: <https://shop.avn.kz/product-category/zhurnal-vestnik/>
- Ушинский К. Д. (1974) Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М., Педагогика, Т. 1, 584 с.
- Френе С. (1990) Избранные педагогические сочинения. Пер. с фр. М., Прогресс, 308 с.
- Черняева Т. Н. (2009) Формирование профессионального опыта студентов. Ученые записки, т. 2. Сер. Психология. Педагогика, № 3-4 (7-8), с. 87–94.

References

- Biochinsky I. V. (1991) *Pedagogika podgotovki ofitserov sukhopotnykh voysk (istoriko-pedagogicheskiy analiz)* [Pedagogy of training officers of the ground forces (historical and pedagogical analysis)]. Kazan, 72 p. (In Russian)
- Chernyaeva T. N. (2009) Formation of professional experience of students. *Scientific notes*, vol. 2. Ser. Psychology, Pedagogy, no. 3-4 (7-8), pp. 87–94 (In Russian).
- Efremov O. Yu. (2000) *Pedagogicheskaya diagnostika v vysshey voyennoy shkole Rossii* [Pedagogical diagnostics at the higher military school of Russia]. St. Petersburg, VUS, 156 p. (In Russian).
- Frenet S. (1990) *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* [Selected pedagogical works]. Trans. from fr. Moscow, Progress Publ., 308 p. (In Russian).
- Kazanskaya V. G. (1973) *Psikhologicheskiye bar'yery proshlogo opyta* [Psychological barriers of past experience]. V kn.: *Eksperimental'noye issledovaniye produktivnykh (tvorcheskikh) protsessov myshleniya* [In: Experimental study of productive (creative) processes of thinking]. Moscow, Znaniye Publ., pp. 74–83 (In Russian).

- Kornilov A. A. (2017) O razvitiy voyennoy nauki i voyennogo obrazovaniya v kontekste vypolneniya sluzhebno-boevykh zadach natsional'noy gvardiyey [On the development of military science and military education in the context of the performance of service and combat tasks by the National Guard]. Collection of materials of the International theoretical conference "National Defense University named after the First President of the Republic of Kazakhstan – the Leader of the Nation – the flagship of military education and military science of the Republic of Kazakhstan". Astana, 460 p. (In Russian).
- Malashenko L. I. (2019) Pedagogicheskiye puti razvitiya professional'nogo opyta deyatel'nosti v krizisnykh situatsiyakh u magistrantov voyennogo vuza [Pedagogical ways of developing professional experience in crisis situations among undergraduates of a military university]. Samara Scientific Bulletin, vol. 8, no. 1 (26), pp. 271-277 (In Russian).
- Rogers K. R. (1998) Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovleniye cheloveka [A look at psychotherapy. The formation of man]. Trans. from Engl. Moscow, Progress : Univers Publ., 480 p. (In Russian).
- Ryspaev A.N. (2015) Podkhod k vyboru pokazateley effektivnosti funktsionirovaniya sistemy obespecheniya ofitserskimi kadrami [Approach to the choice of indicators of the effectiveness of the functioning of the system of providing officers with personnel]. Scientific journal "Sardar" of the Center for Military-Strategic Studies of the Republic of Kazakhstan, no. 2 (27), pp. 13-17 (In Russian).
- Serikbayev K. S. (2014) Professional'naya armiya: puti podgotovki voyna-professionala [Professional army: ways of training a professional warrior]. Bulletin of the Academy of Military Sciences of the Republic of Kazakhstan, no. 1. Available at: <https://shop.avn.kz/product-category/zhurnal-vestnik/> (In Russian).
- Ushinsky K. D. (1974) Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya: v 2 t. [Selected pedagogical works: in 2 volumes]. Moscow, Pedagogika Publ., vol. 1, 584 p. (In Russian).
- Zhaksylykov R. F. (2015) Sistema pedagogicheskikh usloviy dlya kachestvennoy voyenno-professional'noy podgotovki ofitserov Natsional'noy gvardii Kazakhstana [System of pedagogical conditions for high-quality military professional training of officers of the National Guard of Kazakhstan]. Theory and practice of social development, no. 15, pp. 142-145 (In Russian).

Информация об авторе

Малашенко Леонид Иванович

Член-корреспондент. Международная академия информатизации Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан. Соискатель. Омский государственный педагогический университет, г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-4699-6854. E-mail: leonid1608@mail.ru

Author's information

Leonid I. Malashenko

Corresponding Member. International Academy of Informatization of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan. Applicant. Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-4699-6854. E-mail: leonid1608@mail.ru

В. Г. Пинигин¹

✉ piniginvaleriy@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Психолого-педагогическое сопровождение развития лидерского потенциала студентов 1-го курса

Аннотация: В рамках данного исследования актуальным является рассмотрение модели психолого-педагогического сопровождения процесса раскрытия лидерского потенциала студентов в обоих направлениях – и внешнем (лидер группы), и внутреннем (самостоятельный лидер). В настоящее время образовательный процесс вуза строится с учетом ситуации конкуренции на рынке труда, поэтому на первый план выдвигаются задачи повышения культурно-познавательного уровня студентов, завершения процесса формирования тонких коммуникативных умений, а также навыков самопрезентации. Именно в студенческом возрасте индивид начинает складываться в качестве самостоятельной личности, для которой важен процесс самоактуализации и самореализации, раскрытия способностей и талантов. Безусловно, общество не перестает нуждаться в компетентных специалистах, готовых не только принимать серьезные решения, но и достигать поставленные цели. Все эти личностные качества студента образуют сущность лидерского потенциала, раскрытие и развитие которого может быть осуществлено в образовательном процессе вуза. На этой основе в статье описывается процесс проведения опытно-экспериментальной работы со студентами 1-го курса, цель которой заключается в диагностировании и раскрытии лидерского потенциала обучающихся.

Ключевые слова: лидерский потенциал, лидерские качества, студенты, образовательный процесс вуза.

Дата поступления статьи: 24 января 2023 г.

Для цитирования: Пинигин В. Г. (2023) Психолого-педагогическое сопровождение развития лидерского потенциала студентов 1-го курса. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 183–190. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.18.

Scientific article

V. G. Pinigin¹

✉ piniginvaleriy@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Psychological and pedagogical support for the development of leadership potential of 1st year students

Abstract: Within the framework of this study, it is relevant to consider the model of psychological and pedagogical support for the process of revealing the leadership potential of students in both directions - external (group leader) and internal (independent leader) ones. Currently, the educational process of the university is being built taking into account the situation of competition in the labor market, therefore, the tasks of raising the cultural and cognitive level of students, completing the process of developing fine communication skills, as well as self-presentation skills are being put forward. It is at student age that an individual begins to take shape as an independent personality, for whom the process of self-actualization and self-realization, the disclosure of abilities and talents is important. Undoubtedly, society does not cease to need competent specialists who are ready not only to make serious decisions, but also to take responsibility for achieving their goals. All these personal qualities of a student form the essence of leadership potential, the revelation and development of which can be carried out in the educational process at the university. On this basis, the article describes the process of conducting experimental work with 1st year students, the purpose of which is to diagnose and reveal the leadership potential of students.

Keywords: leadership potential, leadership qualities, students, educational process of the university.

Paper submitted: February 27, 2023

For citation: Pinigin V. G. (2023) Psychological and pedagogical support for the development of leadership potential of 1st year students. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 183–190. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.18.

© В. Г. Пинигин, 2023

Введение

Сегодня вузы, работая со студентами по всем направлениям подготовки, уделяют внимание самоанализу и саморефлексии, т. е. умению прогнозировать результат и выстраивать адекватные взаимоотношения с окружающими. Все эти личностные качества студента образуют сущность лидерского потенциала, раскрытие и развитие которого может быть осуществлено в образовательном процессе вуза (Вьюнова, 2012). Проявление лидерских качеств далеко не всегда связано с высокой степенью коммуникативности, инициативности и активности – напротив, существует феномен и внутреннего лидерства, т. е. полноценной сосредоточенности, решительности и логического подхода к решению задач (Кричевский, 2007).

Психологическое содержание изучаемого нами возрастного периода связано с развитием самосознания, решения задач профессионального самоопределения и вступления во взрослую жизнь. В молодости формируются познавательные и профессиональные интересы, потребность в труде, способность строить жизненные планы, общественная активность, утверждается самостоятельность личности, выбор жизненного пути. В молодости человек утверждает себя в выбранном деле, обретает профессиональное мастерство и именно в молодости завершается профессиональная подготовка, а следовательно, и студенческая пора. Студент отличается высокой работоспособностью (к примеру, у человека зрелого возраста она уже существенно понижается), поэтому он способен не только к большим психофизическим нагрузкам, но и к овладению разными учебными и коммуникативными навыками, к использованию разных способов интеллектуально-творческой деятельности. Проблема раскрытия лидерского потенциала студента наиболее актуальна именно для этой социально-возрастной категории, в условиях которой активизируются морально-нравственные ориентиры и поведенческая устойчивость, формируются механизмы самоконтроля и самореализации (Никулина, 2016). Важно отметить, что студент становится полноправным гражданином, т. к. осознает особенности своей социальной роли и той сферы, к которой относится. Студент становится экономически активным – он включается в самостоятельную финансовую деятельность, может создать собственную семью. Другими словами, этот возраст трактуется учеными как главный период складывания мышления и социально-психологических качеств (Котрухова, 2009).

Лидерство, как понятие гуманитарных наук, имеет динамическую характеристику, проявляется в межличностных контактах, основная сущность лидерства определяется властью и доминированием (Мартенс, 2018). Однако лидерство не сводится к набору отдельных качеств или способностей, оно проявляется в межличностных отношениях. Р. Стогдилл разделил все определения лидерства на 11 групп: как центр групповых процессов (С. Кули, Е. Мамфорд, Л. Бернхард); как проявление личностных черт (В. Бингэм, О. Тид); как искусство достижения согласия (Б. Мур, Ф. Филипс, Ф. Оллпорт); как действие и поведение (Дж. Хемвилл); как инструмент достижения цели или результата (Р. Кеттелл, К. Дэвис); как взаимодействие (П. Друкер, С. Браун); как умение убеждать (С. Шенк); как осуществление влияния (Р. Стогдилл, Ф. Хейман); как властные отношения (Ж. Блондель); как результат дифференциации ролей (М. Шериф, К. Шериф); как инициация или введение структуры (Жданова, Кружкова, 2015, с. 33).

Е. В. Кудряшова, М. Ю. Ананченко (Кудряшова, Ананченко, 2004) выделили еще три модели лидерства: как проявление эмоциональной зрелости; как видение перспективы; как следование особым ценностям. Появление этих моделей хронологически совпадает с возникновением частных теорий лидерства, социальным развитием общества. Лидерство рассматривается в самых различных областях социальных взаимоотношений (Санникова, 2018). Теоретический анализ проблемы лидерства как психолого-педагогического явления показал, что в современной науке сложились различные подходы к его изучению: поведенческая теория лидерства, уточняющая манеру и способы поведения лидера, умение человека действовать как лидер (Р. Блейк, Р. Лайкер, Дж. Моутон, У. Шмидт и др.); атрибутивная теория лидерства, предполагающая доминирующую роль группы в моделировании лидерского поведения (Х. Симз, П. Сьюдфельд, Ф. Фидлер и др.); мотивационная теория лидерства, в контексте которой взаимодействие осу-

ществляется на основе совпадения индивидуальной и общественной ценностных систем при осознании общих целей лидера и группы (Г. Фейрхольм, К. Ходжкинсон и др.).

На основе исследований И. П. Волкова, Ю. Н. Емельянова, Р. Л. Кричевского, Б. Д. Парыгина, Л. И. Уманского было доказано, что в структуре личности лидерский потенциал представляется в качестве индивидуальной системы особым образом организованных его явных и скрытых возможностей, обеспечивающих многообразие направлений личностного роста. Вопросы лидерского потенциала рассмотрены в трудах А. А. Деркач, В. Г. Зазыкина, В. И. Селиванова, Ю. В. Громыко, О. С. Анисимова. Лидерский потенциал позволяет человеку оптимально реализовать профессионально важные качества, умения совершать рискованные поступки, прогнозировать развитие масштабных событий, быть участником серьезных мероприятий. В процессе жизнедеятельности профессионал возобновляет личностные ресурсы (интеллектуальные, волевые, коммуникативные, творческие).

В соответствии с этим лидерский потенциал студента в диссертации И. В. Дрыгиной определен как развивающаяся система его способностей и ресурсных возможностей успешно проявлять лидерские качества в данных объективных условиях (Дрыгина, 2006, с. 30). Лидерский потенциал является социально-психологической характеристикой личности студентов, отражающих их способность влиять на окружающих через свой личностный и деловой ресурс. Лидерский потенциал студентов представляет собой диалектическое единство явных и скрытых возможностей и ресурсов студентов. А. Менегетти считает, что, если в студенческие годы человек успешно сочетает общественную и учебную деятельность, в будущем с большей вероятностью займет должность руководителя или станет неформальным лидером в трудовом коллективе (Менегетти, 2004).

Явные возможности лидерского потенциала студента представлены биографическими характеристиками, личностными качествами (доминантность, ответственность, инициативность, общительность, уверенность в себе, эмоциональная уравновешенность и стрессоустойчивость, предприимчивость), а также его умениями и навыками (слушать других, выстраивать взаимоотношения с людьми, использовать способы харизматического влияния, управлять своим имиджем и репутацией, формировать доверие к себе и своим инициативам).

Скрытые возможности в структуре лидерского потенциала студентов представлены их установками (лидер как носитель корпоративных ценностей, подчинение личного результата общему, готовность к непопулярным решениям) и мотивацией (стремление стать лидером, стремление развиваться, стремление к достижению результатов). Лидер – это статусное положение человека в группе. Обычно выделяют деловое и эмоциональное лидерство. Деловой лидер обладает развитыми операциональными умениями и навыками, он обеспечивает результативность совместной деятельности, имеет хорошие знания в разных областях. Эмоциональный лидер хорошо управляет человеческими отношениями, умеет оказывать поддержку в сложных жизненных ситуациях, умеет заряжать своим энтузиазмом других людей. Е. Л. Гуничева, раскрывая сущность лидерского потенциала студентов, обращает внимание не только на природные ресурсы личности, но и на те качества, которые формируются в процессе образования. Она выделяет критерии потенциального лидера: смысловой (активность, ответственность); стилевой (коммуникативность); организационный (компетентность) (Гуничева, 2007, с. 26). Под лидерским потенциалом студентов Ю. В. Маркелова понимает системную, организованную деятельность студентов (Маркелова, 2013, с. 68). Результатом этой деятельности является стимулирование и развитие ценностной рефлексии, творческих способностей, самостоятельности и инициативы, способностей, необходимых для лидера.

Следовательно, лидерский потенциал студента – это социально-психологическая и мыслительная гибкость, творчество и общая активность, стремление развиваться. Студент-лидер отличается высоким уровнем социальной зрелости, выраженным чувством ответственности за свой выбор (к примеру, профессиональный), навыками саморегуляции и самоконтроля. В связи с отмеченными информационными аспектами подчеркнем, что общей целью исследования явля-

ется организация психолого-педагогического сопровождения развития лидерского потенциала и лидерских качеств студентов. Этот процесс предполагает использование различных методов и приемов, адекватных образовательной среде вуза и возрастным особенностям студентов. Также в процесс сопровождения входит проведение соответствующих тренинговых и игровых упражнений.

Методы

В общей части исследования использовался метод обобщения, сопоставления фактов, анализа литературы. В эмпирической части исследования использовался комплекс методов: тестирование, количественный и качественный анализ полученных результатов (математическая обработка тестовых бланков, корреляционный анализ в программе MS Excel-2010, коэффициент Пирсона).

Методики исследования:

1. Тест уровня притязаний (Ф. Хоппе).
2. Тест «Мотивация к успеху» (Т. Элерс).
3. Тест «Самооценка лидерства» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов).
4. Тест «Диагностика лидерских способностей» (Е. Жариков, Е. Крушельницкий).

Результаты

Нами был организован процесс психолого-педагогического сопровождения развития лидерского потенциала студентов 1-го курса в количестве 25 человек. Разработанная программа занятий состояла из 3 блоков:

1. Беседы и теоретические занятия.
2. Тренинговые игры, способствующие развитию коммуникативных умений и формированию лидерских качеств.
3. Упражнения на получение личностной обратной связи, способствующие созданию позитивных эмоционально-психологических установок, раскрытию лидерского потенциала.

Проведение занятий, упражнений и игр, включенных в программу, продолжалось в течение 2,5 месяца – по одному мероприятию 2 раза в неделю с продолжительностью 60 минут.

Цель комплекса занятий – раскрытие лидерского потенциала студентов.

Проведение занятий осуществлялось специально в учебное время, в основном на занятиях по психолого-педагогическим дисциплинам, т. е. непосредственно в условиях студенческой деятельности. На наш взгляд, это способствовало более качественному и быстрому развитию отдельных лидерских качеств и раскрытию лидерского потенциала в целом.

Таким образом, исследование проводилось поэтапно:

1. Констатирующий этап. На этом этапе мы провели диагностику психологических особенностей испытуемых-студентов с целью определения их первоначального уровня развития лидерских качеств. Тестирование было направлено на такие особенности, как самооценка лидерства, мотивация успеха, притязания, лидерские способности. Полученные результаты позволили подобрать соответствующий комплекс мероприятий по повышению уровня выраженности лидерских качеств и общего потенциала.
2. Формирующий этап. Целью этого этапа являлась разработка описанного выше комплекса занятий, составляющего суть процесса психолого-педагогического сопровождения студентов.
3. Контрольный этап. Цель этого этапа – проведение повторной психологической диагностики для определения эффективности разработанного комплекса занятий.

Для наглядно-сравнительного представления полученных результатов на 1-ом и 3-ем этапах мы обобщили данные в виде гистограмм. Рассмотрим результаты по тесту Т. Элерса.

Как видим на гистограмме (рис. 1), результаты констатирующего и контрольного этапов существенно различаются в положительную сторону. Так, на констатирующем этапе доминировал средний и ниже среднего уровень мотивации к успеху, а после проведения комплекса занятий

мы фиксируем преобладание умеренно высокого уровня. Это свидетельствует о стремлении студентов к достижению поставленных целей, решению серьезных задач. С учетом социального статуса испытуемых, большинство из них мыслят об успехе в направлении учебной успеваемости, победе на олимпиадах и интеллектуальных играх. Эти испытуемые ориентированы на труд, саморазвитие, самоактуализацию.

Рассмотрим результаты по тесту Ф. Хоппе.

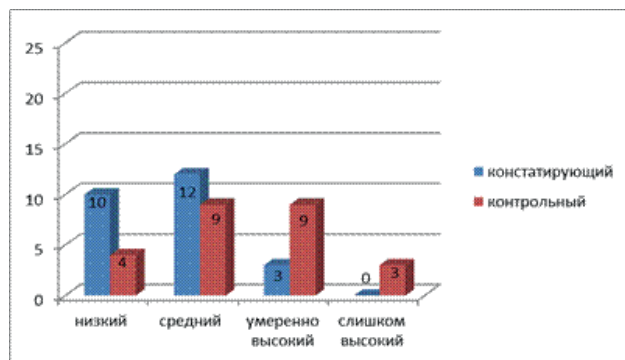

Рис. 1. Обобщенные результаты по тесту Т. Элерса «Мотивация к успеху»

Fig. 1. Generalized results according to the test of T. Ehlers "Motivation for success"

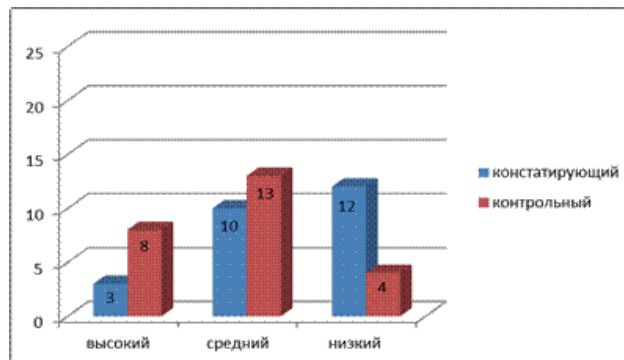

Рис. 2. Обобщенные результаты по тесту Ф. Хоппе «Уровень притязаний»

Fig. 2. Generalized results according to the test of F. Hoppe "Level of claims"

Как видим на гистограмме (рис. 2), на констатирующем этапе доминировал низкий уровень диагностируемого качества. Эти студенты смогли справиться только с первыми заданиями или с простыми заданиями из второй части. Они почти не отреагировали на ситуацию неуспеха, понимая, что основная причина заключается в их медлительности. При выполнении теста испытуемые вели себя спокойно, с интересом читали вопрос, с интересом искали ответ, но изначально не показывали никакого желания спешить, объяснив это резким снижением количества верных ответов. Тревожность по причине временного ограничения им не свойственна, но браться за решение любой задачи они готовы с единственным условием – наличие запаса времени. Им была дана возможность сделать весь тест без временного ограничения: задания были выполнены не за требуемые 6–7 минут (в сумме), а за 10–12. Безусловно, что равнодушие к своим результатам эти респонденты не испытывали, но были уверены в низких результатах. Такая уверенность в неуспехе, спровоцированном временным недостатком, может стать причиной сбоя в процессе активизации лидерского потенциала, поскольку необходимо быть готовым к решению разных проблемных ситуаций.

Однако на контрольном этапе мы получили уже иные результаты: теперь преобладает средний уровень, а низкий зафиксирован только у 4 человек. Это означает, что после проведения занятий уже более половины испытуемых смогли выполнить задания простой и средней степени сложности. Зафиксированный средний уровень свидетельствует о достаточной степени общих знаний (жизненной ориентировки) испытуемых и их умении эти знания своевременно актуализировать. Ограниченность во времени несколько тревожила респондентов, оказавшихся на среднем уровне: они старались писать ответы быстрее, в поведении обнаруживали некоторую степень стесненности и беспокойства. Однако многие могли это скрыть – их «выдавали» только отдельные жесты и движения (крутили карандаш в руках, морщили лицо). Никто не бросал карточки, не мял бумагу, не ронял ручку, не вставал резко со стула с осуждающими словами, поэтому можно сказать, что эту группу респондентов выполнение теста не смущало, и их уровень притязаний соответствует общеличностным возможностям: знаниям, интеллекту, эмоционально-поведенческому самоконтролю. Перейдем к данным по тесту Н. П. Фетискина (и др.).

На гистограмме (рис. 3) показано, что констатирующий этап представлен доминирующим средним уровнем, т. е. 11 студентов считают себя обладающими внутренним лидерством, т. е. являются самостоятельными личностями с развитой произвольностью, чувством ответствен-

ности и долга, высокой степенью целеполагания. Интересно, что 8 человек отнесли себя к высокому уровню выраженности лидерских качеств. Вероятно, такая оценка обусловлена возрастными особенностями, желанием подтвердить собственную активность как в образовательной сфере, так и в коммуникативно-организационной.

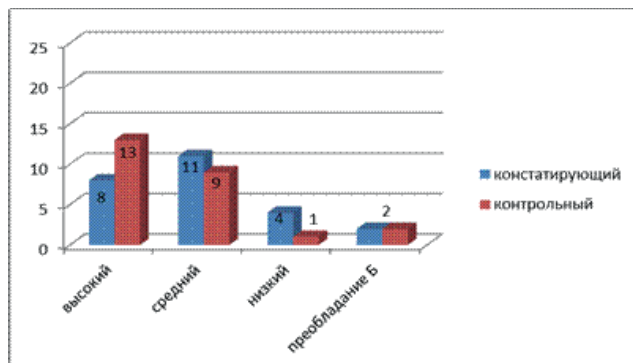

Рис. 3. Обобщенные результаты по тесту Н. П. Фетискина «Самооценка лидерства»

Fig. 3. Generalized results according to the test of N.P. Fetiskin "Self-Assessment of Leadership"

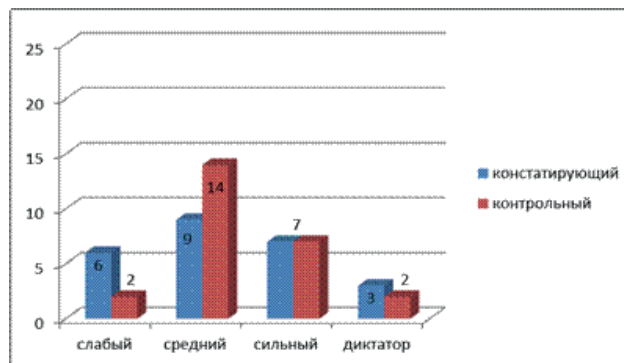

Рис. 4. Обобщенные результаты по тесту Е. Жарикова, Е. Крушельницкого «Диагностика лидерских способностей»

Fig. 4. Generalized results according to the test of E. Zharikov, E. Krushelnitsky "Diagnostics of leadership abilities"

После проведения комплекса занятий высокий уровень ожидаемо доминирует. Важно также указать на уровень «преобладание Б»: здесь речь идет о выборе респондентами большей части ответов под буквой Б, что свидетельствует о психологических проблемах: испытуемый берет на себя функции отрицательного лидера, деструктирующего учебный и коммуникативный процесс. Однако в нашей выборке он зафиксирован только у двух студентов, и их самооценка лидерских качеств осталась неизменной.

Рассмотрим результаты по тесту Е. Жарикова, Е. Крушельницкого.

На гистограмме (рис. 4) мы видим невыраженное преобладание среднего уровня – большинство испытуемых готовы принимать на себя ответственность за свои поступки и решения, приняты в коллективе и имеют учебные успехи. Но средний уровень лидерских способностей скорее соответствует произвольности, внимательности и адекватной коммуникации, чем умению «вести за собой» группу, заряжать окружающих энергией и положительными эмоциями, организовывать сложные мероприятия и руководить разными процессами. Поэтому данный уровень отражает внутреннее, но не внешнее лидерство.

После проведения комплекса занятий средний уровень остается доминирующим, однако существенно снижается количественное содержание слабого уровня. Интересно, что на сильном уровне как до, так и после проведения занятий остаются 7 студентов. Эти испытуемые в полной мере готовы принимать на себя лидерские обязанности либо уже являются лидерами в своих группах (заметим, что мы диагностировали студентов из разных учебных групп). Процесс психолого-педагогического сопровождения только дополнительно укрепил уже имеющийся результат.

Два студента остались на уровне диктатора (до организации сопровождения их было трое). Эти испытуемые сохраняют стремление к исключительному контролю над группой, друзьями, родственниками (несмотря на молодой возраст). Однако один студент изменил свой результат после проведения занятий, перейдя с диктаторского уровня на сильный. Вероятно, организованные игры и упражнения повлияли в большей степени на его сдержанность и внимательность к окружающим вместо ранее диагностированной чрезмерной требовательности.

С целью более детального рассмотрения результатов мы провели корреляционный анализ данных контрольного этапа (программа MS Excel-2010, коэффициент Пирсона). Наиболее значимые взаимосвязи помещены в таблицу.

Значимые корреляционные взаимосвязи между диагностическими показателями (n = 25)**Significant correlations between diagnostic indicators (n = 25)**

Показатель	Показатель	Значение коэффициента корреляции Пирсона, r
Уровень притязаний	Мотивация к успеху	0,4
Лидерские способности	Самооценка лидерства	0,41
Уровень притязаний	Самооценка лидерства	-0,4
Уровень притязаний	Лидерские способности	0,43

Судя по данным таблицы, уровень притязаний оказывает влияние на мотивацию к успеху и росту лидерских способностей. Эти взаимосвязи прямые, т. е. чем выше притязания, тем выше и мотивация к достижению целей, а также способности быть лидером. Понижение уровня притязаний повлечет за собой понижение и этих показателей. Обратная взаимосвязь состоялась снова между притязаниями и собственным восприятием лидерских качеств, т. е. самооценка теперь оказывает влияние на уровень притязаний. Если свое восприятие в качестве лидера снижается, то снижается и уровень притязаний и наоборот – его повышение зависит от самооценки человеком качеств лидера.

Также состоялась прямая взаимосвязь между лидерскими способностями и самооценкой: чем выше эти способности и качества, тем выше и их самооценка. Иными словами, когда испытуемые-студенты видят подтверждение роста своих лидерских способностей (в удачной организации мероприятий, в отсутствии конфликтов с группой, в наличии верных друзей), то их самооценка лидерских качеств также повышается – в ответ на доказательство собственной состоятельности.

Выводы

Лидерский потенциал студента определен как развивающаяся система его способностей и ресурсных возможностей успешно проявлять лидерские качества в данных объективных условиях. Лидерский потенциал студента – это социально-психологическая и мыслительная гибкость, творчество и общая активность, стремление развиваться. Организованный процесс психолого-педагогического сопровождения дал положительные результаты: повысился уровень мотивации к успеху и притязаний, установилось выраженное доминирование среднего уровня лидерских способностей.

Выборка студентов 1-го курса обладает определенным уровнем сформированности лидерских качеств, а лидерский потенциал респондентов в ходе образовательного процесса и организации проведения соответствующих мероприятий постепенно раскрывается.

Источники

- Вьюнова Д. С. (2012) Развитие лидерского потенциала студентов в воспитательном пространстве педагогического вуза : дисс. ... канд. пед. наук. М., 2012, 156 с.
- Гуничева Е. Л. (2007) Формирование лидерского потенциала студенческого актива. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, вып. 53, т. 22, с. 25-32.
- Дрыгина И. В. (2006) Активизация лидерского потенциала личности студента в образовательном процессе вуза : дисс. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2006, 198 с.
- Евтихов О. В. (2012) Компоненты лидерского потенциала организационного лидера. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, № 4 (51), с. 3-6.
- Жданова Н. Е., Кружкова О. В. (2015) Психологические компоненты лидерского потенциала студентов в образовательном пространстве высшего учебного заведения. Педагогическое образование в России, вып. 2, с. 32-37.
- Занковский А. Н. (2011) Психология лидерства. От поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. М., Институт психологии РАН. 2011, 296 с.
- Котрухова Р. И. (2009) Эффективное лидерство и развитие лидерского потенциала современной молодежи. Вестник Челябинского государственного университета, № 14 (152), с. 54-58.
- Кричевский Р. Л. (2007) Психология лидерства. М., Статус, 2007, 304 с.
- Кудряшова Е. В., Ананченко М. Ю. (2004) Ценности лидерства и лидерство ценностей: лидерство как предмет социально-философского анализа. Архангельск, Поморский университет, 2004, 296 с.
- Маркелова Ю. В. (2012). Проблема формирования лидерского потенциала в высшей школе. Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта, № 6 (88), с. 80-83.
- Маркелова Ю. В. (2013) Ступени профессионализма лидера студенческой группы в системе высшей школы. Вестник Оренбургского государственного университета, № 5 (154), с. 68-71.
- Мартенс О. К. (2018) Сущность и природа лидерства. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки, № 1, с. 76-84.

- Менегетти А. (2004) Психология лидера. М., Онтопсихология, 2004, 256 с.
- Никулина И. В. (2016) Формирование лидерских качеств у студентов. Самарский научный вестник, № 4 (17), с. 206–211.
- Провоторова О.А. (2023) Роль лидера (преподавателя) в формировании организационной культуры в учебных группах. Мир науки, культуры, образования, № 1, с. 183–185.
- Пучков Н. П., Авдеева А. В. (2009) Организация воспитательной работы в вузе по формированию лидерских качеств обучающихся. Тамбов, Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009, 190 с.
- Робина Ю. А. Психология лидерства [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-liderstva>
- Санникова Е. А. (2018) Лидерство. Психология лидерства. Лидерская эффективность в управлении. Карельский научный журнал, № 2 (23), с. 24–26.

References

- Drygina I. V. (2006) Aktivizaciya liderskogo potenciala lichnosti studenta v obrazovatel'nom processe vuza [Activation of the leadership potential of the student's personality in the educational process of the university] Dis... cand. of ped. sciences. Krasnoyarsk, 2006, 198 p. (In Russian).
- Evtihov O. V. (2012) Komponenty liderskogo potenciala organizacionnogo lidera [Components of the Leadership Potential of an Organizational Leader]. Actual problems of the humanities and natural sciences, № 4(51), pp. 3–6. (In Russian).
- Gunicheva E. L. (2007) Formirovanie liderskogo potenciala studencheskogo aktiva [Formation of the leadership potential of the student asset] Proceedings of the Russian State Pedagogical University A. I. Herzen, vol. 53, pp. 25–32 (In Russian).
- Kotruhova R. I. (2009) Effektivnoe liderstvo i razvitie liderskogo potenciala sovremennoj molodezhi [Effective leadership and development of the leadership potential of today's youth]. Bulletin of Chelyabinsk State University, no. 14(152), pp. 54–58. (In Russian).
- Krichevskij R. L. (2007) Psihologiya liderstva [Leadership Psychology]. Moscow, Status Publ., 304 p. (In Russian).
- Kudryashova E. V., Ananchenko M. Yu. (2004) Cennosti liderstva i liderstvo cennostej: liderstvo kak predmet social'no-filosofskogo analiza [Values of Leadership and Leadership of Values: Leadership as a Subject of Social and Philosophical Analysis]. Arkhangelsk, Pomor University Publ., 2004, 296 p. (In Russian).
- Markelova Yu. V. (2013) Stupeni professionalizma lidera studencheskoj gruppy v sisteme vysshej shkoly [Levels of professionalism of the leader of the student group in the system of higher education]. Bulletin of the Orenburg State University, no. 5 (154), pp. 68–71 (In Russian).
- Markelova Yu.V. (2012) Problema formirovaniya liderskogo potenciala v vysshej shkole. [The problem of formation of leadership potential in higher education]. Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft, no. 6 (88), pp. 80–83 (In Russian).
- Martens O. K. (2018) Sushchnost' i priroda liderstva [Essence and nature of leadership]. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences, no. 1, pp. 76–84 (In Russian).
- Menegetti A. (2004) Psihologiya lidera [Psychology of a leader]. Ontopsychology, Moscow, 256 p. (In Russian).
- Nikulina I. V. (2016) Formirovanie liderskih kachestv u studentov [Formation of leadership qualities in students]. Samara Scientific Bulletin, no. 4 (17), pp. 206–211 (In Russian).
- Provotorova O. A. (2023) Rol' lidera (prepodavatelya) v formirovanii organizacionnoj kul'tury v uchebnyh gruppah [The role of the leader (teacher) in the formation of organizational culture in study groups]. The world of science, culture, education, no. 1, pp. 183–185 (In Russian).
- Puchkov N. P., Avdeeva A. V. (2009) Organizaciya vospitatel'noj raboty v vuze po formirovaniyu liderskih kachestv obuchayushchihsya [Organization of educational work at the university for the formation of leadership qualities of students]. Tambov: Tambov Publishing House. state tech. university, 190 p. (In Russian).
- Robinova Yu. A. Psihologiya liderstva [Leadership Psychology]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-liderstva> (In Russian).
- Sannikova E. A. (2018) Liderstvo. Psihologiya liderstva. Liderskaya effektivnost' v upravlenii. [Leadership. Psychology of leadership. Leadership efficiency in management]. Karelian scientific journal, no. 2 (23), pp. 24–26 (In Russian).
- V'yunova D. S. (2012) Razvitie liderskogo potenciala studentov v vospitatel'nom prostranstve pedagogicheskogo vuza [Development of students' leadership potential in the educational space of a pedagogical university]: Dis... cand. of ped. sciences. Moscow, 156 p. (In Russian).
- Zankovskij A. N. (2011) Psihologiya liderstva. Ot povedencheskoj modeli k kul'turno-cennostnoj paradigme [Psychology of leadership. From a behavioral model to a cultural value paradigm]. Moscow, Institute of Psychology RAS. 296 p. (In Russian).
- Zhdanova N. E., Kruzhkova O. V. (2015) Psihologicheskie komponenty liderskogo potenciala studentov v obrazovatel'nom prostranstve vysshego uchebnogo zavedeniya [Psychological components of the leadership potential of students in the educational space of a higher educational institution]. Pedagogical Education in Russia, vol. 2, pp. 32–37 (In Russian).

Информация об авторе

Пинигин Валерий Геннадьевич

Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-2620-5664. E-mail: piniginvaleriy@mail.ru

Autor's information

Valery G. Pinigin

Cand. Sc. (Psychological), Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-2620-5664. E-mail: piniginvaleriy@mail.ru

УДК 377.5

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.19

Научная статья

О. В. Величко¹✉, Т. П. Бакурова²

✉ fomenko_olya@mail.ru

¹Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск, Российская Федерация²Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Самореализация студентов колледжа в процессе профессиональной подготовки

Аннотация: В статье рассматривается проблема поиска эффективных средств содействия самореализации студента как образовательного результата в системе среднего профессионального образования и одного из компонентов социально-профессиональной мобильности будущего педагога. Представлены результаты теоретического исследования проблемы, изложены описательные характеристики уровней сформированности способности к самореализации у студентов. Изложены результаты эмпирического исследования уровня способности к самореализации у студентов колледжа в профессиональной подготовке, определены проблемные точки актуального уровня способности к самореализации, что может быть учтено при разработке модели формирования социально-профессиональной мобильности будущего педагога.

Ключевые слова: самореализация, деятельностная самореализация, личностная самореализация, портфолио, социально-профессиональная мобильность.

Дата поступления статьи: 2 сентября 2022 г.

Для цитирования: Величко О. В., Бакурова Т. П. (2023) Самореализация студентов колледжа в процессе профессиональной подготовки. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 191–199. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.19.

Scientific article

O. V. Velichko¹✉, T. P. Bakurova²

✉ fomenko_olya@mail.ru

¹Siberian State University of Physical Culture and Sport, Omsk, Russian Federation²Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Self-realization of college students in the process of professional training

Abstract: The article deals with the problem of finding effective ways to promote students' self-realization as an educational outcome in the system of secondary vocational education. The empirical study of college students' self-actualization level in professional activities has revealed that students experience difficulties in planning and independent organization of learning activities, find it challenging to give self-assessment of their activity results, demonstrate performance in socially useful and sports activities, and give preference to sports activities. The results of the research on the level of self-actualization of college students in professional activity indicate the need to improve the student portfolio, in which students could reflect on the activities that they independently planned and designed and self-evaluate the results of their implementation.

Keywords: self-realization, self-actualization, personal self-realization, portfolio.

Paper submitted: September 2, 2022.

For citation: Velichko O. V., Bakurova T. P. (2023) Self-realization of college students in the process of professional training. Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 191–199. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.19.

Введение

Сегодня современному специалисту необходимо не только овладеть профессиональными компетенциями, но и научиться гибко, быстро и эффективно адаптироваться к изменениям в социуме и быть готовым к активным его преобразованиям, другими словами, быть мобильным.

© О. В. Величко, Т. П. Бакурова, 2023

Такие исследователи, как Ю. К. Калиновский, О. М. Дементьева, видят прямую связь между мобильностью и образованием: «чем образованнее человек, тем он мобильнее» (Дементьева, 2011). По их мнению, мобильность – это интегральное качество личности, имеющее две стороны: социальную и профессиональную. Поэтому социально-профессиональную мобильность они тесно связывают с профессионально значимыми качествами личности, формирующимися в процессе обучения и воспитания и оказывающими важнейшее влияние на профессионализм будущего педагога.

Изучая структуру социально-профессиональной мобильности, можно увидеть, что авторы включают не только способность к быстрой профессиональной и личностной переориентации, социальную и профессиональную активность, адаптацию к реальным жизненным ситуациям, но и способность к саморазвитию, самореализации (рис. 1).

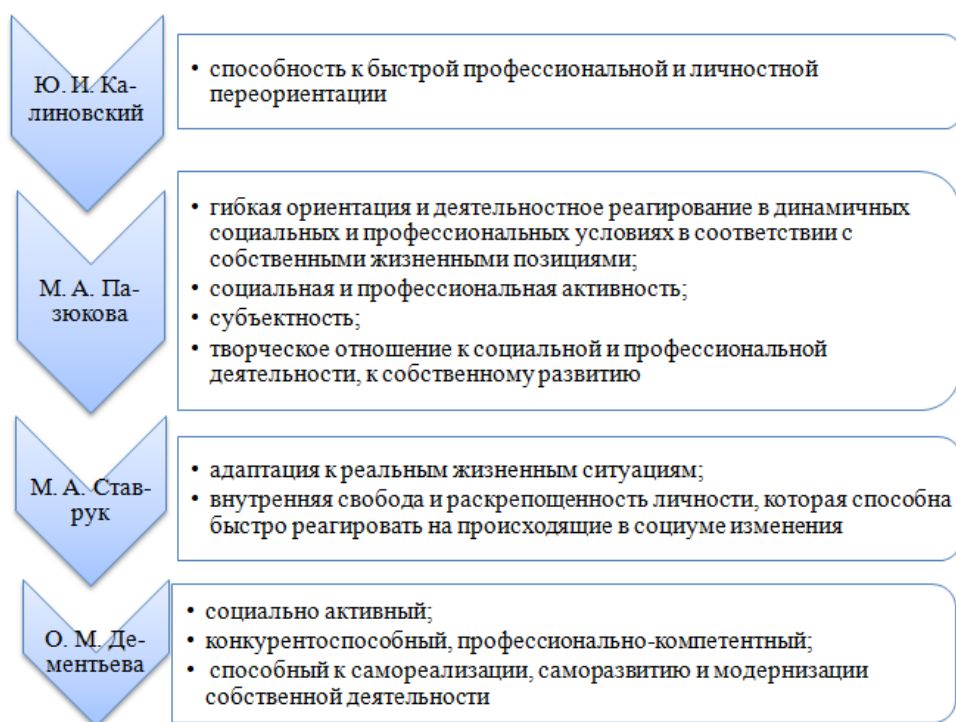

Рис. 1. Структура социально-профессиональной мобильности

Fig. 1. Structure of social and professional mobility

Следует отметить, что сегодня проблема самореализации имеет новый уровень актуальности, поскольку студенческая молодежь стремится к независимому выбору профессионального пути и жизненной траектории в целом. В. Б. Большов под самореализацией понимает процесс раскрытия личностью своих внутренних возможностей в ходе жизнедеятельности. «Важно отметить актуальность процесса самореализации среди студенческой молодежи, которая в целом рассматривается как особая, относительно самостоятельная общность, заинтересованная в личностном развитии благодаря постоянной включенности в образовательную среду» (Большов, 2021).

В новых условиях молодое поколение должно обладать способностью адаптации к изменяющимся условиям жизни, самоопределению и творческому саморазвитию. Подобные качества применительно к будущему педагогу характеризуют понятие «профессиональная самореализация». В соответствии с изменениями общественной среды меняется концепция среднего профессионального образования, формирующаяся под воздействием современных социально-экономических преобразований. Прежняя задача обучения профессии посредством передачи студентам определенного объема знаний, умений и навыков расширяется до формирования их готовности к труду и максимальной самореализации в новых условиях. В этой связи получают развитие вариативность образования, эффективные педагогические технологии (Копейкин, 2007).

Сегодня многие исследователи отмечают профессиональную сферу как ведущую в самореализации личности (Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, А. Н. Кимберг, Л. А. Корыстылева, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, В. Д. Шадриков и др.). По мнению А. К. Марковой, значимым фактором личностного саморазвития является профессионализация. Именно профессия – источник существования и средство личностной самореализации человека (Киенко, Морозова, 2011).

Е. В. Киенко и И. С. Морозова отмечают, что самореализация личности в профессии предполагает удовлетворенность личности собственным самоосуществлением. Самореализация в профессии включает деятельностную и личностную составляющие. Деятельностная самореализация рассматривается через субъективную удовлетворенность своими достижениями. Личностная самореализация оценивается по степени удовлетворенности от самоосуществления (Киенко, Морозова, 2011).

А. Н. Чесноков тоже отмечал, что самореализация должна осуществляться путем воплощения жизненных планов студентов через различные виды и формы деятельности (Чесноков, 2023).

Таблица 1 – Самореализация студентов в разных видах и формах деятельности

Table 1 – Self-realization of students in different types and forms of activity

Виды деятельности	Реализуемая задача	Формы деятельности
Игровая	Совершенствует самостоятельность, ответственность	Деловые, ролевые игры, психологические тренинги
Учебная	Формирует потребность в самообразовании	Конкурсы, аукционы идей, олимпиады
Коммуникативная	Воспитывает культуру общения	Диспуты, тренинги общения
Трудовая	Направлена на сохранение материальных ценностей	Генеральные уборки, субботники
Общественно-политическая	Включает воспитание политической культуры	Круглые столы, чтение литературы
Профессиональная	Направлена на развитие готовности к профессиональной деятельности	Конкурсы профмастерства, выставки творческих работ
Спортивно-оздоровительная	Формирует навыки здорового образа жизни	Соревнования, дни здоровья

В связи с этим актуальной становится проблема поиска эффективных способов содействия самореализации студента как образовательного результата в системе среднего профессионального образования, обеспечивающих формирование и развитие знаний, умений, практического опыта, профессиональных и общих компетенций.

Одним из наиболее современных способов профессионального развития, по мнению Л. И. Кобышевой, является портфолио. Оно необходимо для того, чтобы систематизировать накапливаемый опыт, четче определить направление развития, облегчить консультирование со стороны педагогов, а также сделать более объективной оценку профессионального уровня (Кобышева, 2015).

Портфолио позволяет выявить положительную мотивацию к обучению, заинтересованность и увлеченность тем или иным предметом, результативность в разных видах деятельности. Портфолио является не просто современным, но и эффективным средством оценки результатов обучения и решает в том числе такие задачи, как формирование и поддержка положительной мотивации студентов к обучению, поощрение их активности и самостоятельности, расширение возможностей самообучения и саморазвития, реализация дополнительных предпосылок и возможностей для самореализации студентов (Панюкова, Гостин, Самохина, 2013).

Целью нашего исследования явилось выявление возможностей портфолио как средства формирования способности к самореализации студентов колледжа.

Таблица 2 – Роль портфолио в профессиональной самореализации

Table 2 – The role of the portfolio in professional self-realization

Автор	Роль портфолио в профессиональной самореализации
Э. Ф. Зеер, Л. Н. Степанова	Ценность портфолио заключается в развитии рефлексивных способностей и самооценки собственной деятельности обучающихся (Зеер, Степанова, 2023)
В. Н. Фролов, Д. А. Валишина	Портфолио активизирует динамику профессионального роста студентов и позволяет решить задачу более объективного определения их профессиональных качеств и достижений (Фролов, Валишина, 2023)
И. А. Кныш, И. П. Пастухова	Портфолио выступает средством самоорганизации, самосовершенствования и самопрезентации студента, позволяющим формировать навыки рефлексии собственной деятельности и конструктивное отношение к внешней оценке (Кныш, Пастухова, 2008)
Е. Ю. Кудрявцева	Портфолио – это инструмент самообразовательной деятельности студента, подчеркивающий его обширные возможности в становлении способности действовать в ситуации неопределенности с учетом наличных условий (Кудрявцева, 2008)

Методы

Исследование было проведено на базе бюджетного профессионального образовательного учреждения «Омский педагогический колледж». В нем приняли участие две группы первого курса в количестве 48 человек и 61 чел. – студенты второго и третьего курсов, в возрасте от 15 до 19 лет.

Для достижения поставленной цели был изучен уровень самореализации студентов в профессиональной деятельности посредством использования метода анализа документов – портфолио.

Результаты

Портфолио представляет собой три раздела: портфолио документов, портфолио работ и портфолио отзывов. Портфолио документов включает в себя набор документов, фиксирующих профессиональное развитие: дипломы, сертификаты, справки, грамоты, удостоверения о спортивной квалификации и др. Преимущество данного раздела портфолио заключается в том, что можно определить рейтинг обучающегося. В то же время существует и недостаток: информация в данном разделе портфолио представлена лишь о результатах обучения, она не дает развернутого представления о динамике индивидуального развития обучающегося, его интересов и увлечений, что вполне вероятно отразилось и на результатах исследования.

Портфолио работ выглядит как методический «портфель», включающий в себя различные проектные, творческие, исследовательские работы студента и, кроме того, описание основных направлений и форм его творческой и учебной деятельности: участие в различных олимпиадах, конкурсах, научных конференциях, обучение на курсах дополнительного образования, достижения в сферах искусства и спорта и др. Данный раздел портфолио предоставляет обучающемуся возможность проводить самооценку своего развития в той или иной сфере (образование, наука, искусство, спорт и др.), что, безусловно, помогает осознать, что является для него более близким родом деятельности.

В портфолио отзывов размещаются характеристики с баз практик, тренеров по избранному виду спорта, отзывы кураторов, с мест осуществления тренерской деятельности (если студенты осуществляют эту деятельность в качестве помощника тренера), рекомендации и др. Преимуществом данного раздела портфолио является то, что студент может проанализировать оценку собственных работ и достижений более опытными людьми (преподавателями, руководителями производственной практики) в конкретном виде деятельности, что позволит устранить недочеты в работе, укрепить сильные стороны, то есть скорректировать дальнейшую работу.

В целом портфолио студентов выполняет следующие функции:

– мотивационную: заключается в том, что, накапливая результаты образовательной деятельности, обучающийся находится в ситуации успеха, внутреннего удовлетворения, что работает на повышение образовательной мотивации;

– содержательную: проявляется в том, что портфолио позволяет определить результативность обучающегося в разных видах деятельности, в которые он был включен;

– рефлексивную (самоанализ): заключается в умении обучающегося адекватно оценивать собственные достижения и возможности в разных видах деятельности, делать необходимые выводы относительно самосовершенствования.

В нашем исследовании на основании выделенных Е. Г. Власюк компонентов (мотивационно-ценностный, профессионально-деятельностный и оценочно-аналитический) и показателей нами определены три уровня сформированности способности к самореализации студентов колледжа. Описательные характеристики уровней составлены на основе анализа научно-методической литературы (Р. В. Овчарова¹; М. И. Рожков²; И. Г. Сенин³; В. В. Синявский⁴).

Таблица 3 – Уровни сформированности способности к самореализации студентов колледжа

Table 3 – Levels of formation of the ability to self-realization of college students

Показатель	Уровни сформированности		
	Высокий	Средний	Низкий
Способность к самореализации	Результаты учебной деятельности в портфолио отражают положительную динамику, при этом имеются сертификаты, грамоты, дипломы, подтверждающие результаты участия; результаты также отражают активное участие в спортивной и воспитательной деятельности; результаты практической деятельности имеют положительную динамику, и содержание портфолио демонстрирует способность к анализу собственной профессиональной деятельности. Способен самостоятельно планировать и конструировать профессиональную деятельность	Представленные результаты портфолио отражают результаты учебной деятельности студентов; результаты отражают активное участие студентов в спортивной деятельности; результаты практики не имеют положительной динамики; состав портфолио выдержан и обоснован, затрудняется анализировать собственную деятельность. Испытывает трудности в самостоятельном планировании и конструировании профессиональной деятельности	В портфолио отсутствуют материалы по результатам учебной, воспитательной и спортивной деятельности; нет материалов, отражающих результативность практической деятельности; материалы портфолио представлены бессистемно, отсутствует логика их включения. Не может осуществлять самоанализ собственной профессиональной деятельности. Не проявляет способности к самостоятельному планированию и конструированию профессиональной деятельности

На основании критериев и показателей оценки портфолио нами проанализированы документы студентов с 1-го по 3-й курсы. Полученные результаты свидетельствуют о следующем: на первом курсе у 73 % студентов низкий уровень самореализации. Их материалы отражают активное участие лишь в спортивной деятельности, как таковой положительной динамики в учебной деятельности не наблюдается, отсутствует самореализация в практической деятельности, а материалы, располагающиеся в портфолио, представлены бессистемно и не логично.

27 % студентов первого курса имеют средний уровень самореализации. Эти данные можно охарактеризовать следующим образом: результаты обучающихся отражают активное участие и в спортивной, и в общественно-полезной деятельности, состав портфолио выдержан и обоснован, представлены результаты учебной деятельности (но положительной динамики не наблюдается). Обучающиеся испытывают трудности в планировании и самостоятельной организации учебной деятельности, затрудняются дать оценку результатам своей деятельности.

У студентов 2 курса в портфолио способность к самореализации в учебной деятельности имеет динамику, но не у всех обучающихся она положительная. Также можно отметить активное участие студентов в общественно-полезной и спортивной деятельности, как внутри колледжа, так и

¹ Овчарова Р. В. (2023) Мотивы выбора профессии. URL: <http://testoteka.narod.ru/ms/1/18.html>

² Рожков М. И. (2023) Методика изучения уровня социализированности личности обучающегося. URL: <http://psylist.net/praktikum/00178.htm>

³ Сенин И. Г. (2023) Опросник терминальных ценностей. URL: <http://www.altermed.by/index.php?item=test&pst=otz>

⁴ Синявский В. В. (2023) Коммуникативные и организаторские склонности. URL: <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/17.html>

вне его. У этих студентов в большей степени состав портфолио обоснован и выдержана его структура. Студентам удалось отразить в разделе «портфолио работ» самостоятельно спланированные мероприятия по общественно-полезной деятельности, также конспекты спортивно-массовых мероприятий, разработанных и проведенных ими самостоятельно в процессе осуществления воспитательной работы в образовательном учреждении. Так, результаты оценки уровня способности к самореализации студентов второго курса представлены следующим образом: 32 % (12 студентов) имеют низкий уровень, 46 % (17 человек) – средний уровень и 22 % (8 студентов) высокий уровень.

У студентов 3 курса наблюдается динамика учебной и практической деятельности, результативность общественно-полезной и спортивной деятельности свидетельствует преимущественно об участии студентов в спортивных мероприятиях. Так, у студентов 3 курса на низком уровне обучающихся не оказалось, на среднем уровне – 71 % (17 студентов) и на высоком – 29 % (7 студентов) (рис. 2).

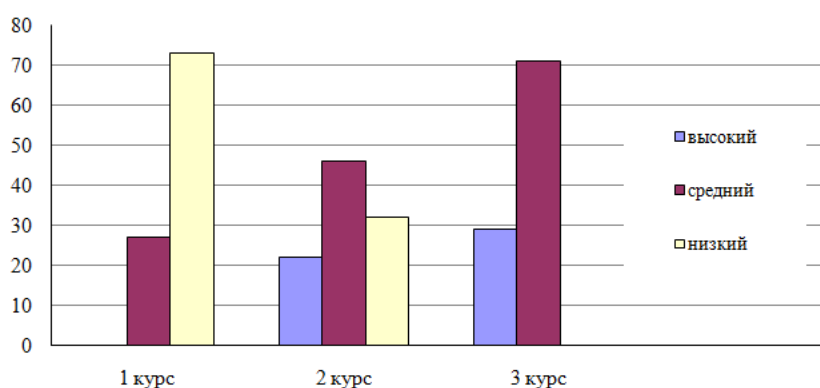

Рис. 2. Количество студентов, имеющих различный уровень способности к самореализации в профессиональной деятельности (%)

Fig. 2. Number of students with different levels of ability to self-realize in professional activities (%)

Несмотря на положительную динамику показателей самореализации обучающихся в профессиональной деятельности, видно, что студенты 1-го и 2-го курсов испытывают трудности в планировании и самостоятельной организации учебной деятельности, затрудняются давать самооценку результатам своей деятельности, а обучающиеся 3-го курса демонстрируют результативность общественно-полезной и спортивной деятельности, отдавая предпочтение спортивным мероприятиям.

В связи с тем, что не только самореализация является одной из составляющих структуры социально-профессиональной мобильности, на наш взгляд, было бы уместно комплексно представить способы ее формирования.

Так, нас заинтересовал подход, предложенный В. А. Штоффом. Он рассматривал способ моделирования. Под моделью им понимается мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение даст новую информацию об этом объекте. Модель, по определению автора, это искусственно созданный образец в виде схемы, описания, физических конструкций или формул, подобный исследуемому объекту (явлению) и отражающий или воспроизводящий в более простом виде структуру, свойства и отношения между элементами объекта (явления).

Анализ работ, посвященных социально-профессиональной мобильности студентов, позволил выявить существующие модели ее формирования. Так, Е. Г. Власюк разработала модель управления развитием социально-профессиональной мобильности в воспитательном пространстве профессионально-педагогического колледжа (Власюк, 2014). О. М. Дементьева предлагает модель формирования социально-профессиональной мобильности студентов среднего профессионального образования посредством изменения содержания образования (производственные практики, факультативы, курсы по выбору, дополнительное образование и др.) (Дементьева,

2009). Е. Р. Ипатова также разработала модель формирования социально-профессиональной мобильности у студентов вуза, включающую целевой, содержательный, организационно-технологический, оценочно-результативный компоненты и основанную на реализации системного, личностно-деятельностного и индивидуально-творческого подходов, функционально позволяющую активизировать личностные ресурсы студентов для дальнейшей самореализации (Ипатова, 2011).

В то же время в литературе не представлена модель формирования социально-профессиональной мобильности будущего педагога, которая была бы основана на комплексном построении образовательной среды в условиях среднего профессионального образования.

Методологическим обоснованием к построению комплексной модели мы считаем необходимым заложить личностно-деятельностный и комплексный подходы. Выбор этих подходов обусловлен тем, что процесс формирования социально-профессиональной мобильности в силу своей сложности и многоаспектности не может изучаться лишь с одной точки зрения. Учет методологических подходов в изучении процесса формирования социально-профессиональной мобильности обеспечит получение разноплановых характеристик данного явления.

При разработке комплексной модели формирования социально-профессиональной мобильности необходимо исходить из общего принципа: учить не предмету, а специальности, воспитывать не просто личность, а личность педагога. С этой целью, на наш взгляд, должна быть создана такая образовательная среда, главной целью которой стало бы сопровождение профессиональной самореализации обучающихся.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование показало, что портфолио является одним из средств формирования у студентов способности к самореализации в профессиональной деятельности. Но в то же время мы считаем, что его результативность будет выше, если усовершенствовать его содержание, чтобы студенты смогли отразить самостоятельно спланированную и сконструированную деятельность и оценить ее результаты. Так, например, собственную мотивацию на представленные в портфолио виды деятельности: учебную, воспитательную, спортивную; самостоятельное планирование и конструирование собственной деятельности (в соответствии с разделами портфолио) с целью получения конкретного продукта; самостоятельную оценку и анализ собственных результатов деятельности; защиту портфолио по результатам выполненной деятельности за учебный год.

При разработке модели формирования социально-профессиональной мобильности следует учесть возможности портфолио как средства формирования у студентов способности к самореализации в процессе профессиональной подготовки, что даст возможность обосновать условия реализации модели. В частности, при отборе содержания учебного и другого материала учитывать ту сферу деятельности, в которой студенту предстоит работать; при организации внеучебной деятельности отдавать предпочтение формам и методам, в которых студент преимущественно находится в субъектной позиции, выполняя функции ответственного, организатора, руководителя.

Источники

- Большов В. Б. (2021) Вузовская среда как пространство самореализации студенческой молодежи. Социальная компетентность, т. 6, № 1, с. 1–20.
- Власюк Е. Г. (2014) Реализация модели воспитательного пространства, способствующего развитию социально-профессиональной мобильности студентов колледжа. Роль и место образовательной организации в профессиональном самоопределении детей и молодежи на уровне городских и поселковых муниципальных образований: материалы ОГАОУ ДПО ИИПКРО, Иркутск, с. 36–41.
- Дементьева О. М. (2009) Формирование социально-профессиональной мобильности студентов в учреждениях среднего профессионального образования: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 23 с.
- Деркач А. А. (2009) Самореализация – основание акмеологического развития. Акмеология, № 3, с. 10–16.
- Емельянова Т. Г. (2006) Социальная активность в профессиональном самоопределении студентов ССУЗа. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ижевск, 19 с.
- Зеер Э. Ф., Степанова Л. Н. (2018) Портфолио как инструментальное средство самооценивания учебно-профессиональных достижений студентов. Образование и наука, т. 20, № 6, с. 139–157.
- Ипатова Е. Р. (2011) Педагогическая технология формирования социально-профессиональной мо-

- бильности студентов вуза. Вестник Шадринского государственного педагогического университета, № 4, с. 64–68.
- Киенко Е. В., Морозова И. С. (2011) Профессиональные аспекты самореализации личности. Философия образования, № 2, с. 247–253.
- Кныш И. А., Пастухова И. П. (2008) Портфель индивидуальных достижений как контрольно-оценочное педагогическое средство. Среднее профессиональное образование, № 1, с. 69–73.
- Кобышева Л. И. (2015) Метод портфолио как способ профессионально-личностного саморазвития педагога-психолога. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Таганрог, 24 с.
- Копейкин Ю. К. (2007) Педагогическое сопровождение профессиональной самореализации студентов колледжа. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 25 с.
- Кудрявцева Е. Ю. (2008) Портфолио как инструмент самообразовательной деятельности учащихся. Профильная школа, № 4, с. 8–12.
- Мединцева И. П. (2012) Компетентностный подход в образовании. Педагогическое мастерство. Материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2012 г.). URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/65/3148/>.
- Панюкова С. В., Гостин А. М., Самохина Н. В. (2013) Интерактивное веб-портфолио студента: структура и содержание. Информатика и образование, № 10 (249), с. 83–87.
- Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. (2010) Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М., Академия, 368 с. URL: https://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_19666.pdf.
- Фролов В. Н., Валишина Д. А. (2021) Портфолио как эффективная педагогическая технология в XXI веке. Молодой ученый, № 27 (369), с. 275–278. URL: <https://moluch.ru/archive/369/83086/>.
- Чесноков А. Н. (2016) Самореализация студентов в учебно-профессиональной деятельности. Инновационное развитие профессионального образования, № 1 (09), с. 83–86.

References

- Bolshov V.B. (2021) Vuzovskaya sreda kak prostranstvo samorealizatsii studentcheskoy molodezhi [University environment as a space for self-realization of student youth]. Social competence, vol. 6, no. 1, pp. 1–20 (In Russian).
- Chesnokov A. N. (2016) Samorealizatsiya studentov v uchebno-professional'noy deyatel'nosti [Self-realization of students in educational and professional activities]. Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya – Innovative development of vocational education, no. 1 (09), pp. 83–86 (In Russian).
- Dementieva O. M. (2009) Formirovaniye sotsial'no-professional'noy mobil'nosti studentov v uchrezhdeniyakh srednego professional'nogo obrazovaniya [Formation of social and professional mobility of students in institutions of secondary vocational education]. Abstr. Diss. ... Cand. Psychol. Sci. Moscow, 23 p. (In Russian).
- Derkach A. A. (2009) Samorealizatsiya – osnovaniye akmeologicheskogo razvitiya [Self-realization is the basis of acmeological development]. Acmeology, no. 3, pp. 10–16 (In Russian).
- Emelyanova T. G. (2006) Sotsial'naya aktivnost' v professional'nom samoopredelenii studentov SSUZa [Social activity in professional self-determination of SSUZ students]. Abstr. Diss. ... Cand. Psychol. Sci. Izhevsk, 19 p. (In Russian).
- Frolov V. N., Valishina D. A. (2021) Portfolio kak effektivnaya pedagogicheskaya tekhnologiya v XXI veke [Portfolio as an effective pedagogical technology in the 21st century]. Young Scientist, no. 27 (369), pp. 275–278. Available at: <https://moluch.ru/archive/369/83086/> (In Russian).
- Ipatova E.R. (2011) Pedagogicheskaya tekhnologiya formirovaniya sotsial'no-professional'noy mobil'nosti studentov vuza [Pedagogical technology for the formation of social and professional mobility of university students]. Journal of Shadrinsk State Pedagogical University, no. 4, pp. 64–68 (In Russian).
- Kiyenko E. V., Morozova I. S. (2011) Professional'nyye aspekty samorealizatsii lichnosti [Professional aspects of self-realization of personality]. Philosophy of education, no. 2, pp. 247–253 (In Russian).
- Knysh I. A., Pastukhova I. P. (2008) Portfel' individual'nykh dostizheniy kak kontrol'no-otsenochnoye pedagogicheskoye sredstvo [Portfolio of individual achievements as a control and evaluation pedagogical tool]. The Journal of Secondary Vocational Education, no. 1, pp. 69–73 (In Russian).
- Kobysheva L. I. (2015) Metod portfolio kak sposob professional'no-lichnostnogo samorazvitiya pedagoga-psikhologa [Portfolio method as a way of professional and personal self-development of a teacher-psychologist]. Abstr. Diss. ... Cand. Ped. Sci. Taganrog, 24 p. (In Russian).
- Kopeykin Yu. K. (2007) Pedagogicheskoye soprovozhdeniye professional'noy samorealizatsii studentov kolledzha [Pedagogical support of professional self-realization of college students]. Abstr. Diss. ... Cand. Ped. Sci. Moscow, 23 p. (In Russian).
- Kudryavtseva Ye. Yu. (2008) Portfolio kak instrument samoobrazovatel'noy deyatel'nosti uchashchikhsya [Portfolio as a tool for student education]. Profession-Oriented School, no. 4, pp. 8–12 (In Russian).
- Medintseva I. P. (2012) Kompetentnostnyy podkhod v obrazovanii [Competent approach in education]. Pedagogicheskoye masterstvo [Pedagogical excellence]. Materials II Intern. scientific conf. (Moscow, December 2012). Available at: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/65/3148/> (In Russian).

- Panyukova S. V., Gostin A. M., Samokhina N. V. (2013) Interaktivnoye veb-portfolio studenta: struktura i sodержaniye [Student's interactive web portfolio: structure and content]. Informatics and Education, no. 10 (249), pp. 83–87 (In Russian).
- Polat Ye. S., Bukharkina M. Yu. (2010) Sovremennyye pedagogicheskiye i informatsionnyye tekhnologii v sisteme obrazovaniya [Modern pedagogical and information technologies in the education system]. Moscow, Akademiya Publ., 368 p. Available at: https://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_19666.pdf (In Russian).
- Vlasyuk E.G. (2014) Realizatsiya modeli vospitatel'nogo prostranstva, sposobstvuyushchego razvitiyu sotsial'no-professional'noy mobil'nosti studentov kolledzha [Implementation of a model of educational space that contributes to the development of social and professional mobility of college students]. Rol' i mesto obrazovatel'noy organizatsii v professional'nom samoopredelenii detey i molodezhi na urovne gorodskikh i poselkovykh munitsipal'nykh obrazovaniy [The role and place of the educational organization in the professional self-determination of children and youth at the level of city and village municipalities]. Materials of the OGAOU DPO IIPKRO, Irkutsk, pp. 36–41 (In Russian).
- Zeyer E. F., Stepanova L. N. (2018) Portfolio kak instrumental'noye sredstvo samoocenivaniya uchebno-professional'nykh dostizheniy studentov [Portfolio as a tool for self-evaluation of educational and professional achievements of students]. The Education and Science Journal, vol. 20, no. 6, pp. 139–157 (In Russian).

Информация об авторах

Величко Ольга Викторовна

Старший преподаватель. Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0002-1234-1234. E-mail: fomenko_olya@mail.ru

Бакурова Татьяна Петровна

Кандидат педагогических наук, доцент. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ. E-mail: t.bakurova@inbox.ru

Autor's information

Olga V. Velichko

Senior Lecturer. Siberian State University of Physical Culture and Sport, Omsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-1234-1234. E-mail: fomenko_olya@mail.ru

Tatyana P. Bakurova

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation. E-mail: t.bakurova@inbox.ru

УДК 330
JEL A10, A13, B10, B25 B41, B50

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.20

Научная статья

В. В. Бирюков¹

✉ sciencebv@gmail.com

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Альтернативные подходы к построению модели экономического поведения человека

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с поиском новых подходов к разработке модели человека как методологического ядра экономической науки. Целью статьи является определение методологических особенностей разработки альтернативных подходов к исследованию экономического поведения человека. Методология исследования определяется необходимостью концептуального изменения видения картины экономической реальности с учетом ее интерсубъективной природы и формирования, исходя из этого, соответствующей реалиям модели экономического человека. В работе показано, что альтернативные подходы к анализу экономических процессов возникли в результате использования различных версий стандартной (базовой) модели экономического человека, предложенной немецкой исторической школой. Данная модель привлекает элементы методологического индивидуализма и методологического холизма и предполагает описание экзогенного влияния на экономическое поведение неэкономических факторов. При этом неортодоксальная версия модели экономического человека предусматривает, что на ценностно-нормативном уровне в рамках сложившихся коллективных ценностей объясняется построение институциональной системы экономики, а на институционально-инструментальном уровне исходя из этого описываются особенности поведения субъектов экономики. В мейнстримовской версии исследования проводятся только на институционально-инструментальном уровне. В работе предлагается отказаться от стандартной модели экономического человека и в русле идей классической школы обосновывается возможность использования адекватной реалиям модели, позволяющей изучать эндогенные механизмы развития экономики и сформировать системно-целостное ее видение.

Ключевые слова: экономическая методология, стандартная модель экономического человека, модели экономического поведения.

Дата поступления статьи: 10 марта 2023 г.

Для цитирования: Бирюков В. В. (2023) Альтернативные подходы к построению модели экономического поведения человека. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 200–207. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.20.

Scientific article

V. V. Biryukov¹

✉ sciencebv@gmail.com

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Alternative approaches to building a model of human economic behavior

Abstract: The article deals with issues related to the search for new approaches to the development of a human model as a methodological core of economic science. The purpose of the article is to determine the methodological features of the development of alternative approaches to the study of human economic behavior. The research methodology is determined by the need for a conceptual change in the vision of the picture of economic reality, taking into account its intersubjective nature and the formation of a model of an economic person corresponding to the realities on this basis. The paper shows that alternative approaches to analyzing economic processes have arisen due to using different versions of the standard (basic) model of economic man proposed by the German historical school. This model incorporates elements of methodological individualism and methodological holism and assumes a description of the exogenous influence of non-economic factors on economic behavior. At the same time, the unorthodox version of the economic man model provides that at the value-

normative level, within the framework of the established collective values, the construction of the institutional system of the economy is explained, and at the institutional-instrumental level, based on this, the features of the behavior of economic entities are described. In the mainstream version, research is conducted only at the institutional and instrumental levels. The paper proposes to abandon the standard model of an economic person and, in line with the ideas of the classical school, substantiates the possibility of using a model that is adequate to the realities, which allows for the study of the endogenous mechanisms of economic development and forming a systemically holistic vision of it.

Keywords: economic methodology, standard model of an economic person, models of economic behavior.

Paper submitted: March 10, 2023.

For citation: Biryukov V. V. (2023) Alternative approaches to building a model of human economic behavior. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 200–207. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.20.

Введение

Происходящие в современной экономике конфликтно-кардинальные трансформации, сопровождающиеся изменением всей ее архитектуры, усиливают потребность использования адекватных стремительно меняющейся экономической реальности исследовательских подходов к разработке современных теорий. Необходимость поиска более реалистичных подходов актуализирует сегодня значимость исследований, ориентированных на переосмысление сложившихся представлений о модели человека как методологического ядра экономической науки с учетом требований современных мировых практик.

Отвечая на новые вызовы, представители конкурирующих направлений экономической теории в последние десятилетия в условиях методологического поворота предложили различные коррекции прежних представлений о человеке в экономике (Капелюшников, 2020; Лозина, Тутов, 2020; Бузгалин и др., 2022). Однако вопрос о роли акторов в процессе конструирования экономических форм, регулирующих их взаимодействия, по сути, остается сегодня без ответа. Происходящие перемены в экономических исследованиях не позволяют сформировать системно-целостное видение экономики. Поэтому публикуется большое количество критических работ, в которых указывается на то, что использование распространенных концептуальных подходов приводит к построению эклектичных теорий, обладающих скромной практической ценностью и порождающих фрагментированное видение экономической реальности (Stiglitz, 2019; Некипелов, 2019; Piketty, 2020; Komlos, 2021; Бирюков, 2022б). Проблема, как представляется, состоит в необходимости радикальной смены исследовательской оптики, ее разворота к человеку с учетом возрастания его роли в трансформации современной экономики и создании адекватных реалиям новых форм организации экономической жизни.

Целью статьи является определение методологических особенностей разработки альтернативных подходов к исследованию экономического поведения человека. В связи с этим важным становится выявление методологических основ формирования модели его экономического поведения и специфики построения альтернативных подходов, а также обоснование адекватной реалиям модели человека, ориентированной на формирование системно-целостного видения экономики.

Методы

Фундаментальные изъяны разработки конкурирующих направлений исследований современной экономики как сложной системы возникли в результате маргиналистского переворота и формирования видения проблемного поля, в соответствии с которым сложилось «жесткое ядро» понимания модели экономического поведения субъектов экономики, используемой при построении объяснительных схем. Разнообразные модификации, которые вносятся сегодня в данную модель, порождают потребность привлечения структуралистского подхода, что не позволяет раскрыть то, каким образом экономические связи могут создаваться и воспроизводиться субъектами на основе их экономических мотивов. Поэтому сегодня перспективы развития экономической теории представители мейнстримовского и неортодоксального направлений исследований

рассматривают с позиции использования результатов различных отраслей знания, что приводит к формированию уточняющих и эмпирических направлений исследований в рамках плюралистично-эkleктичной парадигмы (см., например, Hodgson, 2019; Ménard, Shirley, 2022; Фролов, 2022). Для выхода из сложившегося когнитивного тупика предлагается использовать методологические установки классической школы, которые учитывают интересубъективную природу экономической реальности и ориентируют на изучение эндогенных механизмов развития современной экономики на основе использования постструктуралистской логики.

Результаты

Основные результаты выполненного исследования состоят в следующем.

1. Стандартная модель экономического человека и ее альтернативные версии. Трудности поиска адекватной реалиям модели экономического поведения определяются двойственной природой человека, который является одновременно носителем индивидуальных и социальных (общесистемных) характеристик. Поэтому, как показывает Дж. Ходжсон, «в общественных науках есть одна допустимая объяснительная стратегия: всегда начинать со структур и индивидов» (Ходжсон, 2009, с. 48). Вместе с тем сегодня существуют различные интерпретации дилеммы «структура или действия» (Дудина, 2022). Особенности распространенного сегодня понимания модели экономического человека определяются во многом исторически сложившимся понятийным аппаратом.

Важно учитывать, что большую часть XIX века вектор развития экономической науки определялся исследованиями, проводимыми в рамках классической и исторической школы. Их представители интерпретировали экономическую деятельность людей с учетом сложившихся институциональных связей на основе принципиально разных моделей экономического человека. В отличие от классической теории немецкая историческая школа стала опираться на исследовательскую парадигму, в которой субъективная теория ценности сочеталась с методологическим коллективизмом (Kurz, 2016, p. 16). Данная парадигма базируется на использовании дуалистической модели поведения субъекта экономики, которое складывается под влиянием неэкономических (экзогенных) феноменов и экономических мотивов, трактуемых в соответствии с утилитаристской этикой. Именно эта модель экономического поведения человека выступила в качестве стандартной (базовой) модели создания различных ее современных версий, на основе которых сегодня конструируются разнообразные эkleктичные интерпретации экономических процессов. Вместе с тем мировоззренческие различия порождают конкуренцию двух альтернативных версий стандартной модели экономического человека, связанных с разным пониманием роли коллективных феноменов в объяснительных описаниях.

Представители немецкой исторической школы, предложив стандартную модель интерпретации экономического поведения человека с учетом влияния социокультурных факторов, стали опираться на ценностно ориентированную версию модели. Данная версия предусматривает использование познавательного подхода, который «объединяет с экономическим анализом исследование определяющих этических и культурных факторов, интегрируя в экономическую науку также методы этики и культурологии» (Козловски, 1997, с. 132). Современные неортодоксальные исследования во многом основываются на традиции, заложенной ведущими представителями старого институционализма: Т. Вебленом, Дж. Коммонсом, У. Митчеллом, К. Эйрсом, Дж. К. Гэлбрейтом, Г. Мюрдалем, К. Поланьи и У. Каппом. Хотя в своих работах они и привлекали идеи классической школы, но старый институционализм при изучении процессов, происходящих на разных уровнях экономики, фактически стал опираться на модель экономического поведения человека немецкой исторической школы.

Использование неортодоксальной модели экономического человека предусматривает проведение исследования экономических процессов на двух основных структурных уровнях: во-первых, на ценностно-нормативном уровне в рамках сложившихся коллективных ценностей объясняется формирование институциональной системы экономики; во-вторых, на институцио-

нально-инструментальном уровне исходя из возникшей институциональной среды описываются особенности поведения субъектов экономики. Подвергая критике упрощенные интерпретации поведения субъектов экономики, неортодоксальные институционалисты с самого начала указывали на необходимость его исследовать с помощью междисциплинарных методов. При этом мировоззрение представителей различных направлений неортодоксальной политэкономии, как правило, остается эклектичным (О'Хара, 2009, с. 38).

Сторонники мейнстрима заимствовали модель экономического поведения человека, предложенную исторической школой, но внимание сфокусировали на значимой роли институтов в формировании экономических процессов. Поэтому мейнстримовская модель экономического человека фактически представляет собой часть неортодоксальной модели; она предусматривает проведение экономических исследований лишь на институционально-инструментальном уровне, связанном с тем, что с помощью институтов обосновывается логика экономического поведения субъектов. Особенности построения мейнстримовской модели экономического поведения и запоздалое публичное признание необходимости привлечения институтов для объяснения картины экономической реальности привели к тому, что многие ключевые идеи теорий мейнстрима уже давно являются частью теорий классической и исторической школы, а также неортодоксального институционализма. Замалчивание данного обстоятельства во многом способствует господству теорий мейнстрима и созданию стереотипов об их особых достоинствах.

Эволюция теорий экономического мейнстрима определяется использованием двух основных версий модели экономического поведения. Формирование ранней версии мейнстримовской модели привело к созданию неоклассической микроэкономики, основы которой заложил Маршалл в результате заимствования идей классической и исторической школы (Автономов, 2022). В рамках неоклассической модели экономического человека поведение производителей и покупателей объясняется влиянием институциональных переменных, которые привлекаются в виде рыночных структур, денег и других коллективных феноменов. Поэтому неоклассический подход выступает специфической (скрытой) версией использования институционального подхода. Неоклассический подход порождает ошибочное убеждение о теоретическом обосновании рыночной цены, поскольку цена выступает результатом влияния внешней (экзогенной) силы; в связи с этим рушится вся неоклассическая теория микроэкономики (Эрроу, 1995; Некипелов, 2019; Бирюков, 2022а).

Включение в категориальный аппарат мейнстрима институтов в явном, а не в косвенном виде позволило неoinституционализму в последние десятилетия превратиться в ведущее исследовательское направление мейнстрима. Неoinституциональная теория экономики в качестве альтернативы неоклассической модели полной рациональности предлагает модель ограниченной рациональности. Вместе с тем она представляет собой только расширение и дополнение традиционной неоклассики (Greif, Mokyr, 2017). Неoinституциональная теория экономики является частью поздней неоклассической теории – «самуэльсоновской экономикой в вечернем платье» (McCloskey, 2016, p. 14). При этом институты выступают как факторы, формирующие социальный контекст экономического поведения субъектов (Spiegler, Milberg, 2009).

Сегодня представители мейнстрима предлагают разнообразные описания, в которых рассматривается неравновесное взаимодействие акторов, являющихся ограниченно рациональными, разнородными, способными обучаться, подверженных влиянию когнитивно-психологических факторов и т. д. В результате получают все большее распространение идеи поведенческой экономики и модифицированные модели эгоистического поведения с различными поведенческими аномалиями (Капелюшников, 2020; Лозина, Тутов, 2020; Бузгалин и др., 2022). При этом данное исследование неизбежно распадается на анализ множества не связанных между собой частных случаев в результате использования экзогенной трактовки институциональных связей.

2. Классическая модель экономического человека и смена традиционной модели. Поиск удовлетворительной экономической модели поведения человека сопровождается в настоящее время появлением новой волны переосмысления используемой А. Смитом модели в результате публич-

ного признания очевидного факта, что во времена А. Смита, К. Маркса и Дж. Милля экономическая наука относилась к числу моральных наук. В связи с этим с позиции концептуального ядра неортодоксального институционализма подвергается критике миф о теоретической состоятельности мейнстримовской версии модели экономического человека и теорий экономического мейнстрима. Вместе с тем вне должного внимания остается то обстоятельство, что ведущие представители классической школы в отличие от сторонников немецкой исторической школы исходили не из субъективной теории стоимости, а из теории трудовой стоимости, построение которой осуществлялось с использованием принципиально иной модели экономического поведения субъектов.

Стремление сторонников мейнстрима отделить этику от экономики породило традицию игнорирования существования многих способов, которыми в экономическое оценивание субъектов входит этическая компонента. Важно учитывать, что Смит и классики политической экономии в соответствии с этической традицией Аристотеля экономическое поведение субъектов понимали как ценностно мотивированное. Так, Аристотель указывал на необходимость поддержания обмена товарами на основе справедливой цены, обеспечивающей равенства работ. Разработанная классиками политической экономии теория трудовой стоимости исходит из того, что устойчивые связи в экономике создаются субъектами в результате достижения ценностного согласования, которое достигается, когда данные связи рассматриваются как справедливые, взаимовыгодные и оправданные. Поэтому, например, рыночная цена становится общепризнанной нормой рыночных обменов, их институциональным регулятором (Бирюков, 2022а). В классической политической экономии экономические мотивы поведения субъектов рассматриваются исходя из того, что они являются носителями противоречивого единства общесистемных и уникальных характеристик. В связи с этим возникает возможность исследовать процесс развития экономики как сложной системы, который складывается на основе создания коллективных форм экономических связей, обладающих эндогенным статусом.

Так, Маркс в «Капитале» использовал принцип двойственности экономических мотивов рыночных субъектов как фундаментальный принцип изучения ценностно ориентированного их поведения на рынке и особенностей взаимодействия производителей и покупателей. Исходя из двойственной природы товаров и заключающегося в них труда, он объяснил появление дуального рыночного механизма, регулирующего распределение общественного труда по отраслям экономики. Опираясь на дуалистическую модель экономических мотивов поведения субъектов, Маркс представил исследовательский подход к описанию связи спроса и предложения, в котором нет разрыва между микро- и макроэкономикой. В рамках данного подхода предложение товаров выступает в виде произведенного совокупным работником совокупного продукта общества и измеряется затратами общественного труда, а совокупный спрос на все товары выражает платежеспособные потребности общества, которые возникают на основе общих ценностных представлений в рамках совокупного дохода, выражающего затраты совокупного времени общества. Общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе, – вот что определяет долю общественного труда, направляемого в разные сферы производства. Если разделение труда складывается пропорционально, то продукты продаются по стоимостям и достигается лучшее использование рабочего времени общества (Маркс, 1986, с. 691–692).

Сложившаяся традиция математизации и формализации экономического дискурса, сопровождающаяся рассмотрением и моделированием частных проблем и процессов, происходит на фоне доминирования в современном обществе, как писал Э. Тоффлер, клиповой культуры и клипового мышления (Toffler, 1980). С позиции стандартной модели экономического поведения человека, которая основана на клиповом мышлении и предполагает использование структуралистского подхода, сегодня излагаются знания в системе экономического образования; доминирование клипового мышления позволяет многим современным экономистам избегать постановки фундаментальных вопросов, обсуждение которых способствует конструированию системно-целостного видения, соответствующего усложняющейся картине экономической реальности. При этом

утвердившийся в экономической науке стереотип понимания мотивационного ядра поведения человека как экономического эгоиста создает благоприятные условия для широкого распространения в экономической науке различных версий рыночного фундаментализма, легитимизации методов ультралиберальной экономической политики и неокOLONиального перераспределения национального дохода развивающихся стран в интересах доминирующих в глобальной экономике олигархических групп.

Пересмотр традиционной модели экономического человека, возникшей еще в XIX веке, требует перехода на качественно новый уровень понимания сложности картины экономической реальности, позволяющий с помощью возврата к модели экономического человека классической школы использовать постструктуралистский подход, который способствует преодолению дилеммы «структура или действия» и созданию альтернативы традиционному видению экономики, ориентированному на экзогенное и фрагментарное ее описание с помощью стандартной модели экономического поведения субъектов. Формирование адекватного реалиям концептуального ядра экономической модели поведения человека предполагает переход к ценностно-экономической интерпретации процессов развития экономики и рассмотрения в качестве центральных проблем экономической жизни способов, посредством которых экономическая жизнь организована вокруг ценностно-нормативных представлений людей.

Использование в качестве методологической основы ценностно-экономической модели предполагает разрыв с позитивизмом и событийно-эмпирическим подходом к описанию экономической реальности. Данная модель позволяет исследовать экономику как сложную многоуровневую систему, развитие которой происходит в процессе взаимодействий акторов, обладающих широким спектром экономико-ценностных ориентаций и связанных с ними мотивов поведения, а также выйти за рамки различных версий конкурирующих подходов, основанных на экзогенном описании экономических процессов, утвердившихся в результате искаженного видения проблемного поля экономической реальности и игнорирования ее интересубъективной природы (Бирюков, 2022б).

Выводы

Распространенные конкурирующие подходы опираются на различные версии стандартной модели экономического поведения человека, которая была предложена еще немецкой исторической школой и предусматривает описание экзогенного влияния неэкономических факторов на экономическое поведение, что порождает фрагментарное представление о картине экономической реальности. При этом создание теоретических схем с помощью неортодоксальной версии модели экономического человека предполагает, что на ценностно-нормативном уровне в рамках сложившихся коллективных ценностей объясняется построение институциональной системы экономики, а на институционально-инструментальном уровне изучаются на данной основе особенности поведения субъектов экономики. В мейнстримовской версии исследования проводятся только на институционально-инструментальном уровне. Для выхода за рамки клипового мышления и формирования системно-целостного видения картины экономической реальности важно отказаться от концептуального ядра экономической теории, предложенной немецкой исторической школой, и возродить идеи модели экономического поведения человека классической школы, которая позволяет содержательно исследовать эндогенные механизмы развития современной экономики как сложной системы.

Источники

- Автономов В. С. (2022) Три источника и три героя маргиналистской революции. Вопросы экономики, № 7, с. 104–122. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-7-104-122.
- Бирюков В. В. (2022а) Альтернативные институциональные стратегии разработки монетарных теорий. AlterEconomics, № 2 (19), с. 262–282. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19–2.4.
- Бирюков В. В. (2022б) Парадигмальные особенности разработки институциональных стратегий исследования современной экономики. Общество и экономика, № 10, с. 33–49. DOI: 10.31857/S020736760022707-6.

- Бузгалин А. В., Манахова И. В., Молчанов И. Н., Павлов М. Ю., Рассадина А. К. (2022) Человек как экономический актор: потенциал диалога поведенческой экономики и современной марксистской политической экономики. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, № 2, с. 26–44. DOI: 10.38050/01300105202222.
- Дудина В. И. (2022) Концептуализация социальной активности в условиях общественной нестабильности: между микро- и макроуровнями. Социологические исследования, № 11, с. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250021526-1.
- Капелюшников Р. (2020) Кто такой homo oeconomicus? Экономическая политика, № 1 (15), с. 8–39. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-8-39.
- Козловски П. (1997). Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистской философии. СПб., Экономическая школа, 215 с.
- Лозина О. И., Тутов Л. А. (2020). Методологические предпосылки модели человека в современной экономике. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, № 5, с. 24–39.
- Некипелов А. Д. (2019). Кризис в экономической науке – природа и пути преодоления. Вестник Российской Академии наук, № 1 (89), с. 24–37. DOI: 10.31857/S0869-587389124-37.
- Маркс К. (1986). Капитал. Т. 3. Ч. 2. М., Политиздат, 1080 с.
- О’Хара Ф. (2009) Современные принципы неортодоксальной политической экономики. Вопросы экономики, № 12, с. 38–57. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-12-38-57.
- Фролов Д. П. (2022) Будущее плюралистичной институциональной теории. Вопросы экономики, № 5, с. 45–69. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-4-45-69.
- Ходжсон Дж. (2008) Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция. Вопросы экономики, № 8, с. 45–61. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-8-45-61.
- Эрроу К. Дж. (1995) К теории ценового приспособления. Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы. СПб., Экономическая школа, 534 с.
- Greif A., Mogy J. (2017) Cognitive rules, institutions, and economic growth: Douglass North and beyond. Journal of Institutional Economics, vol. 13, no 1, pp. 25–52. DOI: 10.1017/S1744137416000370.
- Hodgson G. M. (2019). Prospects for international research. RAUSP Management Journal, vol. 54, no 1, pp. 112–120. DOI: 10.1108RAUSP-11-20018-0112.
- Komlos J. (2021) How to change economics 101. Challenge, vol. 64, no 3, pp. 182–219. DOI: 10.1080/05775132.2021.1932135.
- Kurz H. (2016) German and Austrian schools. In: H. Kurz, G. Faccarello (eds.). Handbook on the history of economic analysis. Vol. II. Cheltenham, Edward Elgar, pp. 252–273.
- McCloskey D. N. (2016) Max U versus humanomics: A critique of neo-institutionalism. Journal of Institutional Economics, vol. 12, no. 1, pp. 1–27. DOI:10.1017/S1744137415000053.
- Ménard C., Shirley M. M. (2022) Advanced introduction to new institutional economics. Cheltenham: Edward Elgar, 200 p.
- Piketty T. (2020) Capital and Ideology. Cambridge, Harvard University Press, 1104 p.
- Spiegler P., Milberg W. (2009) The taming of institutions in economics: The rise and methodology of the “new new institutionalism”. Journal of Institutional Economics, vol. 5, no. 3, pp. 289–313. DOI: 10.1017/S1744137409990026.
- Stiglitz J. E. (2019) People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent. New York, London, W.W. Norton, 366 p.
- Toffler A. (1980) The Third Wave. New York, Morrow, 544 p.

References

- Arrow K. J. (1995) К теории ценового приспособления [Towards the theory of price adjustment]. Вехи экономической мысли [Milestones of economic thought]. Т. 2. Теория фирмы [Theory of the firm]. Vol. 2, St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 534 p. (In Russian).
- Avtonomov V. S. (2022) Tri istochnika i tri geroya marzhinalistskoi revolyutsii [Three sources and three heroes of marginal revolution]. Voprosy Ekonomiki, no. 7, pp. 104–122. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-7-104-122 (In Russian).
- Biryukov V. V. (2022a) Al'ternativnye institutsional'nye strategii razrabotki monetarnykh teorii [Paradigmatic features of development institutional alternatives to the formation of monetary theories]. AlterEconomics, vol. 19, no 2, pp. 262–282. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.4 (In Russian).
- Biryukov V. V. (2022b) Paradigmalye osobennosti razrabotki institucional'nykh strategiy issledovaniya sovremennoj jekonomiki [Paradigmatic features of the development of institutional strategies for the study of the modern economy]. Society and Economics, no. 10, pp. 33–49. DOI: 10.31857/S020736760022707-6 (In Russian).
- Buzgalin A. V., Manakhova I. V., Molchanov I. N., Pavlov M. Yu., Rassadina A. K. (2022) Chelovek kak jekonomicheskij aktor: potencial dialoga povedencheskoj jekonomiki i sovremennoj marksistskoj politjekonomii [Human being as an economic actor: the potential of a dialogue between behavioral economics and modern Marxist political economy]. Moscow University Economics Bulletin, no 2, pp. 26–44. DOI: 10.38050/01300105202222 (In Russian).
- Dudina V. I. (2022) Kontseptualizatsiya sotsial'noi aktivnosti v usloviyakh obshchestvennoi nestabil'nosti: mezhdru mikro- i makrourovnyami. [Conceptualization of social activity in conditions of social

- instability: between micro and macro levels]. *Sociological Studies*, no. 11, pp. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250021526-1 (In Russian).
- Frolov D. P. (2022) *Budushchee plyuralistichnoi institutsional'noi teorii* [The future of pluralistic institutional theory]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 45–69. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-4-45-69 (In Russian).
- Greif A., Mokyr J. (2017) Cognitive rules, institutions, and economic growth: Douglass North and beyond. *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 1, pp. 25–52. DOI: 10.1017/S1744137416000370.
- Hodgson G. M. (2019). Prospects for international research. *RAUSP Management Journal*, vol. 54, no 1, pp. 112–120. DOI: 10.1108RAUSP-11-20018-0112.
- Hodgson J. (2008). *Instituty i individy: vzaimodeistvie i evolyutsiya*. [Institutions and individuals: interaction and evolution]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 45–61. DOI:10.32609/0042-8736-2008-8-45-61 (In Russian).
- Kapeliushnikov R. (2020) *Kto takoj homo oeconomicus?* [Who Is homo oeconomicus?]. *Economic Policy*, vol. 15, no 1, pp 8–39 DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-8-39 (In Russian).
- Komlos J. (2021) How to change economics 101. *Challenge*, vol. 64, no. 3, pp. 182–219. DOI: 10.1080/05775132.2021.1932135.
- Koslowski P. (1997) *Proshchanie s marksizmom-leninizmom. Ocherki personalistskoi filosofii* [Farewell to Marxism-Leninism. Essays on Personalist Philosophy]. St. Petersburg, *Ekonomicheskaya shkola Publ.*, 215 p. (In Russian).
- Kurz H. (2016) German and Austrian schools. In: H. Kurz, G. Faccarello (eds.). *Handbook on the history of economic analysis*. Vol. II. Cheltenham, Edward Elgar, pp. 252–273.
- Lozina O. I., Tutov L. A. (2020) *Metodologicheskie predposylki modeli cheloveka v sovremennoj jekonomike* [Methodological background of human model in modern economy]. *Moscow University Economic Bulletin*, no 5, pp. 24–39 (In Russian).
- Marks K. (1986) *Capital* [Capital]. Vol. 3. Part. 2. Moscow, *Politizdat Publ.*, 1080 p. (In Russian).
- McCloskey D. N. (2016) Max U versus humanomics: A critique of neo-institutionalism. *Journal of Institutional Economics*, vol. 12, no. 1, pp. 1–27. DOI: 10.1017/S1744137415000053.
- Ménard C., Shirley M. M. (2022) *Advanced introduction to new institutional economics*. Cheltenham: Edward Elgar, 200 p.
- Nekipelov A. D. (2019). *Krizis v ekonomicheskoy nauke – priroda i puti preodoleniya* [Crisis in Economics – the nature and ways to overcome]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 89, no 1, pp. 24–37. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-587389124-37> (In Russian).
- O'Khara F. (2009) *Sovremennye printsipy neortodoksal'noi politicheskoi ekonomiki* [Modern principles of unorthodox political economy]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 12, pp. 38–57. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-12-38-57 (In Russian).
- Piketty T. (2020) *Capital and Ideology*. Cambridge, Harvard University Press, 1104 p.
- Spiegler P., Milberg W. (2009) The taming of institutions in economics: The rise and methodology of the “new new institutionalism”. *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, no. 3, pp. 289–313. DOI: 10.1017/S1744137409990026.
- Stiglitz J. E. (2019) *People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent*. New York, London, W.W. Norton, 366 p.
- Toffler A. (1980) *The Third Wave*. New York, Morrow, 544 p.

Информация об авторе

Бирюков Виталий Васильевич

Доктор экономических наук, профессор
кафедры экономики и управления персоналом.
Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-3385-3603.
E-mail: sciencebvv@gmail.com

Autor's information

Vitaly V. Biryukov

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the Department of
Economics and Personnel Management. Omsk
Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-3385-3603.
E-mail: sciencebvv@gmail.com

УДК 314.74
JEL G00, R10

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.21

Научная статья

В. В. Карпов¹✉, М. А. Бабичев²

✉ karpov-v51@yandex.ru

¹Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, г. Омск, Российская Федерация

²Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (СИБИТ), г. Омск, Российская Федерация

Отдельные вопросы межрегиональной миграции сибирских регионов: на примере Омской области

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопросов миграционных процессов Сибирского региона. В качестве ключевого элемента анализа в статье рассмотрены миграционные отношения Омской области и их ключевые характеристики. Задачей, решаемой в ходе текущего исследования, является выявление перспектив миграционных процессов в Омской области с учетом текущих тенденций и социально-экономического характера, а также разработка возможных вариантов решения проблем миграции Сибирского региона на основе динамики и объемов миграционных потоков между Омской областью и другими регионами России. Методологической базой исследования выступают эмпирические методы анализа статистической информации, раскрывающие существующие миграционные процессы посредством иллюстративных графиков и описательных элементов демографических тенденций Сибирского региона. В работе используются материалы органов государственной статистики, результаты социологических опросов, официальные данные о динамике и количестве населения как в Омской области, так и в Сибирском регионе в целом. В части основных результатов обозначены существующие проблемы региона относительно миграционных процессов. Дана оценка основным факторам миграции Сибирского региона, а также рассмотрены основные меры государственного регулирования в части формирования политики развития регионов в контексте миграционной политики Сибирского региона.

Ключевые слова: население, демография, безработица, миграция, Сибирский регион, экономика.

Дата поступления статьи: 25 ноября 2022 г.

Для цитирования: Карпов В. В., Бабичев М. А. (2023) Отдельные вопросы межрегиональной миграции сибирских регионов: на примере Омской области. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 208–217. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.21.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Scientific article

V. V. Karpov¹✉, M. A. Babichev²

✉ karpov-v51@yandex.ru

¹Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation

²Siberian Institute of Business and Information Technologies (SIBIT), Omsk, Russian Federation

Selected issues of interregional migration in Siberian regions: on the example of the Omsk region

Abstract: The article is devoted to the study of migration processes in the Siberian region. As a key element of the analysis, the article considers the migration relations in the Omsk region and their key characteristics. The task to be solved in the course of the current study is to identify the prospects of migration processes in the Omsk region, taking into account the current trends and socio-economic nature, as well as to develop possible solutions to the problems of migration in the Siberian region based on the dynamics and volume of migration flows between the Omsk region and other regions of Russia. The methodological basis of the study is empirical methods of statistical information analysis; they reveal the existing migration processes using illustrative graphs and descriptive elements of demographic trends in the

Siberian region. The work uses the materials of state statistics bodies, the results of sociological surveys, official data on the dynamics and number of the population both in the Omsk region and in the Siberian region as a whole. In part of the main results, the existing problems of the region regarding migration processes are outlined. The assessment of the impact of the main factors of migration on the Siberian region is given, and the main measures of state regulation in terms of the formation of regional development policy in the context of migration policy of the Siberian region are considered.

Keywords: population, demography, unemployment, migration, Siberian region, economy.

Paper submitted: November 25, 2022.

For citation: Karpov V. V., Babichev M. A. (2023) Selected issues of interregional migration of Siberian regions: on the example of the Omsk region. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 208–217. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.21.

Financing: The work was carried out within the framework of the state task of the Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (project state registration number 121022000112-2).

Введение

Омская область расположена на юге Западной Сибири, граничит с Казахстаном на юге, Тюменской областью – на западе и севере, Новосибирской и Томской областями – на востоке. Входит в состав Сибирского федерального округа, где находится на шестом месте по численности населения (после Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Кемеровской и Иркутской областей). А сам город Омск располагается на втором месте по численности, после Новосибирска. Географическое положение региона определяет выбор направления внутренних межрегиональных миграционных потоков. А тот факт, что Омская область ежегодно сталкивается с оттоком населения в другие регионы, обуславливает необходимость исследования причин этого процесса.

Цель данного исследования: провести анализ миграционных процессов на примере Омской области с акцентом на межрегиональные миграционные процессы, выявить специфические особенности демографического развития сибирских регионов, а также факторы, определяющие условия, способствующие формированию текущего состояния численности населения в сибирских регионах.

Методы

Исследование межрегиональной миграции проведено с использованием эконометрических методов анализа статистической информации, приведенной в источниках Росстата по ряду сибирских регионов, на основе выборки с 1990 по 2021 год. Графическое построение результатов расчетов позволило наглядно представить выявленные закономерности изменения численности населения, рождаемости и смертности, динамики численности населения Омской области в зависимости от возраста, оценить уровень безработицы по федеральным округам на 2021 год.

Использование методов социологического опроса позволило углубиться в причины принятия решений по миграции в другие регионы, сравнить полученные результаты опросов со статистикой, которая косвенно, но подтверждает гипотезу об объективности причин, выявленных в результате опросов.

Результаты

Анализ статистической информации показывает (рис. 1), что население Омской области неуклонно сокращается с 1990-х годов. Причинами отрицательного тренда численности населения в Омском регионе на протяжении 30 лет можно обозначить различные позиции. Изначально, с середины 1990-х годов, преобладала этническая миграция (немцы, по количеству которых Омская область занимает первое место в России, массово уезжали в Германию). Позднее потоки миграции можно оценить как внутренние, то есть миграция из Омской области сменяется другими регионами России. Например, численность населения на 2016 год составила 1 978 466, а в 2017 году – 1 972 682. Таким образом, естественный прирост составил 158 человек, а миграционная убыль – 5 942. Можно заключить, что количество тех, кто покидает Омский регион, значительно выше числа тех, кто приезжает, и это является значительной проблемой для области¹.

¹Численность населения (gks.ru) https://omsk.gks.ru/storage/mediabank/ind-chisl_01.01.2022.htm

Рис. 1. Численность населения Омской области (тысяч человек)

Fig. 1. The population of the Omsk region (thousands of people)

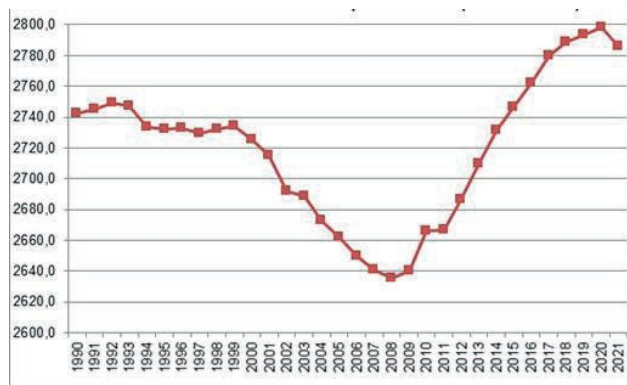

Рис. 2. Численность населения Новосибирской области (тысяч человек)

Fig. 2. The population of the Novosibirsk region (thousands of people)

Имеет место аналогичный анализ с другими сибирскими регионами для выявления взаимосвязи миграционных процессов. Динамика численности населения в таких регионах, как Новосибирская область или Томская область, за 10–15 лет неуклонно росла (рис. 2 и 3) с небольшим уменьшением в 2021 году. Отметим, что рост численности населения в этих регионах начался после 2007 года, а до этого динамика роста отрицательная, причем наблюдается не рост населения, а восстановление численности к уровню 1990 года с некоторым превышением в Новосибирской области. Все это говорит о том, что есть общие для всех сибирских регионов причины, но последствия влияния этих причин на регионы разные (Киселева, 2018).

Рис. 3. Численность населения Томской области (тысяч человек)

Fig. 3. The population of the Tomsk region (thousands of people)

Рис. 4. Уровень безработицы по федеральным округам на 2021 год (в % от численности рабочей силы)

Fig. 4. Unemployment rate by federal districts for 2021 (in % of the workforce)

Одной из таких общих причин является соотношение рождаемости и смертности, которое для Омской области на протяжении последних десятилетий практически постоянно отрицательное и только усугубляется. В сочетании с миграционными процессами это приводит к отрицательной динамике численности населения (Карпов, 2009).

Если в 90-е годы большой процент в числе мигрантов составляло сельское население, то в последнее десятилетие это относится к городу Омску. К тому же раньше убыль городского населения покрывали мигранты из других стран и сельской местности, а современная статистика оттока населения показала, что именно Омск стал источником миграционных процессов. Омск постепенно опустился с пятого на девятое место не только в списке городов-миллионеров, но и регионов с наибольшим миграционным оттоком. Сформировался массовый отток рабочей силы (Юкиш, 2019).

Постоянное уменьшение населения трудоспособного возраста при одновременном росте численности населения старше трудоспособного возраста является серьезной проблемой для экономического развития региона (табл.). На численность населения Омской области в 2020 и 2021 гг. повлияли дополнительно последствия развития ситуации с заболеваниями COVID-19. Это нашло отражение в большей степени в статистике по населению старше трудоспособного возраста, как наиболее подверженному этому заболеванию. Рост населения моложе трудоспособного возраста, кроме 2020 и 2021 гг., вселяет оптимизм в оценку будущего состояния рабочей силы, но только при условии уменьшения оттока населения трудоспособного возраста.

Численность населения Омской области и города Омска по основным возрастным группам (на начало года; тысяч человек)

Population of the Omsk region and the city of Omsk by main age groups (at the beginning of the year; thousand people)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Омская область							
Численность населения, всего 1)	1978,2	1978,5	1972,7	1960,1	1944,2	1926,7	1903,7
в том числе население в возрасте							
моложе трудоспособного 2)	359,8	371,1	379,0	382,5	382,2	378,0	374,2
трудоспособном 3)	1159,8	1136,8	1113,2	1087,6	1063,6	1070,6	1049,9
старше трудоспособного 4)	458,6	470,5	480,5	490,0	498,4	478,1	479,6
в том числе город Омск							
Численность населения, всего 1)	1173,9	1178,1	1178,4	1172,0	1164,8	1154,5	1139,9
в том числе население в возрасте							
моложе трудоспособного 2)	189,3	197,4	203,9	207,9	208,9	207,6	206,4
трудоспособном 3)	713,3	702,6	690,2	674,9	662,0	664,6	651,2
старше трудоспособного 4)	271,2	278,1	284,3	289,3	293,9	282,3	282,3

Такое распределение подтверждается статистикой по уровню безработицы по федеральным округам (рис. 4), где Сибирский федеральный округ на втором месте после Северо-Кавказского. Высокий процент безработицы – 7,3 % – в округе не отражает ситуацию в конкретном регионе, в частности в Омской области, но в целом ситуации по регионам СФО сильно не отличаются (Синица, 2017). Причин много, и в Омской области это отчасти объясняется тем, что мало собственных региональных предприятий, которые привлекали бы финансовые ресурсы из других регионов и стран на местный рынок. Не дали необходимого эффекта и мероприятия по созданию благоприятных условий для привлечения иногородних компаний.

С другой стороны, межрегиональная миграция рабочей силы как межрегиональное перемещение трудоспособного населения определяется не только поиском более высоких заработков в рамках одной страны, но и экономическими, природно-климатическими, социальными и политическими причинами (Вахабова, 2014). Внутренняя межрегиональная миграция значительно превышает внешнюю в миграционных процессах регионов России. Определены направления миграционных процессов, которые подтверждают свою стабильность на протяжении десятилетий: восток – запад, юг – центр и запад – центр. Данная, практически уже сформировавшаяся закономерность наносит серьезный урон сибирским регионам, которые теряют молодежь и работоспособное население (Пруель, Липатова, Градусова 2020). Беспокоит то, что количество регионов, теряющих население гораздо больше, чем приобретающих. Усиливается поляризация территории страны по результативности миграционных потоков. Уменьшение численности населения, особенно для приграничных территорий, может привести к нарушению целостности страны, может нанести серьезный урон ее суверенитету, а также экономической безопасности (Волох, Суворова, 2014; Морозов, 2014).

Экономическая безопасность страны в целом представляет собой сложный механизм, созданный для обеспечения экономической безопасности государства от негативного воздействия угроз как внешних, так и внутренних (Джойс, Симаков, 2022; Клевцова, Положенцева, Ярошенко, 2020). На сегодняшний день работа в части обеспечения экономической безопасности страны организована в нормативном формате на федеральном уровне. В частности, концепция миграционной политики РФ на период до 2025 года определяет следующие цели:

- обеспечить максимальный уровень национальной безопасности граждан страны независимо от внутренних и внешних миграционных потоков;
- стабилизировать и увеличить число постоянно проживающих граждан России, не участвующих в процессе миграции, в особенности внешней;
- стимулировать экономический рост в стране с целью создания новых рабочих мест со стороны работодателей/предприятий.

Кроме того, в настоящее время политика государства направлена на развитие Сибири, которая должна стать, как и Дальний Восток, важнейшей точкой роста в масштабах страны. Задача сложная по привлечению как финансовых и материальных, так и трудовых ресурсов (Селиверстов, 2014). Поэтому требуется создание адресных программ по организации масштабных процессов межрегиональной миграции. Ситуация усложняется тем, что практически отсутствуют сформировавшиеся общероссийские рынки труда, не устранены административные барьеры, мешающие трудоустройству и размещению мигрантов, не работают рыночные механизмы регулирования миграционных потоков внутри страны (Карачурина, Флоринская, 2019).

Можно предположить, что отрицательная миграционная тенденция может быть временной, поскольку Омская область имеет много преимуществ, которые еще не полностью реализованы (Маковецкий, Рудаков, Воропаев, 2018). Это прежде всего достаточно благоприятная структура экономики региона, сочетающая в себе мощный нефтехимический сектор, высокоразвитое сельское хозяйство и перспективную обрабатывающую промышленность. Во-вторых, не полностью реализованный приграничный статус региона, позволяющий использовать географическую близость динамично развивающейся территории Казахстана и построить мультимодальный логистический центр, ориентированный на обслуживание транспортных потоков из республик Центральной Азии (Мкртчян, 2020). Кроме того, при прогнозировании межрегиональных потоков мигрантов необходимо учитывать сложившуюся отраслевую структуру занятости трудовых мигрантов (рис. 5).

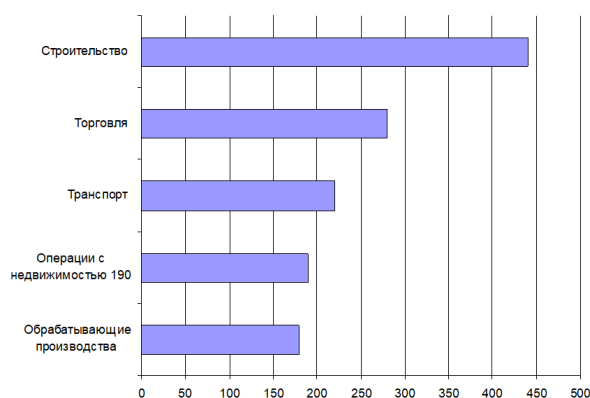

Рис. 5. Отраслевая структура занятости трудовых мигрантов, тыс. чел.

Fig. 5. Sectoral structure of employment of migrant workers, thousand people

Миграционные потоки между Омской областью и другими регионами России

Если рассматривать Омскую область как объект межрегиональной миграции, то можно заметить, что на протяжении 2021 года, а также по итогам первых 8 месяцев 2022 года наблюда-

ется миграционная убыль населения. Это можно обозначить как особенность миграционного обмена Омской области по сравнению с общенациональными тенденциями внутри страны. При сохранении тенденции межрегиональной миграции по стране и склонности людей к смене места жительства в сторону мегаполисов, Северо-Западный ФО и Центральный ФО не достигают столь высоких уровней межрегионального миграционного обмена по сравнению с Уральским ФО в части миграции жителей Омской области.

Также стоит отметить, что у Омской области наблюдается отрицательное сальдо миграционного обмена со всеми федеральными округами страны, в том числе и с Сибирским ФО, в котором она находится. Это может свидетельствовать о падении оптимистических настроений в части ожиданий и перспектив у населения Омской области по отношению к перспективности проживания в других регионах. В то же время стоит понимать, что существующие тенденции и склонности населения к внутрирегиональной или межрегиональной миграции являются результатом не текущих изменений в социально-экономическом пространстве, а накопленным эффектом и системной оценкой сложившейся ситуации. Кроме того, локальные по времени и глобальные по охвату кризисные явления (такие как пандемия и принимаемые на уровне региона или страны ограничения) могут быть как стимулом текущего миграционного движения, так и мотивом планирования будущего миграционного потока в контексте отдельных социальных групп. Таким образом, управление миграционными потоками имеет отложенный эффект во времени и может сопровождаться изменениями, влияющими как на сокращение, так и на увеличение периода времени реакции населения в части формирования мотивов к движению в границах региона или страны. Итоги миграционного обмена между регионами России с Омской областью по данным государственных органов статистики, представлены на рис. 6.

Рис. 6. Итоги миграционного обмена Омской области с федеральными округами, январь–август 2022 года; чел.

Fig. 6. The results of the migration exchange of the Omsk region with the federal districts, January–August 2022; people

В части позитивных моментов анализа миграционных потоков населения Омской области и других регионов России наблюдается тенденция к сокращению отрицательного результата миграции населения при ежемесячном или поквартальном сравнении. Данные можно описать как позитивные изменения в части сокращения отрицательных приростов миграционных потоков. В то же время объем прибывших так же сократился либо остался неизменным. Что не может свидетельствовать о привлекательности региона как направления к миграции, но тот факт, что отток сократился, не может не быть замеченным. Общие итоги за 2021 год и две трети 2022 года отражены на рис. 7.

Причины межрегиональной миграции Омской области

Исходя из данных статистики и разъяснений и итоговых заключений имеющих исследователей, можно сделать вывод о том, что текущее положение дел в части миграции в рамках Сибирского региона можно оценить склонным к убыли. Эти тезисы подтверждаются статистическими обзорами по Омской области за 2021 и начало 2022 гг. Сама тенденция снижения численности

населения и формирования отрицательных миграционных потоков может вызвать негативные изменения в обществе и экономике региона и, как следствие, вести к угрозам экономической безопасности рассматриваемого региона. К позитивным элементам относится сокращение убывающей тенденции. Для корректной идентификации последствий и эффекта от существующих мер региональной поддержки и развития со стороны государства следует уделить внимание причинам межрегиональной миграции Омской области и элементам локализации данных причин. Вопросам анализа отдельных миграционных факторов посвящен ряд исследований как в ознакомительном плане (данные Омскстата), так и с точки зрения аналитики. В частности, в период 2018–2019 гг. в Омске лабораторией стратегических и региональных исследований ОмГУ им. Ф. М. Достоевского было проведено исследование, посвященное выделению ключевых факторов готовности граждан к миграции. К выявленным факторам были отнесены такие, как низкий уровень оплаты труда в регионе, экологическое неблагополучие, условия для развития малого и среднего предпринимательства, климатические условия и другие (Рой, 2021).

Если опираться на причины из исследований, анализ реальной ситуации может показать, что формулировка причин и их реальное проявление в существующих современных социально-экономических условиях могут вызывать ряд вопросов¹.

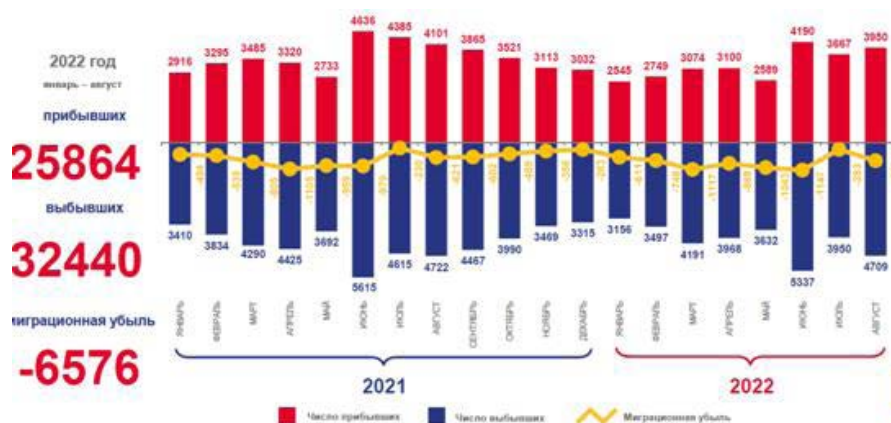

Рис. 7. Общие итоги миграции населения Омской области

Fig. 7. General results of migration of the population of the Omsk region

Например, неоднозначным может выглядеть мнение о том, что на намерение эмигрировать за пределы Омской области оказывает влияние низкий уровень заработной платы. В то же время среднее значение заработной платы в Омской области в мае 2021 года было 41 908 руб., что составляет более 75 % среднего заработка в стране (56 171 руб.), что явно не является самым низким в стране. С другой стороны, данная заработная плата имеет ограничения по доступности, так, данный средний уровень заработной платы доступен к получению только для 41,3 % чел. (Рой, 2017). Если проанализировать иные причины, то также можно обнаружить не самую проблемную в плане освоения и развития область к социально-экономической адаптации внутри региона, чем за его пределами. Кроме того, изменения требований рынка рабочей силы и модернизация экологического законодательства может оказать содействие по нивелированию причин, связанных с экологией и трудоустройством. Необходимо также остановиться на климатическом факторе. С одной стороны, география Омской области является внешним по отношению к формированию профессиональной среды и мотивов миграции фактором, с другой стороны, рынок труда и форма взаимодействия работника и работодателя имеет тенденцию к изменениям в плане растущего тренда цифровизации рабочих мест и технологических процессов. Год пандемии и связанных с ней ограничений показал, что дистанционный режим работы для части сотрудников является приемлемой средой для выполнения работ, а также для организации бизнес-процессов с позиции стар-

¹ РБК: Росстат назвал регионы с наибольшим оттоком населения (rbc.ru) <https://www.rbc.ru/politics/25/08/2021/611f9d769a7947f0341ce0ec>

тапов и развития бизнес-структур. Таким образом, существующая на рынке доступность технологий и оснащенность территорий Омской области в плане доступности к цифровой среде предприятий может стать стимулом к сокращению миграционного оттока из региона. Для этого необходимо акцентировать внимание как на доступности и стабильности технического оснащения региона, так и на ценовой политике организаций снабжения ресурсами, в частности с позиции организации цифровых ресурсов.

Выводы

Отрицательная миграционная активность на территориях восточного направления в таких регионах, как Сибирь или Дальний Восток, сопряжена с угрозами как экономического, так и политического суверенитета и безопасности, в силу причин расположения границ России. Применительно к рассматриваемому в текущей работе региону необходимо определить перспективы миграции с учетом современных ситуаций в Омской области. Оптимизация направлений внутренней миграции населения возможна путем преодоления региональных различий в уровнях доходов и бедности населения, выравнивания развития социальной инфраструктуры, доступности объектов и предоставляемых ими социальных услуг. Мероприятия, направленные на решение этих проблем, необходимо включать в стратегии и программы развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

С позиции организации экономической безопасности наибольший интерес представляют такие объекты экономики, деятельность которых:

- увеличивает (как минимум сохраняет) доходы работающего населения, что может быть достигнуто путем адресной помощи и льготных цен на товары и услуги, производимые при участии государства; это создаст стимул для работающего населения к профессиональному развитию в рамках региона проживания и обеспечит платежеспособный спрос на продукцию региона одновременно с формированием доступной конкурентной среды для бизнеса с целью обеспечения достаточного предложения платежеспособному спросу и совершенствования качества предлагаемых благ;

- создает (как минимум не сокращает) дополнительные рабочие места, может сформироваться путем активизации работы бирж труда и дополнительного мониторинга потребности населения и бизнеса в профиле рабочих мест для текущего и перспективного найма, что позволит стабилизировать обстановку в регионе в плане противодействия безработице и даст возможность новым профессиональным кадрам войти на рынок труда, найти работу и формировать прирост валового продукта региона с одновременным укреплением спроса в части развития структуры потребления и генерации бюджетных поступлений в виде налогов;

- увеличивает (как минимум не уменьшает) доходную часть бюджета, которая может быть реализована в ходе пересмотра механизмов межбюджетных трансфертов, что способствует бюджетным инвестициям в социально-экономическую среду и позволяет региональным властям сформировать привлекательный инвестиционный и социальными климат для населения с целью развития экономики и формирования новых рабочих мест с одновременным стимулированием притока трудоспособного населения в регион;

- сокращает (как минимум не увеличивает) потребность в бюджетном финансировании содержания и ремонта жилья и других социальных объектов, благоустройства территории, что может быть достигнуто путем определения уровня корпоративной социальной ответственности работодателя или корпорации в части формирования среды потенциального развития региона с позиции генерации новых профессионально подготовленных кадров и стабилизации общего уровня удовлетворенности социально-экономическим положением в регионе проживания;

- снижает (как минимум не увеличивает) уровень цен и тарифов на товары и услуги, производимые в регионе (городе) и используемые населением и всеми бюджетополучателями, что возможно также по большей части путем нормативной регуляции на региональном уровне; это позволит увеличить и закрепить уровень доступности социальных благ для населения и обеспечит поддержку бизнес-сообществу региона;

– снижает (как минимум не увеличивает) негативное воздействие хозяйствующих субъектов на окружающую среду, особенно в направлениях, наиболее значимых для данной территории, что опосредованно может повысить уровень инвестиционной и миграционной привлекательности региона (Бойцова, 2019);

– улучшает (как минимум не ухудшает) демографическую ситуацию (например, может снизить мотивации оттока населения), что достижимо путем регулярного мониторинга и соответствующих реформ в сфере социального обеспечения и экономической стабилизации региона (Рыбаковский, Кожевникова, 2019).

Источники

- Бойцова О. А. (2019) Миграция сельской молодежи. Научный журнал, № 2 (36), с. 48–50.
- Вахабова С. А. (2014) Миграция как процесс в контексте основных методологических подходов. Фундаментальные исследования, № 11-10, с. 2295–2298.
- Волох В. А., Суворова В. А. (2013) Концепция государственной миграционной политики России – основа миграционной безопасности страны. Национальная безопасность/ Nota Bene, № 3, с. 1–16.
- Джойс Э. А., Симаков А. А. (2022) Миграция и экономическая безопасность. Аудиторские ведомости, № 1, с. 101–105.
- Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. (2019) Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России. Вестник Московского университета. Серия 5: География, № 6, с. 82–89.
- Карпов А. В. (2009) Анализ динамики численности и половозрастная структура населения Омской области. Вестник ОмГУ. Серия: Экономика, № 4, с. 84–90.
- Киселева А. М. (2018) Миграционная безопасность Омской области: молодежный аспект. Вестник СибАДИ, т. 15, № 12, с. 121–132.
- Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Ярошенко А. А. (2020) «Утечка умов» как экономическая проблема России. Известия Юго-Западного государственного университета, т. 10, № 2, с. 27–38.
- Маковецкий М. Ю., Рудаков Д. В., Воропаев К. А. (2018) Актуальные проблемы развития Омского региона в контексте современных социально-экономических процессов в Российской Федерации. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность», № 4, с. 94–97.
- Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2020) Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, № 5 (159), с. 130–153.
- Морозов Ю. В. (2014) Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Дальнем Востоке Российской Федерации и в Китае: возможные уроки и пути решения проблем. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, № 7, с. 44–59.
- Пруель Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. (2020) Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы. Регионоведение, № 1 (110), с. 133–158.
- Рой О. М. (2017) Отчего бегут омичи? Опыт научно-практического исследования. Национальные приоритеты России, № 5 (27), с. 59–65.
- Рой О. М. (2021) Влияние неравномерности развития сибирских регионов на миграционную убыль. Вестник Томского государственного университета. Экономика, № 53, с. 100–110.
- Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. (2019) Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья. Социологические исследования, № 9, с. 106–116.
- Селиверстов В. Е. (2014) Три вектора пространственной конфигурации Сибири и Дальнего Востока и роль Китая на востоке России. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, № 4 (36), с. 49–64.
- Синица А. Л. (2017) Численность населения в трудоспособном возрасте в России и возможные ответы на ее снижение. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, № 11 (356), с. 2005–2017.
- Юкиш В. Ф. (2019) Тенденции миграционных процессов в России за 1990–2017 годы. Экономика и бизнес: теория и практика, № 3-2, с. 176–182.

References

- Boicova O. A. (2019) Migratsiya sel'skoi molodezhi [Migration of rural youth]. Nauchnyi zhurnal, no. 2 (36), pp. 48–50 (In Russian).
- Dzhois E. A., Simakov A. A. (2022) Migratsiya i ekonomicheskaya bezopasnost' [Migration and economic security]. Audit journal, no. 1, pp. 101–105 (In Russian).
- Karachurina L. B., Florinskaya Y. F. (2019) Migratsionnye namereniya vypusknikov shkol malyh i srednih gorodov Rossii [Migration intentions of graduates of schools of small and medium-sized cities of Russia]. Moscow University Bulletin. Series 5, Geography – Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia, no. 6, pp. 82–89 (In Russian).
- Karpov A. V. (2009) Analiz dinamiki chislennosti i polovozrastnaya struktura naseleniya Omskoi oblasti [Analysis of the dynamics of the number and age and gender structure of the population of the Omsk region]. Herald of Omsk University, Series Economics, no. 4, pp. 84–90 (In Russian).

- Kiseleva A. M. (2018) Migracionnaya bezopasnost' Omskoi oblasti: molodezhnyi aspekt [Migration security of the Omsk region: youth aspect]. The Russian Automobile and Highway Industry Journal, vol. 15, no. 12, pp. 121–132 (In Russian).
- Klevcova M. G., Polozhenceva Yu. S., Yaroshenko A. A. (2020) "Utechka umov" kak ekonomicheskaya problema Rossii ["Brain Drain" as Russia's Economic Problem]. Proceedings of Southwest State University, vol. 10, no. 2, pp. 27–38 (In Russian).
- Makoveckii M. Yu., Rudakov D. V., Voropaev K. A. (2018) Aktual'nye problem razvitiya Omskogo regiona v kontekste sovremennyh social'no-ekonomicheskikh processov v Rossiiskoi Federacii [Actual problems of the Omsk region development in the context of modern socio-economic processes in the Russian Federation]. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity, no.4, pp. 94–97 (In Russian).
- Mkrtchyan N. V., Florinskaya Y. F. (2020) Pochemu lyudi uezzhayut iz odnih regionov i priezzhayut v drugie: motivy mezhregional'noi migracii v Rossii [Why people leave some regions and come to others: the motives of interregional migration in Russia]. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal, no. 5 (159), pp. 130–153 (In Russian).
- Morozov Yu. V. (2014) Sravnitel'nyi analiz bor'by s proyavleniyami separatizma na Dal'nem Vostoke Rossiiskoi Federacii i v Kitae: vozmozhnye uroki i puti resheniya problem [Comparative analysis of the struggle against manifestations of separatism in the Far East of the Russian Federation and in China: possible lessons and ways to solve problems]. National Interests: Priorities and Security, no. 7, pp. 44–59 (In Russian).
- Pruel' N. A., Lipatova L. N., Gradusova V. N. (2020) Migraciya v sovremennoi Rossii: masshtaby, osnovnye napravleniya i problemy [Migration in modern Russia: scale, main directions and problems]. Russian Journal of Regional Studies, no. 1 (110), pp. 133–158 (In Russian).
- Roi O. M. (2017) Otchego begut omichi? Opyt nauchno-prakticheskogo issledovaniya [Why are Omsk residents fleeing? Experience of scientific and practical research]. National priorities of Russia, no. 5 (27), pp. 59–65 (In Russian).
- Roi O. M. (2021) Vliyanie neravnomernosti razvitiya sibirskih regionov na migracionnyuyu ubyl' [Influence of uneven development of Siberian regions on migration decline]. Tomsk State University Journal of Economics, no. 53, pp. 100–110 (In Russian).
- Rybakovskii L. L., Kozhevnikova N. I. (2019) Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya Rossii: obmen naseleniem so stranami novogo zarubezh'ya [International migration of the Russian population: population exchange with the countries of the new abroad]. Sociological Studies – Sotsiologicheskie Issledovaniia, no. 9, pp. 106–116 (In Russian).
- Seliverstov V. E. (2014) Tri vektora prostranstvennoi konfiguracii Sibiri i Dal'nego Vostoka i rol' Kitaya na vostoke Rossii [Three vectors of the spatial configuration of Siberia and the Far East and the role of China in the East of Russia]. Outlines of global transformations: politics, economics, law – Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo, no. 4 (36), pp. 49–64 (In Russian).
- Sinica A. L. (2017) Chislennost' naseleniya v trudospособnom vozraste v Rossii i vozmozhnye otvety na ee snizhenie [The working-age population in Russia and possible responses to its decline]. National Interests: Priorities and Security, no. 11 (356), pp. 2005–2017 (In Russian).
- Vahabova S. A. (2014) Migraciya kak process v kontekste osnovnykh metodologicheskikh podhodov [Migration as a process in the context of the main methodological approaches]. Fundamental research, no. 11-10, pp. 2295–2298 (In Russian).
- Voloh V. A., Suovorova V.A. (2013) Konceptiya gosudarstvennoi migracionnoi politiki Rossii – osnova migracionnoi bezopasnosti strany [The concept of the state migration policy of Russia is the basis of the country's migration security]. National Security / Nota Bene, no. 3, pp. 1–16 (In Russian).
- Yukish V. F. (2019) Tendencii migracionnykh processov v Rossii za 1990-2017 gody [Trends of migration processes in Russia for 1990-2017]. Economy and business: theory and practice, no. 3-2, pp. 176–182 (In Russian).

Информация об авторах

Карпов Валерий Васильевич

Доктор экономических наук, профессор, директор. Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (ОИЦ СО РАН), г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0002-1472-4873. E-mail: karpov-v51@yandex.ru

Бабичев Михаил Александрович

Старший преподаватель. Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (СИБИТ), г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-3244-4960. E-mail: mixa156@mail.ru

Autor's information

Valeriy V. Karpov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Director. Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-1472-4873. E-mail: karpov-v51@yandex.ru

Mikhail A. Babichev

Senior Lecturer. Siberian Institute of Business and Information Technologies (SIBIT), Omsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-3244-4960. E-mail: mixa156@mail.ru

УДК 332.1
JEL B52, R19

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.22

Научная статья

М. А. Миллер¹

✉ millerma@oscsbras.ru

¹Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, г. Омск, Российская Федерация

Развитие концептуальных основ экономической безопасности региона

Аннотация: Статья посвящена развитию теоретико-методологических положений, составляющих концептуальные основы экономической безопасности региона. Статья затрагивает вопросы междисциплинарного характера исследования экономической безопасности и необходимости использования при этом знаний из теории систем, демографии, эволюционной биологии. Для проведения исследования использованы научные методы конструирования понятий, описания, логики и абстрагирования, а также метод анализа материалов. Основные результаты исследования сводятся к выделению и раскрытию существенных составляющих (интеграционной, самосохранительной и адаптационной) экономической безопасности региона. Экономическую безопасность объекта (на примере региона) предложено рассматривать в качестве своеобразного носителя широкого спектра экономических процессов, связанных с этим объектом, а также самосохранительных и адаптационных практик объекта в их единстве проявления. Кроме того, обоснована необходимость применения в текущих трансформационных условиях эволюционного подхода к исследованию экономической безопасности региона, выявлены и обобщены современные предпосылки к этому. Сделан вывод о том, что концептуальное понимание экономической безопасности региона должно базироваться на необходимости рассмотрения региона как системного образования, основой которого является население, и как объекта эволюции, что позволяет расширить возможности обоснования экономической безопасности региона с позиций эволюционной экономики.

Ключевые слова: экономическая безопасность, регион, концептуальные основы, эволюционный подход, система, население.

Дата поступления статьи: 24 марта 2023 г.

Для цитирования: Миллер М. А. (2023) Развитие концептуальных основ экономической безопасности региона. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 218–226. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.22.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Scientific article

M. A. Miller¹

✉ millerma@oscsbras.ru

¹Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation

Development of the conceptual foundations of the economic security of the region

Abstract: The article is devoted to the development of theoretical and methodological provisions that make up the conceptual foundations of the economic security of the region. The article touches upon the issues of the interdisciplinary nature of the study of economic security and the need to use knowledge from the theory of systems, demography, and evolutionary biology. The research uses scientific methods of constructing concepts, descriptions, logic, and abstraction, as well as the method of analyzing materials. The main results of the study are reduced to the identification and disclosure of the essential components (integration, self-preservation, and adaptation) of the economic security of the region. The economic security of the object (using

© М. А. Миллер, 2023

the example of the region) is proposed to be considered as a kind of carrier of a wide range of economic processes associated with this object, as well as self-preservation and adaptation practices of the object in their unity of manifestation. In addition, the necessity of applying an evolutionary approach to the study of the economic security of the region in the current transformational conditions is substantiated; modern prerequisites for this are identified and generalized. The following conclusion is made: the conceptual understanding of the economic security of the region should be based on the need to consider the region as a system entity having its population as the main basis, and as an object of evolution, which makes it possible to expand the possibilities to justify the economic security of the region from the standpoint of evolutionary economics.

Keywords: economic security, region, conceptual foundations, evolutionary approach, system, population.

Paper submitted: March 24, 2023.

For citation: Miller M. A. (2023) Development of the conceptual foundations of the economic security of the region. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 218–226. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.22.

Financing: The work was carried out within the framework of the state task of the Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (project state registration number 121022000112-2).

Введение

Многогранность исследования экономической безопасности как научного направления связана с множеством наук, изучающих жизнедеятельность людей в современных условиях с различных сторон. Для всех этих наук (демографии, географии населения, управления, статистики, права и других) экономическая безопасность проживающего на определенной территории населения входит в область исследования. Т. е., говоря об экономической безопасности как определенной системе теоретических и прикладных знаний, мы в той или иной степени подразумеваем некую комплексную безопасность населения, локализованного в пространстве и времени. В этой связи выделяют экономическую безопасность мира, континента, страны или группы стран, региона, города, хозяйствующего субъекта, индивида.

Проблематика экономической безопасности объекта, используемая для исследований еще древнегреческими философами и далее в различных исторических периодах, в современных условиях приобретает особенную актуальность. Причина – начавшаяся масштабная и глубокая трансформация мировой хозяйственной системы, затрагивающая все аспекты безопасности любого объекта – политические, экономические, социальные, культурные и т. п.

Происходящие изменения требуют переосмысления роли, места, назначения, сущности, направлений реализации и других вопросов, касающихся экономической безопасности. Особенно важно – и в то же время непросто – это сделать в отношении такого уровня (объекта исследования), как регион, ведь данное организационно-территориальное образование является одновременно и системой, и подсистемой (государства), требует учета множества различных внешних факторов, рисков, угроз и одновременно внутренних особенностей, которые могут очень сильно предопределять возможности и опасности в части экономической безопасности. Но чтобы понимать соответствующую направленность усилий по обеспечению экономической безопасности региона (далее – ЭБР), необходимо, по мнению автора, начать эти осмысления с формулирования концептуальных основ ЭБР.

Цель настоящей научной статьи – выделить и обосновать ключевые методологические элементы, составляющие концептуальные основы экономической безопасности региона.

Обзор литературы

К настоящему времени в экономической литературе сформировались три концептуальных подхода к исследованию экономической безопасности страны (и ее территориальных образований), использующие научные наработки ученых почти за полтора столетия (Латов, 2007; Артемьев, 2015; Листопад, 2011):

1) камералистская концепция внешнеэкономической безопасности, получившая развитие в середине XIX в. и возрожденная леворадикальными экономистами в конце XX в. (в 1840-е гг. – Ф. Лист, а в 1970-е гг. – Р. Пребиш, И. Валлерстайн);

2) кейнсианская концепция защиты от внутренних макроэкономических угроз, сформировавшаяся в 30-е гг. XX в. (Дж. Кейнс);

3) неинституциональная концепция, сложившаяся в 80-х гг. XX в. и связывающая внутреннюю безопасность экономики с эффективностью государственной институциональной политики (Эрнандо де Сото).

Первую из указанных выше концепций национальной экономической безопасности (далее – НЭБ) в экономической литературе принято называть камералистской, а ее автором считать немецкого ученого Фридриха Листа.

Противопоставляя свои идеи основным постулатам классической политической экономии, Ф. Лист выступал за проведение протекционистской политики в развивающихся странах для обеспечения защиты национальной экономики от основной внешней угрозы – конкуренции иностранных государств. Будучи предшественником немецкой исторической школы в экономике, Ф. Лист особенно ратовал за защиту немецкой промышленности, считая необходимым развивать различные отрасли переработки, увеличивая объемы производства и снижая затраты на него (Лист, 2005).

Обновление идей Ф. Листа произошло в 1970-х гг. с появлением концепций периферийной экономики (Р. Пребиш, 1992), неэквивалентного обмена (А. Эммануэль, 1972) и мир-системного анализа (И. Валлерстайн, 2006). Указанные авторы также говорят о создании неравных условий хозяйствования у развитых и развивающихся стран, о необходимости осуществления протекционизма, экономической независимости в целях поддержки комплексного развития национальных экономик. Приведенные выше концептуальные подходы по сути развивают представления Ф. Листа на современный лад (но без ссылок на немецкого ученого), а их леворадикальный характер дает возможность называть совокупность подобных воззрений в XIX и XX вв. камералистско-леворадикальной концепцией.

Вторая концепция НЭБ основана на научной экономической теории Дж. Кейнса (Кейнс, 1993). В концепции НЭБ Дж. Кейнса (точнее, на базе научных идей Дж. Кейнса) есть как минимум 2 принципиальных отличия от камералистско-леворадикальной концепции, касающиеся источника основной угрозы НЭБ и объекта ее применения. Так, главной угрозой в кейнсианской концепции НЭБ являются не конкурентные государства, экономическая активность которых сдерживает развитие страны, а внутренние макроэкономические проблемы – инфляция, безработица, нестабильный экономический рост. Соответственно, объектом использования концепции выступают развитые страны, что и показала Великая депрессия 1930-х гг.

По Дж. Кейнсу, огромная роль по обеспечению НЭБ путем нивелирования внутренних экономических угроз отводится государству: его задача – регулировать денежное обращение (работа с инфляцией), применять востребованные рынком труда подходы к повышению занятости (работа с безработицей), создавать условия для расширения и перевода на качественно новый уровень производственного сектора экономики (работа над устойчивостью экономического роста).

Благодаря высокой степени востребованности кейнсианской концепции НЭБ в реальной экономике и политике разных стран, на данный момент она, ставя во главу угла свою стержневую цель – обеспечение экономической и социальной стабильности государства, является в историческом контексте одним из самых широко применяемых на практике концептуальных экономических подходов.

Наконец, третья, неинституциональная концепция НЭБ акцентирует внимание на несовершенстве институтов («правил игры»), в результате чего экономическая безопасность государства не может быть высокой из-за постоянного давления, вызванного различными внутренними угрозами институционального характера.

Формирование данной концепции связывают с работами перуанского экономиста Эрнандо де Сото (де Сото, 1995). Согласно развиваемым им идеям главными «врагами» экономической безопасности страны являются такие институты, как неэффективные правила, связанные с регистрацией и ведением предпринимательской деятельности, административные барьеры, коррупционные схемы и бюрократические издержки. Именно недоработки государства, а не рыночные последствия выступают основной угрозой НЭБ.

Соответственно, для обеспечения экономической безопасности страны необходимо правильно «настроить» правовой режим, отрегулировать административные процедуры и регламенты в сторону их упрощения, отменить избыточные платежи, мешающие нормальному ведению предпринимательства.

На современном этапе быстрых изменений в мировой экономической системе ни одна из рассмотренных концепций не исчерпала себя и имеет потенциал востребованности в случае доминирования в стране соответствующих угроз ее экономической безопасности и безопасности ее территориальных образований.

Современные работы, посвященные изучению различных вопросов экономической безопасности непосредственно на региональном уровне, в большей степени сконцентрированы на разработке методик ее оценки на примере конкретных регионов (Акбердина, Смирнова, 2018; Иванов, 2017; Приходько, Пальчикова, 2017; Скоморощенко, Мышонкова, Колесник, 2020; Сюпова, Бондаренко, 2019). В исследованиях теоретико-методологических основ экономической безопасности региона пока освещены лишь отдельные аспекты многогранной области концептуализации ЭБР (Феофилова, Большаков, 2014; Кислая, 2021; Карпов, Миллер, Кораблева, 2021).

Несмотря на значительное число работ, посвященных проблематике национальной и региональной экономической безопасности, рассматриваемой в том числе в рамках камералистской, кейнсианской и неинституциональной концепций безопасности, явно недостаточно внимания уделяется вопросам соответствия концептуальных оснований экономической безопасности современным процессам масштабной и глубокой трансформации мировой экономической системы. Помимо этого, в научной литературе практически не исследованы вопросы теоретико-методологического обоснования сущностных характеристик экономической безопасности региона, без чего, представляется, было бы крайне непоследовательно развивать концептуальные основания ЭБР.

Методы

Методы исследования, используемые в статье:

- 1) метод конструирования понятий – формирование понятия «концептуальные основы экономической безопасности региона»;
- 2) метод описания – интерпретация методологических элементов, определяющих концептуальные основы ЭБР;
- 3) методы логики и абстрагирования – последовательное обоснование элементов концептуальных основ ЭБР;
- 4) метод анализа материалов – анализ теоретических материалов по экономическим учениям и концептуальным подходам к исследованию экономической безопасности на национальном и региональном уровнях.

Помимо этого, в статье обосновывается необходимость использования научного эволюционного подхода к исследованию экономической безопасности региона, что рассматривается в качестве ведущего вектора концептуализации ЭБР на современном этапе развития экономических систем разного уровня.

Результаты

В рамках формирования концептуальных основ экономической безопасности региона автор исходит из ее определения, разработанного и используемого в качестве базового учеными Омского научного центра СО РАН, в соответствии с которым «экономическая безопасность региона – это интегральная характеристика состояния экономики региона с учетом воздействующих на нее социальных и финансовых факторов, отражающих уровень защищенности региональной экономики от угроз ее социально-экономическому развитию» (Карпов, Кораблева, 2017, с. 25).

При этом под концептуальными основами ЭБР, по мнению автора, следует понимать совокупность базовых теоретических положений, формирующих единую концептуальную логику исследования экономической безопасности на региональном уровне.

Для обоснования концептуальных основ экономической безопасности целесообразно сначала выявить существенные составляющие ЭБР, раскрывающие данный объект исследования с теоретико-методологических позиций и выступающие основой для построения дальнейших логических цепочек научного изложения.

Исследование позволило выделить 3 существенных характеристики (составляющих) экономической безопасности на примере региона как объекта. Исходным основанием выступило представление о регионе как объекте с двух теоретико-методологических позиций:

1) регион – это система, системное образование, включающее множество взаимосвязанных и влияющих друг на друга элементов;

2) основа региона – население как экономический, социальный, демографический ресурс.

Соответственно, существенные характеристики ЭБР являются следствием как сущности и свойств системы, так и социально-биологической сущности населения (народонаселения). Посредством использования научных методов логики и абстрагирования в результате были выделены следующие существенные составляющие ЭБР.

1-я существенная составляющая – интеграционная: экономическая безопасность объекта есть интеграция характеристик связанных с объектом (регионом) экономических процессов.

Данная существенная составляющая указывает на участие объекта (в нашем случае региона) в самых различных экономических процессах. Действительно, экономическая безопасность пронизывает все сферы экономических отношений, в которых присутствуют взаимосвязанные экономические процессы – от производства и потребления до социального и демографического развития, продовольственной и энергетической защищенности и т. п. Поэтому экономическую безопасность интересуют не просто любые экономические процессы, а их интеграция, позволяющая всесторонне влиять на них.

Так, например, такой часто используемый показатель ЭБР, как «реальные доходы населения», одновременно отражает экономическую сферу ЭБР (объемы потребления товаров и услуг), социальную (уровень и качество жизни населения) и финансовую (НДФЛ в бюджет региона). При этом традиционно рассматриваемые в методиках по оценке ЭБР (в том числе в методиках ученых Омского научного центра СО РАН (Карпов, Кораблева, 2017; Хасанов, Кораблева, 2019)) «промышленные» показатели (объем промышленного производства на душу населения, доля обрабатывающих производств в объеме отгруженных товаров собственного производства и услуг, доля машиностроения в объеме отгруженных товаров собственного производства и услуг, а также в своей отраслевой части – инвестиции в основной капитал, удельный вес убыточных организаций) интегрируют многие сферы и виды ЭБР: кроме уже упоминавшихся экономической, социальной и финансовой, они прямо или косвенно, полностью или частично характеризуются также проявлением экологической, инвестиционной, научно-технической, техногенной и других составляющих в широком значении экономической безопасности региона.

Интеграционная существенная составляющая вытекает из сущности системы как взаимосвязанных элементов, формирующих целостное образование с возможным появлением у системы новых свойств (свойство эмерджентности), а также из социальной составляющей сущности населения, а важнейшей социальной потребностью человека является потребность во всесторонней безопасности, имеющей многогранное интеграционное содержание.

2-я существенная составляющая – самосохранительная: экономическая безопасность объекта есть характеристика его стремления к самосохранению, обеспечивается с целью сохранения объекта (региона) как социально-экономического образования.

Экономическую безопасность, как в научной литературе, так и в нормативных документах (Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2023 года. Утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208), часто выражают через понятие «защищенность». А защищенность, по сути, и есть желаемый результат самосохранительных усилий со стороны объекта экономической безопасности.

Если назначение интегративной существенной составляющей ЭБР – всесторонний взгляд на различные региональные экономические процессы и формирование на этой основе комплексного видения состояния региона, то назначение самосохранительной составляющей – выяв-

ление дисбаланса в сферах ЭБР, подрывающего устойчивость региона как социально-экономической системы, угрожающего его жизнеспособности и затрудняющего его развитие. Понятно, что после выявления подобного дисбаланса следующим шагом является разработка и реализация мер по его преодолению, и это тоже, безусловно, вписывается в самосохранительную суть ЭБР. Часто проявлениями такого дисбаланса являются, например, нехватка или низкий профессионально-квалификационный состав рабочей силы в регионе, не позволяющий в полной мере задействовать имеющиеся в регионе и готовые к использованию производственные мощности, либо недостаточная обеспеченность регионального бюджета при низких показателях частных инвестиций, что затрудняет решение планируемых экономических задач.

Самосохранительная сущностная составляющая вытекает из биологической сущности населения через стремление к сохранению себя как биологического объекта и из представления о системе, стремящейся к самосохранению, сохранению своей структуры.

3-я сущностная составляющая – адаптационная: экономическая безопасность объекта (региона) есть следствие (результат) адаптационных способностей, возможностей и усилий объекта по обеспечению своей защищенности.

В данном случае адаптационность экономической безопасности рассматривается как реакция на изменения, касающиеся объекта (региона). Речь идет об использовании адаптационных возможностей объекта с целью сохранения своего потенциала, обеспечения собственной экономической безопасности. В этом смысле экономическая безопасность региона определяется его адаптационностью, зависит от адаптационных возможностей и усилий региона как объекта.

Адаптационная сущность ЭБР прослеживается в динамике функционирования региона, особенно показательно это наблюдается, когда сравнивается предкризисный период с «точками замера» в разгар кризиса и посткризисным этапом. По сути, это самая настоящая «проверка на прочность» для ЭБР, ее способности подстраиваться под происходящие перемены, приспособляться к ним, сохраняя по максимуму свои базовые экономические преимущества.

Адаптационная сущностная составляющая вытекает из биологически детерминированной и социально обусловленной адаптации населения, каждого индивида и из свойства адаптивности региона как системы.

Таким образом, первым методологическим шагом для обоснования концептуальных основ ЭБР стало выявление ее сущностных составляющих: интеграционной, самосохранительной и адаптационной.

После обоснования сущностных составляющих ЭБР важно определить научный подход к исследованию экономической безопасности, позволяющий развивать ее концептуальные основы и соответствующий современному этапу трансформационных процессов в мировой и национальной экономике. Таким подходом, по мнению автора, является эволюционный.

В экономическую науку основные принципы эволюционного подхода пришли из эволюционной биологии (естественного отбора, приспособляемости, наследственности, изменчивости). В данном случае исходным тезисом является то, что в экономической системе происходят схожие процессы, по сути аналогичные указанным принципам биологического развития.

Научными заделами для эволюционного подхода выступают следующие публикации:

- Т. Веблен «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?» (1898 г.) (Веблен, 2007);
- Й. Шумпетер «Теория экономического развития» (1911 г.) (Шумпетер, 2008);
- А. Алчиан «Неопределенность, эволюция и экономическая теория» (1950 г.) (Алчиан, 2007);
- Р. Нельсон и С. Уинтер «Эволюционная теория экономических изменений» (1982 г.) (Нельсон, Уинтер, 2000).

Таким образом, научная экономическая мысль на протяжении как минимум века периодически возвращалась к идее общей аналогизации эволюционных процессов в биологической среде и в экономических системах различного уровня (государство, регион, фирма).

Эволюционные процессы в природе существенным образом определяют 3 кита: ресурсы для существования, безопасность и адаптация. Как видно, указанные основания соотносятся с выде-

ленными выше сущностными составляющими и функциями ЭБР, находятся с ними в одном теоретико-методологическом ключе.

Сопоставление происходящих на современном этапе процессов функционирования регионов с принципами эволюционной биологии позволило выявить следующие предпосылки использования эволюционного подхода к исследованию ЭБР:

1) вероятность быстрых изменений в экономической сфере, влияющих на усиление или сдерживание развития региона, повышение требований к адаптации региона к изменяющимся условиям с учетом его индивидуальных различий – принципы изменчивости и приспособляемости;

2) усиление конкуренции регионов как территориальных единиц государства за централизованные ресурсы – принцип соперничества (естественного отбора);

3) в подавляющем большинстве случаев продолжение неравномерности пространственного развития и сохранение (или усиление) дифференциации регионов, вызванной в том числе исторически сложившимися административными и ресурсными различиями между ними, – принцип наследственности.

При этом ключевым компонентом использования эволюционного подхода является принятие во внимание специфических поведенческих практик экономических субъектов, проявляющих себя на соответствующем уровне. Для уровня исследования проблематики экономической безопасности региона и реализуемых механизмов ее обеспечения это имеет особое значение.

Таким образом, обобщим выявленные и рассмотренные выше методологические элементы, формирующие концептуальные основы экономической безопасности региона (табл.).

Методологические элементы концептуальных основ экономической безопасности региона

Methodological elements of the conceptual foundations of the economic security of the region

Наименование методологического элемента	Содержание методологического элемента
Понятие концептуальных основ ЭБР	Совокупность базовых теоретических положений, формирующих единую концептуальную логику исследования экономической безопасности на региональном уровне
Сущностные составляющие ЭБР	Интеграционная, самосохранительная и адаптационная
Базовое объективно-логическое основание	Регион есть системное образование, основой которого является население как экономический, социальный и демографический ресурс, стремящееся к экономически безопасному существованию
Основной теоретико-методологический инструментарий	Эволюционный подход к объекту исследования
Объект исследования	Регион и его население
Проблемная область исследования	Проявление интеграционной, самосохранительной и адаптационной сущности экономической безопасности региона в современных условиях масштабной трансформации экономических процессов

Выводы

На современном этапе меняется понимание экономической безопасности региона: от предшествующей, традиционной ее трактовки как отсутствия опасности и защиты от нее до современной, сводящейся к тому, что ЭБР – это характеристика интеграционного, самосохранительного и адаптационного потенциала объекта (региона), его способности сохранять себя, приспособляясь к изменениям внешней среды, несущим потенциальные угрозы для объекта во всех сферах проявления. В этой связи было бы неправильным и непоследовательным использовать для оценки состояния ЭБР исключительно стандартные показатели, предлагаемые статсборниками профильных госорганов и научно-образовательных организаций. Нужен более глубокий анализ, включая, кроме анализа статистики, и опросы, и анализ нормативно-правовой информации, докладов экспертов и материалов ведущих региональных организаций, и т. п.

Приведенные в статье результаты исследования основываются на понимании региона как системы, системообразующим элементом которой выступает население. В этом контексте регион обладает свойством открытости для воздействия внешних факторов, многоуровневостью, имеет зависимость от предшествующих настоящему времени процессов, в том числе изначально сформировавшихся.

Одновременно с этим регион представляется как объект эволюции: в регионе действуют эволюционные механизмы развития, т. е. механизмы, аналогичные естественному отбору, наследственности и изменчивости. Кроме того, для эволюционного подхода ключевым условием является уже упоминавшаяся выше открытость исследуемой системы.

Дальнейшее развитие проблематики экономической безопасности с позиций эволюционного подхода на территориальном уровне для продолжения развития концептуальных основ ЭБР видится в рамках базовых концепций, как, например, эволюционная экономика (Фролов, 2020), эволюционная экономическая география (Boschma, Frenken, 2006). Этот и другие научные вопросы, связанные с развитием концептуальных основ ЭБР, планируется рассмотреть в рамках последующих публикаций автора.

Источники

- Акбердина В. В., Смирнова О. П. (2018) Экономическая безопасность региона: оценка и перспективы. Региональная экономика: теория и практика, т. 16, № 8, с. 1506–1517.
- Алчиан А. (2007) Неопределенность, эволюция и экономическая теория. В кн.: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., Изд. дом ГУ ВШЭ, с. 33–52.
- Артемьев Н. В. (2015) Эволюция доктрин экономической безопасности. Вестник Московского университета МВД России, № 4, с. 225–230.
- Валлерстайн И. (2006) Миросистемный анализ: Введение. М., Территория будущего, 248 с.
- Веблен Т. (2007) Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? В кн.: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., Изд. дом ГУ ВШЭ, с. 10–32.
- Иванов П. А. (2017) Оценка экономической безопасности региона (на примере Республики Башкортостан и Ивановской области). Национальные интересы: приоритеты и безопасность, т. 13, № 7, с. 1270–1282.
- Карпов В. В., Миллер М. А., Кораблева А. А. (2021) Концептуальные основы развития экономической безопасности региона. Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий, т. 10, № 3, с. 59–66.
- Кейнс Дж. М. (1993) Общая теория занятости, процента и денег. В кн.: Антология экономической классики. Т. 2. М., ЭКОНОМ, с. 117–432.
- Кислая Т. Н. (2021) Разработка научно обоснованной концепции управления экономической безопасностью региона. Научный результат. Экономические исследования, т. 7, № 4, с. 24–31.
- Латов Ю. В. (2007) Национальная экономическая безопасность в историческом контексте. Историко-экономические исследования, т. 8, № 1, с. 5–29.
- Лист Ф. (2005) Национальная система политической экономии. М., Европа, 382 с.
- Листопад М. Е. (2011) Эволюция представлений об экономической безопасности. Теория и практика общественного развития, № 3, с. 385–387.
- Нельсон Р., Уинтер С. (2000) Эволюционная теория экономических изменений. М., Финстатинформ, 472 с.
- Пребиш Р. (1992) Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., ИЛА, 337 с.
- Приходько Е. А., Пальчикова А. П. (2017) Оценка экономической безопасности региона (на примере Новосибирской области). Национальные интересы: приоритеты и безопасность, т. 13, № 7, с. 1258–1269.
- Скоморощенко А. А., Мышонкова Е. С., Колесник А. В. (2020) Обеспечение экономической безопасности региона на основе оценки угроз в реальном секторе экономики. Вестник Алтайской академии экономики и права, № 1-2, с. 101–106.
- Сюпова М. С., Бондаренко Н. А. (2019) Система индикаторов экономической безопасности региона. Вестник Тихоокеанского государственного университета, № 4, с. 67–80.
- Теория и практика оценки экономической безопасности (на примере регионов Сибирского федерального округа). Под общ. ред. В. В. Карпова, А. А. Кораблевой (2017). Новосибирск, Изд-во ИЭОПП СО РАН, 146 с.
- Феофилова Т. Ю., Большаков С. Н. (2014) Теория и методология экономической безопасности в региональном контексте. Сыктывкар, ГОУ ВО КРАГСиУ, 293 с.
- Фролов Д. П. (2020) Эволюционная экономика на пике и в кризисе: перспектива новой парадигмы. Журнал институциональных исследований, № 12 (1), с. 19–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.1.019-037
- Хасанов Р. Х., Кораблева А. А. (2019) Индекс экономической безопасности как инструмент оценки развития агропромышленных регионов. Экономическая политика, т. 14, № 6, с. 82–101. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-6-82-101.
- Шумпетер И. (2008) Теория экономического развития. М., Прогресс, 401 с.
- Э. де Сото (1995) Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., Catallaxy, 320 с.
- Boschma R. Frenken K. (2006) Why is economic geography not an evolutionary science? Towards an evolutionary economic geography. Journal of Economic Geography, № 6, pp. 273–302. DOI:10.1093/jeg/lbi022.
- Emmanuel A. (1972) Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade. New York, Monthly Review Press, 453 p.

References

- Akberdina V. V., Smirnova O. P. (2018) Ekonomicheskaya bezopasnost' regiona: ozenka i perspektivy [Economic security of the region: assessment and prospects]. Regional Economics: Theory and Practice, vol. 16, no. 8, pp. 1506–1517 (In Russian).
- Alchian A. (2007) Neopredelennost', evolyuciya i ekonomicheskaya teoriya [Uncertainty, evolution and economic theory]. V kn.: Istoki. Iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i processa [Origins. From the experience of studying economics as a structure and process]. Moscow, GU VSHE Publ. House, pp. 33–52 (In Russian).

- Artem'ev N. V. (2015) Evolyuciya doktrin ekonomicheskoy bezopasnosti [Evolution of economic security doctrines]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, no. 4, pp. 225–230 (In Russian).
- Boschma R. Frenken K. (2006) Why is economic geography not an evolutionary science? Towards an evolutionary economic geography. Journal of Economic Geography, no. 6, pp. 273–302. DOI:10.1093/jeg/lbio22.
- E. de Soto (1995) Inoj put'. Nevidimaya revolyuciya v tret'em mire [Another way. The invisible revolution in the Third World]. Moscow, Catallaxy, 320 p. (In Russian).
- Emmanuel A. (1972) Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade. New York, Monthly Review Press, 453 p. (In Russian).
- Feofilova T. Yu., Bol'shakov S. N. (2014) Teoriya i metodologiya ekonomicheskoy bezopasnosti v regional'nom kontekste [Theory and methodology of economic security in the regional context]. Syktyvkar, GOU VO KRAGSiU Publ. House, 293 p. (In Russian).
- Frolov D. P. (2020) Evolyucionnaya ekonomika na pike i v krizise: perspektiva novej paradigmy [The evolutionary economy at its peak and in crisis: the prospect of a new paradigm]. Journal of Institutional Studies, no. 12 (1), pp. 19–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.1.019-037 (In Russian).
- Hasanov R. H., Korableva A. A. (2019) Indeks ekonomicheskoy bezopasnosti kak instrument ocenki razvitiya agropromyshlennykh regionov [The Economic security index as a tool for assessing the development of agro-industrial regions]. Economic Policy, vol. 14, no. 6, pp. 82–101. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-6-82-101 (In Russian).
- Ivanov P. A. (2017) Ocenka ekonomicheskoy bezopasnosti regiona (na primere Respubliki Bashkortostan i Ivanovskoj oblasti) [Assessment of the economic security of the region (on the example of the Republic of Bashkortostan and the Ivanovo region)]. National interests: priorities and security, vol. 13, no. 7, pp. 1270–1282 (In Russian).
- Karpov V. V., Miller M. A., Korableva A. A. (2021) Konceptual'nye osnovy razvitiya ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Conceptual foundations for the development of economic security in the region]. Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies, vol. 10, no. 3, pp. 59–66 (In Russian).
- Keynes J. M. (1993) Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg [The general theory of employment, interest and money]. V kn.: Antologiya ekonomicheskoy klassiki [In: Anthology of Economic Classics]. Moscow, EKONOV Publ., vol. 2, pp. 117–432 (In Russian).
- Kislaya T. N. (2021) Razrabotka nauchno obosnovannoj koncepcii upravleniya ekonomicheskoy bezopasnost'yu regiona [Development of a scientifically based concept for managing the economic security of the region]. Research result. Economic Research, vol. 7, no. 4, pp. 24–31 (In Russian).
- Latov Yu. V. (2007) Nacional'naya ekonomicheskaya bezopasnost' v istoricheskom kontekste [National economic security in the historical context]. Journal of Economic history & History of economics, vol. 8, no. 1, pp. 5–29 (In Russian).
- List F. (2005) Nacional'naya sistema politicheskoy ekonomii [National system of political economy]. Moscow, Evropa Publ., 382 p. (In Russian).
- Listopad M. E. (2011) Evolyuciya predstavlenij ob ekonomicheskoy bezopasnosti [The evolution of ideas about economic security]. Theory and practice of social development, no. 3, pp. 385–387 (In Russian).
- Nel'son R., Uinter S. (2000) Evolyucionnaya teoriya ekonomicheskikh izmenenij [The evolutionary theory of economic change]. Moscow, Finstatinform Publ., 472 p. (In Russian).
- Prebish R. (1992) Periferijnyj kapitalizm: est' li emu al'ternativa? [Peripheral capitalism: is there an alternative to it?]. Moscow, ILA Publ., 337 p. (In Russian).
- Prihod'ko E. A., Pal'chikova A. P. (2017) Ocenka ekonomicheskoy bezopasnosti regiona (na primere Novosibirskoj oblasti) [Assessment of the economic security of the region (on the example of the Novosibirsk region)]. National interests: priorities and security, vol. 13, no. 7, pp. 1258–1269 (In Russian).
- Schumpeter J. (2008) Teoriya ekonomicheskogo razvitiya [Theory of economic development]. Moscow, Progress Publ., 401 p. (In Russian).
- Skomoshchenko A. A., Myshonkova E. S., Kolesnik A. V. (2020) Obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti regiona na osnove ocenki ugroz v real'nom sektore ekonomiki [Ensuring the economic security of the region based on the assessment of threats in the real sector of the economy]. Journal of Altai academy of economics and law, no. 1-2, pp. 101–106 (In Russian).
- Syupova M. S., Bondarenko N. A. (2019) Sistema indikatorov ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [The system of indicators of economic security of the region]. Bulletin of Pacific national university, no. 4, pp. 67–80 (In Russian).
- Teoriya i praktika ocenki ekonomicheskoy bezopasnosti (na primere regionov Sibirskogo federal'nogo okruga) [Theory and practice of economic security assessment (on the example of the regions of the Siberian Federal District)] (2017). Under total ed. V. V. Karpov, A. A. Korableva. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ. House, 146 p. (In Russian).
- Vallerstajin I. (2006) Mirosystemnyj analiz: Vvedenie [World System Analysis: Introduction]. Moscow, Territoriya budushchego Publ. House, 248 p. (In Russian).
- Veblen T. (2007) Pochemu ekonomicheskaya nauka ne yavlyaetsya evolyucionnoj disciplinoj? [Why is economics not an evolutionary discipline?]. V kn.: Istoki. Iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i processa [In: Origins. From the experience of studying economics as a structure and process]. Moscow, GU VSHE Publ. House, pp. 10–32 (In Russian).

Информация об авторе

Миллер Максим Александрович

Доктор экономических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе.
Омский научный центр Сибирского отделения
Российской академии наук, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-8650-9737.
E-mail: millerma@oscsbras.ru

Autor's information

Maxim A. Miller

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Deputy
Chairman on scientific work. Omsk Scientific
Center of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-8650-9737.
E-mail: millerma@oscsbras.ru

УДК 631.15:338.2
JEL Q18

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.23

Научная статья

О. В. Сергиенко¹

✉ sergienkooks@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Формирование стратегических решений для устойчивого социо-эколого-экономического развития аграрного сектора экономики

Аннотация: Научная задача исследования определяется тем, что каждый субъект Российской Федерации имеет свои уникальные особенности экономического, социального потенциала, свои природные факторы, поэтому нет единой методики оценки стратегического устойчивого развития. Система показателей устойчивости каждого региона, учитывая его специфику, должна базироваться на мониторинге динамического развития с учетом индивидуальных темпов роста в краткосрочной и долгосрочной перспективе, что отражает необходимость формирования стратегических реальных, релевантных сценариев развития региона и решений для устойчивого развития аграрной отрасли. В статье представлен анализ устойчивости развития муниципальных образований Омской области с позиции экономического, социального, экологического факторов. Автор приходит к выводу, что стратегические решения необходимо формировать с учетом повышения устойчивости развития комплекса задач экономической, социальной и экологической составляющей, разрабатывая комплекс решений в региональных стратегических программах развития Омской области с учетом данных мониторинга ключевых показателей развития, которые определяются системой мероприятий, обеспечивающих продовольственные рынки качественной сельскохозяйственной продукцией для сохранения жизнедеятельности и здоровья, обеспечивающих баланс экологических систем, структуру экономических взаимосвязей.

Ключевые слова: сельское хозяйство, устойчивое развитие, социо-эколого-экономическая система, методика оценки стратегической устойчивости, стратегические решения, социально-экономическая стабильность, стратегия устойчивого развития.

Дата поступления статьи: 2 марта 2023 г.

Для цитирования: Сергиенко О. В. (2023) Формирование стратегических решений для устойчивого социо-эколого-экономического развития аграрного сектора экономики. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 227–238. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.23.

Scientific article

O. V. Sergienko¹

✉ sergienkooks@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Formation of strategic decisions for sustainable socio-ecological and economic development of the agricultural sector of the economy

Annotation: The scientific task of the study is determined by the fact that each subject of the Russian Federation has its own unique features of economic, and social potential, and its own natural factors, therefore there is no single methodology for assessing strategic sustainable development. The system of sustainability indicators for each region, taking into account its specifics, should be based on monitoring dynamic development, taking into account individual growth rates in the short and long term, which reflects the need to form strategic real, relevant scenarios for the development of the region and solutions for the sustainable development of the agricultural industry. The article presents an analysis of the sustainability of the development of municipalities in the Omsk region from the standpoint of economic, social, and environmental factors. The author comes to the conclusion that strategic decisions need to be formed taking into account the increase in

the sustainability of the development of a set of tasks of the economic, social, and environmental components, developing a set of solutions in the regional strategic development programs of the Omsk region, taking into account the monitoring data of key development indicators, which are determined by a system of measures that provide food markets high-quality agricultural products for the preservation of life and health, ensuring the balance of ecological systems, the structure of economic relationships.

Keywords: agriculture, sustainable development, socio-ecological and economic system, methodology for assessing strategic sustainability, strategic decisions, socio-economic stability, sustainable development strategy.

Paper submitted: March 2, 2023.

For citation: Sergienko O. V. (2023) Formation of strategic decisions for sustainable socio-ecological and economic development of the agricultural sector of the economy. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 227–238. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.23.

Введение

Проблемы становления сельского хозяйства определялись государственной политикой, сформированной после кризиса 1998 года и девальвации рубля. Аграрная политика была основана на бюджетных ассигнованиях, и увеличение государственных расходов в аграрный сектор способствовало развитию внутреннего рынка с более качественной и доступной продукцией отечественных товаропроизводителей. Данные меры дали толчок к выходу из стагнации сельскохозяйственной отрасли, основным инструментом воздействия на активацию сельхозтоваропроизводителей, поддержание цен на продукты питания на уровне платежеспособного спроса стала ценовая разница между отечественными и импортными продуктами питания, цены на последние возросли в несколько раз.

Проблематика устойчивого развития с позиции экономических, социальных и экологических факторов изучена в трудах (Перский, Лепихин, 2014; Лапаева, Егорычев, 2014; Баландин, 2019; Ольховая, Шамилева, 2021; и др.).

Ученые, анализируя проблемы устойчивого развития, предлагают измерять «устойчивое развитие» совокупностью индикаторов, которые отражают динамику роста перечисленных факторов и определяются задачами, поставленными в каждом конкретном случае (Мартынов, 2013; Паршуков, 2021; Ускова, 2009; Корчагина, 2012; Громов, 2014; Шедько, 2015; Kundius, Pecuh, 2019; Semin, Kundius, Voronkova, 2018).

Актуальность исследований в области оценочных показателей для целей стратегического развития отрасли подтверждается научными исследованиями авторов в области изученности заявленной проблематики. Так, например, А. Д. Мурзин в своем исследовании предлагает использовать авторскую методику оценочных индексов на основе национальных данных, которая обосновывает оценку эффективности и развития аграрного производства, выявляя ограничивающие факторы отраслевого развития для разработки системы государственной поддержки отрасли и развития зеленого (экологически чистого) производства (Мурзин, 2021). С. И. Нестерова в своем труде демонстрирует модель интегральной оценки продовольственной безопасности региона на примере Самарской области, которая позволяет разработать рекомендации улучшения состояния АПК (Нестерова, 2015).

Методы

Методы исследования, используемые в настоящей статье, – синтез, статистический анализ, методы сравнения. Информационная база настоящего исследования – официальные статистические данные сборников Росстат.

Агропродовольственный рынок развивался в условиях ограничивающих ценовых барьеров, а поддержание оптимального уровня прибыли сельхозтоваропроизводителей обеспечивалось за счет увеличения субсидий. Аграрное производство, бесспорно, самая затратная отрасль экономики, и даже в развитых странах является дотационной, но итогами проводимых реформ остается основная тенденция: рентабельность сельского хозяйства обеспечивается за счет бюджетных субсидий, что вполне нормально для отрасли с высокими рисками и зависимостью от природно-климатических условий и биологических процессов. Аграрная отрасль сельского хозяйства

развивается в силу природно-климатических условий, которые в России неоднородны и характеризуются зонами рискованного земледелия, различными уровнями плодородия, разной динамикой осадков и благоприятной температуры воздуха и созданием условий для развития животноводства, поэтому логично, что в аграрной отрасли есть предприятия-локомотивы, имеющие устойчивую тенденцию высокодоходного производства, но большинство аграрных предприятий находятся на пороговом уровне развития, покрывая высокие затраты субсидиями и кредитными ресурсами (Аграрная Европа в XXI веке, 2015).

Для перехода на новый уровень развития отрасли сельскому хозяйству требуется адресная поддержка сельхозтоваропроизводителей посредством эффективных государственных программ с жестким целевым финансированием, так как проводимая ранее аграрная политика по усредненным показателям и фронтальная поддержка по принципу «справедливости» позволяет эффективным сельскохозяйственным организациям оставаться на достигнутом уровне без прогрессивного развития, а слабым и финансово неустойчивым сельхозорганизациям поддерживать тенденцию платежеспособности на уровне нулевой либо минимальной рентабельности (Voronkova, Kundius, 2019). Так, согласно официальной статистике открытого доступа Минсельхоза, рентабельность сельского хозяйства с учетом субсидий в 2022 году составила 20,9 %, снизив темпы на 4,7 %, в 2021 году этот показатель составил 25,6 %, в 2020 году – 21 %. Эффективность отрасли повысилась только на северо-западе РФ, где показатель рентабельности вырос до 20,9 с 13,9 % годом ранее и на Урале – до 10,3 с 9,1 % соответственно. Рентабельность предприятий аграрного производства Центрального федерального округа снизилась до 19,3 с 26,6 % годом ранее, Южного – до 34 с 39,5 %, Северо-Кавказского – до 19,3 с 26 %, Приволжского – до 19,2 с 21,3 %, Сибирского – до 24,2 с 30,3 %, на Дальнем Востоке – до 6 с 22,2 % в 2021 году. При этом субсидирование в 2022 году регионам РФ из федерального бюджета в отрасль сельского хозяйства по принципу «справедливого распределения» составило 145,79 млрд рублей, в 2021 году – 149,93 млрд рублей. Данные доказывают, что аграрная отрасль входит в этап кризисного развития и нерешенные проблемы прежних инструментов и мер регулирования не позволяют сформировать устойчивое развитие на современном этапе развития, так как, учитывая стратегические цели импортозамещения и продовольственной безопасности, отечественная продукция при более низкой стоимости труда и земельных ресурсов, за исключением зерновых, технических и масличных культур, является неконкурентоспособной на рынке без поддержки государства. Основная причина, ограничивающая опережающее поступательное развитие аграрной отрасли, – слабые инструменты государственного регулирования межотраслевых пропорций темпов роста цен на продукцию сельхозтоваропроизводителей и роста издержек производства, этот диспаритет цен не урегулирован и является условием хозяйствования начиная с реформ 90-х годов, сегодня темпы роста затрат превышают темпы роста цен в 2 раза.

Сельхозтоваропроизводители осуществляют производственную деятельность в условиях значительного повышения издержек из-за роста цен на удобрения, кормовые добавки, электроэнергию, транспортные услуги, упаковку, оболочку и другие составляющие себестоимости, соответственно, они вынуждены повышать цены на продукцию, но темпы роста издержек значительно превышают темпы роста цен, что не позволяет предприятиям АПК увеличивать рентабельность производства. В 2022 году рост издержек сельскохозяйственных предприятий по медианным оценкам их изменения составил 11,4 %. Точечное распределение бюджетных средств на поддержку аграрной отрасли не решает системной проблемы долгие годы. Так, например, выплата субсидий на возмещение части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей на 1 литр реализованного товарного молока, направленная на недопущение снижения объема производства молока, привела к обратному эффекту – спад поголовья, надоев и производства.

С 1 января 2023 года данная субсидия предоставляется в рамках стимулирующей части, при условии выбора региональными властями молочной отрасли как приоритетной с заключением соглашения с Министерством сельского хозяйства РФ и договора страхования поголовья. Разработанная программа поддержки дифференцирует производителей, направлена на стимулирование роста поголовья, но фактические статистические показатели таковы: в 2021 году снижение поголовья составило 1,3 % (-43,3 тыс. гол.), застраховано в 2022 году 1,1 млн поголовья

крупного рогатого скота, что составляет около 10 % от общего поголовья. В целом в динамике валовой добавленной стоимости по отраслям вклад в сельское хозяйство имеет положительный тренд. Вклад в ВВП в основных ценах составил в 2022 году 00,28 п.п. Государственная система субсидирования кредитов позволила на первых этапах реформ достичь положительных результатов роста, но в настоящее время данной меры недостаточно, хотя надо отметить, что субсидирование позволяет аграрным предприятиям сохранять достигнутые устойчивые темпы роста, но не повышать свою конкурентоспособность и наращивать объемы производства, так как для этого необходимо модернизировать всю инфраструктурную цепочку, чтобы не снижалась доля первичного производителя в конечной продукции.

В настоящее время хозяйственная деятельность предприятий аграрной отрасли характеризуется высокой зависимостью от рефинансирования, инерционностью производства, сопряженной с ростом затрат и невозможностью их полного покрытия без субсидий за счет получаемой прибыли. Структурный ценовой дисбаланс, вынуждающий продажи по ценам, не обеспечивает доход, необходимый для расширенного воспроизводства и перехода на инновационные технологии и новые продукты. Этот замкнутый цикл требует все больше бюджетных вливаний для поддержания достигнутого уровня устойчивого развития (Галанов, 2017). Устойчивое развитие сельского хозяйства необходимо рассматривать в зависимости от уровня хозяйственной деятельности: национальный, региональный, уровень отдельного сельхозтоваропроизводителя. Национальный уровень определяет приоритетные цели – равномерное социо-эколого-экономическое развитие с учетом оптимального удовлетворения жизненно необходимых потребностей общества, которые определяются национальной политикой государства в рамках реализации прав человека и гражданина на достойное существование (Мониторинг экономической ситуации в России, 2021).

Региональный уровень устойчивого развития характеризуется уровнем и качеством жизни, комплексным благоустройством территории, комфортной средой обитания, развитостью инфраструктуры и логистических центров, сохранением культуры и традиций.

Региональное устойчивое развитие напрямую связано с отраслевым развитием, так как каждый регион базируется на специализированных направлениях развития отраслей в зависимости от природно-климатических условий, ресурсной базы, человеческого капитала. Устойчивость развития определяется конкурентоспособностью и эффективностью хозяйственной деятельности предпринимательских структур, которые создают экономический фундамент жизнедеятельности отраслей и территории, совершенствуя социальную составляющую территории и возможности ее поступательного развития (Косников, 2019).

Развитие отрасли базируется на финансовой устойчивости, конкурентоспособности, достаточной норме прибыли микроуровня – хозяйствующих субъектов. Формирование стратегических и тактических решений для устойчивого социо-эколого-экономического развития аграрного сектора экономики должно включать программы развития всех вышеперечисленных уровней хозяйственной деятельности с учетом стратегического значения отрасли: продовольственная безопасность с одной стороны, а с другой, – особенность и специфика сельского хозяйства (Газизов, 2015).

Стратегические решения должны определяться с учетом исходной точки достижения уровня развития аграрной отрасли, а именно:

– развитие внутреннего рынка продукции агропроизводителей с учетом импортозамещения. Масштабы роста внутреннего рынка ограничены физиологическими нормами потребления продуктов питания, уровнем платежеспособного спроса, изменением предпочтений в культуре питания. Рост и опережающее развитие сельхозтоваропроизводителей невозможно без роста уровня культуры, уровня жизни и уровня доходов населения. Поэтому, достигнув определенной точки роста, сельхозтоваропроизводители не в силах резко увеличить внутреннее потребление, без осуществления комплекса мер в рамках национальной политики социально-экономического стратегического развития всего комплекса экономики региона, страны. Например, низкие доходы населения не позволят увеличить доходы сельхозтоваропроизводителей и перейти к расширенному инновационному производству;

– развитие внешних рынков определяется конъюнктурой и высокой конкуренцией. Для занятия ниши необходим уникальный продукт. Отечественное аграрное производство имеет

определенные преимущества – большие площади и запасы водных ресурсов для производства сельхоз- и экопродукции. Но для наращивания объемов производства необходим переход к инновационным технологиям точечного земледелия, реализации механизма снижения транзакционных издержек, повышения уровня рентабельности, созданию продуктов с высокой добавленной стоимостью и стимулированию сельхозтоваропроизводителей к производству новых видов продукции. Развитие экспорта сельскохозяйственной продукции необходимо для возможностей поступательного и опережающего устойчивого развития сельского хозяйства с учетом емкости внутреннего рынка и снятия напряжения, связанного с перенасыщением внутреннего рынка аграрной продукции в силу ограниченного её потребления. Стратегическое устойчивое развитие аграрной отрасли возможно при эффективном использовании естественных ресурсных преимуществ для повышения конкурентоспособности в условиях открытого рынка.

Достижение показателей высокой конкурентоспособности возможно лишь при условии модернизации и внедрения инноваций, технологии «умного», «цифрового» сельского хозяйства, которые требуют инвестиций. Инвестиционный механизм не может формироваться только за счет государственных субсидий, хотя на первом этапе такая поддержка крайне необходима. Это должны быть инвестиции сельхозтоваропроизводителей, заинтересованных в расширении объемов производства, которые будут возможны только при условии роста доходности. Для достижения темпов роста аграрной отрасли в 3 % необходим рост инвестиций на уровне 7–10 % в сопоставимых ценах.

Основными задачами аграрной политики являются: обеспечение достаточного уровня доходности сельхозпроизводителей при относительном росте цен реализации продукции в сочетании со сдерживанием инфляции и поляризации доходов населения, решение которых возможно посредством отказа от политики сдерживания роста цен на сельхозпродукцию в интересах потребителей и одновременно обеспечением поддержки потребления продовольствия за счет адресной помощи; стимулирование технологической модернизации сельскохозяйственного производства при целевом предоставлении погектарных субсидий с уровнем затрат на производство и ограничении финансовой господдержки сельхозтоваропроизводителей, работающих по устаревшим технологиям; изменение приоритетов в политике государственного управления от распределения финансовых ресурсов к стратегическому управлению развитием аграрной отрасли, оптимизации производительных сил с учетом точек роста и развития социальной инфраструктуры, повышения качества человеческого капитала с учетом возможности получения качественных образовательных, медицинских, культурных услуг (Цёхла, Почупайло, 2018).

Результаты

Разработанные программы развития сельских территорий позволяют расширять строительство сельской инфраструктуры с учетом подхода улучшения качества жизни и человеческого капитала на сельских территориях. Устойчивое развитие сельского хозяйства в рамках национальной экономики и его рост возможны только при создании условий, когда регионы со средним уровнем развития могли бы успешно развиваться вслед за развитыми. Формирование стратегических решений для устойчивого социо-эколого-экономического развития аграрного сектора экономики предполагает управление стратегической устойчивостью посредством комплексной оценки управленческой устойчивости, устойчивости конкурентных преимуществ, устойчивости комплекса сельхозтоваропроизводителей.

Важность показателя «Управление устойчивостью» в системе стратегических приоритетов субъекта РФ определяется оценкой качества реализации показателей разработанных и принятых стратегий и достижения целей развития, участия региона в стратегически важных проектах и программах. Так, Омская область является одним из крупнейших в Сибирском федеральном округе производителей сельскохозяйственной продукции. В структуре ВРП Омской области на долю сельского хозяйства приходится 8 %, обеспечивает занятость 8,6 % трудоспособного населения Омской области. Площадь сельскохозяйственных угодий составляет 6,4 млн га, или 49 % территории Омской области, площадь пашни – 4 млн га, из нее обрабатывается 83,1 %

(3,34 млн га). Уровень самообеспечения региона полностью обеспечивает внутренние потребности в зерне, молоке и молочной продукции, в мясе и мясопродуктах.

В целях управления устойчивостью Правительством Омской области разработана стратегия социально-экономического развития (Постановление Правительства Омской области от 12.10.2022 N 543-п (ред. от 22.03.2023) «О Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2030 года»), которая определяет основные направления устойчивого развития, в том числе и АПК Омской области. В стратегии выявлены основные «точки роста» и «дестимулы» устойчивого развития. Итак, основными проблемами и вызовами аграрной отрасли Омской области согласно утвержденному Постановлению являются: недостаточность ресурсной базы для обработки сельскохозяйственных угодий, вследствие чего в регионе не используется 16,9 % пашни, снижение плодородия почвы вследствие недостаточного уровня внесения органических и минеральных удобрений, высокий моральный и физический износ основных фондов и отстающие темпы модернизации технического и технологического обеспечения отрасли вследствие недостаточности собственных финансовых ресурсов и недостаточного уровня доходов сельхозтоваропроизводителей, высокие логистические издержки основных каналов реализации сельскохозяйственной продукции на межрегиональные и внешние рынки сбыта.

Показатель «Устойчивость комплекса сельхозтоваропроизводителей» отражает и определяет устойчивость аграрной отрасли Омской области, поэтому основными инструментами региональных и муниципальных органов власти должны стать эффективные механизмы поддержки бизнеса, которые напрямую связаны с основными показателями развития региона. Показатель «Устойчивость конкурентных преимуществ» показывает возможности региона для поиска точек роста аграрного сектора экономики при оптимальном использовании имеющихся ресурсов и преимуществ, включая инвестиционные и человеческие, направления усиления конкурентоспособности продукции сельского хозяйства.

Устойчивость комплекса сельхозтоваропроизводителей и его конкурентоспособности характеризуется показателями экономической деятельности (таблица 1). Объем производства сельхозпродукции в 2021 году вырос на 2 %, до 119 млрд рублей. По всем из них в 2021 году наблюдается положительная динамика. Объем реализованной продукции за год увеличился на 5,1 млрд рублей, или на 11,8 %. Прибыль получили почти 90 % организаций. Рентабельность с государственной поддержкой выросла с 15,1 % в 2020 году до 17,7 % в 2020 году. В 2021 году Омская область показала лучший результат в Сибири по качеству зерна пшеницы. В общем объеме производства пшеница третьего класса составила 63 %. Минимальный удельный вес прибыльных сельскохозяйственных организаций Омской области составил – 72,5 %, максимальный удельный вес убыточных сельскохозяйственных организаций – 27,5 %.

Таблица 1 – Экономический фактор устойчивого развития муниципальных образований Омской области, 2021

Table 1 – Economic factor of sustainable development of municipalities of the Omsk region, 2021

	Минимальные значения оценочного показателя среди сравниваемых муниципальных районов	Максимальные значения оценочного показателя среди сравниваемых муниципальных районов
Продукция сельского хозяйства, тыс. руб.	345,80	4 872 933,80
Индекс производства продукции сельского хозяйства, %	73,40	202,50
Удельный вес прибыльных организаций, %	72,50	100,00
Инвестиции в основной капитал, тыс. руб.	32 984,00	2 760 714,00
Удельный вес убыточных организаций, %	0,00	27,50

Интегральный показатель экономической устойчивости муниципальных образований по исследуемым результатам экономической деятельности показывает, что высокий уровень развития в интервале показателя от 1–0,5 имеют 40 % муниципальных образований; низкий уровень устой-

Рис. 1. Интегральный показатель экономической устойчивости развития

Fig. 1. Integral indicator of economic sustainability of development

Основные экономические индикаторы, отражающие устойчивое развитие в перспективном периоде, не смогут иметь положительную динамику роста без социального фактора развития сельских территорий и повышения качества человеческого капитала на селе. На экономическую и продовольственную безопасность огромное влияние оказывает ухудшающаяся экологическая обстановка, повышающая риски снижения здоровья населения, средней продолжительности жизни, рост смертности над рождаемостью и др. Повышение качества человеческого капитала посредством возможности получения качественного образования, медицинских услуг, доступа к культурным объектам обеспечат высокий уровень устойчивого развития жизни на сельских территориях, а значит, и отрасли в целом. Обеспечение и повышение экологической, продовольственной и экономической безопасности должны стать трансформирующими целями стратегического развития Омской области (рис. 1).

Таблица 2 – Интегральный показатель экономической устойчивости развития аграрной отрасли Омской области

Table 2 – Integral indicator of economic sustainability of the development of the agricultural sector of the Omsk region

Уровень устойчивого развития	Интегральный показатель экономической устойчивости	Муниципальные образования
Низкий	0,29–0,0	Большереченский, Большеуковский, Знаменский, Колосовский, Усть-Ишимский, Тюкалинский, Тевризский, Тарский, Седельниковский, Саргатский, Оконешниковский, Нижнеомский, Называевский, Муромцевский, Крутинский (15)
Средний	0,51–0,3	Одесский, Нововаршавский, Москаленский, Шербакульский (4)
Высокий	1–0,5	Азовский, Калачинский, Черлакский, Русско-Полянский, Полтавский, Павлоградский, Омский, Горьковский, Марьяновский, Кормиловский, Искилькульский, Таврический, Любинский (13)

Тенденция убыли сельского населения, которая существует в РФ на протяжении предыдущих двух десятилетий, также характерна и для Омского региона. Демографический фактор воспроизводства сельского населения жителей Омской области показывает отрицательные значения по всем (32) муниципальным образованиям. Наибольшая величина общего коэффициента рождаемости наблюдается в Искилькульском муниципальном районе, которая составляет – 11,5, при этом коэффициент смертности в данном муниципальном образовании составляет 19,1, а общий коэффициент естественного прироста имеет отрицательное значение – 7,6, самый низкий показатель коэффициента рождаемости зафиксирован в Седельниковском муниципальном районе –

7,6, коэффициент смертности –18,5. Необходимо отметить, что отрицательным фактором во всех муниципальных образованиях Омской области является устойчивая тенденция постоянного превышения коэффициента смертности над коэффициентом рождаемости. Демографические показатели в целом отражают очень слабую устойчивость развития, характеризующуюся высоким уровнем смертности, снижением доли численности населения трудоспособного возраста. На качество уровня жизни и здоровья оказывает большое влияние эффективная система здравоохранения, являющаяся значимой сферой социального развития. Сельские территории имеют преимущество экологически чистой среды обитания, возможности здорового питания продуктами подсобных личных хозяйств, но существенно испытывают дефицит в качественных медицинских услугах, в связи со слабой развитостью инфраструктуры сельских медицинских учреждений, деградации их материальной базы и недостатка квалифицированных специалистов в области медицины.

Цифровизация общественной и экономической жизни определяет необходимость обеспечения элементов социальной инфраструктуры сельских территорий современными каналами связи, доступность которых является неотъемлемым элементом модернизации и обеспечения устойчивого развития аграрной отрасли. Наиболее высокий показатель телефонизированных сельских населенных пунктов – в Омском муниципальном районе (86 шт.), самый низкий показатель зафиксирован в Одесском муниципальном образовании (19 шт.). Тенденции роста определяют тенденции устойчивого развития в долгосрочной перспективе, снижение показателя говорит об обратной динамике, убыли и миграции населения в города, миграции молодых перспективных квалифицированных кадров, опустошении территории и возникновении демографических пустынь.

Культурное развитие нации – неотъемлемый элемент и потенциал устойчивого эффективного развития национальной экономики и аграрной отрасли как части экономики страны. Игнорирование культурной составляющей в стратегическом экономическом развитии страны приводит к деградации человеческого общества, низкой экономической культуре и делает невыполнимым целевой ориентир – удовлетворение социально-экономических и культурных стандартов жизни сельского населения. Число организаций культурно-досугового типа муниципальных образований имеет интервал максимум – 53 шт., минимум – 16 шт.

Таблица 3 – Социоэкологические факторы устойчивого развития муниципальных образований Омской области, 2021 год

Table 3 – Socioenvironmental factors of sustainable development of municipalities of the Omsk region, 2021

	Минимальные значения оценочного показателя среди сравниваемых муниципальных районов	Максимальные значения оценочного показателя среди сравниваемых муниципальных районов
Численность населения трудоспособного возраста, чел	3 333	24 613
Естественный прирост	–711	–89
Общий коэффициент рождаемости	7,6	11,5
Общий коэффициент смертности	13,4	26,5
Общий коэффициент естественного прироста	–17,3	–4,8
Число телефонизированных сельских населенных пунктов, шт.	19	84
Число организаций культурно-досугового типа, шт.	16	53

Интегральный показатель социоэкологической устойчивости муниципальных образований по исследуемым результатам экономической деятельности указывает, что высокий уровень развития в интервале показателя от 1–0,5, имеет только Омский район (3,1 %), большую долю – 81,3% составляют муниципальные образования с низким уровнем устойчивого развития в интервале показателя от 0,24–0, средний уровень устойчивости имеют 15,6 % муниципальных образований Омской области (рис. 2).

Таблица 4 – Интегральный показатель социоэкологической устойчивости развития аграрной отрасли Омской области

Table 4 – Integral indicator of socio-environmental sustainability of the development of the agricultural sector of the Omsk region

Уровень устойчивого развития	Интегральный показатель социоэкологической устойчивости	Муниципальные образования
Низкий	0,24–0,0	Большереченский, Большеуковский, Горьковский, Знаменский, Калачинский, Колосовский, Черлакский, Усть-Ишимский, Тюкалинский, Тевризский, Тарский, Седельниковский, Саргатский, Русско-Полянский, Полтавский, Павлоградский, Оконешниковский, Одесский, Нововаршавский, Нижнеомский, Называевский, Муромцевский, Москаленский, Марьяновский, Кормиловский, Шербакульский (26)
Средний	0,51–0,25	Азовский, Таврический, Крутинский, Исилькульский, Любинский (5)
Высокий	1–0,5	Омский (1)

Рис 2. Интегральный показатель социальной устойчивости развития

Fig. 2. Integral indicator of social sustainability of development

Выводы

Положительная динамика экономического роста результатов хозяйственной деятельности сельхозтоваропроизводителей, развитая инфраструктура сельских территорий, качественное образование и возможность его получения сельскими жителями, высокий уровень здравоохранения, культуры, благоприятная окружающая среда – основа эколого-социально-экономического устойчивого поступательного развития АПК.

Комплексный мониторинг управленческой устойчивости, устойчивости конкурентных преимуществ, устойчивости комплекса сельхозтоваропроизводителей в рамках формирования стратегических инициатив должен учитывать следующие индикаторы:

– экологическая сфера – уровень эколого-экономического паритета, определяемый техноёмкостью, соотношением способности природных факторов производства выдерживать возлагаемую на них нагрузку, сохраняя и возобновляя их состояние. Негативные экологические тенденции способствуют повышению рисков причинения вреда здоровью человека, воспроизводственным функциям, снижению трудоспособности, что негативно влияет на продовольственную и экономическую безопасности населения;

– социальная сфера – уровень жизни населения сельских территорий, уровень образования и культуры, обеспечение модернизированного сельского хозяйства высококвалифицированными специалистами, возобновление роста численности населения сельских территорий.

Депрессивные муниципальные образования и неплатежеспособные сельхозтоваропроизводители Омской области являются дестимулирующим фактором, сдерживающим рост аграрной отрасли Омской области, снижающим уровень жизни населения, приводящим к росту бедности и смертности населения, социальной нестабильности. Согласно сформулированному закону развития организаций А. А. Богданова: «Если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью. Например, прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры – наименее быстроходным из ее судов и т. п. Согласно этому закону расширение хозяйственного целого зависит от наиболее отстающей его части». Этот закон относится ко всем системам.

– экономическая сфера – повышение стратегической устойчивости сельхозтоваропроизводителей (индекс роста валовой продукции, себестоимость, рентабельность отрасли, финансовая устойчивость). Без модернизации и инвестирования финансовых ресурсов в инновации шестого технологического уклада невозможен рост производства отрасли сельское хозяйство, рабочих мест и обеспечения стабильности в экономике аграрного сектора.

С помощью данных критериев оценивается устойчивое состояние аграрного сектора экономики с учетом совокупности признаков количественной и качественной оценки.

Приоритетным направлением работы региона в сфере развития агропромышленного комплекса, определенным Постановлением Правительства Омской области от 12.10.2022 № 543-п (ред. от 22.03.2023) «О Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2030 года», станет опережающее развитие экономического потенциала сельского хозяйства за счет следующих направлений стратегического развития:

1. Модернизация аграрного производства за счет внедрения инновационных технологий, а именно реализация проектов в области биотехнологий, предусматривающих строительство комплекса по глубокой переработке зерна, создания производства для синтеза бактериальной целлюлозы, ферм по производству хитозана и меланина; создания карбоновых ферм в сельском, лесном хозяйстве и смежных отраслях; применения высокотехнологичного производства семян зерновых культур для органического земледелия и диверсификации сельскохозяйственного производства созданием новых продуктовых линеек, соответствующим качественным характеристикам здорового питания, лечебно-профилактическим нормам, в том числе для детского питания; разработки и создания районированных новых сортов растений высокой урожайности в Сибирском регионе; внедрения инновационных цифровых, платформенных решений ресурсосберегающих технологий в производственные процессы агропромышленного комплекса региона.

2. Повышение эффективности базовых отраслей агропромышленного комплекса региона за счет обеспечения устойчивых промышленных производств продукции животноводства; внедрения роботизированных высокотехнологичных молочных комплексов с внедрением инновационных технологий содержания, кормления и управления стадом, вводом в действие новых мощностей по переработке мяса птицы и свинины; проведения своевременных и качественных лабораторных исследований животноводческой продукции на современной материально-технической базе ветеринарных служб; внедрения инновационных технологий производства и глубокой переработки овощей и семян отрасли растениеводства.

3. Рациональное использование земельных ресурсов, использование цифровых технологий для сохранения и увеличения плодородия почв земельных; развитие органического земледелия с учетом особенностей четырех природно-климатических зон Омской области.

4. Повышение конкурентоспособности сельхозтоваропроизводителей и содействие формированию экспортного потенциала агропромышленного комплекса Омской области за счет использования инновационных технологий, обновления материально-технической базы; формирования положительного имиджа и узнаваемости продуктов питания омского производства путем повышения их качества и соответствия международным требованиям; расширения возможностей сбыта продукции для сельскохозяйственных товаропроизводителей и продвижения продукции на наиболее привлекательные региональные и международные рынки.

5. Сохранение и развитие человеческого потенциала как одного из основных ресурсов развития сельских территорий, увеличение и привлечение высококвалифицированных специалистов в агропромышленный сектор экономики, снижение уровня безработицы сельского населения и сбалансированности рынка труда, в том числе посредством развития практики самозанятых; развитие социальной и культурной среды и благоустройства инфраструктуры обслуживания населения.

В стратегии указаны основные направления развития отрасли, но для ее эффективной реализации необходимо установить приоритеты развития различных видов аграрного бизнеса, определив ниши развития малых форм хозяйствования – крестьянских хозяйств и траекторию их устойчивого развития и повышения конкурентоспособности, и крупных аграрных товаропро-

изводителей. Управление стратегической устойчивостью сельхозтоваропроизводителей должно базироваться на реализации программного подхода государственной финансовой поддержки на основе проведения оценки стратегической устойчивости аграрных предприятий различных уровней бизнеса в условиях перехода к цифровой экономике.

Источники

- Аграрная Европа в XXI веке (2015) [Крылатых Э.Н. и др]; под общ. ред. Э. Н. Крылатых. Федеральное государственное учреждение науки – Институт Европы Российской Академии наук. М., Летний сад, 328 с.
- Баландин Д. А., Баландин Е. Д., Пыткин А. Н. (2019) Развитие сельских территорий региона на принципах зеленой экономики. Вопросы инновационной экономики, т. 9, № 3, с. 813–822.
- Газизов Р. М. (2015) Метод оценки сельских территорий и их типология на примере Красноярского края. Вестник АГАУ, № 3 (125), с. 195–201.
- Галанов Е. А. (2017) Механизмы и методы государственного регулирования аграрного сектора экономики. Молодой ученый, № 49 (183), с. 168–170.
- Громов Е. И. (2014) Методика социо-эколого-экономической оценки и прогнозирования параметров устойчивого развития аграрно-ориентированных территорий. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5, Экономика, № 3(150), с. 129–132.
- Корчагина Е. В. (2012) Методы оценки устойчивого развития региональных социально-экономических систем. Вопросы экономической теории. Макроэкономика, с. 67–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-otsenki-ustoychivogo-razvitiya-regionalnyh-sotsialno-ekonomicheskikh-sistem/viewer>
- Косников С. Н., Мелешко М. А. (2019) Оценка эффективности деятельности сельских территорий на основе рейтинговых моделей: монография. Краснодар, КубГАУ, 122 с.
- Лапаева М. Г., Егорычев С. А. (2014) Организационно-экономическая модель управления устойчивым развитием муниципальных образований. Вестник ОГУ, № 1 (162), с. 63–69.
- Мартынов К. П. (2013) Методика оценки устойчивости развития региональной аграрной сферы. Теория и практика общественного развития, № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-ustoychivosti-razvitiya-regionalnoy-agrarnoy-sfery/viewer>
- Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития (2021) № 1 (133). Январь. Под ред. В. С. Гуревича, С. М. Дробышевского, А. В. Колесникова, В. А. Мау, С. Г. Синельникова-Мурылева; Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 26 с. URL: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-1-133-yanvar-2021-g.html>
- Мурзин А. Д., Йижу Ли (2021) Социо-эколого-экономическая эффективность сельскохозяйственного производства в Китае. Экономика и экология территориальных образований, т. 5, № 3, с. 47–54. DOI: 10.23947/2413-14742021-5-3-47-54
- Нестерова С. И. (2015) Интегральная оценка продовольственной безопасности региона (на примере самарской области). Статистика и Экономика. № 6, с. 95–99. DOI: 10.21686/2500-3925-2015-6-95-99
- Ольховая Г. В., Шамилева Э. Э. (2021) Устойчивость сельского хозяйства как социо-эколого-экономической системы: региональный аспект. Экономика строительства и природопользования, № 3 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-selskogo-hozyaystva-kak-sotsio-ekologo-ekonomicheskoy-sistemy-regionalnyy-aspekt>
- Паршуков Д. В. (2021) Сельское хозяйство Красноярского края под влиянием фактора пандемии COVID-19: состояние, угрозы и риски безопасности. Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ, № 1. DOI: 10.36718/2500-1825-2021-1-46-64.
- Перский Ю. К., Лепихин В. В. (2014) Методологические подходы к оценке устойчивости предприятия как эколого-социо-экономической системы. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, № 39, с. 14–22.
- Ускова Т. В. (2009) Управление устойчивым развитием региона : монография. Вологда, 335 с.
- Цёхла С. Ю., Почупайло О. Е. (2018) Интегральная оценка эффективности функционирования предприятий Республики Крым в сфере производства лекарственного растительного сырья. Российское предпринимательство, т. 19, № 10, с. 3187–3200. DOI:10.18334/rp.19.10.39442.
- Шедько Ю. Н. (2015) Анализ методик оценки устойчивости развития территориальных социо-эколого-экономических систем. Современные проблемы науки и образования, № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18729>.
- Kundius V. A., Pecuh N. (2019) Digital economy in the agribusiness management and rural areas development. International Scientific and Practical Conference “Digitization of Agriculture – Development Strategy”. pp. 310–314.
- Semin A., Kundius V., Voronkova O. (2018) Production of Organic Production as the Strategic Resource of Export-oriented Agriculture. American Journal of Science and Technologies. January–April, 2018. No. 1(28), vol. X Contents: Agricultural Science, Geography & Economics, pp. 108–136.
- Voronkova O. Yu., Kundius V. A. (2019) Economic and Mathematical Modeling of the Process of Production of Quality Agricultural Products : QUALITY Access to Success, vol. 20, no, 173, pp.116–120.

References

Agrarnaya Yevropa v XXI veke (2015) [Agrarian Europe in the XXI century]; under total ed. E. N. Winged. The federal state institution of science is the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Summer Garden, 328 p. (in Russian).

- Balandin D. A., Balandin E. D., Pytkin A. N. (2019) Razvitiye sel'skikh territoriy regiona na printsipakh zelenoy ekonomiki [Development of rural areas of the region on the principles of green economy]. *Issues of innovative economics*, vol. 9, no. 3, pp. 813–822 (in Russian).
- Galanov E. A. (2017) Mekhanizmy i metody gosudarstvennogo regulirovaniya agrarnogo sektora ekonomiki [Mechanisms and methods of state regulation of the agrarian sector of the economy]. *Young scientist*, no. 49 (183), pp. 168–170 (in Russian).
- Gazizov R. M. (2015) Metod otsenki sel'skikh territoriy i ikh tipologiya na primere Krasnoyarskogo kraya [Method for assessing rural areas and their typology on the example of the Krasnoyarsk Territory]. *Vestnik AGAU*, no. 3 (125), pp. 195–201 (in Russian).
- Gromov E. I. (2014) Metodika sotsio-ekologo-ekonomicheskoy otsenki i prognozirovaniya parametrov ustoychivogo razvitiya agrarno-orientirovannykh territoriy [Methodology of socio-ecological and economic assessment and forecasting of parameters of sustainable development of agrarian-oriented territories]. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 5, Economics*, no. 3(150), pp. 129–132 (in Russian).
- Korchagina E. V. (2012) [Metody otsenki ustoychivogo razvitiya regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem] Methods for assessing the sustainable development of regional socio-economic systems. *Questions of economic theory. Macroeconomics*, pp. 67–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/methody-otsenki-ustoychivogo-razvitiya-regionalnyh-sotsialno-ekonomicheskikh-sistem/viewer> (in Russian).
- Kosnikov S. N., Meleshko M. A. (2019) Otsenka effektivnosti deyatelnosti sel'skikh territoriy na osnove reytingovykh modeley: monografiya [Evaluation of the effectiveness of rural areas based on rating models: monograph]. Krasnodar, Publ. KubGAU, 122 p. (in Russian).
- Kundius V. A., Pecuh N. (2019) Digital economy in the agribusiness management and rural areas development. *International Scientific and Practical Conference "Digitization of Agriculture – Development Strategy"*. pp. 310–314.
- Lapaeva M. G., Egorychev S. A. (2014) Organizatsionno-ekonomicheskaya model' upravleniya ustoychivym razvitiyem munitsipal'nykh obrazovaniy [Organizational and economic model for managing the sustainable development of municipalities]. *Bulletin of OSU*, no. 1(162), pp. 63–69 (in Russian).
- Martynov K. P. (2013) Metodika otsenki ustoychivosti razvitiya regional'noy agrarnoy sfery [Methodology of assessment of the development sustainability in the regional agrarian sector]. *Theory and practice of social development*, no. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-ustoychivosti-razvitiya-regionalnoy-agrarnoy-sfery/viewer> (in Russian).
- Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (2021) [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development], no. 1 (133). January. Ed. V. S. Gurevich, S. M. Drobyshevsky, A. V. Kolesnikov, V. A. Mau, S. G. Sinelnikov-Murylev; E. T. Gaidar Institute for Economic Policy, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 26 p. URL: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-1-133-yanvar-2021-g.html> (in Russian).
- Murzin A. D., Yizhu Li (2021) Socio-ecological and economic efficiency of agricultural production in China. *Economy and ecology of territorial formations*, vol. 5, no. 3, pp. 47–54. DOI: 10.23947/2413-14742021-5-3-47-54 (in Russian).
- Nesterova S. I. (2015) integrated estimation of food security in the region (by the example of Samara region). *Statistics and Economics*, no. (6), pp. 95–99. DOI: 10.21686/2500-3925-2015-6-95-99 (in Russian).
- Olkhovaya G. V., Shamileva E. E. (2021) Ustoychivost' sel'skogo khozyaystva kak sotsio-ekologo-ekonomicheskoy sistemy: regional'nyy aspekt [Sustainability of agriculture as a socio-ecological and economic system: a regional aspect]. *Economics of construction and nature management*, no. 3 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-selskogo-hozyaystva-kak-sotsio-ekologo-ekonomicheskoy-sistemy-regionalnyy-aspekt> (in Russian).
- Parshukov D. V. (2021) Agriculture of the Krasnoyarsk region under the COVID-19 pandemic factor influence: state, threats and security risk. *Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*, no. 1. DOI: 10.36718/2500-1825-2021-1-46-64 (in Russian).
- Persky Yu. K., Lepikhin V. V. (2014) Methodological approaches to the evaluation of enterprise's sustainability as an eco-socio-economic system. *National Interests: Priorities and Security*, no. 39, pp. 14–22 (in Russian).
- Semin A., Kundius V., Voronkova O. (2018) Production of Organic Production as the Strategic Resource of Export-oriented Agriculture. *American Journal of Science and Technologies*. January–April, 2018. No. 1(28), vol. X Contents: *Agricultural Science, Geography & Economics*, pp. 108–136.
- Shedko Yu. N. (2015) Analiz metodik otsenki ustoychivosti razvitiya territorial'nykh sotsio-ekologo-ekonomicheskikh sistem [Analysis of methods for assessing the sustainability of the development of territorial socio-ecological and economic systems]. *Modern problems of science and education*, no. 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18729> (in Russian).
- Tsyokhla S. Yu., Pochupaylo, O. E. (2018) Integrated assessment of efficiency of functioning of the enterprises of the republic of crimea in the sphere of production of medicinal vegetable raw materials. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, no. 19(10), pp. 3187–3200. DOI: 10.18334/rp.19.10.39442 (in Russian).
- Uskova T. V. (2009) Upravleniye ustoychivym razvitiyem regiona : monografiya [Management of sustainable development of the region: monograph]. Vologda, 335 p. (in Russian).
- Voronkova O. Yu., Kundius V. A. (2019) Economic and Mathematical Modeling of the Process of Production of Quality Agricultural Products : QUALITY Access to Success, vol. 20, no. 173, pp. 116–120.

Информация об авторе

Сергиенко Оксана Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.

E-mail: sergienkooks@mail.ru

Autor's information

Oksana V. Sergienko

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.

E-mail: sergienkooks@mail.ru

УДК 658.56 : 338.24.01
JEL L15, O14

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.24

Научная статья

С. М. Хаирова¹, М. К. Паравян¹✉

✉ marianna00788@mail.ru

¹Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, Российская Федерация

Инструменты трансформации бизнес-процессов в цепях поставок в условиях формирования цифровой экономики

Аннотация: Постоянно меняющиеся условия внешней среды требуют прогнозирования часто изменчивых ожиданий контрагентов цепи поставок. Актуальность исследования определяется необходимостью анализа и обобщения накопленного отечественного и зарубежного опыта, а также в недостаточной теоретической проработанностью данной проблематики. Появляется проблема обоснования инструментов, ориентированных на трансформацию бизнес-процессов, что предполагает глубокий пересмотр и интеграцию всех бизнес-процессов в области моделирования цепей поставок, способствуя не только совершенствованию бизнес-процессов, но и более радикальным изменениям, связанным с их трансформацией. Анализ отечественных и зарубежных работ по данной проблематике послужил методологической основой исследования, позволяющей на основе табличной визуализации обобщить результаты исследований ряда ученых. Проведены теоретические исследования трансформации бизнес-процессов цепей поставок на основе управления цепями поставок SCM и всеобщего управления качеством TQM с целью их совершенствования для трансформации цепей поставок в Индустрии 4.0. Определено, что концепции SCM и TQM между собой тесно связаны в решении проблем применения качественных бизнес-процессов. Одновременно устойчивости в цепях поставок отводится важная роль. В работе рассмотрены перспективные направления поиска формирования инструментов, позволяющих успешно создавать добавленную ценность для конечного потребителя в динамически меняющихся условиях неопределенности внешней среды, обеспечивая надежность и эффективность цепей поставок при цифровой трансформации в рамках концепций SCM, TQM.

Ключевые слова: инструменты трансформации бизнес-процессов, бизнес-процессы в цепях поставок, всеобщее управление качеством, Индустрия 4.0, цифровые цепи поставок, цифровые технологии в управлении цепями поставок.

Дата поступления статьи: 22 февраля 2023 г.

Для цитирования: Хаирова С. М., Паравян М. К. (2023) Инструменты трансформации бизнес-процессов в цепях поставок в условиях формирования цифровой экономики. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 239–250. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.24.

Scientific article

S. M. Khairova¹, M. K. Paravyan¹✉

✉ marianna00788@mail.ru

¹The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation

Tools for business processes transformation in supply chains in the context of digital economy formation

Abstract: Constantly changing environmental conditions require forecasting the volatile expectations of supply chain counterparties. The relevance of the study is determined by the need to analyze and generalize the accumulated domestic and foreign experience, as well as the lack of theoretical elaboration on this issue. There is a problem of substantiation of tools focused on the transformation of business processes; it involves a deep revision and integration of all business processes in the field of supply chain modeling, contributing not only to the improvement of business processes but also to more radical changes associated with their transformation. The analysis of national and foreign works on this issue served as the methodological basis of the study, which allows, on the basis of tabular visualization, to summarize the results of

research by a number of scientists. Theoretical studies of the transformation of business processes of supply chains based on supply chain management (SCM) and total quality management (TQM) have been carried out in order to improve them for the transformation of supply chains in Industry 4.0. It has been determined that the concepts of SCM and TQM are closely related to each other solving the problems of high-quality business processes application. At the same time, sustainability in supply chains plays an important role. The paper considers promising areas for searching for the formation of tools that allow you to successfully create added value for the end consumer in a dynamically changing environment of uncertainty, ensuring the reliability and efficiency of supply chains during digital transformation within the framework of the concepts of SCM, TQM.

Keywords: business process transformation tools, business processes in supply chains, total quality management, Industry 4.0, digital supply chains, digital technologies in supply chain management.

Paper submitted: February 22, 2023.

For citation: Khairova S. M., Paravyan M. K. (2023) Tools for transforming business processes in supply chains in the context of the formation of a digital economy. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 239–250. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.24.

Введение

Актуальность исследования связана с необходимостью поиска инструментов трансформации бизнес-процессов в цепях поставок в сторону политики импортозамещения в Российской Федерации. Востребованным становится применение информационных цифровых технологий для улучшения работы всей цепи поставок за счет автоматизации и усовершенствования бизнес-процессов с учетом лучших практик управления качеством.

Контрагенты должны добиваться выполнения общих показателей работы всей цепи поставок, а не ее собственных плановых показателей качества, что способно повысить добавленную ценность продукции или услуги для конечного потребителя товара. Регулирование качества бизнес-процесса в цепи поставок является интегрированной деятельностью, основанной на правиле логистики «7R», которая выполняет требования к качеству всей цепи поставок.

В Индустрии 4.0 цифровые технологии позволяют принимать верные решения в нужное время с помощью возможности использования большого количества источников данных для всех контрагентов при взаимодействии с региональной экосистемой. В мировой науке количество исследований по вопросам оптимизации бизнес-процессов цепей поставок в Индустрии 4.0 постоянно увеличивается, они в основном направлены на интеграцию бизнес-процессов всей цепи поставок или рассматривают оптимизацию в рамках какой-либо отрасли без учета необходимости цифровой трансформации указанных процессов в Индустрии 4.0. Усовершенствование бизнес-процессов включает управление и планирование. Следовательно, необходимо рассматривать все бизнес-процессы цепей поставок с целью их усовершенствования на основе концепций SCM и TQM при трансформации цепей поставок в Индустрии 4.0.

Методы

Работы отечественных и зарубежных ученых послужили теоретической, методологической базой для исследования подходов к оценке качества усовершенствования бизнес-процессов в цепях поставок, в том числе с использованием методов сравнения и применения различных инструментов трансформации бизнес-процессов. Табличная визуализация помогла обобщить и структурировать исследование, сделать обоснованные и достоверные выводы. Логическое обобщение научной литературы по теме исследования позволило систематизировать и обозначить основные проблемы, стоящие перед экономикой в условиях цифровизации.

Результаты

Статистические показатели цепи поставок как динамической системы

Цепи поставок можно рассматривать как динамические системы, т. е. как процесс, определяющий понятие состояния как совокупности некоторых величин в данный момент времени и как

закон, описывающий изменение начального состояния с течением всего времени. Им присущи такие же параметры, как и у динамических систем:

- функциональность;
- стимулируемость;
- изменчивость во времени;
- существование в меняющейся среде.

Ученый Р. О. Оморов описывает главные свойства управляемых динамических систем – чувствительность, робастность и грубость, которые взаимосвязаны между собой (Оморов, 2018). Чувствительность является в целом обратным по отношению к свойствам робастности и грубости. Отличие робастности от грубости заключается в том, что робастность предполагает любые конечные возмущения, а грубость, в свою очередь, – малые возмущения или близкие к невозмущенным состояния систем. Робастность представляется возможностью системы сохранять различные свойства на множестве систем, характеризующих различным методом при конечных параметрических или внешних возмущениях. В то время как грубость – это свойство систем сохранять качественную картину разбиения фазового пространства на траектории при малом возмущении топологий систем. Причина, по которой проблемы робастности и грубости представляют интерес в разнообразных областях науки и техники, связана с тем, что эти проблемы относятся к важнейшим свойствам систем, рассматриваемым при их реальном функционировании. В частности, это расширяет границы проблем, связанных со свойством грубости, связывая их с действием бифуркации и катастроф.

Главное противоречие в цепи поставок, предложенное исследователями (Антипов, Франковская, 2010), заключается в противоречии между производительностью и гибкостью. Производительность цепи поставок уменьшает запасы, в то время как гибкость – увеличивает запасы. Данное противоречие возможно устранить, используя робастные процессы на всех стадиях жизненного цикла продукции.

Отличие «робастных производственных процессов» (Амельев, 2016) от других процессов заключается в устойчивости к влиянию нежелательных факторов, а также в производстве и доставке качественного продукта своевременно в необходимое место в требуемом количестве для потребителя, не превышая при этом запланированный объем ресурсов. Применение «робастных производственных процессов» как в организации, так и в цепи поставок способно минимизировать затраты и брак на производстве при одновременном сокращении затрат, что способно в целом повысить добавленную ценность продукции. Эти процессы могут включать в себя процесс создания продукта, производящий необходимые предпосылки успешного производства, а также процесс серийного производства продукта, включающий контроллинг и регулирование процесса.

Еще один показатель цепи поставок как динамической системы – свойство жизнеспособности, основанное на понятиях надежности, устойчивости и гибкости цепи поставок, предложил Д. А. Иванов (Ivanov, 2020; Ivanov, Dolgui, 2020). За счет применения этого свойства цепь поставок поддерживает стабильность в условиях неопределенности, применяя перепроектирование структур и перепланирование производительности с долгосрочными последствиями.

Учеными были выделены мировые тенденции цифровой трансформации для цепей поставок с целью управления качеством – свойства триангулярности, синхромодальности и краудсорсинга (Bastas, Liyanage, 2018). Целью применения этих современных методов исследования информации в Индустрии 4.0 в управлении цепями поставок является применение цифровых технологий, необходимых для оптимизации бизнес-процессов, нацеленной на минимизацию логистических затрат при сохранении должного качества работы всех участников и процессов в цепях поставок.

На основе анализа высказываний ученых обобщены статистические показатели цепи поставок, которые представлены на рисунке 1.

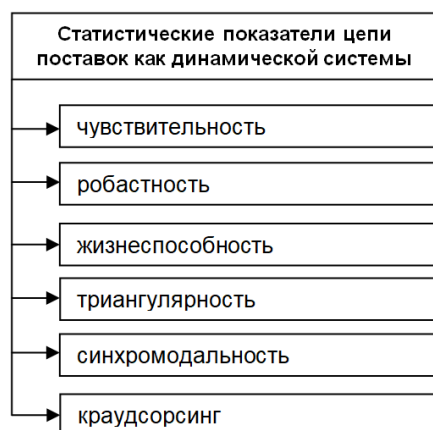

Рис. 1. Схема «Статистические показатели цепи поставок как динамической системы»

Fig. 1. Scheme “Statistical indicators of the supply chain as a dynamic system”

Эволюция интеграции управления качеством с управлением цепями поставок (отечественный и зарубежный опыт)

В научных исследованиях понятие «качество бизнес-процессов в цепях поставок» в соответствии с стандартом ГОСТ Р ИСО 9001-2015 с позиции управления цепями поставок практически не используется. Качеством бизнес-процессов цепи поставок называется интеграция всех бизнес-процессов цепи поставок, способная удовлетворить потребности как конечного потребителя готовой продукции, так и всех контрагентов цепи поставок с помощью ее конкурентоспособности и эффективного управления цепью поставок. Кроме этого данное качество зависит от всех ее участников из-за использования стандартизированных

процессов с применением постоянной системы контроля, а также от эффективности работы и планирования деятельности каждой организации в цепи поставок.

Качество бизнес-процессов в цепи поставок в условиях неопределенности – это один из показателей, влияющий на устойчивость функционирования всей цепи поставок при цифровой трансформации экономики и являющийся в то же время ее самым слабым элементом. Главной задачей всей цепи поставок является усовершенствование качества всех бизнес-процессов, а не ее отдельных логистических узлов, которые не способны обеспечить соответствующее качество и являются ограничителем мощности.

В современном мире концепции изменений на основе теории бифуркации в экономике организации нуждаются в постоянном поиске методов обеспечения высокого уровня качества и конкурентоспособности продукции или услуги. В условиях современного рынка предприятия конкурируют друг с другом за счет разработки и внедрения передовых технологий и систем управления на базе Индустрии 4.0. Управление качеством бизнес-процессов основано на устойчивости, отвечающей требованиям национального стандарта РФ ГОСТ Р ИСО 9001–2015, являющимся инструментом, позволяющим предприятиям и организациям формировать конкурентные преимущества высокого ранга на рынке. С. Бондаренко в исследовании разработали методологические и методические основы создания системы менеджмента качества бизнес-процессов на принципах устойчивости, отвечающей требованиям национального стандарта РФ ГОСТ Р 9001-2015, обеспечивающее сбалансированное удовлетворение потребностей для конечного потребителя за счет создания устойчивой ценности для всех контрагентов в цепи поставок (Bondarenko, 2022).

В зарубежной литературе появилась новая развивающаяся область исследований – концепция устойчивого управления качеством цепи поставок SSCQM, требующая более детального изучения и исследования взаимосвязей между ключевыми методологиями – управления качеством QM, управления цепями поставок (SCM) и управления устойчивым развитием (Bastas, Liyanage, 2018; 2021; Soltanmohammadi, 2021).

По мнению А. Бастаса и К. Лианаге, в настоящее время не проводились или выполнялось очень мало исследований, направленных на соединение концепций QM, SCM и SM для поддержки будущей разработки более целостных моделей управления (Bastas, Liyanage, 2018). Применение взаимосвязей между данными методологиями в будущем принесет пользу в любой области науки и техники.

В другой работе сказано, что интеграция управления качеством, сфокусированного на внутреннем участии руководителя и всех работников в организации, и управления цепи поставок, направленного на внешнее сотрудничество со всеми контрагентами цепи поставок, приводит к

синергетической среде. Цепь поставок является целостной структурой и между всеми звеньями в цепи поставок скоординирована работа для достижения должного качества всех бизнес-процессов в цепи поставок (Vanichchinchai, Igel, 2009).

В научном исследовании А. Бастаса и К. Лианаге определены факторы и трудности интеграции устойчивого развития на основе управления качеством и цепями поставок в производственных организациях с помощью целенаправленного исследования действий (Bastas, Liyanage, 2021). Главными задачами интеграции в действующие бизнес-процессы в организации при внедрении концепции SSCQM являются оптимизация и обновление существующих бизнес-процессов управления в рамках системы управления качеством с целью поддержания параметров устойчивости.

По данной методике, представленной в разработках А. Солтанмохаммади, инструменты управления качеством и ресурсы из теории, основанной на ресурсах RBV, интегрированы в устойчивую цепь поставок (Soltanmohammadi, 2021). А также в этом исследовании была изучена комплексная модель SSCQM, основанная на ресурсах и возможностях участников цепи поставок, а также – на возникшей между ними конкуренцией.

Роль TQM в концепции устойчивого управления цепями поставок SSCM способствует таким аспектам устойчивого развития в концепции SSCQM, как система управления качеством, ориентация на клиента, системы экологического менеджмента, межфункциональное сотрудничество, возможности цепи поставок, социальные вопросы.

Для совершенствования качества бизнес-процессов участников цепи поставок требуется применение цифровых технологий, включая робастность во все бизнес-процессы в организации. В современных условиях актуальной является система планирования ресурсов предприятия ERP, предложенная аналитической группой Gartner Group. Система планирования ресурсов предприятия (ERP-система) играет главную роль в развитии информационных потоков и улучшении контроля над ресурсами в организации в совокупности с управлением качеством, дающим значительное преимущество для каждого участника в цепи поставок (Хаирова, Потапова, 2015).

Зарубежные ученые предложили такие концепции соотношения ERP-систем с управлением качеством: концепция «Моделирования структурными уравнениями» SEM (Bongumusa Sebekhulu, Paul Ozor, 2022); модель применения ERP-систем для эффективной работы всеобщего управления качеством (TQM) на основе теории Мукерджи (Movahedi, Nouri Kouraei, 2011); методика применения ERP-систем в контексте управления качеством для управления знаниями (Imandra Galandere-Zile, 2004), которые необходимы для эффективного функционирования всех бизнес-процессов в цепи поставок, с тем чтобы потребитель смог получить качественный продукт с минимальными затратами на него и временем производства на всем жизненном цикле.

ERP-система и управление качеством неразрывно связаны между собой и координируют свою работу за счет того, что информационные технологии помогают передавать информацию в режиме реального времени с помощью применения методов управления качеством, связанных с достижением поставленных целей качества в организации. Концепция «Моделирования структурными уравнениями» SEM (Bongumusa Sebekhulu, Paul Ozor, 2022) устанавливает влияние управления качеством и ERP-систем на организационную культуру и организационную эффективность за счет взаимодействия, повышая при этом производительность всех контрагентов цепи поставок.

За счет применения ERP-системы в рамках реализации управления качеством обеспечивается автономная работа всех процессов и их взаимодействие с помощью цифровых технологий и новых инноваций. Применение ERP-системы в контексте CMK для управления знаниями (Imandra Galandere-Zile, 2004) является системой управления знаниями, повышающей при этом конкурентоспособность организации и увеличивающей прибыль организация, способствующей тем самым повышению добавленной ценности продукции. Целью данной разработки является анализ прямой и косвенной поддержки различных модулей и технологий ERP для управления знаниями и качеством, чтобы определить, какие решения и технологии ERP могут быть использованы в системе управления знаниями, ориентированной на качество.

Ряд авторов представляет синергию между принципами управления качеством в соответствии со стандартами ГОСТ Р ИСО 9004-2019, ГОСТ Р ИСО 28002-2019 для устойчивой цепи поставок с тройным итогом, предлагая необходимые дальнейшие исследования для проверки и подтверждения отношений, выявленных в их исследовании. В результате проведенного исследования в области интеграции взаимодействия между концепциями TQM и SCM в рамках применения цифровых технологий представлена обобщенная схема трансформации бизнес-процессов в цепях поставок (рис. 2).

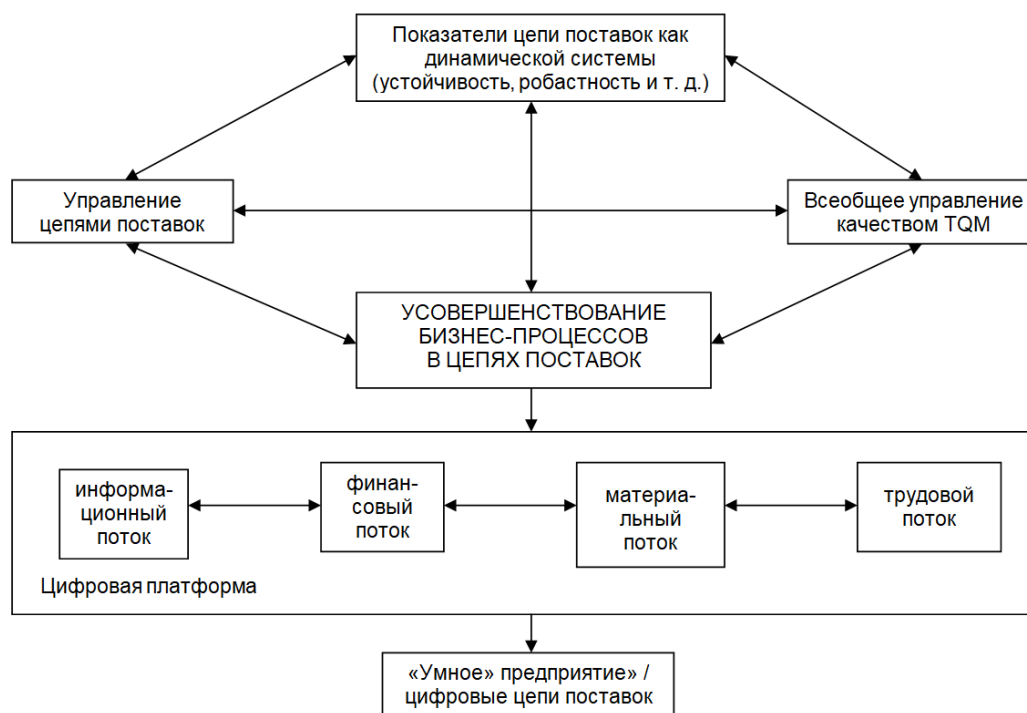

Рис. 2. Блок-схема «Усовершенствование бизнес-процессов в цепях поставок»

Fig. 2. Flowchart “Improvement of business processes in supply chains”

Применение Индустрии 4.0 в цепях поставок

Для решения задачи трансформации интегрированных бизнес-процессов в цепи поставок, а также для усиления взаимосвязи между контрагентами могут помочь цифровые технологии в логистике, т. е. применение Индустрии 4.0. Подход к цифровой трансформации во всех отраслях экономики представлен в стратегиях развития транспортной и строительной отраслей^{1, 2}, а также в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»³. В исследованиях рассматривается применение цифровых технологий в цепях поставок в рамках Индустрии 4.0 (Новицкая, 2021; Mohammadreza Akbari, John L. Hopkins, 2021; Dudukalov et al., 2021; Diessica Oliveira-Dias, Juan M. Maqueira-Marín, Jose Moyano-Fuentes, 2022; Lu Han, Hanping Hou, Z. M. Bi, Jianliang Yang, Xiaoxiao Zheng, 2021).

Индустрия 4.0 трансформирует бизнес-процессы компаний – участников цепей поставок, создавая благоприятную среду для внедрения инновационных подходов и современных концепций. Управление цепями поставок является ключевой концепцией теории современного управления. В современных условиях конкуренции компании становятся контрагентами системы поставок.

¹Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. 285 с.

²Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: проект распоряжения Правительства РФ: официальный сайт Минстроя России minstroyrf.gov.ru по состоянию на 28.10.2021).

³Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден советом при президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7.

Это привело ученых к поиску методов эффективного управления системами поставок для развития теории оптимизации бизнес-процессов цепей поставок в Индустрии 4.0, позволяющее выйти за пределы отдельных компаний с целью построения эффективных связей между контрагентами цепей поставок. В таблице систематизированы этапы развития логистики и управления качеством в рамках промышленных революций.

Этап эволюции логистики и управления качеством в рамках промышленных революций

The stage of evolution of logistics and quality management within the framework of industrial revolutions

	Логистика (В. А. Шумаев, 2016)	Управление качеством (И. А. Маркова, 2009)	Индустрия (Dr. Abhijit Chakraborty, 2022)
до 1949 г.	Разобщенность функциональных процедур и операций	Система Тейлора; Статистические методы	Индустрия 1.0 Индустрия 2.0 (самоконтроль; инспекция и контроль, военные стандарты)
1950–1959 гг.	Колебания рыночных уровней	Управление качеством	Индустрия 3.0 (программное обеспечение СМК для улучшения и планирования)
1960–1969 гг.	Сервис поставок		
1970–1979 гг.	Энергетический кризис, экспансия Японии в производстве и торговле	Комплексное управление качеством	Индустрия 3.0 (программное обеспечение СМК для улучшения и планирования)
1980–1989 гг.	Несовершенство и развитие планирования		
1990–1999 гг.	Признание коммерческой роли транспорта и снабжения	Всеобщее управление качеством	Индустрия 4.0 (непрерывное качество в реальном времени)
2000–2009 гг.	Развитие мировых интеграционных процессов		
2010–2019 гг.	Создание и развитие интермодальных логистических центров	Всеобщее управление качеством	Индустрия 4.0 (непрерывное качество в реальном времени)
2020 г. – настоящее время	Применение цифровых технологий в цепях поставок		
	Применение цифровых цепей поставок		
	Развитие интеграции устойчивого развития на основе управления качеством и цепями поставок (Ali Bastas, Kapila Liyanage, 2021)		
	Развитие концепции устойчивого управления качеством цепи поставок SSCQM (взаимодействие QM, SCM и SM) (Ali Bastas, Kapila Liyanage, 2021)		

На основании отечественных и зарубежных исследований по логистике и управлению цепями поставок исследуется уязвимость цепей поставок в связи с тем, что со временем логистические системы и цепи поставок становятся намного сложнее из-за высокой степени внутренней связанности системы. Однако чем сложнее система, тем более неточной или непонятной является информация, характеризующая ее, и значит, тем выше уровень неопределенности. Следовательно, оптимизация бизнес-процессов цепей поставок в Индустрии 4.0 должна быть направлена на повышение устойчивости и надежности всей цепи поставок (Хаирова, Паравян, 2022).

В статье В. Д. Новицкой определяются главные стратегические преимущества от Индустрии 4.0 для всех контрагентов в цепи поставок, такие как повышение эффективности функционирования за счет увеличения выручки и сокращения затрат; сокращение времени выхода на рынок новой продукции; улучшение качества продукта и его сервиса; увеличение доли рынка за счет достижения стабильного конкурентного преимущества (Новицкая, 2021). Эти ценности возможны за счет достижения стабильного конкурентного преимущества и бесперебойного взаимодействия между контрагентами в цепи поставок, а также с помощью оптимизации интегрированных потоков.

Темпы внедрения и потенциал роста новых цифровых технологий Индустрии 4.0, а также их потенциал для реализации успешных будущих инициатив в области устойчивого развития среди компаний, занимающихся цепями поставок, дают огромный спектр преимуществ в области устойчивого развития (Akbari, Hopkins, 2021).

В исследовании Е. В. Дудукалова с соавторами представлено прогнозируемое влияние цифровой трансформации на все процессы в цепи поставок, а также в данной работе описано влияние Индустрии 4.0 на эффективность и надежность всех процессов цепи поставок (Dudukalov et al., 2021).

В настоящее время в условиях цифровой трансформации экономики применение цифровых технологий в управлении цепями поставок, основанное на поиске конкурентного преимущества для организации и быстрого обмена информацией, резко возросло. Индустрия 4.0 помогает участникам цепи поставок в своих организациях сфокусироваться на своих планах, а также способствует взаимодействию между всеми участниками цепи поставок, повышая качество бизнес-процессов цепи поставок на стадиях жизненного цикла продукции, и кроме того, способна найти инновационные возможности для сотрудничества с другими организациями. Участники цепи поставок, например, могут упростить повторяющиеся задачи, способствуя тем самым экономии средств и изменениям во многих функциональных областях.

Очевидно, что отношение управления качеством и управления цепью поставок в Индустрии 4.0 необходимо внедрить на основе цифровых платформ. В последнее время в отечественной и зарубежной литературе встречается понятие «цифровые цепи поставок» (Сергеев В. И., Сергеев И. В., 2021; Дыбская, Сергеев, Лычкина, 2020; Лебедев, Карцева, Зверева, 2018), определяемое как возможность применения цифровых технологий и стратегических инвестиций организаций, позволяющих усовершенствовать бизнес-процессы цепи поставок. В научных трудах показывается референтная цифровая цепь поставок с точки зрения точных и своевременных интегрированных решений по планированию, которая может модифицировать линейную цепь поставок на основе SCOR-модели в цифровую многоструктурную цепь поставок (Сергеев В. И., Сергеев И. В., 2021; Дыбская, Сергеев, Лычкина, 2020).

Отличие цифровой цепи поставок от линейной заключается в применении цифровых технологий ИТ-систем данных на всей продолжительности цепи поставок, позволяющей при этом намного быстрее реагировать в режиме реального времени на отклонение в спросе и предложении, предвидеть риски и возможности. Оперативное сотрудничество происходит между заинтересованными сторонами, выходя за пределы бизнес-процессов.

На сегодняшний день при цифровой трансформации экономики трудности, связанные с точным и своевременным принятием решения по планированию с помощью методов интеллектуального взаимодействия, выявляя процессы, риски и предупреждения, облегчая их решения, способны выполнить цифровые цепи поставок.

Особенность построения цифровых цепей поставок заключается в ее преобразовании на всей протяженности цепей поставок на уровнях исполнения. Каждый участник цепи поставок и сотрудник в организациях должен обладать достаточным уровнем навыков применения цифровых технологий.

Большой объем работ и сложность, громоздкость являются одними из главных недостатков, связанных с применением цифровой цепи поставок. Применение цифровой трансформации при оптимизации цепей поставок может привести к проблемам в области гибкости, надежности и устойчивости. С другой стороны, Индустрия 4.0. за счет высокого уровня прозрачности, контроля, динамической конфигурации сети и редизайна обеспечивает интеллектуальную интеграцию технологий, процессов и контрагентов. Существенным преимуществом для применения цифровых технологий является способность отрасли создавать добавленную ценность для конечной продукции.

Цифровую цепь поставок возможно рассматривать как платформу, объединяющую различных участников цепи поставок и обеспечивающую реализацию рыночных стратегий, ориентированную на инновации, которые должны противостоять различным изменениям и повышать производительность и эффективность всей цифровой цепи поставок.

На рисунке 3 представлена обобщенная схема усовершенствования бизнес-процессов в цепи поставок на основе систематизации современных концепций.

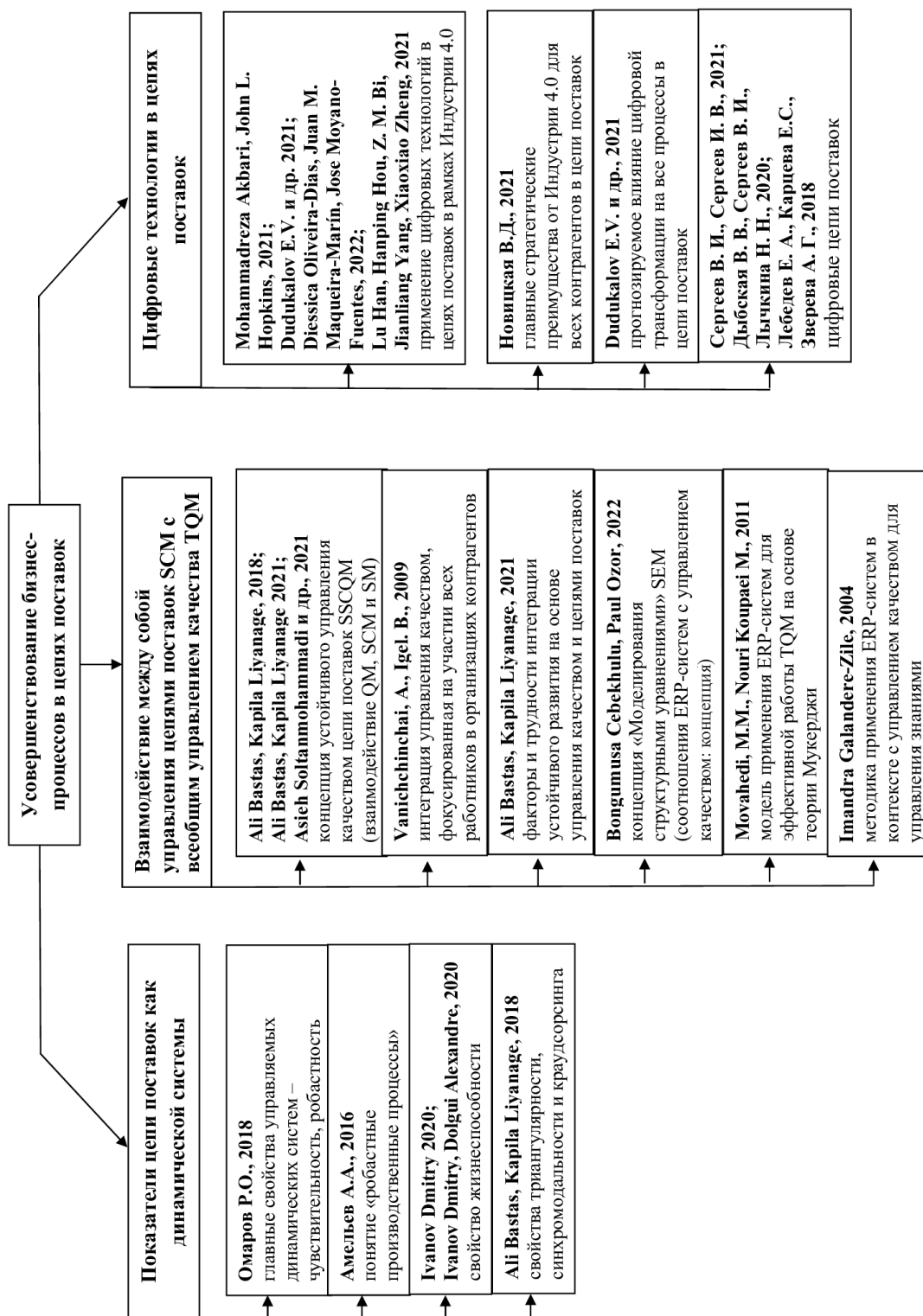

Рис. 3. Схема усовершенствования бизнес-процессов в цепи поставок на основе систематизации современных концепций
Fig. 3. Scheme of improving business processes in the supply chain based on the systematization of modern concepts

Выводы

Главную роль в рамках политики импортозамещения в Российской Федерации занимают цифровые технологии. Для автоматизации и цифровизации цепей поставок все чаще требуются цифровые технологии как источники инноваций после экстремальных потрясений, основанных на применении новых технологий с потенциалом поддержки устойчивого развития.

Научная новизна исследования заключается в выводе о необходимости нахождения эффективных инструментов, основанных на трансформации бизнес-процессов в цепях поставок при условии неопределенности на основе цифровой трансформации экономики с позиции управления качеством и теории устойчивости, которая отличается возможностью выявления различных вариантов оптимизации бизнес-процессов в условиях неопределенности.

Исследование отечественного и зарубежного опыта применения технологий в управлении цепями поставок с учетом управления качеством и устойчивости позволило обобщить и структурировать информацию в виде графических изображений.

Источники

- Амельев А. А. (2016) О робастных производственных процессах. Методы менеджмента качества. URL: <https://ria-stk.ru/mm/q/adetail.php?ID=99918>
- Антипов Д. В., Франковская Е. Г. (2010) Оценка качества цепи поставок. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление, № 1, с. 45–48.
- Дыбская В. В., Сергеев В. И., Лычкина Н. Н. и др. (2020) Цифровые технологии в логистике и управлении цепями поставок: аналитический обзор. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 190 с.
- Лебедев Е. А. Карцева Е. С., Зверева А. Г. (2018) Организация цифровых цепей. Евразийский Союз Ученых (ЕСУ), no. 4 (49), с. 59–62.
- Маркова И. А. (2009) Управление качеством. Омск, ИП Погорелова Е. В., 311 с.
- Новицкая В. Д. (2021) Цифровые цепи поставок 4.0. Логистика: форсайт-исследования, профессия, практика. Материалы II Национальной научно-образовательной конференции, 21 октября 2021. Санкт-Петербург, с. 157–164.
- Оморев Р. О. (2018) Чувствительность, робастность и грубость управляемых динамических систем. Изв. вузов. Электромеханика, Т. 61, № 4, с. 64–69. DOI: 10.17213/0136-3360-2018-4-64-69.
- Сергеев В. И., Сергеев И. В. (2021) Тренды цифровой трансформации цепей. Логистика и управление цепями поставок, № 6, с. 3–8.
- Скворцова Д., Зобнина О., Дю А. (2022) Современные тенденции развития технологий Индустрии 4.0 при управлении цепями поставок. Логистика, № 1, с. 32–36. DOI: 10.54959/22197222_2022_01_32.
- Хаирова, С. М., Паравян М. К. (2022) Развитие инноваций в управлении цепями поставок с целью их устойчивости в Индустрии 4.0. Сборник материалов V Национальной научно-практической конференции, 28–29 апреля 2022. Омск, СибАДИ, с. 330–334.
- Хаирова С. М., Потапова С. В. (2015) Особенности развития логистических бизнес-процессов в современных условиях. Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии, № 1 (41), с. 118–124.
- Шумаев В. А. (2016) Основы логистики. М., Юридический институт МИИТ, 314 с.
- Abhijit Chakraborty, Nabankur Mandal (2022) Introduction of industry 4.0 Introduction of industry 4.0. Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry, no. 12(09), pp. 8342–8350. URL: <https://www.researchgate.net/publication/361677365/>
- Ali Bastas, Kapila Liyanage (2018) Sustainable supply chain quality management: A systematic review. Journal of Cleaner Production, № 181, pp. 726–744. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.01.110.
- Ali Bastas, Kapila Liyanage (2021) Assessing the Enablers and Barriers to Quality and Supply Chain Management Based Approach to Sustainable Operations in the Manufacturing Context. Advances in Transdisciplinary Engineering, pp. 329–337. DOI: 10.3233/ATDE210057.
- Asieh Soltanmohammadi, Davood Andalib Ardakani, Paul A. Dionb, Biman Darshana Hettiarachchi (2021) Employing total quality practices in sustainable supply chain management / Asieh Soltanmohammadi. Sustainable Production and Consumption, no. 28, pp. 953–968. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.spc.2021.07.013> 2352-5509.
- Bondarenko S. (2022) Methodological foundations of creating a quality management system of business processes on the principles of sustainability at the fashion industry enterprise. Quality – Access to Success, no. 23 (186), pp. 252–261. DOI: 10.47750/QAS/23.186.33.
- Bongumusa Cebekhulu, Paul Ozor (2022) The influence of quality management and ERP systems on organisational culture and performance. Proceedings on Engineering Sciences, vol. 04, no. 1, pp. 41–50. DOI: 10.24874/PES04.01.007
- Diessica Oliveira-Dias, Juan M. Maqueira-Marín, Jose Moyano-Fuentes (2022) The link between information and digital technologies of industry 4.0 and agile supply chain: Mapping current research and establishing new research avenues. Computers & Industrial Engineering, no. 167, may 2022, 108000. DOI: 10.1016/j.cie.2022.108000.

- Dudukalov E. V., Terenina I. V., Perova M. V., Ushakov D. (2021) Industry 4.0 readiness: the impact of digital transformation on supply chain performance. *E3S Web of Conferences*. EMMFT-2020, no. 08020. DOI: 10.1051/e3sconf/202124408020.
- Imandra Galandere-Zile (2004) Applicability of ERP systems for knowledge management in the context of quality management. *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*, vol. 3084, pp. 276–289. DOI: 10.1007/978-3-540-25975-6_21.
- Ivanov Dmitry (2020) Viable supply chain model: integrating agility, resilience and sustainability perspectives – lessons from and thinking beyond the COVID-19 pandemic. *Annals of Operations Research*. DOI: 10.1007/s10479-020-03640-6.
- Ivanov Dmitry, Dolgui Alexandre (2020) Viability of intertwined supply networks: extending the supply chain resilience angles towards survivability. A position paper motivated by COVID-19 outbreak. *Journal of Production Research*. DOI: 10.1080/00207543.2020.1750727.
- Lu Han, Hanping Hou, Z. M. Bi, Jianliang Yang, Xiaoxiao Zheng (2021) Functional Requirements and Supply Chain Digitalization in Industry 4.0. *Information Systems Frontiers*. DOI: 10.1007/s10796-021-10173-1.
- Mohammadreza Akbari, John L. Hopkins (2021) Digital technologies as enablers of supply chain sustainability in an emerging economy. *Operations Management Research*. DOI: 10.1007/s12063-021-00226-8 3.
- Movahedi M. M., Nouri Koupaei M. (2011) A framework for applying ERP in effective implementation of TQM. *Middle-East Journal of Scientific Research*, no. 10(4). pp. 489–495. URL: <https://www.researchgate.net/publication/267408405>.
- Vanichinchai A., Igel B. (2009) Total quality management and supply chain management: similarities and differences. *The TQM Magazin*, vol. 21, no. 3, pp. 249–260. DOI: 10.1108/17542730910953022.

References

- Abhijit Chakraborty, Nabankur Mandal (2022) Introduction of industry 4.0 Introduction of industry 4.0. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*, no. 12 (09). pp. 8342–8350. URL: <https://www.researchgate.net/publication/361677365/>
- Ali Bastas, Kapila Liyanage (2018) Sustainable supply chain quality management: A systematic review. *Journal of Cleaner Production*, no. 181, pp. 726–744. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.01.110.
- Ali Bastas, Kapila Liyanage (2021) Assessing the Enablers and Barriers to Quality and Supply Chain Management Based Approach to Sustainable Operations in the Manufacturing Context. *Advances in Transdisciplinary Engineering*, pp. 329–337. DOI: 10.3233/ATDE210057.
- Amelev A. A. (2016) O robnostnykh proizvodstvennykh protsessakh [On robust manufacturing processes]. *Quality Management Methods*, February. Available at: <https://ria-stk.ru/mmqa/detail.php?ID=99918> (In Russian).
- Antipov D. V., Frankovskaya E. G. (2010) Otsenka kachestva tsepi postavok [Quality assessment of the supply chain]. *Science vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*, no. 1, pp. 45–48 (In Russian).
- Asieh Soltanmohammadi, Davood Andalib Ardakani, Paul A. Dionb, Biman Darshana Hettiarachchi (2021) Employing total quality practices in sustainable supply chain management / Asieh Soltanmohammad. *Sustainable Production and Consumption*, no. 28, pp. 953–968. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.spc.2021.07.013> 2352-5509.
- Bondarenko S. (2022) Methodological foundations of creating a quality management system of business processes on the principles of sustainability at the fashion industry enterprise. *Quality – Access to Success*, no. 23 (186), pp. 252–261. DOI: 10.47750/QAS/23.186.33.
- Bongumusa Cebekhulu, Paul Ozor (2022) The influence of quality management and ERP systems on organisational culture and performance. *Proceedings on Engineering Sciences*, vol. 04, no. 1, pp. 41–50. DOI: 10.24874/PES04.01.007
- Diessica Oliveira-Dias, Juan M. Maqueira-Marín, Jose Moyano-Fuentes (2022) The link between information and digital technologies of industry 4.0 and agile supply chain: Mapping current research and establishing new research avenues. *Computers & Industrial Engineering*, no. 167, may 2022, 108000. DOI: 10.1016/j.cie.2022.108000.
- Dudukalov E. V., Terenina I. V., Perova M. V., Ushakov D. (2021) Industry 4.0 readiness: the impact of digital transformation on supply chain performance. *E3S Web of Conferences*. EMMFT-2020, no. 08020. DOI: 10.1051/e3sconf/202124408020.
- Dybskaya V. V., Sergeev V. I., Lychkina N. N. et al. (2020) Tsfrovyye tekhnologii v logistike i upravlenii tsepyami postavok: analiticheskiy obzor [Digital technologies in logistics and supply chain management: an analytical review]. Moscow, ed. house of the Higher School of Economics, 190 p (In Russian).
- Imandra Galandere-Zile (2004) Applicability of ERP systems for knowledge management in the context of quality management. *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*, vol. 3084, pp. 276–289. DOI: 10.1007/978-3-540-25975-6_21.
- Ivanov Dmitry (2020) Viable supply chain model: integrating agility, resilience and sustainability perspectives – lessons from and thinking beyond the COVID-19 pandemic. *Annals of Operations Research*. DOI: 10.1007/s10479-020-03640-6.

- Ivanov Dmitry, Dolgui Alexandre (2020) Viability of intertwined supply networks: extending the supply chain resilience angles towards survivability. A position paper motivated by COVID-19 outbreak. *Journal of Production Research*. DOI: 10.1080/00207543.2020.1750727.
- Khairova S. M., Paravyan M. K. (2022) Development of innovations in supply chain management for its sustainability in Industry 4.0 [Razvitiye innovatsiy v upravlenii tsepyami postavok s tsel'yu ikh ustoychivosti v Industrii 4.0]. Collection of materials of the V National Scientific and Practical Conference, April 28–29, 2022 [Sbornik materialov V Natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 28 – 29 aprelya 2022]. Omsk, SibADI, pp. 330–334 (In Russian).
- Khairova S. M., Potapova S. V. (2015) Features of the development of logistics business processes in modern conditions [Osobennosti razvitiya logisticheskikh biznes-protsessov v sovremennykh usloviyakh]. *Bulletin of the Siberian State Automobile and Road Academy*, no. 1 (41), pp. 118–124 (In Russian).
- Lebedev, E. A. Kartseva E. S., Zvereva A. G. (2018) Organization of digital circuits [Organizatsiya tsifrovyykh tsepey]. *Eurasian Union of Scientists (ESU)*, no. 4(49), pp. 59–62 (In Russian).
- Lu Han, Hanping Hou, Z. M. Bi, Jianliang Yang, Xiaoxiao Zheng. (2021) Functional Requirements and Supply Chain Digitalization in Industry 4.0. *Information Systems Frontiers*. DOI: 10.1007/s10796-021-10173-1.
- Markova I. A. (2009) *Upravleniye kachestvom [Quality management. Course in schemes: study guide]*. Omsk, IP Pogorelova E. V., 311 p. (In Russian).
- Mohammadreza Akbari, John L. Hopkins (2021) Digital technologies as enablers of supply chain sustainability in an emerging economy. *Operations Management Research*. DOI: 10.1007/s12063-021-00226-83.
- Movahedi M. M., Nouri Koupaei M. (2011) A framework for applying ERP in effective implementation of TQM. *Middle-East Journal of Scientific Research*, no. 10(4). pp. 489–495. URL: <https://www.researchgate.net/publication/267408405>.
- Novitskaya V. D. (2021) Tsifrovyye tsepi postavok 4.0 [Digital Supply Chains 4.0]. *Logistika: foresayt-issledovaniya, professiya, praktika. Materialy II Natsional'noy nauchno-obrazovatel'noy konferentsii, 21 oktyabrya 2021 [Logistics: foresight research, profession, practice Logistics: foresight research, profession, practice. Materials of the II National Scientific and Educational Conference, October 21, 2021]*. St. Petersburg, pp. 157–164 (In Russian).
- Omorov R. O. (2018) Sensitivity, robustness and roughness of controlled dynamic systems [Chuvstvitel'nost', robnost' i grubost' upravlyayemykh dinamicheskikh sistem]. *Izv. universitets. Electromechanics*, vol. 61, no. 4, pp. 64–69. DOI: 10.17213/0136-3360-2018-4-64-69 (In Russian).
- Sergeev V. I., Sergeev I. V. (2021) Trends in the digital transformation of circuits [Trendy tsifrovoy transformatsii tsepey]. *Logistics and supply chain management*, no. 6, pp. 3–8 (In Russian).
- Shumaev V. A. (2016) *Osnovy logistiki: ucheb. Posobiye [Fundamentals of logistics]*. Moscow, Law Institute MIIT, 314 p. (In Russian).
- Skvortsova D., Zobnina O., Du A. (2022) Modern trends in the development of Industry 4.0 technologies in supply chain management [Sovremennyye tendentsii razvitiya tekhnologiy Industrii 4.0 pri upravlenii tsepyami postavok]. *Logistics*, no. 1, pp. 32–36. DOI: 10.54959/22197222_2022_01_32 (In Russian).
- Vanichinchai A., Igel. B. (2009) Total quality management and supply chain management: similarities and differences. *The TQM Magazin*, vol. 21, no. 3, pp. 249–260. DOI: 10.1108/17542730910953022.

Информация об авторе

Хаирова Саида Миндуалиевна

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, логистики и управления качеством, директор Института магистратуры и аспирантуры. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-5632-1589.
E-mail: saida_hairova@mail.ru

Паравян Марьяна Карапетовна

Аспирант. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ) г. Омск, РФ.
E-mail: marianna00788@mail.ru

Autor's information

Saida M. Khairova

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics, Logistics and Quality Management, Director of the Institute of Master's and Postgraduate Studies. The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-5632-1589.
E-mail: saida_hairova@mail.ru

Mariana K. Paravyan

Graduate student. The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation.
E-mail: marianna00788@mail.ru